

Новые тенденции в русском языке начала XXI века

Коллективная монография

Под редакцией *Л.В. Рацибурской*

4-е издание, стереотипное

Москва
Издательство «ФЛИНТА»
2016

УДК 811.161.1
ББК 81.2Рус
Н76

Авторы:

Т.Б. Радбиль, Е.В. Маринова, Л.В. Рацибурская, Н.А. Самыличева,
А.В. Шумилова, Е.В. Щеникова, С.Н. Виноградов

Рецензенты:

д-р филол. наук, проф., зав. кафедрой русского языка для иностранных
учащихся Южного федерального университета *С.В. Ильсова*;
д-р филол. наук, зав. кафедрой русского языка и культуры
речи Нижегородского государственного педагогического университета
им. К. Минина *Н.Е. Петрова*;
Московский педагогический государственный университет,
кафедра русского языка

Новые тенденции в русском языке начала XXI века [Электронный ресурс]:
колл. монография / под ред. Л.В. Рацибурской. — 4-е изд. стер.— М. : ФЛИНТА,
2016. — 304 с.

ISBN 978-5-9765-1810-0

В коллективной монографии «Новые тенденции в русском языке начала XXI века», подготовленной сотрудниками кафедры современного русского языка и общего языкознания Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, на большом фактическом материале предлагается комплексное описание инновационных тенденций в русском языке последних лет, охватывающее основные уровни языковой системы (лексику, словообразование, грамматику) и особенности их текстовой реализации.

Монография предназначена для студентов, магистрантов, аспирантов и преподавателей современного русского языка в высшей школе, школьных учителей русского языка, работников культурнопросветительских организаций, журналистов, а также всех, кто интересуется проблемами функционирования и развития современного русского языка.

УДК 811.161.1
ББК 81.2Рус

ISBN 978-5-9765-1810-0

© Издательство «ФЛИНТА», 2015
© Коллектив авторов, 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	4
Глава 1. Национально-обусловленные модели языковой концептуализации мира в русском языке последних лет	8
Глава 2. Освоение новых заимствований и сопутствующие процессы в русском языке начала XXI века.....	36
Глава 3. Новые тенденции в современном медийном словотворчестве	134
Глава 4. Семантические аспекты варьирования количественных и собирательных числительных в современном русском языке	222
Глава 5. Функционально-семантические и семиотические свойства текста	279

ПРЕДИСЛОВИЕ

В условиях новых коммуникативных потребностей и постоянно трансформирующейся социокультурной среды в русском языке последних лет продолжают происходить значительные изменения как на всех уровнях языковой системы, так и в ее речевой реализации в дискурсах разного типа. Очевидно, что язык является наиболее надежным средством диагностики социальных, политических, культурных процессов, происходящих в современном российском обществе. Наш язык — это своего рода лингвистический портрет современного общества со всеми его плюсами и минусами, в нем отражены идеология, система ценностей и предпочтений современного человека, его общий уровень образованности и культуры. Поэтому столь сложная и неоднозначная проблема описания и оценки новых явлений в русском языке представляется крайне **актуальной**: ведь понять то, что происходит сегодня в нашем языке и с нашим языком, означает во многом понять, что происходит с нами.

Именно этой теме посвящена коллективная монография «Новые тенденции в русском языке начала XXI века», подготовленная сотрудниками кафедры современного русского языка и общего языкознания Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. В монографии предложена модель комплексного описания инновационных тенденций в русском языке последних лет, охватывающая основные уровни языковой системы и особенности их текстовой реализации.

Открывается коллективная монография главой, написанной **Т.Б. Радбилем**, «**Национально-обусловленные модели языковой концептуализации мира в русском языке последних лет**». Автор задается вопросами: насколько серьезны изменения в русском языке сегодня и в какой мере они могут повлиять на судьбу нашего языка? Во зло они или во благо? В этой статье делается попытка концептуального осмысления новых явлений в лексике и грамматике русского языка последних лет через призму национально-специфичных способов языковой концептуализации мира, привычных для носителей именно русского языка, присущих именно русской модели мира. Проанализированный

материал демонстрирует, что, несмотря на обилие лексических заимствований и проникновение инокультурных моделей речевого поведения, русский язык в целом сохраняет традиционные способы смотреть на мир сквозь призму слова.

Оценке того, как в целом протекает процесс апроприации новых заимствований в лексико-семантической системе русского языка последних лет, посвящена вторая глава, подготовленная **Е.В. Мариновой**, «**Освоение новых заимствований и сопутствующие процессы в русском языке начала XXI в.**». В целом для состояния русского языка начала XXI в. отмечается продолжение «периода языковой нестабильности», связанного с активным внедрением в отечественные дискурсивные практики массива иноязычной лексики. Ведущим принципом адаптации иноязычного слова становится принцип, или закон, аналогии, согласно которому русский язык всё чаще принимает какое-либо конкретное слово уже как член какой-либо готовой парадигмы, микросистемы. Делается важный вывод о том, что общее направление адаптационных процессов «чужих слов» в русском языке новейшего периода проявляется в конкуренции иноязычных слов с лексическими единицами заимствующего языка, в стремлении органично влиться в систему и стать «своими».

Исследование новых явлений в области лексики органично дополняется и развивается анализом репрезентативного словообразовательного материала, представленным в третьей главе **Л.В. Рацибурской, Н.А. Самыличевой и А.В. Шумиловой** «**Новые тенденции в современном медийном словотворчестве**». Отметим неслучайность выбора именно дискурса масс-медиа — этой своего рода лаборатории языковых инноваций, выступающей в наши дни в качестве относительно автономной подсистемы общенационального языка, которая развивается особенно активно и динамично, демонстрируя наиболее характерные инновационные модели в области словоупотребления, новообразований и использования средств языковой выразительности. На богатом и разнообразном языковом материале авторы рассматривают такие важные тенденции современного медийного словотворчества, как интернационализация и демократизация, также анализируются словообразовательная структура новообразований и ее нарушение как средство экспрессивизации

текста, роль в этом процессе языковой игры и речевой агрессии и пр.

Среди разнообразных инновационных явлений в области грамматики в центр исследовательского внимания в данной монографии вполне закономерно помещаются семантические особенности варьирования значения и употребления некоторых форм «самой молодой части речи в русском языке» — имени числительного в новейший период развития русского языка, о чем идет речь в статье в четвертой главе, написанной **Е.В. Щениковой**, «**Семантические аспекты варьирования количественных и собирательных числительных в современном русском языке**». Автор приходит к важному выводу, что под влиянием семантических и прагматических факторов при выборе форм количественных числительных или форм собирательных числительных в современной русской речи регулярно происходят мотивированные отступления от общепринятых нормативных предписаний, что особенно ярко видно в текстах современной художественной прозы.

Анализ новых явлений в современной русской речи в данной монографии вполне логично завершает глава, подготовленная **С.Н. Виноградовым**, «**Функционально-семантические и семиотические свойства текста**», в которой на примере современных научно-технических текстов рассматриваются динамические модели текстопорождения и роль текстовых выборов повторяющихся лексических единиц в создании когнитивной структуры современного текста. Результаты анализа подтверждают тезис Ю.М. Лотмана о том, что текст обнаруживает черты интеллектуального устройства, что особенно ярко обнаруживается в современных моделях интертекстуальной и гипертекстуальной организации текстов — в системе гипертекстовых ссылок, в построении современной интернет-страницы и пр.

В целом анализ разнообразного и разноуровневого языкового и текстового материала, представленный в данной коллективной монографии, во многом опровергает одну из расхожих точек зрения на активные процессы в русском языке последних лет, которая состоит в том, что русский язык окончательно подпал под влияние «западных образцов», «погребен» под массивом многочисленных неоправданных заимствований и чуждых нам

инокультурных норм речевого и невербального поведения. Напротив, мы получили еще одно доказательство того, что любой развитый литературный язык с богатыми культурными традициями (к каковым, безусловно, следует отнести и русский язык) располагает значительным потенциалом аккумуляции «своего» и апроприации «чужого» — в сущности, все это только способствует процессам его дальнейшего обогащения и развития.

Не вызывает никакого сомнения, что коллективная монография «Новые тенденции в русском языке начала XXI века», предназначенная прежде всего для студентов, магистрантов, аспирантов и преподавателей современного русского языка в высшей школе, будет востребована филологическим научным сообществом, преподавателями других гуманитарных вузов различного профиля, учителями средней школы и работниками культурно-просветительских организаций, историками, культурологами, философами, журналистами, а также всеми, кто интересуется проблемами функционирования и развития современного русского языка.

Глава 1

НАЦИОНАЛЬНО-ОБУСЛОВЛЕННЫЕ МОДЕЛИ ЯЗЫКОВОЙ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ МИРА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

Т.Б. Радбиль

За последние годы под влиянием резко меняющейся социокультурной среды и в условиях постоянно возникающих новых коммуникативных потребностей русский язык претерпел и продолжает претерпевать серьезные изменения на всех уровнях языковой системы и ее речевой реализации в разных типах дискурса. Насколько серьезны эти изменения и в какой мере они могут повлиять на судьбу нашего языка? Во зло они или во благо? Эту проблему еще в 1993 г. очертил В.В. Колесов: «К сожалению, сегодня во многом наше мыслительное пространство искривлено неорганическим вторжением чужеродных ментальных категорий. Возможно, в будущем и они войдут в общую систему наших понятий, пополняя и развивая менталитет и язык. Однако рачительное и критическое отношение к этому процессу требует компетентности и осторожности» [Колесов 1993: 124].

Одна из расхожих точек зрения на активные процессы в русском языке последних лет состоит в том, что русский язык окончательно подпал под влияние «западных образцов», «погребен» под массивом многочисленных неоправданных заимствований и чуждых нам инокультурных норм речевого и невербального поведения. Однако подобная точка зрения не учитывает, что любой развитый литературный язык с богатыми культурными традициями (к каковым, безусловно, следует отнести и русский язык) располагает значительным потенциалом аккумуляции «своего» и апроприации «чужого», что в целом является залогом его дальнейшего обогащения и развития.

Указанные соображения приводят нас к попытке оценить, в какой мере активные процессы в новейшей речевой практике носителей русского языка соответствуют национально-обусловленным способам языковой концептуализации мира, закреп-

пленным в «опыте тысячелетий психологической и культурной интроспекции носителей языка» [Апресян В., Апресян Ю. 1993: 27], а в какой мере указанные процессы можно действительно трактовать как рефлексy «чужеродных» инокультурных влияний.

Теоретической базой предлагаемого подхода является развиваемая в лингвистике конца XX — начала XXI в. в рамках антропоцентрической парадигмы гуманитарного знания теория языковой концептуализации мира: «...в каждом естественном языке отражается определенный способ восприятия мира, навязываемый в качестве обязательного всем носителям языка. В способе мыслить мир воплощается цельная коллективная философия, своя для каждого языка» [Апресян 1986: 5].

На этом фоне складывается научный концепт «языковая картина мира», под которой принято понимать «совокупность представлений о мире, заключенных в значении разных единиц данного языка (полнозначных лексических единиц, “дискурсивных” слов, устойчивых сочетаний, синтаксических конструкций и др.), которые складываются в некую единую систему взглядов, или предписаний...» [Зализняк 2006: 206—207].

Многие исследователи писали о значимых для русского человека культурных смыслах, отраженных в семантике слов и выражений, грамматических категориях и синтаксических конструкциях обыденного языка [Вежицкая 1996; Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005 и др.]. Это и идея непредсказуемости мира, и идея неконтролируемости или ослабленности субъектного контроля за событием, это и своеобразие ценностной ориентации, при которой такие очевидно «общественно полезные» вещи, как, например, рациональность, амбициозность, «закрытость» внутреннего пространства от других (англ. *privacy*), деловитость и практичность, могут оцениваться отрицательно, поскольку они иррелевантны по отношению к нравственной составляющей указанных свойств, etc. Представляется, что вполне допустимо поставить вопрос, насколько релевантны эти и многие другие черты русского взгляда на мир, отраженного в языке, по отношению к современной языковой ситуации.

Мы будем исходить из точки зрения, согласно которой в сфере активных процессов в русском языке последних лет наблюдается противостояние двух диалектически противоречи-

вых тенденций. С одной стороны, для многих активных процессов, происходящих сегодня в лексике, словообразовании и грамматике нашего языка, характерно отражение именно русских принципов концептуализировать мир в языке. С другой стороны, наблюдаются и прямо противоположные тенденции, когда — то ли под влиянием изменившихся социокультурных и коммуникативных условий, то ли под влиянием инокультурных и «иноментальных» жизненных установок, активно проникающих в современное русское концептуальное пространство, — многие новые явления начинают отражать и не свойственные русскому взгляду на мир когнитивные, ценностные и мотивационно-прагматические ориентиры.

Наши наблюдения опираются прежде всего на языковые материалы Рунета (в их, так сказать, «неформальной части» чатов, блогов, форумов и пр.), а также на собственные наблюдения автора за живой русской речью последних лет.

Активные процессы в лексике и словообразовании. Очень характерно именно для русского типа языковой концептуализации действительности использование отглагольной лексемы, которая как бы охватывает всю ситуацию в целом или весь комплекс психических состояний лица, что отражает отмеченную во многих источниках ориентацию русской языковой картины мира на динамическое осмысление мира, на «повышенную глагольность». Так, окказионализм *догонялово* экспрессивно маркирует целый фрейм ‘аварийное столкновение двух машин на дороге, следовавших одна за другой’: *Видел сёня догонялово серебристого седана ВЗ в камаз (миксер) номер 215 (буквы не помню) на 3-ем транспортном кольце в районе Студенческого моста.*

Употребимость этого слова подтверждается его активным использованием для «схватывания» и других ситуаций. Оно, например, используется в значении ‘поездка на разных транспортных средствах с целью догнать поезд, от которого отстал (на который не попал) говорящий’: *Ведь кто-то мог пробить ж.д и ответить мне, и не было бы никакой поездки, никакого догонялова, никакого **напряга** людей в других городах...* Отметим что иным способом говорящий не смог бы выразить этот блок смыслов с такой емкостью и экспрессией.

Активность в языке «неформального сетевого общения» лексем типа *догонялово* подтверждается и контекстной омонимией, возникающей при употреблении этого же слова в других ситуациях и в других коммуникативных условиях: так, на форуме «Какое пиво вы потребляете?» встречаем актуализацию в этом словоупотреблении другой исходной семантики — просторечного значения *догоняться* ‘употреблять добавочные дозы спиртных напитков для достижения нужного говорящему состояния’: *Народное догонялово*.

О том, что можно говорить именно о новой тенденции, свидетельствует наличие в узусе модели образования подобных слов и от других глагольных основ: ...*брали завтрак, без него не бронируют, но из еды было лишь поилово типа кофе из машины...* Причем и эти лексеммы ведут себя подобно слову *догонялово*, т.е. обладают способностью маркировать разные ситуации и обозначать разный набор смыслов. Если в вышеприведенном примере перед нами значение ‘питье’, то в следующем уже обозначен целый фрейм ‘празднование, сопровождающееся (обычно) обильной выпивкой’: *Завтра супер-поилово — 50 лет нашей конторе*.

Активность модели доказывают также аналогичные образования типа *Дождись, завтра будет тебе и нажиралово!!! И поилово!!!* Нетрудно заметить, что в первой лексеме контаминируются два смысловых ряда: первый связан с прямым значением разговорного слова *нажираться* ‘обильно есть’, а второй — с просторечным переносным значением ‘обильно выпивать спиртное’, что усиливает смысловую емкость подобных словоупотреблений.

В этом плане также примечательно и широкое распространение в самых различных контекстах просторечной лексемы *напряг*, которая также с высокой степенью семантической емкости и экспрессии охватывает целый нерасчлененный комплекс психических состояний лица с доминирующей идеей ‘внутреннего собирания для совершения к.-л. действия’, специфичной для русской языковой картины мира (ср. рассуждения о глаголе *собираться* в книге [Шмелев 2002: 45—47]).

В области отражения активных процессов в глагольной сфере отметим следующее: для русского способа языковой концепту-

ализации мира характерно избыточное представление в глагольной лексеме: (1) либо образа предмета действия, (2) либо отношения говорящего к собственному действию.

Первое выражается в отмеченной еще В.Г. Гаком тенденции к «семантическому согласованию глагола с субъектом или объектом», когда русский язык различает, например, такие случаи: *Книга на столе лежит*, а *Стакан на столе стоит*, притом что французский язык использует для этого одно слово *mettre* с обобщенной семантикой ‘находится, помещается’ [Гак 1966: 81 и далее]. Это создает особую смысловую емкость и образность в концептуализации ситуации русскими глагольными конструкциями.

Нами отмечены некоторые активные процессы, развивающие данный тип концептуализации ситуации. Это выражается, например, в активном вхождении в речевую практику экспрессивных глагольных лексем (из жаргона или профессиональной речи), которые тем самым характеризуются значительной семантической емкостью: *Ведь кто-то мог пробить ж.д и ответить мне, и не было бы никакой поездки...* Здесь глагол «пробить» означает не просто ‘добыть некую информацию’, но и имплицитно включает в себя овеществленно-метафорическое представление образа адресата действия как объекта физического воздействия + характеристику действия со стороны его субъекта ‘приложить к этому значительные усилия’.

Второе выражается в том, что говорящий использует эмоционально окрашенный глагол, как правило, во вторично-метафорических значениях, для концептуализации вполне нейтрального действия или обычной ситуации, что создает повышенный «градус экспрессии» при описании этой ситуации. В плане инновационных тенденций этого типа можно, например, отметить широкое распространение глагола *умереть* (и его сниженных синонимических субститутов типа *сдыхать/подыхать* или, напротив, возвышенного *скончаться*) применительно к атрибутике Интернета или компьютерных технологий: *Жил-был сайт под названием e-fil. Жил. А теперь вот умер. Совсем умер, насмерть; Помогите, винчестер сдыхает!; Вчера скоропостижно скончался домашний комп.* Здесь метафорическая семантика ‘перестать функционировать (для устройства или меха-

низма)» обогащается некой интимно-личностной позицией говорящего по отношению к объекту (как к живому существу).

В области имен существительных тоже можно отметить одну любопытную инновационную тенденцию, которая, по-видимому, также может корениться в особенностях русского взгляда на мир. Это стремление говорящих маркировать эмоционально или ценностно значимый для них объект формой мужского рода, даже если в норме такая форма образована быть не может: ...*выхожу из «Кольца», а мой машин на эвакуаторе красуется...* Здесь можно видеть стремление говорящего «повысить» значимость объекта номинации за счет придания ему более «мужественной» формы рода. Ср. также: *Итак, вы самый настоящий... русал*, где говорящему понадобилась отсутствующая в языке номинативная единица для именованя лица мужского пола в целях эксплуатации значимых культурных коннотаций слова *русалка*.

Это можно квалифицировать как рефлекс своего рода **маскулиноцентричности** русского языка, отражающего в целом весьма архаичные типы языковой концептуализации мира в своей семантической сфере. Ср., например, известные аргументы в пользу этой точки зрения, состоящие в том, что идиоматичное сочетание *женская логика* выявляет отчетливо негативный оттенок смысла ('некачественная, не соответствующая норме логика') в противопоставлении не **мужской логике*, а просто *логике*; еще один аргумент состоит в констатации очевидной асимметрии употребления слов *вдова* — *вдовец*: так, раньше можно было сказать *вдова Ивана Петровича*, но нельзя **вдовец Анны Петровны* (пример Т.В. Бульгиной); кстати, в речи носителей английского языка наблюдается параллелизм в употреблении этих слов (да и в русском языке наших дней мы легко встречаем контексты типа *вдовец Людмилы Гурченко*, *вдовец Любови Полищук* и пр., что отражает изменение статуса женщины в общественном сознании).

Примечательно, что в целях повышенной экспрессии говорящие склонны менять на окказиональную форму мужского рода не только форму женского рода, но и даже среднего: *Мой ух!* (подпись под фото на форуме про пирсинг). Аналогично

использование формы *мяс в значении ‘кусок мяса’: *Прочесанный мяс перчим и солим обильно, поливаем соком 1-го лимона, помещаем под гнет на 3 часа.* То же видим и в случае с существительными *Pluralia Tantum*: *А я вот где-то белыми штанами каплю гудрона (черной смолы) поймал... Че делать? Жалко новый штан.* Обратим внимание, что здесь *штан вовсе не означает ‘одна брючина’, здесь *штан = штаны, но ‘эмоционально, ценностно значимые для говорящего по какому-л. признаку’.

А. Вежицкая в знаменитой книге «Русский язык» отмечает такую специфичную для русской языковой картины мира черту, как установка на эмоциональное и нравственно или оценочно окрашенное отношение к миру и к людям [Вежицкая 1996: 34—35], причем это проявляется даже в ситуациях, которые по логике требуют вполне нейтральной номинации.

Сегодня эта тенденция проявляется в активизации использования стилистически маркированных, экспрессивно насыщенных лексем в позициях, в общем, не требующих включения оценки говорящего: *Спроси Анаис, она должна подтвердить, она эксперт по младенческим взглядам.* Отметим, что часто такие словоупотребления носят несколько архаизованный характер. Актуализация архаических лексем в целях усиления экспрессии вообще парадоксальным образом расширяется в речи пользователей, которых трудно заподозрить в знании древнерусского языка: *...я про богово ни-ни... Токмо про кесарево...*

А. Вежицкая также в свое время отмечала и богатые возможности русского экспрессивного словообразования [Вежицкая 1996: 118—136], усматривая в этом склонность к включению субъективной эмоциональной или нравственной оценочности в обозначение лица посредством собственного имени. Думается, что эта тенденция распространяется и на отображение объективных вещей и событий посредством нарицательной номинативной единицы.

Можно отметить, что в русском языке последних лет активные процессы в области экспрессивного словообразования характеризуются тем, что из ряда номинативных единиц вместо стилистически нейтральной единицы немотивированно выбирается максимально нагруженное экспрессивной оценкой обозначение, при этом оно не просто выбирается, но создается в качестве окказио-

нализма: *Разве это обязывает его отказаться от обычной, средней квартиры с обоями чуть покраще и **меблюхой** чуток деревяннее?* Нетрудно видеть, что контекст, в общем, не требует столь яркой экспрессивности на фоне нейтральных *квартира* и *обои*.

Также сегодня активно используется типично русский способ концептуализации множества как нерасчлененного целого посредством собирательных форм с суффиксом *-J-*, которые сами по себе обладают максимумом экспрессии: *Войлочная вишня, миндаль и другое **цветье**. Мне всё это очень нравится.*

Инновационная тенденция в использовании этих форм состоит в том, что они используются просто как экспрессивные субституты нейтральных лексем без значения реальной собирательности: *Сколько **шкафье** стоило не скажу — самая навороченная дверь немана с самыми навороченными замками и то дешевле...* Здесь **шкафье* — не ‘нерасчлененная совокупность шкафов’, а просто ‘шкаф, имплицитно включающий экспрессивную реакцию говорящего’. Речь может идти о своеобразной экспансии этих форм, которые вытесняют нормальные лексемы в единственном числе или, как в следующем случае, обычные *Pluralia Tantum*: *...а широкое **штаньё** тебе реально пойдёт, ога [=просто штаны].*

С другой стороны, в активных процессах, имеющих место сегодня в лексической сфере, можно видеть и противоположные явления, отражающие уже инокультурные и «иноментальные» влияния. Прежде всего это заключается в некритическом усвоении в русской речевой практике моделей словообразования и синтаксических схем, не свойственных русским нормам и принципам речевого общения.

Так, например, можно отметить немотивированное (и, добавим, семантически неадекватное) повсеместное использование иноязычной приставки *анти* в значении *не* (реальная ее семантика — ‘против’) применительно к самым обычным объектам или признакам: *...очередной **антихороший** и **антиумный** фильм российского кинематографа; Ну и, как факт, «Зенит» показал, что такое **антихороший** футбол — и это когда выделяется Денисов!; Угу, а как писатель вы **антихороши**?*

Подобные случаи разрушают не только словообразовательную и лексико-семантическую систему языка, но и привносят в рус-

ский взгляд на вещи не свойственные ему способы концептуализации действительности. Чтобы пояснить эту мысль, мы бы хотели остановиться на слове *плюс*. Как известно, еще Дж. Оруэлл в своем «новоязе» предлагал заменить весь многообразный спектр языковой оценочности использованием принципиально безликих и исключающих какую-либо эмоционально-экспрессивную интерпретацию слов *плюс* и *минус* в качестве префиксов или наречий качественной оценки. Сегодняшняя русская речевая практика не приснилась бы Оруэллу и в страшном сне: *Плюс Фильм студио; Все права принадлежат Питомник-плюс; «Работа Плюс» — найди работу первым!*

Оставляя в стороне вопрос о морфемном и грамматическом статусе этих компонентов, использование которых идет явно вразрез с нормами русского языка, отметим особенности концептуального характера. Дело в том, что употребление слова *плюс* при концептуализации ценностного компонента языковой картины мира представляется нам прямо противоположным по отношению к исходным концептуальным установкам, присущим русскому способу языковой концептуализации мира. Это «холодно-рационалистическая» оценка, лишенная эмоционально-экспрессивной субъектной реакции на изображаемое и нравственно окрашенной координаты, потому что изначально, в пресуппозитивном компоненте, содержит в себе лишь элемент количественной оценки (в системе «много / мало»), что вовсе не означает качественного приращения.

Тем более что в таких, например, употреблениях, как *Ассоциация детских лагерей «Дети плюс»*, могут возникать и непредусмотренные «авторами» фоновые ассоциации. Так для указанного названия при желании можно усмотреть и такую интерпретацию: существует в пресуппозиции какое-то невербализованное основное занятие для детских лагерей плюс еще и дети.

Особенно нежелательно для русского языкового сознания проникновение таких элементов в сферу так называемой экзистенциальной оценочности, когда в терминах *плюс / минус* начинают интерпретироваться такие вечные ценности, как любовь, добро, семья и пр. Ср., например, жутковатое: *XXI Портал для всей семьи «Мама Плюс»*.

Также тревожной видится дальнейшая экстраполяция подобных оценочных номинаций из языка рекламно ориентированных названий и заголовков в обыденную речевую практику носителей языка. Ср. прямо-таки оруэлловскую фразу на одном из форумов: *Потом тема была удалена как плюсплюс антихорошая.*

Противостояние двух отмеченных противоположных тенденций как своеобразная борьба «старого» и «нового» в русском языке последних лет отражается и в сфере языковой концептуализации внутреннего мира человека, главным образом в сфере языковой концептуализации эмоций и ценностей. Это, в частности, проявляется в том, что в одной из наших работ обозначено как **«языковое сопротивление» новым ценностям** в современной русской речи [Радбиль 2012: 340—341].

Мы исходили из того, что необходимо разграничивать ценности индивидуального или социально-группового характера, которые выступают как феномены экстралингвистические, привносимые в узус авторитетными социальными движениями, политическими течениями или «давлением» СМИ, и ценности, которые непосредственно закреплены в сфере лексической и грамматической системы национального языка или речевой практики, узуса. Так, например, известно, что в современном обществе в духе тенденций политкорректности и толерантности формируется тренд терпимого и даже позитивного отношения, например, к лицам нетрадиционной сексуальной ориентации, но естественный язык пока не отражает этих «прогрессивных изменений», еще не выработал соответствующих номинативных единиц и коннотаций. При этом отметим, что существование обтекаемых эвфемизмов и других искусственных языковых образований как раз свидетельствует в пользу устойчивой негативно-оценочной коннотированности данных явлений, по крайней мере в языке, в его «наивной аксиологии».

Примечательна глубокая характеристика подобной ситуации несовпадения — и даже полного расхождения — требований идеологии определенной части общества и наличной системы оценок в языке, данная Н.Д. Арутюновой. Н.Д. Арутюнова показывает, как естественный язык словно сопротивляется попыткам философа Иеремии Бентама найти нейтральные дескрипции, столь необходимые для его теории, для таких отрицательных

номинаций, как *сладогострастие* и *скудость*. Н.Д. Арутюнова заключает: «Таким образом, наука нравственности, покуда она пользуется естественным языком для формулировки своих положений, должна заботиться о том, чтобы сообразовываться со значениями слов, иначе создаваемый текст не может не оказаться насыщенным противоречиями аксиологического плана: то, что автор считает хорошим, язык квалифицирует как дурное. Сколько бы не утверждал Бентам, а впоследствии сторонники так называемого разумного эгоизма, что польза и благо — это одно и то же, язык с этим не согласится, и последнее слово в этом вопросе останется за ним» [Арутюнова 1999: 151—152].

Почему же последнее слово остается за языком? Да потому, что именно язык представляет собой спрессованный опыт многовековой интроспекции его носителей, т.е. то, что наиболее значимо и доказало свою жизнеспособность в процессе взаимодействия человека с враждебной средой, его духовной эволюции в истории и культуре, тогда как идеологиям и теориям свойственно ветшать и отмирать в борьбе с другими идеологиями и теориями.

Иными словами, расхождения между ценностями, декларируемыми в угоду модным идеологическим и культурным трендам или социальным реалиям, и их реальной оценкой в языке могут быть существенными. Так, в последнее время в отечественном социокультурном пространстве во многом под влиянием инокультурных, западных образцов активно пропагандируются исконно чуждые русской концептосфере ценности индивидуализма, карьеризма, амбициозности, утилитаризма и пр. Однако в языковой концептуализации указанных явлений обнаруживается их определенное отторжение, неприятие посредством возникновения нерелевантной, неосознанной отрицательной оценочности при употреблении номинативных единиц подобного типа.

Ведь «подлинная», «реальная» языковая оценка должна быть чем-то вроде неассертивного компонента смысла слова или выражения, выявляемого из совокупности таких контекстов употребления данной единицы, которые по тем или иным причинам могут рассматриваться как релевантные для актуализации именно оценочной семантики, в иных контекстах не проявляющейся или нейтрализованной. Такие репрезентативные контексты и будут

служить «тестами» как на само наличие языковой оценочности, так и на ее «знак» («плюс» или «минус»).

Мы обнаружили такие объективные языковые свидетельства, так называемые репрезентативные контексты, способные выявить наличие в некоей единице языка имплицитной оценочности, негативной или позитивной, которая будет именно объективно языковой оценочностью, заданной специфично языковыми средствами ее экспликации, независимо от «новейших» авторитетных идеологических, культурных или политических установлений. К таковым контекстам следует, на наш взгляд, отнести употребление оценочного метаязыкового комментария *в хорошем смысле (этого) слова*. По нашим наблюдениям, его употребление в дискурсе является сигналом неявной, во многом неосознанной оценочной реакции говорящего на номинативную единицу, причем реакции сложной природы. Употребляя его применительно к определенным словам и выражениям, говорящий выражает тем самым свое сомнение в том, что без этого специального разъяснения, так сказать, «по умолчанию», адресат воспримет это слово или выражение в требуемом положительном оценочном регистре. Иначе говоря, слова и выражения, которые нормально, узуально и идиоматично сочетаются с оценочным метаязыковым комментарием *в хорошем смысле (этого) слова*, выступают как выразители языковой негативной оценочности особого типа.

Ср., например: *Да и в жизни он весьма **рассудительный, прагматичный и расчетливый человек**, в хорошем смысле слова*. Прилагательные *рассудительный, прагматичный, расчетливый* без «добавки» в виде *в хорошем смысле этого слова*, т.е. идиоматично и конвенционально, «по умолчанию», выражают неассертивный отрицательно-оценочный компонент. Эта «добавка» разрушает идиоматичность, делает употребление неконвенциональным. Метаязыковой комментарий *в хорошем смысле слова* выступает здесь как своего рода оператор семантического преобразования лексемы, которая меняет свое значение посредством контекстуальной элиминации негативно-оценочных сем. Но это доказывает, что без такого преобразования данные негативно-оценочные семы в указанных словах и выражениях наличествовали! Язык словно отвергает навязываемые ему либеральные ценно-

сти прагматизма и индивидуализма. Ср., например, как языковое «тестирование» таких ценностей нового времени, как стремление к карьерному росту и «здоровый» индивидуализм, обнаруживает их безусловную, не вполне истинную «положительную» оценочность в узусе: *Карьерист в хорошем смысле слова; Баста [рэпер]... стал еще большим индивидуалистом в хорошем смысле этого слова...* и пр.

Подобные аксиологемы мы характеризуем как **псевдоценности**. Дело в том, что подлинные ценности (как, впрочем, и их антиподы — антиценности) безусловны и аксиоматичны. Лишь псевдоценности могут быть «хорошими» только при определенных условиях, с какими-то ограничениями или оговорками: содержащаяся в импликационале этих слов ложная претензия как бы дезавуируется, разоблачается экспликацией посредством метаязыкового комментария *в хорошем смысле слова*.

Еще одним репрезентативным контекстом, выявляющим возможное «языковое сопротивление» ценностям нового времени, является контекст *погрязнуть в (чем-л.)*. Согласно наивной аксиологии русского языка, то, в чем можно «погрязнуть», «по умолчанию» следует рассматривать, выражаясь в духе А. Вежицкой, как «что-то плохое», даже если на уровне рационализации модных трендов люди могут считать это «хорошим». Наши многочисленные примеры обнаруживают «языковое сопротивление» миру новых ценностей посредством этого «разоблачительного» репрезентативного контекста: *Просто рок сегодня погряз в **карьеризме и жажде наживы**; Реально мы погрязли в **потреблении!**; Вероятно, мир окончательно погряз в **глумуре**...*

Свидетельством апроприации знаков «чужих» ценностей по русским национально-специфичным моделям языковой концептуализации мира может выступать и сам характер словообразовательного освоения в русском языке новой заимствованной номинации. Так, широко известно «триумфальное шествие» по пространству русского языка таких лексем, как *глумурный* или *экслюзивный*, см. об этом, например, в книге М.А. Кронгауза «Русский язык на грани нервного срыва» [Кронгауз 2008]. Однако характерен тот факт, что эти знаки «чужих» ценностей образуют окказиональные дериваты по типично русским моделям экспрессивного словообразования, о специфике которых именно

в плане выражения русского национального характера говорит А. Вежицкая, размышляя о русских суффиксах субъективной оценки, выражающих специфически русскую черту — **эмпатию** по отношению к объекту номинации [Вежицкая 1996: 53]. При этом в иноязычном по происхождению слове возникают типично русские коннотативно-оценочные приращения смысла.

Это, например, такой дериват, как *гламурненько*. О его распространённости свидетельствуют наличие сайта *Гламурненько.ру*, серии книг «*Гламурненько*», названия произведений сетературы (например, «*Как выглядит гламурненько!*») и даже песен и т.п. Здесь мы видим нерасчлененный семантический комплекс некоторого несерьезного, но полного «неопределенно хорошего чувства» (А. Вежицкая) и вместе с тем ироничного отношения к объекту номинации. О продуктивности такой модели свидетельствуют разнообразные *готичненько*, *экссклюзивненько* и пр., которые порождены на базе «чужеродных» *готов*, *экссклюзива* и т.д.

Применительно к заимствованию *экссклюзивный* мы можем также в разнообразных блогах и даже на рекламных сайтах встретить *экссклюзивчик*: так могут именоваться магазин, портал, стихотворение и пр. Такая исконно русская модель освоения чужого слова как-то элиминирует его «чужеродность», переинтерпретируя его в духе специфически русского способа языковой концептуализации мира, а именно — в духе эмоционально окрашенного и теплого отношения к объектам номинации, которые в норме не вызывают никакой эмоционально-экспрессивной и оценочной реакции.

Отметим характерную для подобного рода слов-аксиологем десемантизацию этих производных лексем, где экспрессивная семантика самой словообразовательной модели и форманта (суффикса) вытесняет номинативное значение производной основы. Реально подобные словообразовательные показатели могут передавать очень широкий спектр чувств: восторг, очарование, привлекательность, жалость, интерес и др. Поэтому, чтобы объяснить столь широкий разброс допустимых интерпретаций, А. Вежицкая и вводит в толкование представление о неопределенном, свободно плавающем ‘хорошем чувстве’, не обязательно направленном на человека или вещь: ‘*когда я думаю о X, я чувствую что-то хорошее*’. При этом на стыке первона-

чальной книжно-возвышенной стилистической отмеченности производящей основы и принципиально разговорного характера форманта возникает некое игровое, карнавальное ее переиначивание, которое как бы дезавуирует изначально пафосное, серьезное значение лексем *гламурный* или *экслюзивный* как носителей «новых ценностей» жизни.

Другую, противоположную тенденцию вытеснения традиционных русских моделей языковой концептуализации внутреннего мира человека инокультурными моделями можно видеть в сложившейся у определенной части носителей русского языка (в основном молодого возраста) языковой привычке использовать англоязычные междометия *Unc!*, *Vau* и пр. вместо обычных русских междометных слов. Дело в том, что междометия, по сути, отражают спектр нерасчлененных бессознательных эмоциональных реакций на ситуацию, идущий из «глубины души», их употребление не рефлектируется, а переживается говорящим. Поэтому употребление междометий всегда отражает некоторые спонтанные, неосознанные «жизненные установки говорящего» (А.Д. Шмелев). Употребление заимствованных междометий, вообще говоря, нонсенс, но если таковое имеется, то оно, без сомнения, представляет собой диагностический контекст для «вычисления» важных особенностей прагмалингвистической сферы говорящего.

Активные процессы в морфологии и синтаксисе. М. Эпштейн обращает внимание на то, что русская грамматика специфически концептуализирует действие, событие, состояние: «Преобладание непереходности в русском языке способствует становлению непереходного мировоззрения, для которого вещи случаются, происходят, движутся сами собой. Это мир, в котором нечто пребывает в себе или движется само по себе, но ничем не движется и ничего не движет. Действия, обозначенные непереходными глаголами, самодостаточны — они ни на что не переходят... Скорее это даже не действия, а состояния, поскольку у них нет предмета, они замкнуты на самом деятеле» [Эпштейн 2007: 193—194].

В свою очередь, А. Вежбицкая утверждает, что, говоря о людях, можно при этом придерживаться двух разных ориентаций: можно думать о них как об агентах, или «деятелях», и

можно — как о пассивных экспериенцерах. В русском, в отличие от многих других европейских языков, пассивно-экспериенциальный способ имеет более широкую сферу применимости. Исходя из этого, в работах А. Вежицкой именно на материале русской грамматики было выявлено несколько фундаментальных свойств, формирующих «семантический универсум» русского языка: иррациональность, неагентивность, тяготение к представлению активного действия субъекта как его пассивного состояния, неконтролируемость субъектом собственного действия как отказ от субъектной ответственности за событие и пр. [Вежицкая 1997: 33—37 и далее].

Действительно, русский язык предоставляет говорящему на нем массу возможностей снять с себя ответственность за собственные действия. Прежде всего речь идет о различных способах такой языковой концептуализации мира, при которой субъект так или иначе выводится из зоны контроля над событием. Это, например, предпочтение безличного конструкта типа *мне хочется* активному типу *я хочу*, выбор возвратной или страдательной модели вместо агентивной, инфинитивной вместо личной и пр. Во всех этих случаях событие, состояние, действия происходят с субъектом *как бы само собой* или по крайней мере «не потому, что он этого хотел», пользуясь выражением А. Вежицкой.

Вопреки мнению о «дрейфе» современной русской речевой практики в сторону «активизации» деятеля по западным образцам, т.е. об усилении категории транзитивности (переходности), которое, в частности, представлено в цитированной работе М. Эпштейна [Эпштейн 2007], наши наблюдения дают совсем иную картину. Инновационные тенденции в русской грамматике показывают, напротив, значительное расширение сферы применимости пассивно-возвратных и безличных конструкций, особенно применительно к концептуализации ситуаций или психических состояний, которые требуют по логике активного «присутствия» агенса.

Так, типично русский способ концептуализировать «чужое» действие над субъектом речи как собственное состояние субъекта мы обнаруживаем при выборе возвратной конструкции вместо неопределенно-личной: *...на выступлении Dartz я урони-*

лась случайно, на меня мгновенно попало еще человек пять-шесть... [вместо меня уронили].

Об экспансии пассивно-возвратных конструкций в русском языке последних лет свидетельствует тот факт, что они расширяют сферу своего образования, в частности, за счет ненормативного образования от непереходных глаголов типа *умирать*, *бежать*, *сидеть*, *шутить* и пр.: ...*бандэлита не умиралась* вроде; *Мужская биатлонная эстафета бежалась* в рамках Кубка мира в третий и, по сути, последний раз перед стартом на Олимпиаде; ...*вторник опять-таки сиделся* в сидельне...; *Тогда шутился*, а сейчас заду-мался... Подобные аномальные инновации усиливают эффект концептуализации действия как замкнутого на субъекте состояния, что вполне в духе русской языковой ментальности.

Еще большая активность наблюдается при использовании безличных конструкций: ...*старики так помрут, а чтоб веселей умиралось*, им помпезные поздравления и «чествования» на 9-е мая. Активная конструкция с глаголом все-таки предполагает наличие экспериенцера этого состояния в качестве его субъекта, тогда как конструкция с безличным глаголом *умиралось* усиливает указанную бессубъектность.

Особый интерес представляют безличные конструкции, которые концептуализируют некую ситуацию, предполагающую в норме активное участие агенса в собственном действии: *С сигаретой было «поступлено» абсолютно несправедливо...* Речь идет о том, что говорящий вообще-то сам как-то поступил с сигаретой, но примечательно, что субъект всячески избегает контроля даже за собственным, вполне очевидным для него действием.

Иногда выбор подобной безличной конструкции обладает значительным потенциалом семантической емкости и экспрессии: *Арчи, ну, мы ж за тебя отомстили... ему* *больнее упалось...* В данной концептуализации события предпочтение безличной конструкции обычному *Он* *больнее упал* оправдано специфической интенцией говорящего представить случайное, в общем, событие как знак действия неких высших сил (в таких случаях А. Вежицкая говорит о «фатализме» в русском способе концептуализировать события).

Расширяющаяся экспансия безличных моделей представления события подтверждается и использованием подобных кон-

струкций для концептуализации вневременных, узуальных действий субъекта как бессубъектных пассивных состояний: *В каких кроссовках лучше прыгается?* Примечательно, что в подобных случаях сам русский язык не предоставляет говорящему возможности выбрать альтернативный способ выражения этой мысли посредством активной конструкции (альтернатива с инфинитивом *лучше прыгать* так же принципиально бессубъектна).

Но, как и в ситуации с активными процессами в области лексики и словообразования, и в грамматической сфере мы можем наблюдать прямо противоположные явления, а именно: использование инновационных грамматических конструкций, направленных на концептуализацию события по несвойственным русскому типу концептуализации моделям и схемам. Речь идет прежде всего о возникновении окказиональных форм переходных глаголов (по сути своей предполагающих активного деятеля) на базе исходных возвратных глаголов, в системе не имеющих активных коррелятов, типа *бояться, смеяться, улыбаться, очутиться* и пр.: *Улыбайте ваши лица.*

В этих случаях подобным образованиям приписывается несвойственная им в коллективном сознании носителей русского языка семантика активной каузации действия вместо изначального значения пассивного состояния экспериенцера: *Прошу не смеять меня!* = *не смешить*, т.е. '*не каузировать меня смеяться*'. То, что это не просто случайные явления, а проявление устойчивой аналогической тенденции, доказывают другие примеры: *Решил вас улыбнуть; Думаю, посадить десяток деревьев незаметно просто не получится. Можно «случайно» телевидение там же «очутить»...; Ведь награды победителей будут использоваться долгие годы и красовать глаз всех посетителей...*

Однако надо отметить, что все же, несмотря на свою определенную активность, процесс «развития переходности» в современной русской речи по степени своей распространенности не может идти ни в какое сравнение с обратным процессом «экспансии безличности или пассивно-возвратности».

О преобладании чисто русских моделей языковой концептуализации мира может свидетельствовать и распространенность определенных синтаксических моделей как специфических способов организации дискурса. Прежде всего скажем о неко-

торых русских негационных конструкциях, которые мы условно именуем «неотрицающим отрицанием» [Радбиль 2011: 96—102].

Мы предположили, что некоторые типы таких «неотрицающих» русских общеотрицательных конструкций с оператором НЕ следует трактовать в рамках теории речевых актов как особые типы речевых стратегий непрямого, идиоматичного выражения специфичных коммуникативных намерений говорящего, причем стратегий, имеющих явный идиоэтнический, национально обусловленный характер.

Отправной точкой наших рассуждений является широко известный пример косвенного речевого акта, обсуждающийся в работе Дж.Р. Серля «Косвенные речевые акты», — *Would You pass me the salt?* [Серль 1986]. Русский аналог данного косвенного речевого акта с иллюкутивной силой вежливой просьбы, выраженной в языковой форме вопроса, звучит примерно как *Не могли бы вы передать мне соль?* или *Не передадите ли мне соль?* (более точный, но менее приемлемый стилистически вариант — *Не передали бы вы мне соль?*). С точки зрения прагматики кооперативного речевого взаимодействия это, разумеется, псевдовопрос — у адресата создается иллюзия возможности нормальной ответной реакции, тогда как реально от него требуется не ответ, а конкретное действие в соответствии с намерением говорящего.

Но Дж.Р. Серля здесь интересует некая коммуникативная универсалия, а именно — проблема адекватного распознавания иллюкутивной силы подобных не прямых высказываний, обусловленного конвенциями общения на данном языке. В этом ключе Дж.Р. Серль вполне справедливо полагает, что данная проблема не зависит от свойств конкретных языков и имеет общекоммуникативный, т.е. общечеловеческий характер. Нам же интересен несколько иной поворот этой проблемы, вполне обоснованно выпавший из сферы внимания Дж.Р. Серля как излишне «лингвистичный». Дело в том, что Дж.Р. Серль, разумеется, анализирует англоязычный вариант этого косвенного речевого акта, который звучит как *Would You pass me the salt?*, т.е. с использованием утвердительной модели, тогда как русскоязычный аналог данной конвенциональной формы косвенного

акта требует, чтобы указанную идиоматичность сохранить, обязательного включения НЕ — *Не передадите ли мне соль?*

Уже сама возможность порождения и рецепции данной конструкции по-английски без всякого НЕ доказывает некую логическую избыточность этого оператора и в русском варианте. Иными словами, НЕ в русскоязычном варианте ничего не отрицает. Говорящий реально спрашивает не о невозможности, а, наоборот, как раз о возможности для адресата совершить требуемое действие. Но, с другой стороны, **устранение** НЕ в этой конструкции на русском языке приводит к разрушению идиоматичности, к невозможности косвенной небуквальной интерпретации данного высказывания в интенциональном контексте. Ср.: *Могли бы вы передать мне соль?* по-русски звучит только как прямой вопрос о пределах физических и иных возможностей адресата. Кстати, по-английски, напротив, **добавление** НЕ, т.е. трансформация положительной конструкции в отрицательную, разрушает идиоматичность.

Тогда закономерно возникает вопрос: почему же из двух равноправных альтернативных возможностей выразить некое пропозициональное содержание один язык выбирает утвердительную конструкцию, а другой — отрицательную? Иными словами, почему англоговорящий употребляет конструкцию без негации, а русскоговорящий начинает с НЕ, хотя никакого прямого отрицания ни в английском, ни в русском равно не предполагается?

Возможно, здесь следует поставить вопрос о неких специфичных речевых стратегиях, о неких специфических установках говорящего, облигаторно отложившихся в языковых формах как результат предпочтительного выбора языкового коллектива, как отражение опыта столетий психологической и культурной интроспекции носителей языка. Так, например, в английском варианте можно видеть установку на возможный позитивный перлокутивный эффект, уверенность говорящего в положительном для него исходе его просьбы, а в русском варианте — установку на возможную неудачу, коммуникативную или перлокутивную, может быть, некое изначальное сомнение, заранее предустановленную неуверенность говорящего в успешности его речевого акта.

Это можно попытаться показать и с помощью инструментария логического анализа естественного языка. С нашей точки зрения, англоязычный вариант *Would You pass me the salt?* имеет своей пресуппозицией исходную пропозицию, которая является мыслительным содержанием вопроса, ‘You pass me the salt’: нетрудно видеть, что она имеет утвердительную структуру; в свою очередь, русскоязычный вариант в качестве пресуппозиции имеет исходную пропозицию ‘вы не передадите мне соль’, в основе которой лежит общеотрицательная структура (ведь НЕ явным образом не входит ни в состав показателей иллокутивной силы вопроса, ни в состав показателей маскируемой этой формой иллокутивной силы вежливой просьбы — значит, НЕ входит в саму исходную пропозицию).

Напомним, что, в отличие от ассерции, «чистого» суждения, которое может рефлексироваться адресатом, подвергаться сомнению или отрицанию, пресуппозиция как невербализованный фрагмент экстралингвистической информации, заранее известной и говорящему, и — «по умолчанию» — адресату, как известно, не подвергается отрицанию или рефлексии. То есть это то, с чего начинается коммуникация, исходный пункт любого речевого акта, его изначальная первооснова. И не симптоматичен ли тот факт, что говорящий на русском языке начинает его с отрицания?

В целом, конечно, Дж.Р. Серль прав в том смысле, что само использование небуквальных, идиоматичных способов выражения человеческих побуждений в коммуникации эксплуатирует, по всей видимости, некие общекоммуникативные принципы, заложенные в среде речевого взаимодействия *homo sapiens sapiens*, и потому универсально. Но преимущественный выбор тех или иных конкретных вариантов конвенционализированных речевых схем, безусловно, может свидетельствовать и в пользу возможности их использования для выражения неких культурноспецифичных речевых стратегий или речеповеденческих установок носителей языка.

В книге Анны А. Зализняк, И.Б. Левонтиной и А.Д. Шмелева «Ключевые идеи русской языковой картины мира» утверждается, что некую «конфигурацию смыслов» можно считать «ключевой» для того или иного языка, если она с определенным постоян-

ством и с достаточной репрезентативностью воспроизводится в самых разных областях лексики и грамматики языка, достаточно частотна в бытовом дискурсе и относится к *неассертивным* (неявным, невербализованным, имплицитным) компонентам высказывания. Важно не то, что утверждают носители языка, а то, что они считают само собою разумеющимся, не видя необходимости специально останавливать на этом внимание [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005: 9].

В этой связи отметим, что вышеупомянутая негативная presupпозиция, так называемый «отрицательный» модальный приступ вообще характерны для национально-специфичных речевых стратегий в отечественной речевой практике — эти стратегии воспроизводятся в достаточно разнообразных типах самых обычных конструкций в русском языке. Прежде всего это русские лингвоспецифичные конструкции с модализованным вопросом, выражающим вежливую просьбу: *Не будете ли вы так любезны (добры)...?; Не хотите (желаете) ли...?;* устар. *Не соблаговолите ли...* и пр. Эти конструкции также актуализуют рассмотренную выше ситуацию предпочтительного выбора из двух альтернатив. О наличии выбора из двух альтернатив в этих случаях, например, пишут и А.Н. Баранов, и И.М. Кобозева, утверждая, что контекстом уместного употребления *не-(ли)* вопросов является такая ситуация, в которой говорящий, с одной стороны, имеет основания считать, что положение вещей, описываемое позитивной альтернативой вопроса, в данном случае может иметь место, но, с другой стороны, понимает, что этих оснований недостаточно и что противоположная — негативная — альтернатива, вообще говоря, не менее вероятна, чем позитивная [Баранов, Кобозева 1983: 264—273].

Однако здесь, на наш взгляд, можно поставить вопрос о возможной интерпретации подобного выбора в духе лингвоспецифичных речевых стратегий: лингвоспецифичность состоит в том, что предпочтительный вариант выбора, который, разумеется, мыслится как **положительный**, условно и конвенционально вербализован **отрицательной** конструкцией с буквальным значением нежелательного для говорящего варианта. Англоязычный же аналог этой конструкции снова (отметим, вполне ожидаемо и оправданно!) использует утвердительную синтаксическую струк-

туру для вербализации предпочтительного положительного выбора желательного для говорящего результата при порождении им данного косвенного речевого акта.

То, что это не единичный изолированный факт использования «отрицательного» модального приступа при вербализации идеи предпочтительного выбора, а своего рода речеповеденческая модель, доказывается наличием в русском языке и других конструкций, так или иначе посвященных альтернативному предпочтению. Это, например, формально вопросительные конструкции с модальным инфинитивом совершенного вида в значении необходимости совершения действия в будущем типа **Не пойти ли нам в кино?** или **Не написать ли мне статью об этом?** (= (Давай) пойдём в кино или *Напишу(-ка) я статью...*). Отметим, кстати, что сходная функция такой конструкции с НЕ выразить модальность необходимости проявляется не обязательно в вопросительном предложении. Ср., например: *Как же мне не плакать!*

Обратим внимание, что и здесь выдержана та же логика предпочтительного выбора, что и для предыдущего косвенного речевого акта: суждение о предпочтении говорящим выбора возможного положительного исхода (*пойдем, напишу*) актуализовано посредством формально отрицательной структуры. Получается, что говорящий как бы заранее боится от возможной неудачи планируемого «предприятия», он закладывает саму возможность неудачи в стадию речевой реализации плана своего намерения, а также, возможно, намечает для адресата (или себя самого в роли адресата) возможные пути для отступления, для отказа от предполагаемого (причем в модальности «сильного» долженствования) выбора, предполагаемого совместного действия или участия в событии.

«Отрицательный» модальный приступ как особенность русских косвенно-речевых стратегий также присутствует, например, в вопросительной конструкции с модусом предположения: **Не пора ли нам домой?** [= *Нам пора домой!*], а также в модели экспрессивного генерализованного высказывания в роли оператора обобщения (идиоматичного выражения квантора всеобщности): *Где я только не побывал!* [= *Я везде побывал!*].

Применительно к сегодняшнему состоянию русской речевой практики отметим, что в разговорной речи подобные модели с

неотрицающим НЕ являются самыми обычными, частотными и проявляют повышенную активность. Это разнообразные конструкции с семантикой опасения: *Как бы чего не вышло!*; одобрения: *Ну чем не работа!* и др. Представляется, что и во всех этих случаях говорящий с помощью НЕ как бы намеренно дезавуирует истинный «положительный» смысл пропозиции.

Интересны в этом плане также конструкции с оператором НЕ в вопросительных предложениях, где НЕ входит в состав перцептивной или эпистемической пропозициональной установки («модуса», по Ш. Балли): *Ты не знаешь, отец дома?*; *Ты не слышал, как наши сыграли?*; *Ты не видел, куда я очки положила?*

Обратим внимание, что в приведенных примерах снова нет реального отрицания пропозициональной установки знания, видения или слышания, потому что в вопросе, по сути, речь идет («спрашивается») о положительном содержании пропозициональной установки. Ср.: **Ты знаешь, дома ли отец?*; **Ты слышал, как наши сыграли?*; **Ты видел, куда я очки положила?* Действительно, с точки зрения прагматики реального, обыденного общения было бы довольно странно спрашивать о том, что человек не знает, не видел и не слышал, тогда как говорящего на самом деле интересуют положительные результаты знания, видения или слышания адресата. Иными словами, в данных конструкциях опять нейтрализуется противопоставление между утверждением и отрицанием.

Но почему тогда из двух альтернатив все-таки снова выбирается вариант с «отрицательным» модальным приступом? Видимо, и здесь мы имеем дело с каким-то «феноменологическим», в смысле А. Вежбицкой, рефлексом в системе русских речеведческих установок, когда человек не уверен в возможности положительного для него исхода будущих событий, в том числе и потому, что не в силах на это повлиять: «Данные синтаксической типологии языков говорят о том, что существуют два разных подхода к жизни, которые в разных языках играют разную роль: можно рассматривать человеческую жизнь с точки зрения того, ‘что делаю я’, т.е. придерживаться агентивной ориентации, а можно подходить к жизни с позиции того, ‘что случится со мной’, следуя пациентивной (пассивной, связанной с пациентом) ориентации. Агентивный подход является частным случаем

каузативного и означает акцентированное внимание к действию и к акту воли ('я делаю', 'я хочу'). При пациентивной ориентации, являющейся, в свою очередь, особым случаем феноменологической, акцент делается на 'бессилии' и пациентивности ('я ничего не могу <с>делать', 'разные вещи случаются со мной')» [Вежицкая 1997: 73].

Таким образом, выбирая конструкцию с НЕ в модальном приступе, т.е. в исходном пункте своего речевого акта, современный носитель русского языка, как, впрочем, и 100—200 лет назад, как бы заранее предвидит возможность коммуникативной неудачи, он «закладывает» эту неудачу в свои речевые стратегии, имея в виду возможный неблагоприятный для него результат в качестве наиболее вероятного.

* * *

Анализ позволяет сделать некоторые выводы, не претендующие на глобальные обобщения по поводу тенденций развития современной русской речи, но все же обнаруживающие некоторые примечательные закономерности.

Прежде всего надо сказать, что многие активные процессы в лексике и грамматике русского языка последних лет вообще нерелевантны по отношению к отражению «своих» или «чужих» способов языковой концептуализации мира.

Так, многие лексические инновации могут служить обычным для устной речи средством экономии, выступая при этом и в качестве экспрессивных новообразований, например: **инфа* → *информация*: *Значит если в тех ответах была нужная инфа, то иначе как скотство и назвать и нельзя...* — по аналогии с уже устоявшимся сетевым жаргонизмом *конфа* → (*интернет*-)*конференция*. Некоторые единицы образуются как бы для восполнения отсутствующей в системе номинативной единицы, например, от аббревиатуры УЗИ закономерно образуется прилагательное *узишный*, так как иным способом говорящий просто не может выразить эту мысль: *Я вот хотела одно время фотку узишную показать...*

В области грамматики многие инновации просто демонстрируют стремление говорящего как бы заполнить осознаваемые им «пустые клетки» в грамматической системе. Прежде всего

это касается многочисленных случаев образования причастий будущего времени: ...**прочитающий** внимательно эту статью поймет многое о психологии большинства человек; ...**читаю** что курящий по праздникам = со временем **закурящий** и без них...

Ряд грамматических инноваций выступает просто в качестве формально-структурных субститутов соответствующих нормативных форм. В сфере имен, например, это распространенное явление образования окказиональных форм числа существительных, которые в системе языка образуются супплетивно: ...*а сейчас мнусь и думаю, что может покажу потом, когда уже **дети** родится.*

Оценивая в целом активные процессы в лексике и грамматике русского языка последних лет, мы не можем однозначно утверждать, что в плане именно способов языковой концептуализации мира русский язык окончательно подпал под влияние чуждых ему ментальных, социокультурных и поведенческих моделей. По меньшей мере мы наблюдаем противостояние двух диалектически противоречивых тенденций, что для такого развитого литературного языка с богатыми культурными традициями, как русский, есть нормальное состояние в плане постоянного расширения его экспрессивных возможностей и существенный фактор его дальнейшего обогащения и развития.

Также отметим, что разные уровни языка обладают разной степенью релевантности в плане апроприации (усвоения) глубинных концептуальных структур «чужих» способов языковой концептуализации мира. Вполне естественно, что в условиях новых социокультурных реалий и коммуникативных потребностей изменения именно в сфере лексики представляются наиболее активными. Но в плане языковой концептуализации мира они носят относительно поверхностный характер, тогда как именно изменения в сфере грамматики как глубинного концептуального каркаса мысли о мире, запечатленной в коллективном языковом сознании, представляются наиболее релевантными с этой точки зрения. А в сфере грамматических моделей мы все же наблюдаем доминирование именно традиционно русского способа концептуализировать действительность в слове, хотя некоторые «иноментальные» влияния прослеживаются и в этой области.

Таким образом, русский язык и стоящий за ним русский взгляд на мир пока еще вовсе не собираются сдавать позиции под напором «иноментальных» и инокультурных влияний. Более того, наши наблюдения показали, что наиболее фундаментальные способы познания и оценивания мира и наиболее типичные модели поведения даже расширяют свою активную «представленность» в речевой практике этноса последних лет.

Список литературы

1. *Апресян В.Ю., Апресян Ю.Д.* Метафора в семантическом представлении эмоций // Вопросы языкознания. 1993. № 3. С. 27—35.
2. *Апресян Ю.Д.* Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика: сб. науч. ст. М., 1986. Вып. 28. С. 5—33.
3. *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М., 1999.
4. *Баранов А.Н., Кобозева И.М.* Семантика общих вопросов в русском языке // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. Т. 42. № 3. 1983. С. 263—274.
5. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание: пер. с англ. / отв. ред. и сост. М.А. Кронгауз; авт. вступ. ст. Е.В. Падучева. М., 1996.
6. *Гак В.Г.* Беседы о французском слове (Из сравнительной лексикологии французского и русского языков). М., 1966.
7. *Зализняк Анна А.* Многозначность в языке и способы ее представления. М., 2006.
8. *Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д.* Ключевые идеи русской языковой картины мира: сб. ст. М., 2005.
9. *Колесов В.В.* Отражение русского менталитета в слове // Человек в зеркале наук: труды методологического семинара «Человек»: межвуз. сб. Л.: Изд-во ЛГУ, 1993. С. 106—124.
10. *Кронгауз М.А.* Русский язык на грани нервного срыва. М., 2008.
11. *Радбиль Т.Б.* «Не» как «оператор неотрицания» в лингвоспецифичных интенциональных контекстах // Функциональная семантика и семиотика знаковых систем. Ч. I: сб. науч. ст. / сост.

В.Н. Денисенко, О.И. Валентинова, Е.А. Красина, М.Л. Новикова, Н.В. Перфильева, С.Ю. Преображенский. М., 2011. С. 96—102.

12. *Радбиль Т.Б.* «Языковое сопротивление» новым ценностям в современной русской речи // Славянские языки и культуры в современном мире: II Междунар. научный симпозиум (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, филологический факультет, 21—24 марта 2012 г.): тр. и мат-лы / сост. О.В. Дедова, Л.М. Захаров, К.В. Лифанов; под общ. руководством М.Л. Ремневой. М., 2012. С. 340—341.

13. *Серль Дж.Р.* Косвенные речевые акты / пер. с англ. Н.В. Перцова // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов. М., 1986. С. 195—222.

14. *Эпштейн М.* О творческом потенциале русского языка. Грамматика переходности и транзитивное общество // Знамя. 2007. № 3. С. 193—208.

Глава 2

ОСВОЕНИЕ НОВЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ И СОПУТСТВУЮЩИЕ ПРОЦЕССЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ НАЧАЛА XXI ВЕКА

Е.В. Маринова

2.1. Лексическое заимствование в начале XXI в.: общая характеристика

Несмотря на относительную стабильность российской государственности, социальной и экономической сферы, в самом языке всё по-прежнему подвижно и изменчиво, как в продолжение последних 25 лет с начала перестройки и перехода страны к рыночной экономике. Период языковой нестабильности по-прежнему продолжается. Совершенно очевидно, что многие «живые» процессы, происходящие в русском языке новейшего периода, связаны с заимствованием чужих слов. Лексическое заимствование, активно начавшееся в конце 80-х годов XX в., в начале XXI в. по-прежнему характеризуется масштабностью, тотальностью, разнохарактерным влиянием на все языковые уровни и сферы, во-первых, и на русскую ментальность, во-вторых¹.

Если говорить о своеобразии этого процесса в текущий период, прежде всего, на наш взгляд, надо говорить об **интернациональном характере** современного заимствования. Активный процесс вхождения иноязычных слов наблюдается во многих других языках, даже в таких закрытых языковых системах, генетически отличных от индоевропейских языков, как японский или китайский языки (так, например, в китайском языке употребляются заимствованные *баши* от англ. bus, *ку* от англ. cool, *сю* от англ. show [см.: Цзюань 2003: 6]). Сильный приток иноязычных слов отмечается во многих славянских языках, а также в языках таких европейских стран, в которых традиционно заимствование чужих слов контролировалось государством (это французский, финский, норвежский

языки [см., например: Берков 2003: 15; Рыжкова 2003: 386; Чекалина 2003: 116]). По подсчётам некоторых исследователей, в текстах зарубежной хроники почти каждое пятое слово — интернационализм [Рядчикова 2002: 238].

Приведём лишь небольшой перечень **займствований рубежа XX—XXI вв.**, являющихся интернационализмами: *акупунктура, аудио, аудит, банкинг, бартер, билборд, боди, бонус, брокер, веб-сервер, видео, виндсёрфинг, гамбургер, гастарбайтер, гипертекст, голкипер, грант, дайджест, дилер, директория, дисплей, дистрибьютор, домен, имидж, Интернет, кёрлинг, клиринг, компьютер, консенсус, конфигурировать, креативный, ксерокс, курсор, кэши, лизинг, лобби, логотип, маркетинг, менеджер, менеджмент, модем, монитор, мониторинг, мультимедиа, никнейм, ноу-хау, онлайн, опция, паблик рилейшнз, папарацци, перформанс, портфолио, принтер, рейтинг, референдум, римейк, рэкет, сервер, скинхед, спонсор, спрей, тренд, треш, триллер, тур-оператор, уикенд, файл, факс, факторинг, фастфуд, фитнес, хакер, харизма, хеджер, хит, хот-дог, холдинг, холокост, чип, шоп, шоу.*

В целом же, как пишет В.П. Берков, «колоссальное обогащение словарного состава языка, в первую очередь за счёт научно-технической терминологии» — одна из общих тенденций в развитии мировых языков [Берков 2003: 3].

Интернациональный характер лексического заимствования в XXI в. поддерживается очень мощно развитием электронных технологий, прежде всего в сфере информации. «Интернетизация» всей нашей жизни создала условия для постоянного обновления лексики за счёт номинаций различных, стремительно меняющихся технических новинок (гаджетов), их разнообразных опций, всевозможных цифровых технологий, каналов связи (скайп и др.). Нельзя не отметить огромную роль в повседневной жизни человека (правда, как правило, молодого возраста) социальных сетей. Эта сфера Интернета стала новой формой международных контактов и связей, что, в свою очередь, закономерно отразилось на лексическом составе языка, в котором появились новые интернациональные лексемы (*Твиттер, Фейсбук*).

Следует подчеркнуть важную роль в функционировании интернациональной лексики так называемых **вторичных заимствований**, относящихся к сфере компьютерных технологий. По

своему происхождению такие слова по большей части являются греко-латинскими, имеющими давнюю историю употребления в различных европейских языках (*адрес, архив, библиотека, директория, документ, мастер, порт, портал, редактор, формат, форум, эхо* и т.п.). На рубеже XX—XXI вв. под влиянием новых, «компьютерных» значений, сформировавшихся у этих слов в английском языке, они подверглись «повторной интернационализации» и уже с новой семантикой вошли в европейские языки, закрепив своё положение в составе международного словарного фонда².

Что же касается новых интернационализмов, так же как и повторные, поступающих из английского языка, у них есть все шансы войти в систему принимающего языка. Дело в том, что **вхождение иноязычного слова в состав интернациональной лексики** является одним из важнейших факторов закрепления слова в русской лексике. Причём этот фактор характеризует именно новейший период в развитии русского языка. Ранее (до конца XX в.) он не был таким важным в силу экстралингвистических условий: заимствование проходило в «закрытой» стране, в отсутствие контактов с другими народами, странами, культурами и т.п. В новейшее время именно под действием названного фактора многие иноязычные слова, даже имея на русской почве синонимы, закрепляются в языке, пополняя международный словарный фонд (*компьютер, имидж, бартер, монитор, дисплей* и др.)³.

Следующая особенность современного заимствования проявляется в том, что пополнение русского языка иноязычиями происходит преимущественно **из одного языка-источника** — американский английский (эта черта также **интернациональна**). Отметим, что некоторые лексические области нашего языка, прежде всего экономическая и компьютерная терминологии, состоят почти исключительно из английских заимствований. Английский, как мы уже неоднократно писали, выступает не только языком-источником, но и языком-посредником для проникновения ориентализмов — заимствований из восточных языков (см., к примеру, историю появления в русской речи слова *суши* в [Кнорре 2003: 124]). Исключительное положение английского языка — поставщика интернациональных и национальных⁴ заимствований — объясняется его статусом среди

языков мира: английский язык — наиболее распространённый язык международного общения; можно сказать, основной язык международного общения. По мнению польского лингвиста Казимежа Люциньского, английский язык «превратился в своеобразный пиджин — упрощённую форму языка, которая развивается в среде людей, имеющих различные родные языки и потребность в ограниченном общении» [Люциньский 2009]. Некоторые исследователи отводят ему иную роль — роль перстрата (такую роль в своё время играли для литературных языков Европы языки античности) [Захватаева 2013: 8, 17].

Думается, и с той, и с другой точкой зрения можно поспорить, но нельзя отрицать доминирование английского языка в качестве «поставщика» новых лексем во все развитые языки мира, включая русский⁵. Сам этот факт очень важен для осмысления особенностей адаптации современных заимствований.

В нашем очерке, рассматривая своеобразие адаптационных процессов в русском языке начала XXI в., мы будем исходить из того, что **окончательное закрепление к настоящему времени доминирующего языка-источника — английского языка** оказывает самое сильное влияние на характер адаптации иноязычных слов в русском языке⁶. Прежде всего последствия такого доминирования проявляются в том, что русский язык всё чаще принимает какое-либо конкретное слово не как отдельное, единичное слово, а как член какой-либо готовой парадигмы, микросистемы: **словообразовательной**, если заимствуются однокоренные слова, связанные в языке-источнике отношениями производности: *блог* — *блоггер*; *дайвинг* — *дайвер* и др., или **лексической**, если заимствуются гипонимы, обозначения разновидностей какой-либо реалии (*сиквел* ‘сюжетное продолжение фильма’, *триквел* ‘продолжение сиквела’) или синонимические пары: *бизнес-леди* — *бизнесвумен*; *топ-модель* — *супермодель*; *смайлик* — *эмотикон*; *блиц-интервью* — *флеш-интервью* (см. также раздел 2.11). Кроме того, среди поступающих в русский язык новых иноязычных слов формируются группы **идентичных по структуре лексем**, освоение которых проходит в общем русле, по одинаковым или похожим схемам. К таким группам можно отнести:

— заимствования, восходящие к сложным словам и словосочетаниям в языке-источнике (*фастфуд*, *онлайн*);

- «инговые» существительные (*лифтинг, пилинг, лизинг*);
 - англицизмы на *-ин* и *-жн*, ранее не встречавшиеся в русском языке (*промоушн, экин, фьюжн*);
 - существительные с исходом на *-с/-з*, восходящие к форме множественного числа в языке-источнике (*праймериз, фьючерс*).
- Группы этих слов подробнее будут рассматриваться далее (разделы 2.4—2.7).

Несомненно, доминирование в качестве языка-источника **одного** языка влияет не только на адаптацию отдельных англицизмов, но и на адаптацию заимствованной лексики в целом. Мы покажем это, анализируя **особенности формальной и грамматической адаптации иноязычных неологизмов**, в том числе **заимствованных аббревиатур**.

Наконец, назовём такую яркую особенность современного заимствования, как **параллельное заимствование**, в результате которого язык-реципиент получает в течение непродолжительного времени (1—5 лет) наряду со словом ещё и ряд его производных. Иными словами, поскольку язык-источник преимущественно один, создаются условия для заимствования **словообразовательного гнезда**. Приведём некоторые примеры: *боди, боди-арт, бодигард, бодибилдинг, бодибилдер; бренд, брендинг, ребрендинг; брифинг, бриф-кейс, бриф; кайт, кайтинг, кайтер; промоушн, промоутер, промоутировать; твиттер, твиттинг, твит; шоу, шоумен, шоумен, реалити-шоу* и др. Подробнее эта особенность современного заимствования и её влияние на лексическую норму русского языка анализируются далее (раздел 2.10). Здесь мы лишь подчеркнём значимость отмеченной особенности для адаптации заимствований, имеющих в языке-источнике общий корень.

Мы имеем в виду тот факт, что новые заимствования, которые поступают в русский язык уже после того, как в нём освоились однокоренные слова, воспринимаются говорящими как более или менее **мотивированные**. Имея в языке-источнике полиморфную структуру, мотивированные иноязычные слова сохраняют её и в заимствующем языке, поскольку на русской почве уже есть ранее заимствованное слово (или слова) с тем же корнем. См., например, *банкинг* и ранее заимствованные *банк, банкир; роумер* и более раннее заимствование *роуминг*;

паркомат — ср. *паркинг, аквапарк, парк; планинг* (вид ежедневника) — ср. *планировать, план* и др. Звуковая оболочка и смысловое содержание неологизма уже не воспринимаются носителями заимствующего языка как нечто чуждое, абсолютно новое. Наличие мотивированности способствует адекватному пониманию нового слова, уменьшает его зависимость от контекста, обеспечивает ему ускоренную адаптацию.

Существенной особенностью современного лексического заимствования является и то, что оно проходит на фоне мощнейшего чужеземного влияния на другие языковые сферы — грамматику, орфоэпию, графику (см. об этом ниже). В то же время данный процесс сам влияет на отдельные языковые уровни. Так, параллельно лексическому заимствованию продолжается **пополнение инвентаря морфем** иноязычного происхождения: вслед за префиксом *супер-* в русский язык «перекочевал» ещё один префикс со значением высокой степени интенсивности *мега-*; становятся продуктивными суффикс *-инг* (в окказиональном словообразовании, и не только [Коряковцева 2013: 14]), элемент *-мейкер* (см. о нём далее); в создании современных эргонимов нередко используются словообразовательные элементы из арсенала топонимии иноязычного происхождения (англ. *-burgh, -bury, -land*): мебельный салон «*Столберу*», магазин товаров для животных «*Dogland*» и др. [Бутакова 2013: 13].

В начале XXI в. окончательно произошла актуализация атрибутивной модели (по другой терминологии, аналит-конструкций), как то: *бизнес-букет, интернет-курсы, магик-шоу, тату-студия*, под влиянием многочисленных заимствований, пришедших из английского языка (*дог-шоу, бизнес-ланч, топ-модель* и др.). Популярность такой модели в кодифицированных сферах языка (живая разговорная речь, в том числе электронная, не использует её для своих номинаций [Маринова 2011б: 189—192]) привела к формированию в русском языке класса так называемых **полифункциональных слов**, прежде всего на базе иноязычных имён существительных. (Безусловно, свою роль в этом сыграла действующая в русском языке, как и в других славянских языках, тенденция к аналитизму.) Полифункциональные слова выступают в роли разных частей речи (*общаться в онлайн, заказ онлайн, будь онлайн*), причём, если такое слово

выполняет атрибутивную функцию (*еда **фастфуд***), оно включается в относительно молодой класс аналитических, или неизменяемых, прилагательных, с которыми активно конкурируют в последнее время обычные, изменяемые прилагательные (ср. ***фастфудовская еда***). Следует отметить, что аналит-прилагательные иноязычного происхождения за относительно короткий срок расширили свои синтагматические возможности. Вот небольшая коллекция примеров, свидетельствующая об этом: ***Банковские и ресепшн стойки также входят в наш ассортимент!*** (реклама); ***В системе*** (автомобиля. — *Е.М.*) ***существуют ручной и авто сёрфинги*** (рекламный текст); ***Здесь же вы можете заказать такси экономического и премиум класса*** (из объявления в самолёте); ***Голосовые и видеозвонки бесплатно!*** (реклама); ***Рекламная, фэшн и персональная фотография*** (реклама); ***Использовались компьютерные и интернет-технологии*** (из науч. доклада); ***Железнодорожные и авиабилеты; Железнодорожные и авиакассы; Железнодорожные и авиаперевозки*** и т.п. Объединяет все эти **новые** для русского языка употребления конструкции с однородными определениями, выраженными отнюдь не однородными с морфологической точки зрения прилагательными: изменяемым и неизменяемым.

Это один из примеров влияния иноязычного потока на достаточно консервативные участки языка, в данном случае его грамматику. Поток англицизмов обновил и фонетическую синтагматику русского языка. Так, например, сочетание звуков [г'о], «фонетически закономерное» (М.В. Панов), но встречающееся только в ненормативных словоформах *берегёт, жгёт*, произносится теперь в ряде заимствованных слов — *гёрлс* 'группа девушек, выступающих на эстраде', *гёрлскаут, гёрлфренд* (см. об этом [Крысин 2006: 298])⁷. Для некоторых звуковых сочетаний (например [шн], [жн]) появилась, как было сказано выше, новая позиция — конец слова (*промоушн, эшн, фьюжн*).

Намного заметнее и продуктивнее влияние лексического заимствования на словообразовательную систему: как и лексика, она активно пополняется за счёт новых словообразовательных гнезд. Часть из них, как мы уже сказали, заимствована, но в основном новые словообразовательные микросистемы (гнезда, ряды, пары) формируются за счёт дериватов от новых

иноязычий. См., например: *спам, спамщик, спаминг, антиспам, спамер, спамерский, антиспамерский*. Стремительное формирование словообразовательного гнезда (в случае актуализации слова), по словам Г.Н. Скляревской, — специфическая черта функционирования русского языка наших дней [ТСРЯ: 5]. Кроме того, объём, разветвлённость гнезда — свидетельство обрусения слова, его вживания, вrastания в систему.

Говоря об участии иноязычного слова в деривационных процессах, следует обратить внимание и на новые фразеологические единицы, компонентами которых являются «свежие» заимствования, например: *компьютерный андеграунд* ‘о хакерах, программистах, пишущих вирусы’ [АЛ], *бренд года* ‘о ком-, о чём-л. популярном’, *слепой брокер* ‘брокер, выступающий от своего имени и не раскрывающий имени своих клиентов’, *лоббировать интересы* [АЛ], *в режиме нон-стоп* ‘без пауз, без перерыва’, *чёрный риэлтор* ‘преступник, занимающийся махинациями с покупкой квартир у одиноких пенсионеров, алкоголиков и т.п.’ [СЗА], *быть в тоне* ‘иметь успех’ [ССМЖ], *быть в тренде* ‘быть современным, модным’ и др. Сам факт того, что иноязычный неологизм начинает активно употребляться в составе фразеологизма, свидетельствует о его полноценном функционировании в заимствующем языке: семантика нового слова, выступающего в роли компонента устойчивого словосочетания, порождает новую семантику. Таким образом язык обогащается новыми значимыми единицами, новыми смыслами.

Активное участие новых иноязычных слов в деривационных процессах, в особенности в словопроизводстве, свидетельствует о том, что процессы адаптации заимствуемой лексики имеют в XXI в. ускоренный, динамический характер. Ещё один факт, подтверждающий этот вывод, — относительно быстрый переход иноязычного неологизма с латиницы на кириллицу (например, в случае с такими словами, как *Web-* → *веб-*; *duty free* → *дьюти-фри*, *sra* → *сна*, *Twitter* → *Твиттер*, *hi-tech* → *хай-тек*, *iPad* → *айпад* и др.).

Следует, однако, отметить, что своеобразие новейшего периода состоит в том, что ускоренная адаптация иноязычной лексики ещё не является основанием для прогнозирования результатов заимствования. Множество иноязычных слов прошло фонетиче-

скую адаптацию, пишется кириллицей, имеет своё, строго индивидуальное значение, производные, но при этом остаётся на периферии языка — в пределах какой-либо языковой микросистемы (обычно обслуживающей ту или иную профессиональную, специальную сферу). Так, слова *саундчек*, *трибьют*, *трибьютный* (см. также в РОС: *трибьют-альбом*, *трибьют-группа*, *трибьют-диск*, *трибьют-проект*, *трибьют-шоу*) известны только рок-музыкантам; слова *тюнинг*, *тюниговать*, *тюнинговый*, *тюнигованный*, *затюнигованный*, *тюнигер* используются лишь автомобилистами и т.п. **Внутри** этой микросистемы слово действительно осваивается быстро. При этом большинство носителей языка могут не знать о существовании и функционировании этого слова или относить его к редким словам.

Подчеркнём, что в XXI в. ещё более усилился профессионально востребованный характер заимствования. Ещё более дробной, можно сказать, точечной стала специализация внутри той или иной отрасли знания, сферы деятельности, причём не только профессиональной. Сфера досуга и развлечений, туризм, спорт, кулинария, мода, даже сфера быта всё более усложняются, дифференцируются, предлагая «пользователю» огромное множество разнообразных услуг, мероприятий, программ, опций, вещей и т.п. Естественно, для всего этого требуются номинации. Иногда говорящий обходится сочетанием известных ему слов (*жидкое мыло*, *жидкие гвозди*, *сухие чернила*, *жёсткий диск*, *кредитная история* и т.п.), но всё же чаще ему требуется однословное наименование для обозначения реалии. Таким однословным наименованием становится либо новое производное слово (словообразовательный или семантический неологизм), либо новое заимствование. Возьмём для примера обозначения ставших за относительно короткий срок популярными разновидностей кофейных напитков. Так, в кофейной карте кафе или ресторана можем прочесть: *капучино*, *мокачино*, *латте*, *ристратто*, *глясе*, *мокко*, *американо*, *эспрессо* и проч. Ещё более разнообразны и многочисленны номинации в профессиональной сфере. См., например, обозначения разновидностей внешней рекламы: *акрилайт*, *беклайт*, *билборд*, *брендмауэр*, *видеоэкран*, *лайтбокс*, *маркиза*, *мультисфера*, *пиллар*, *пилон*, *ситилайт*, *сити-формат*, *скроллер*, *стела*, *суперборд*, *суперсайт*, *штендер* (список далеко не

исчерпывающий). Точно так же, к какой сфере жизни мы бы ни обратились, везде мы обнаружим разнообразие освоенных человеком и введённых в обиход видов и подвидов какой-либо реальности, имеющих словесное обозначение.

Количество таких обозначений в словарном запасе современного человека должно быть достаточно велико — для его незатруднённой коммуникации и успешной профессиональной деятельности. Отсюда действующие в языке тенденции: тенденция к интеллектуализации лексики [Лейчик 2003: 420—423] и тенденция к множественности наименований одного и того же объекта [Маринова 2008а: 464; Маринова 2011а: 104—105]. Современное заимствование является одним из важных, глубоких процессов, реализующих обе эти тенденции.

Такова общая характеристика лексического заимствования в русском языке начала XXI в. Остановимся подробно на тех аспектах обозначенной проблемы, значимость которых мы отметили выше.

2.2. Особенности формальной адаптации иноязычных слов на современном этапе

Термин *формальная адаптация* мы используем для обозначения некоторых видов адаптации (или освоения) заимствуемого слова, а именно таких, которые не связаны с лексической семантикой слова, т.е. с планом содержания, а затрагивают только внешнюю сторону слова — план выражения.

С этой точки зрения к формальной адаптации относятся:

— фонетическая адаптация (изменение звукового облика заимствуемого слова);

— графическая адаптация (изменение буквенного облика заимствуемого слова), сопровождающаяся в дальнейшем орфографической адаптацией⁸.

Формальная адаптация иноязычной лексики, в целом протекающая в начале XXI в. в русле традиции, имеет всё же некоторые новые черты, особенности.

Прежде всего отметим, что основным направлением адаптационных процессов в русском литературном языке является

ориентация на звучание этимона заимствуемого слова в языке-источнике, т.е. способ так называемой **практической транскрипции**, что соответствует традиции. Однако действие принципов практической транскрипции в настоящее время расширяется, и на некоторых участках подсистемы, которую представляют собой иноязычные слова, можно наблюдать что-то вроде отступления от нормы. К таким **отступлениям** мы относим:

1. Возможное отсутствие оглушения звонкого согласного на конце слова, особенно в речи молодых: *наб, группиз* ‘особо преданные поклонницы какого-л. певца’, *имидж, бейдж, месседж* ‘сообщение’, *фастфуд* и др.

Звонкое произношение конечного согласного в иноязычном слове приближает звучание слова к этимону — заимствованию из английского языка, которому не свойственно оглушение согласных на конце слова. Такая особенность отмечается и другими исследователями (см., например [Богданова 2003: 25]). В то же время Р.Ф. Касаткина пишет о том, что «на русской почве не привилось произношение конечных звонких согласных» [Касаткина 2007: 265]. Однако исследовательницей отмечается **возможное** отсутствие оглушения согласного в композициях на границе основы в словах *блюзмен, джазмен, дедлайн, субмарина* и др. [там же: 266].

2. Появление в русском языке слов с не встречавшимися ранее исходами *-ин, -жн* (*промоуин, фешн, экин, ресепин, фьюжн* и др.).

Ни в «Обратном словаре современного русского языка» [ОССРЯ], ни в «Грамматическом словаре русского языка» А.А. Зализняка [ГСРЯ] мы не обнаружили ни одного существительного, оканчивающегося сочетанием *-ин* или *-жн*. По традиции английские лексемы на *-tion* оформлялись в русском и других славянских языках (и оформляются до сих пор) путём субституции *-tion* > *-ция*, например: *modernization* < *модернизация*. Однако на рубеже XX—XXI вв. англицизмы на *-tion* или *-sion* всё чаще стали передаваться путём практической транскрипции (подробнее об этой группе англицизмов мы пишем в разделе 2.6).

3. Произношение с побочным ударением новых иноязычных слов, восходящих в языке-источнике к композитам или полиморфемным словам (*бойфренд, гешефтмахер, онлайн, офшор, нон-стоп, имиджмент* и др.).

Впоследствии побочное ударение может утрачиваться. См., например: *билборд* — *билборд*, *интерфейс* — *интерфейс*, *софт-вер* — *софтвер*, *тачпад* — *тачпад* (комп. ‘манипулятор, заменяющий компьютерную мышь в ноутбуке’), *хай-тек* — *хай-тек*, *хай-фай* — *хай-фай*, *хет-трик* — *хет-трик*, *флеш-моб* — *флеш-моб*, *фрилансер* — *фрилансер* и др. Однако чем длиннее слово, тем дольше задерживается на нём побочное ударение.

Возможно, в некоторых случаях действует определённая акцентная модель, как, например, в словах с конечным компонентом *-мейкер*, имеющим в русском языке значение ‘действующее лицо’, реже ‘действующий предмет’. Такие слова произносятся с двумя ударениями: *кофемейкер*, *бьютимейкер*, *имидж-мейкер*, *видеомейкер*, *демомейкер*, *маркетмейкер*, *плеймейкер*, *софтмейкер*, *спичмейкер*, *татумейкер*, *фильммейкер*, *хитмейкер*, *шлягермейкер*, *шоумейкер*, *траблсмейкеры* (в спорт. жаргоне ‘фанаты, ведущие боевые действия’), *нюсмейкер*, *инвентмейкер* (от invent ‘найти, открыть, изобретать, придумывать, создавать’ [НБАРС]), *ивентмейкер* ‘тот, кто является организатором какого-л. культурного события’ (от event ‘событие, происшествие’ [НБАРС]), *прайс-мейкер*. Заметим, что в русских производных, образованных с помощью *-мейкер*, данная акцентная модель сохраняется — *вирмейкер* комп. ‘разработчик вирусов’ [АЛ], *слухмейкер* (о том, кто распространяет слухи) [НСИС].

Тенденцией произносить иноязычное слово близко к «оригиналу» объясняется и произношение в подавляющем большинстве случаев твёрдого согласного перед гласным переднего ряда, иногда подкрепляемое написанием, — *флеш(ка)*, *фешн/фэшин*, *хэт-трик* футб. ‘три гола подряд’, *скинхед*, *тинейджер*, *беби* и др. Следует обратить внимание на то, что формируются целые группы одноструктурных слов, поступающих из одного языка-донора, которые произносятся единообразно (без варьирования) с твёрдым согласным в одном и том же структурном компоненте. Например, это слова с компонентом *-мейкер* (см. примеры выше), с конечным звуковым сочетанием *-мент* (*менеджмент*, *истеблишмент*, *имиджмент*, *импичмент*, *харассмент* — ср. ранние заимствования из франц. *департа[м’]ент*, *апарта[м’]енты*), с компонентом *-мен* (*бизнесмен*, *шоумен*, *яхтсмен*, *супермен*, *ук-мен*, *фронтмен*, *блюзмен*, *джазмен* — ср. ранние заимствования

джентль[м']ен, *конгресс*[м']ен, *спортс*[м']ен, *рекордс*[м']ен). Их произношение на русской почве уже «предопределено» тем произношением, с которым произносятся другие заимствованные слова похожей структуры, пришедшие из того же языка-источника примерно в одно и то же время.

Что касается конкурирующего с практической транскрипцией способа — транслитерации, т.е. ориентации на буквенный состав заимствуемого слова в языке-источнике, то **транслитерация** как способ передачи внешнего облика иноязычного слова в литературном языке используется в чистом виде нерегулярно (*сериал* < serial, *эскапизм* < escapism); как правило, транслитерация применяется при передаче определённой структурной части слова при **смешанном способе** (например, при передаче английских сочетаний с «г» или сочетания *-ing*: *промоутер*, *пирсинг*), а также используется в передаче иностранных онимов и некоторых аббревиатур (см. об этом раздел 2.8).

В субстандарте, напротив, транслитерация так же регулярна, как в литературном языке практическая транскрипция. Однако функция транслитерации в субстандарте нередко иная, чем в литературном языке, а именно **игровая**. Побуквенная передача иноязычия в жаргоне порождает экспрессивно звучащие единицы (*моуза* комп. 'мышь', *пага* комп. 'страница' — ср. англ. mouse, page). Особенно заметна игровая функция транслитерации в том случае, если жаргонизм, «полученный» таким образом, представляет собой вариант литературного слова (ср. *месседж* — *месага*, *менеджер* — *манагер*, *компьютер* — *компутер*, *панк* — *пунк* и др.). Экспрессивную функцию в субстандарте выполняют и другие способы формальной адаптации заимствуемых слов, несвойственные литературному языку вообще: намеренная омонимия, или фонетическая мимикрия, — *емеля*, *мыло* < < *e-mail*, *кликать* < *to click*; намеренное звуковое искажение слова — *юзверь* < user; усечение — *синса* < sensitivity (комп.) 'чувствительность манипулятора мышь' и др.

Как в литературном языке, так и в субстандарте новые иноязычные слова подвергаются **варьированию**.

Вариантность иноязычий на современном этапе имеет свои особенности. Если в предшествующие столетия, в частности в XIX в., одной из распространённых причин появления вариант-

ности было заимствование слова из разных языков-источников, то на современном этапе на первый план выступают иные факторы, а данная причина проявляет себя всё реже⁹, поскольку язык-источник преимущественно один.

В формальном варьировании слова значимыми оказываются причины **внутреннего** характера.

Так, многие среди варьирующихся иноязычных слов имеют неодинаковый фонемный состав в разных своих вариантах потому, что в передаче одного и того же иноязычного прототипа использованы разные способы — транскрипция и транслитерация (ср.: *супервайзер* — *супервизор* от англ. supervisor). Конкуренцией названных способов объясняется преобладание среди фонематических вариантов вокалических, не совпадающих в каком-либо гласном звуке (*яппи* — *юппи* от англ. uppie; *браузер* — *броузер* от англ. browser; *фан* — *фэн* от англ. fan), и консонантных, различающихся наличием/отсутствием отдельного согласного звука (*андеграунд* — *андерграунд* от англ. underground; *перформанс* — *нефоманс* от англ. performance; *бютимейкер* — *бютимейкер* от англ. beautymaker; *эйджизм* — *эйджеизм* от англ. ageism и др.).

К вариантности слова приводит и такой внутренний фактор, как существующая по объективным причинам вариантность в передаче чужой фонетической единицы. Например, разные способы передачи английской фонемы <w> дают говорящим варианты *вокмен* — *уокмен* (< workman), *вау* — *яуа* (< wow); разные способы передачи гласной [ə], передаваемой английской буквой «a», — варианты *аккаунт* — *эक्каунт*, *мерчендайзинг* — *мерчандайзинг* и др.

По-прежнему на появление формальных вариантов иноязычных слов оказывают влияние:

— принцип аналогии (см. ненормативный акцентный вариант *бармен* — по аналогии со словами *шоумен*, *супермен*, *яхтсмен* и др.);

— тенденция к перемещению ударения в многосложных словах в середину слова (*маркетинг* — ср. *маркетинг*);

— удобство произношения. Так, почти все слова на *-ин* имеют фонематические варианты с вставкой гласного — *паблик релейшен*, *промоушен*, *ресепшен* (реже — *рецепсион*), *сейшен*, *экиен* и т.п. См. также *кегель* — *кегель* [РОС].

Начиная с рубежа XX—XXI вв. отмечается появление формальных вариантов **новых разновидностей**. Так, среди **акцентных** вариантов иноязычных неологизмов можно выделить варьирующиеся единицы, различающиеся наличием/отсутствием побочного ударения (*билборд* — *билборд*). Абсолютно новой группой **вокалических** вариантов слова, различающихся наличием/отсутствием гласного звука, являются варианты слов на *-ин*.

Среди **орфоэпических** вариантов также выделились варьирующиеся единицы, ранее не встречавшиеся в русской речи. Это варианты, различающиеся произношением сочетания *дж*: в словах английского происхождения с сочетанием [дж], находящимся в позиции перед сонантом в середине слова (*имиджмейкер*, *менеджмент*), «допустимо произношение четырёх аффрикат: [дж], [д'ж'], [ч], [ч']» [Касаткина 2007: 268]. В позиции конца слова также возможно варьирование: после гласных сочетание *дж* произносится как [чш] или [ч] (*коттедж*, *хадж* 'паломничество мусульман'); после [j] или [и] (*бейдж*, *имидж*, *картридж*) как [чш], [ч], [ч'], [ч'ш'] (последнее сочетание характерно для односложных слов) [там же] или [дж]¹⁰ (возможно в речи молодёжи) [Богданова 2003: 25].

Новыми **консонантными** вариантами, различающимися наличием/отсутствием согласного в конце слова, являются варианты англицизмов, восходящих в языке-источнике к форме множественного числа. В одном из вариантов заимствованного слова согласная *-с*, передающая грамматический формант множественного числа *-s*, «отпадает»; при этом изменение фонетического состава слова не влияет на его значение, см.: *флаер* — *флаерс* 'рекламная листовка', *наблик рилейнз* — *наблик рилэйшн*, *фьючер* — *фьючерс*, *дартс* — *дарт* 'метание дротиков', *снэк* — *снэкс* 'лёгкая закуска', *группиз* — *группи* 'наиболее фанатичные поклонницы какого-л. певца, артиста'.

Относительно новыми являются **графические** варианты — варьирующиеся единицы, различающиеся наличием/отсутствием букв иного алфавита (латиницы). Некоторые слова иноязычного происхождения периодически употребляются в современных текстах в написании как **кириллицей**, так и **латиницей** (эта особенность сформировалась ещё в конце XX в.). См.: *айпад* — *iPad*, *апрески* — *aprus-ski* (об отдыхе после катания

на лыжах), *афте-пати* — *after-party* (времяпрепровождение после вечеринки), *бьюти* — *beauty*, *дьюти фри* — *duty free*, *лав-стори* — *love story*, *лук* — *look* ‘внешний вид, внешний образ человека; фотография, запечатлевающая это’ [НС-XXI], *фешн/фэшин* — *fashion*, *хай-тек* — *hi-tech*, *от-кутюр* — *haute couture*, *прет-а-порте* — *pret-a-porte*, *смоки айз* — *smokey eyes* (о модном макияже) и др.

В электронной форме речи — «живой письменной речи» — в начале XXI в. зафиксировано нетрадиционное для русской графики написание консонантных аббревиатур типа *СМС*, *ММС*: отмечается активность написаний этих аббревиатур **строчными** буквами, хотя графически они передаются только с помощью согласных букв: *смс*, *ммс*, *гпрс* (от *GPRS* < General Packet Radio Service ‘функция мобильного устройства, обеспечивающая выход в Интернет’), *нвн* (от *NWN* < «Neverwinter Nigts» — название компьютерной игры) и т.п. Такие написания — **новое для русской графики явление**, так как до сих пор строчными буквами передавались аббревиатуры, «созданные» путём транскрипции (*пиар*, *сидиром*, *ди-ви-ди*), или транслитерированные аббревиатуры, в составе которых есть гласный (*вин*). Заметим, что аббревиатуры, переданные строчными буквами (согласными), могут употребляться в электронной речи как склоняемые (см. об этом также раздел 2.8). См.: *Прислать в смсе*; *Написать в смсе*; *В смсе* — *рассказ, из чего сделаны наши девочки*; *И текст в ммсе посылаю и музыку*; *Текущая версия нвн-а* и др.

В заключение следует отметить, какие разновидности вариантов иноязычных слов, существующих ранее, исчезают, сокращаются. По нашим данным, исчезло варьирование *g—x* на месте иноязычного [h]. В современном русском языке новейшего времени придыхательный [h] в англицизмах передаётся только одним способом — русским согласным [x]. Некоторые словари ещё фиксируют пары *гамбургер* — *хамбургер*, *гандбол* — *хандбол*, однако «вживую» такая вариантность не встречается. Возможно, варианты с [x] сопровождали первый этап вхождения слова, а впоследствии были утрачены. Всё реже наблюдается варьирование в иноязычных словах, где безударный гласный передаётся буквой «о». По нашим данным, в новых англоамериканизмах (*компьютер*, *консалтинг*, *контроллинг*, *логин*, *модем*, *монитор*,

органайзер, попкорн, провайдер, софит и др.) безударный <о> произносится с редуцией, т.е. в соответствии с фонетикой русского языка, тогда как в «старых» заимствованиях орфоэпическая норма ещё предлагает вариант произношения безударного <о> без редуции (*с[о]нет, б[о]кал, р[о]яль, п[о]эзия* и т.п.). Нами отмечены варианты произношения безударного <о> — без редуции и с редуцией — лишь у слова *окей/о'кей*, причём на рубеже XX—XXI вв. такая вариантность ещё не наблюдалась: *окей* произносили с нередуцированным [о] (см. [Маринова 2008а: 91]). Слова же, в которых нередуцированный [о] произносится, — *мачо, лечо, карго, авизо, аудио, видео, парео, инкассо, студио* (компонент различных названий: группа «А-студио», «Софрон-студио») и др. — не имеют произносительных вариантов; отсюда можно сделать вывод, что абсолютный конец слова в несклоняемых существительных всё ещё удерживает норму произношения нередуцированного безударного [о].

Устранение (точнее, ограничение) вариантности может происходить и благодаря «вмешательству» специалистов. На основе действующих правил в области орфографии, орфоэпии, грамматики даются рекомендации по выбору того или иного варианта, а также разъясняется предпочтительность такого выбора. Однако в новейшее время закрепление в узусе того или иного варианта иноязычного неологизма иногда идёт вразрез с подобными рекомендациями, что произошло, например, со словом *массмедиа*. Нередко даже если то или иное написание нового слова рекомендовано словарём, оно продолжает «жить своей жизнью» и пишется вопреки рекомендациям. Так, «Русский орфографический словарь» рекомендует писать слитно слово *массмедиа* [РОС]. Однако наиболее частотным вариантом, по нашим данным, является вариант дефисного написания слова *масс-медиа* (см. об этом [Маринова 2012а: 105]). Например, вариант *масс-медиа* использован в названии монографии В.Г. Костомарова «Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой **масс-медиа**». См. также: *Промышленные концерны — владельцы влиятельных масс-медиа* (ЭКГ). По рекомендации указанного словаря следует писать слитно с другими словами иноязычный компонент *медиа* (*медиабизнес, медиахолдинг*), однако не только в СМИ, но и в научной (лингвистической) литературе можно встретить дефис-

ное написание подобных образований, см.: *медиа-сообщения, медиа-сцена* ‘информационное пространство’ и т.п.

Аналогичная ситуация наблюдается и с написанием слов *блогер, шопинг*. «Русский орфографический словарь» (РОС) рекомендует писать эти слова без двойной согласной (поскольку оба слова членимые и мотивируются имеющимися в языке словами *блог, шоп*), однако нормативные варианты приживаются плохо — с ними на равных конкурируют варианты *блоггер, шоппинг* [Маринова 2012б: 37]. Можно предположить, что в скором будущем подобному варьированию подвергнется слово *Твиттер*: после того как слово пришло в русский язык, перешло на кириллицу и даже стало базой для производных (*твиттерский, твиттеряне, твиттерство*), в русской речи появилось *твит*. Наличие этого слова «усложняет» морфемную структуру слова *Твиттер* (твит- + -ер), при которой, по орфографическим нормам русского языка, двойной согласный на морфемном шве исключается. Следовательно, можно ожидать, что РОС будет рекомендовать вариант *Твитер* (и, возможно, со строчной буквы).

В целом орфография большинства неологизмов иноязычного происхождения, вошедших в русский язык в последние десятилетия, ещё не устоялась (что будет отмечаться и далее). Норма как «механизм выбора вариантов» (Б.Н. Головин) в отношении написания многих слов ещё не «сработала». На наш взгляд, это свидетельствует о том, что освоение нового слова — живой процесс, результат которого для каждой приходящей в язык единицы индивидуален.

2.3. Отнесение иноязычных существительных к грамматической категории рода: новые явления

Говоря об общих структурных особенностях современных заимствований, нельзя не отметить тот факт, что подавляющее большинство иноязычных существительных оканчивается согласным звуком (что, видимо, также объясняется заимствованием из одного языка-источника). По этой причине родовая адаптация иноязычных субстантивов на рубеже XX—XXI вв. имеет свои особенности, а именно — значительно преобладают

существительные **мужского рода**. В основном это англоамериканизмы (*андеграунд, баннер, грант, дайджест, сайт, трекинг, холдинг* и проч.). По той же причине (консонантный исход) аббревиатурные по происхождению иноязычия, например *пиар, сидиром, хай-тек, хай-фай* (ср. PR, CD-ROM, Hi-tech, Hi-fi), также имеют грамматическое значение мужского рода. Следует отметить, что мужской род «безоговорочно» присваивается и существительным, оканчивающимся на мягкий согласный [л']. См.: *гель, гриль, мотель, мундиаль, пиксель* и др.

Зафиксированы даже такие существительные мужского рода, которые обозначают преимущественно лиц женского пола или только лиц женского пола (уникальные для литературного русского языка случаи). См.: *Работать бибиситтером; Искать бибиситтера* (*бибиситтер* 'приходящая няня или сиделка'); *Я пыталась быть чирлидером в 7-м классе, но меня не приняли* (*чирлидер* 'девушка из группы поддержки на спортивных состязаниях'); *Ряд успешных бизнесменов, бизнесвуменов и программистов* (ЭКГ)¹¹.

Иноязычные существительные, оформившиеся как существительные **женского рода**, редки (*нетарда, франшиза, шаурма* и др.). К новым явлениям на этом участке языка можно отнести тот факт, что ряд существительных (правда, их немного) оформляется как существительные женского рода (некоторые отражены словарно, например в [НСЗ]), несмотря на сильное структурное ограничение — твёрдый согласный на конце слова. Вот несколько иллюстраций: *Немецкая грин-кард; Пятидесятиминутная демо-тайп; Демо-тейп легла на стол* (*демо-тейп* 'пробная запись новых песен' [НСЗ]); *Очень важно, чтобы ваша ресепшион оставила у клиента или партнёра наилучшее впечатление* (реклама). При этом у слова теряется способность к словоизменению. См.: *Нам пока не удалось завоевать ни одной поул-позишн и одержать ни одной победы* (*поул-позишн* 'стартовая позиция, которую гонщик имеет право выбрать при условии победы в квалификационном заезде'); *На своей мерс пострадавший быстро догнал обидчиков* (ЭКГ). Такие употребления явно выбиваются из общего правила, согласно которому при заимствовании неодушевлённое склоняемое существительное на твёрдый согласный приобретает признаки существительного мужского рода.

Ранее (примерно до середины XX в.) заимствования на твёрдый согласный могли оформляться как существительные женского рода только в особых случаях. Это были экзотические наименования лиц женского пола, не имеющие в русском языке парадигмы словоизменения, т.е. несклоняемые: *мадам, мисс, миссис, фрейлейн, фрекен* и т.п.¹² На рубеже тысячелетий в эту специфическую группу феминитивов вошли новые лексемы, причём отнюдь не экзотические: *бизнесвумен, вамп, гёрлфренд*,¹⁴ *хостес* ‘девушка, встречающая посетителей ресторана и провожающая их к столику’, *кол-гёрл* ‘девушка по вызову’ и др.

Новое явление в русской речи — использование одушевлённого существительного женского рода для обозначения лица мужского пола. В.В. Виноградов писал, что употребление существительного женского рода в этой функции возможно только для характеристики мужчины¹³. В остальных случаях существительное женского рода всегда обозначает лицо женского пола [Виноградов 1986: 59—77]. На рубеже XX—XXI вв. в связи с «маскулинизацией в развитии профессий» (Е.А. Терпугова) стало возможным иное употребление феминитивов, называющих лицо по роду деятельности. Так, существительные женского рода *модель, супермодель, фотомодель, топ-модель* могут использоваться применительно к лицам мужского пола. См.: *Сладкие слова и наслаждение на лице бреющей рекламой модели* (ЭКГ).

Некоторые иноязычные существительные со значением лица (правда, число их весьма незначительно) приобрели в современной русской речи грамматические признаки существительных **общего рода**. См.: *хиппи, зомби, беби, комильфо* (подробнее об этих словах [Маринова 2008а: 153—155]). В эту же группу входит, по всей видимости, неологизм начала XXI в. *чайлдфри* ‘представитель движения семейных пар, не желающих иметь детей’: *Джон — типичный чайлдфри; Виктория — убеждённая чайлдфри*.

Следует отметить ещё одну особенность родовой адаптации заимствований: среди иноязычных неологизмов, имеющих формы словоизменения, нет ни одного существительного **среднего рода**. Существительные среднего рода всегда были редки среди заимствований (см. об этом [Бурганова 1988; Вуйтович 1993]). О непродуктивности категории среднего рода в целом,

её слабой выраженности, «крайней неустойчивости» писали В.В. Виноградов, Б.О. Унбегаун, С. Гардинер и др. Выводы этих и других учёных подтверждает современный материал «свежезаимствованной» лексики. В то же время в случае намеренного искажения грамматического значения рода в некодифицированной речи, в том числе в языке некоторых интернет-сообществ, часто избирается средний род. Происходит своеобразная экспрессивизация среднего рода в этих сферах речи; см., например: *файло* (файл), *мэйло* (имейл) и т.п. (см. также об этом [Зубова 2010]).

В кодифицированной речи грамматическая категория среднего рода возможна лишь у несклоняемых неодушевлённых имён существительных в силу действующего в русской грамматике правила, согласно которому всем несклоняемым неодушевлённым существительным присваивается средний род (правило не распространяется на аббревиатуры и имена собственные, а также некоторые исключения типа *авеню, салями, кофе, пенальти*). Однако именно на этом участке языка в настоящее время происходят значительные, на наш взгляд, изменения.

Остановимся на этом подробнее.

Наблюдения показывают, что многие несклоняемые неодушевлённые существительные, относящиеся к новой иноязычной лексике, употребляются в разных родовых значениях, причём либо слово употребляется как существительное, относящееся к **двум грамматическим родам**, либо как существительное, относящееся к **трём грамматическим родам**. К последним, например, относится слово *хэндс-фри* ‘устройство, предназначенное для «громкой связи» по мобильному телефону’. См.: *Подскажите плиз, работает ли какой хэндс фри с панасоником?* — из речи посетителя форума; *Есть штатная хэндс-фри* — из объявления; *Хэндс-фри новое* — объявление о продаже; *Спешите приобрести замечательное хэндс-фри*. Можно отметить также пример рефлексии говорящего по поводу рода этого техницизма. См.: *Кто знает: можно ли в Москве найти такой проводок и подойдет ли эта (этот) хэндс-фри к gsm аппарату?* (из речи посетителя форума). Как существительное всех трёх родов употребляются и слова *барбекю* (*Вошедшее в моду барбекю; Романтический барбекю; Вес каменной барбекю*), *фрисби* (*Купил новую фрисби*;

Модный фрисби; Запустил своё фрисби). В 90-е годы XX в. подобные родовые варианты отмечались и у слова *евро* (*евро падала* [НСЗ], *евро вырос, одно евро*), ещё раньше (на протяжении XX в.) у слов *виски, пенсне, такси* (см. об этом [Немченко: 1998]).

Большинство варьирующихся иноязычных существительных предстаёт в речи в значении каких-либо двух родов: мужского и среднего, женского и среднего, мужского и женского. Покажем это на примерах.

1. Иноязычное существительное употребляется как существительное **мужского и среднего рода**. Такое грамматическое «поведение» замечено у следующих слов:

ноу-хау — средний род: *Русское ноу-хау* и мужской род: *Он опробовал этот свой ноу-хау в позапрошлом году* (ЭКГ);

гран-при/Гран-при ‘высшая награда на фестивале’ — мужской род: *Гран-при был учреждён...*; *Гран-при присуждён...* и средний род: *Прошлое «Гран-при Испании» также выиграл Райкконен* (ЭКГ);

Сити/сити ‘деловой район города’ — мужской род: *Московский Сити*; *Лондонский сити* и средний род: *Лондонское сити*; *амаретто* — средний род: *Легко пилося амаретто* и мужской род: *Любимый народом амаретто*;

камаро ‘спортивный автомобиль’ — мужской род: *Американский камаро* и средний род: *Камаро резко понеслось*;

джамбори/джембори ‘слёт скаутов’ [НСЗ] — мужской род: *Всемирный джамбори* и средний род: *Планируемое джамбори*.¹⁵

2. Иноязычное существительное употребляется как существительное **женского и среднего рода**:

биеннале — средний род: *Поволжское биеннале* (название выставки в Нижнем Новгороде) и женский род: *Архитектурная биеннале*; *Стамбульская биеннале*; *Венецианская биеннале*;

джакузи — женский род: *Смело залезайте в свою джакузи*; *Итальянская джакузи* и средний род: *Джакузи было абсолютно стерильно*;

пати — женский род: *Пятничная пати*; *Замечательная пати* и средний род: *Закрытое пати*; «*Чёрно-белое пати*»; *Шумное пати*;

тату — женский род: *Свежая тату* и средний род: *Ваше тату не понравилось*¹⁶.

3. Иноязычное существительное употребляется как существительное **мужского и женского рода**. К этой группе вариантов относятся:

ауди — мужской род: *Служебный ауди* и женский род: *Красная ауди*;

вольво/Вольво — женский род: *Серебристая «вольво»* и мужской род: *Бронированный «Вольво»*.

Особый случай — родовое варьирование несклоняемого существительного, заканчивающегося согласным: *Первый демо-тейп*; *Неплохой демо-тайп*; *Демо-тайп записывался* и *Демо-тейп легла на стол*; *Пятидесятиминутная демо-тайп* (*демо-тейп/демо-тайп* ‘пробная запись новых песен’ [НСЗ]); *Вам понравится наш от-кутюр* (реклама); *Ювелирный от-кутюр* [КНС] — ср.: *от-кутюр* ж. и с. [РОС].

Варьирование по роду новых несклоняемых существительных объясняется как особенностями самой категории среднего рода — по словам Унбегауна, она наименее экспрессивная среди трёх родов, — так и отсутствием склонения у данных слов: если существительное не изменяется, значит, не имеет рода или этот род не является ни мужским, ни женским, а чем-то средним (см. об этом [Исаченко 1969: 170]), т.е. «эти слова фактически безродные, а родовая характеристика к ним прибавляется по принципу лат. *ne-utrum* (*genus*) ‘ни тот, ни другой (род)’» [Демьянов 2001: 111]. См. также точку зрения В.В. Виноградова: «Средний род становится складом для заимствованных слов, которые по своему звуковому или морфологическому облику не соответствуют типическим формам русских существительных» [Виноградов 1986: 76].

Однако в начале XXI в. позиция среднего рода для новых иноязычных ослаблена и держится, по аналогии с исконными существительными среднего рода на *-o*, в основном у существительных на *-o*: *видео*, *айкидо*, *бунгало*, *лечо*, *парео*, *сумо* (за исключением отдельных лексем, например *евро* — мужской род). Несклоняемые существительные, оканчивающиеся другими гласными звуками или согласным, приобретая признаки того или иного рода, чаще всего «ориентируются» на род их русских параллелей (аналогов, эквивалентов). В результате несклоняемые неодушевлённые существительные пополняют

не только класс имён среднего рода, но и классы существительных мужского и женского рода.

Например, существительные на *-и* могут относиться и к среднему роду (*киви, татами*), и к мужскому (*багги, гран-при, дьютти-фри*), и к женскому (*ауди, джакузи*). То же самое касается субстантивов на *-о* (*сумо* — средний род, *евро* — мужской род, *вольво* — женский род) и на *-у* (*тофу* ‘вид сыра’ — мужской род, *тату* — женский род, *ушу* — средний род). Существительные на *-е* могут быть либо среднего рода (*дефиле*), либо женского рода (*биеннале*); существительные на *-а* — либо мужского рода (*гала, гохуа, спа, гоа* ‘одно из направлений в музыке’ [КНС]), либо женского рода (*якудза, гелуг-па/гелугпа* ‘школа тибетского буддизма’ [КНС]).

По нашим данным, среди новых заимствований, пополнявших класс несклоняемых неодушевлённых существительных (всего более 70 единиц), около 50% слов не относится к существительным среднего рода или же варьируется: наряду с грамматическим значением среднего рода употребляются и в каком-либо другом родовом значении. Случаи «отклонения», т.е. приобретения признаков мужского или женского рода такими существительными, объясняются аналогией, основанной на **семантическом** сходстве — сходстве лексических значений иноязычного слова и его русского аналога (соответствия, синонима, перевода).

Смысловой аналогией заимствованного слова со словом-аналогом, в результате чего присваиваемый род расходится с родом, предписываемым грамматикой, нормой, можно объяснить, например, следующие факты:

— женский род слов *биеннале* (ср. *выставка*); *джакузи* (ср. *ванна*); *пати* (ср. *вечеринка*); *лав-стори* (ср. *история*); *кароси* ‘смерть от перенапряжения’ [НСЗ] (ср. *смерть*); *секьюрити* (ср. *охрана*); *тримурти/Тримурти* ‘триада главных богов в индуизме’ [КНС];

— мужской род слов *евро* (ср. *доллар, рубль*); *дьютти-фри* (ср. *магазин*); *васаби* (ср. *соус*); *гала* (ср. *праздник*); *аджилити* ‘вид кинологического спорта — преодоление собакой препятствий’ (ср. *спорт*); *буги-вуги* (ср. *танец*); *дохё/дохио* ‘помост для игры в сумо’ [НСЗ]; *тофу* (ср. *сыр*); *багги* (ср. *гоночный автомобиль*,

карт); *карго* (ср. *груз*); *гран-при* (ср. *приз*); *сити* (ср. *район, город*); *экстази* (ср. *психоделик*).

К новым, ранее не отмечавшимся, как нам кажется, явлениям относятся случаи формирования рода у **многозначного слова**, когда каждый лексико-семантический вариант оформляется индивидуально, получая своё родовое значение (некоторые случаи такого родового распределения отражены словарно). Так, интернет-поисковые материалы показывают, что слово *фрисби* в значении ‘пластмассовая тарелочка для игры’ употребляется чаще как существительное женского рода (*недорогая фрисби*) в значении ‘вид спорта’ — как существительное мужского рода (*пляжный фрисби; суточный непрерывный фрисби*). Слово *барбекю* как название блюда относится к существительным среднего рода (*вкусное барбекю*), в значении ‘пикник’ — мужского рода (*романтический барбекю*), в значении ‘печь, решётка’ — женского рода (*каменная барбекю*). Слово *карго* [КНС] в значении ‘груз’ относится к существительным мужского рода (*дешёвый карго*), в значении ‘стиль, фасон одежды, напоминающей рабочую одежду’ — к существительным среднего рода (*мужское карго*). Слово *киви* в значении ‘дерево’ относится к существительным мужского рода (*цветущий киви*), в значении ‘плод’ — к существительным среднего рода (*вкусное киви*). Ср.: одушевлённое существительное *киви* ‘птица’, омонимичное по отношению к слову *киви* в рассмотренных выше значениях, по разным данным, относится к существительным мужского [РОС] или женского рода [БТС]. Слово *кенгуру* [КНС] как название рюкзака — существительное мужского рода (*небольшой кенгуру*), как название фасона куртки — существительное женского рода (*молодёжная кенгуру*). Слова *биеннале* (*бьеннале*) и *триеннале* в значении ‘фестиваль’ относятся к существительным мужского рода (*традиционный биеннале*), в значении ‘выставка’ — к существительным женского рода («*Венецианская биеннале*») [РОС]. Слово *комильфо* как наименование лица — мужской или женский род, в собирательном значении — средний, как отвлечённое существительное в значении ‘благовоспитанность’ — средний род или мужской. См. примеры, извлечённые из НКРЯ: *Широченные кровати, золочёные бра, хрустальные вазы с фруктами — одним словом, классический набор номенклатурного*

комильфо («Авант-Партнер». 14.02.2005); *Мамаша Максима Пешкова совершенная «не комильфо»* («Новый мир». 15.09.2005); *А оркестр разделен на верхний и нижний ярусы: тот, что по краям сцены, в красных жилетках и белых рубашечках, — как бы Орлеанский джаз, тот, что в яме, — академическое комильфо* («Вечерний Петербург». 06.02.2003); *...мешает мне это проклятое интеллигентское комильфо!* («Эксперт». 25.12.2000); *«Сегодня в моде дорогой покой и полный комильфо», — говорит гендиректор компании Tweed* («Деловой Петербург». 22.06.2006).

Таким образом, в сфере несклоняемых неодушевлённых имён существительных наблюдается регулярное варьирование по роду. Это варьирование с точки зрения характера его внешнего проявления является **синтаксическим**, так как разная родовая принадлежность несклоняемого существительного выявляется только в контексте — окончаниями определения или сказуемого, выраженного формой прошедшего времени: *Евро должна увидеть свет 1 января 1999 г. — Евро когда-то падало. — Один евро*. Следует подчеркнуть, что варьирование по роду другого типа, **морфологическое** (оно выражается в разных родовых окончаниях **склоняемых** имён существительных), в современной речи затухает. В наших материалах зафиксировано всего семь случаев морфологического варьирования; шесть из них отмечены словарно — в динамических словарях [ТСРЯ; АЛ], словарях иноязычных слов [КССПТ; ТСИС]: *директория — директорий, оферта — оферт, страз — страза, бандана — бандан, дискета — дискет, кафетерий — кафетерия*. К настоящему времени в каждой паре вариантов уже выделилась доминанта (*директория, оферта, страз, бандана, дискета, кафетерий*). Не устоялся ещё родовой вариант в паре *копинаст — копинаста* ‘метод создания текста путём комбинирования цитат из разных источников’ (от англ. *copy-paste* ‘скопировать-вставить’).

Правда, расхождения по роду анализируемого типа могут быть также при окказиональном, игровом употреблении иноязычного слова. Так, в тексте рекламной вывески «*Наша честная сейла*» графический «гибрид» *сейла* имеет окончание женского рода, подобно слову *распродажа*. Однако существительное *сейл* (от англ. *sale*) употребляется преимущественно как существительное мужского рода: *Рождественский сейл; Полный сейл*

в голубом бутике «Эпоха» (рекламное объявление). В качестве ещё одного примера обыгрывания родового варьирования можно привести название с вывески кафе в Нижнем Новгороде — «*Кафетерія*» (с некоторым налётом архаичности).

Варьирование морфологического типа наблюдается также в субстандарте, где оно выполняет игровую функцию и имеет намеренный характер: жаргонизмы *лейбла* (*лейбл*); *файло* (*файл*); *мейло*, *имейла* (*имейл*); *эхо* (средний род), *эха* (женский род) и *эх* (мужской род) < *эхоконференция* 'область для переписки, почтовая конференция в FIDO' [АЛ; СЗА]; *инфо* (средний род) и *инфа* (женский род) < *информация* и др.

Однако в целом морфологическое варьирование заимствований в сфере новой лексики сходит на нет. (Для сравнения: в БАС зафиксировано около 200 вариантов этого типа: *базилик* — *базилика*, *канделябр* — *канделябра*, *банкнот* — *банкнота*, *жираф* — *жирафа*, *клавиш* — *клавиша* и др.) Напротив, синтаксическое варьирование новых иноязычий становится почти нормой. В чём причины этих изменений?

Обратимся к истории. Ранее (XVIII — конец XX в.) в процессе отнесения иноязычного существительного к категории рода в русском языке действовали три фактора:

а) генетический — влияние рода слова-прототипа в языке-источнике (отсюда устар. *вуаль* мужской род);

б) структурный, или фонологический, фактор — влияние финали слова: вокальный или консонантный исход слова;

в) парадигматический, или «внутрисистемный», фактор — влияние рода русского аналога, т.е. соотносительного по значению слова.

Действие сразу нескольких факторов приводило к родовому варьированию слова (*барьера* — *барьер*, *варианта* — *вариант*, *гаван* — *гавань* и т.п.). Причиной подобного варьирования также нередко было то, что варианты одного и того же слова могли приходиться из разных языков-источников: *визита*, *салата* — из польского и *визит*, *салат* — из французского [Sobik 1969; Фасмер IV]. Так в современном русском языке на базе заимствованных имён существительных формировались морфологические варианты, различающиеся родом.

С конца XX в. оформление слова с точки зрения родовой отнесённости упрощается: это связано с тем, что подавляющее большинство существительных заимствуется из английского языка, не имеющего грамматической категории рода. Значит, генетический фактор перестаёт действовать — остаются два фактора: структурный и парадигматический.

Среди **склоняемых неодоушевлённых** существительных жёстко действует **структурный** фактор, в результате чего они распределяются по двум родам: к мужскому роду относятся существительные на согласный (*дисплей, модем*), к женскому роду — на гласный (как правило, заимствования из других языков: *нетарда, пицца*). Жёсткое действие этого фактора проявляется, в частности, в том, что новозаимствованные существительные на мягкий согласный, как уже говорилось, приобретают формы мужского рода и не варьируются. Ранее, как известно, иноязычные слова, получив в русском языке конечную огласовку в виде мягкого согласного, нередко употреблялись (а некоторые употребляются до сих пор) то как существительные мужского рода, то как существительные женского рода. В специальной литературе подробно описано родовое варьирование слов *шампунь, канифоль, тюль, рояль, модель, бандероль* и др. — всего более 30 варьирующихся лексем (см., к примеру [Суперанская 1965; Немченко 1998: 21—22]).

В современной речи родовое варьирование существительных на мягкий согласный, по-видимому, затухает. Иноязычные слова рубежа XX—XXI вв., оканчивающиеся на мягкий согласный [л'], оформились как существительные мужского рода, независимо от того, из какого языка-источника они пришли. См.: *гель* (нем. Gel), *гриль* (франц. Griller), *шазюбль* (франц. chasuble) ‘женская летняя длинная одежда, надеваемая поверх брюк, платья’ [НСИС; АЛ], *мотель* (англ.), *пиксель* (англ. pixel) ‘минимальная единица изображения на экране’ [АЛ], *mundиаль* ‘чемпионат мира по футболу’ (исп.) [АЛ]. Причём род заимствованного слова и род его прототипа в языке-источнике могут и не совпадать. Ср.: *гель* — мужской род и нем. Gel — существительное среднего рода; *шазюбль* — мужской род и франц. chasuble — существительное женского рода.

Парадигматический фактор значим для **несклоняемых неодоушевлённых** существительных. Всё чаще род таких существитель-

ных оформляется под действием смысловой аналогии. Таким образом, новозаимствованное слово в процессе родовой адаптации вписывается в определённую парадигму принимающего языка. В то же время грамматическое правило о среднем роде (структурный фактор) тоже оказывает влияние на родовую принадлежность слова, что и приводит к его синтаксическому варьированию по роду (*один евро* и разг. *одно евро*).

Таким образом, грамматика языка по-своему реагирует на приток заимствований. Сами же заимствования выявляют некоторые наиболее подвижные, неустоявшиеся участки и механизмы языка, подверженные изменениям. Одним из таких механизмов является норма. Тот факт, что в ряде случаев окончательный родовой вариант иноязычного существительного ещё не утвердился в реальной речевой практике, означает, что норма как механизм выбора вариантов ещё не сработала. По-видимому, в словаре следует фиксировать конкурирующие варианты (как это делается, например, в некоторых словарях, см. далее) и в то же время предлагать, отмечать вариант, соответствующий правилу русской грамматики. Кодификация же только одного варианта, очевидно, преждевременна (не случайно в разных словарях по-разному фиксируется род некоторых несклоняемых существительных).

В заключение раздела приведём данные словарей, подтверждающие наши выводы:

ауди — мужской род [РОС]; мужской род [НСЗ]; женский род [ТСРЯ]

амаретто — средний род и мужской род [НСЗ]

барбекю — средний род [РОС]; женский род и средний род [НСЗ]; средний род [БТС]; средний род [КНС]

биеннале/бьеннале — мужской род ('фестиваль') и женский род ('выставка') [РОС]; женский род и средний род [БТС]; женский род [АЛ]; средний род [ТСИС]; средний род [АЛ]; женский род, неправ. *очередное биеннале* [КНС]

бордеро — средний род и мужской род [КНС]

бэккантри/беккантри (вид спорта) — мужской род и средний род [КНС]

вольво — мужской род [РОС]; женский род [ТСРЯ]

гохуа (вид китайской живописи) — женский род и средний род [РОС]

демо-тейп — мужской род и женский род [НСЗ]

джакузи — средний род [РОС]; женский род [НСЗ]; женский род и средний род [АЛ]; средний род [БТС]; средний род [ТСИС]

джамбори — мужской род и средний род [НСЗ]

евро — мужской род, женский род и средний род [НСЗ]; мужской род и средний род [АЛ]; мужской род [РОС]; мужской род [БТС]; мужской род, неправ. *одно евро* [КНС]

карга ('груз') — средний род [РОС]; средний род [БТС]; мужской род [ТСИС]; мужской род (о грузе) и средний род (о фасоне одежды) [КНС]

камаро — мужской род и средний род [НСЗ]

киви — мужской род и средний род (дерево и плод) [РОС]; средний род (дерево) [БТС]; средний род [ТСИС]

киви ('птица') — мужской род [РОС]; женский род [БТС]; женский род [ТСИС]

от-кутюр — женский род и средний род [РОС]; мужской род [КНС]

пати — женский род [РОС]; женский род и средний род [АЛ]

тату — средний род [РОС]; женский род [АЛ]; женский род [БТС]; средний род [ТСИС]

тофу — средний род [РОС]; мужской род [БТС]; мужской род [ТСИС]

триеннале — мужской род ('фестиваль') и женский род ('выставка') [РОС]; женский род и средний род [БТС]; средний род [ТСИС]

сити — мужской род и средний род [РОС]; мужской род [СЗА]

ска (стиль в музыке) — мужской род и средний род [КНС]4

статус-кво — мужской род и средний род [КНС]

фэнтези — средний род [РОС]; средний род [БТС]; женский род [АЛ]; мужской род (о жанре) [КНС]

фэн-шуй — мужской род и средний род (нескл.) [РОС]; мужской род [АЛ]; мужской род [КНС]

цицero (шрифт) — мужской род и средний род [РОС]; средний род [БТС]; мужской род [ТСИС]

якудза — женский род, нескл. (о мафии) и мужской род (о мафиози) [РОС].

2.4. Особенности адаптации иноязычных существительных, восходящих к сложным словам и словосочетаниям в языке-источнике

Одна из особенностей современного заимствования — закрепление в заимствующем языке имён существительных, генетически восходящих к словосочетанию или сложному слову в языке-источнике. Такие единицы называют лексикализованными иноязычными структурами¹⁷. В процессе их семантического освоения принимающий язык в большинстве случаев копирует сумму значений, складывающуюся из значений слов, входящих в словосочетание, или частей композита, см.: *от кутюр* и франц. *haute couture* ‘высокая мода’; *паблик релейшнз* и англ. *public relations* ‘связи с общественностью’; *лав-стори* и англ. *love story* ‘история любви’; *ар брут* и франц. *ar brut* букв. ‘грубое искусство’ и проч.

Адаптация заимствований, относящихся к этой группе, во-первых, имеет общие черты; во-вторых, протекает иногда вопреки сложившейся традиции. Так, для их освоения **в письменной речи** характерно прежде всего орфографическое варьирование (слитное, дефисное или раздельное написание). В наших материалах орфографическая неустойчивость обнаружена у следующих слов (первыми в парах даны нормативные, согласно РОС, варианты): *бизнесумен* — *бизнес-вумен*, *бодибилдинг* — *боди-билдинг*, *виджей* — *ви-джей*, *гёрлфренд* — *гёрл-френд*, *дежавю* — *дежа-вю*, *диджей* — *ди-джей*, *дедлайн* — *дед-лайн* ‘предельный срок’, *инет* — *и-нет*, *кикбоксинг* — *кик-боксинг*, *кол-гёрл* — *колгёрл*, *кун-фу* — *кунфу*, *луна-парк* — *лунапарк*, *ноу-хау* — *ноухау*, *нюсмейкер* — *нюс-мейкер*, *онлайн* — *он-лайн*, *офлайн* — *оф-лайн*, *офшор* — *оф-шор*, *ПИН-код* — *пинкод*, *прайм-тайм* — *праймтайм*, *прайс-лист* — *прайслист*, *саундчек* — *саунд-чек* ‘репетиция, настройка инструментов непосредственно перед концертом’, *сим-карта* — *симкарта*, *скейтборд* — *скейт-борд*, *скинхед* — *скин-хед*, *смартмоб* — *смарт-моб*, *супермаркет* — *супер-маркет*, *таймшер* — *тайм-шер*, *тимбилдинг* — *тим-билдинг* ‘сплочение коллектива’, *ток-шоу* — *токшоу*, *уик-энд* — *уикенд*, *ушу* — *у-шу*, *фастфуд* — *фаст-фуд*, *флешмоб* — *флеш-моб*, *форс-мажорный* — *форсмажорный*, *фристайл* — *фри-стайл*,

футзал — *фут-зал*, *хай-фай* — *хайфай*, *хедхантер* — *хед-хантер*, *шоумен* — *шоу-мен* и др. Колебания в написании «слитно/через дефис» испытывают также *халфпайп* — *халф-пайп* ‘катание на доске в полутрубе, сделанной из плотного снега или вырытой в земле и покрытой снежным слоем’, *хэндмэйд* — *хэнд-мэйд* ‘что-либо, сделанное вручную’ и др.

В некоторых случаях варианты различаются дефисным/раздельным написанием: *от-кутюр* — *от кутюр*, *паблик-рилейшенз* — *паблик рилейшенз* и др. Слова *массмедиа*, *мейкап* зафиксированы нами в трёх орфографических вариантах: *массмедиа* — *масс-медиа* — *масс медиа*, *мейкап* — *мейк-ап* — *мейк ап*.

Неупорядоченность в написании иноязычных слов, этимологически восходящих к сложным словам, объясняется действием нескольких, порой противоречивых факторов, а именно — написанием этимона в языке-источнике; членимостью слова на компоненты, являющиеся в русском языке отдельными словами; наличием в русском языке слов, имеющих тот же словообразовательный компонент (последний фактор предполагает учёт написания таких слов, а также слов, входящих в тот же лексико-семантический разряд и имеющих аналогичную структуру) [Нечаева 2003: 50—51]. (О проблеме слитного — дефисного написания иноязычных слов см. также [Кузьмина 2001: 408—409].)

В устной речи многие иноязычия, этимоны которых в языке-источнике представляют собой сложное слово (или сочетание слов), произносятся с **побочным ударением**, как поликорневые слова исконного происхождения типа *вóдоизмещéние*. Например: *армрестлинг*, *билборд*, *боди-арт*, *бодибилдинг*, *бодибилдер*, *бодигард*, *бойскаут*, *бойфренд*, *брейк-данс*, *бэбиситтер*, *данс-пол*, *джиу-джитсу*, *копирайтер*, *массмедиа*, *матчбол*, *матч-пойнт*, *нон-стоп*, *ноу-хау*, *овердрафт*, *овертайм*, *ол-инклюзив*, *плей-офф*, *прайм-тайм*, *саундтрек*, *секонд-хэнд*, *сноубординг*, *фанфикшн*, *фастфуд*, *хэндс-фри*, *шоумен* и др.

Данная акцентологическая особенность (наличие побочного ударения в словах, не являющихся сложными с точки зрения языка-реципиента) характерна «главным образом для недавних и ещё плохо освоенных заимствований» [Крысин 2001: 193]. Ср., например, акцентуацию «старых» заимствова-

ний *футбол, волейбол, баскетбол* (с одним ударением) и новых заимствований с элементом *-бол: пейнтбол, страйкбол* ‘военно-командная игра с применением копий реального боевого оружия, изготовленных из металлопластика’, *стритбол, трекбол* комп. (от англ. trek ball) ‘шаровой манипулятор’ (с побочным ударением).

По мере освоения слова появляются варианты акцентуации: *билборд* и *билборд*, *интерфейс* и *интерфейс*, *тачпад* и *тачпад* комп. ‘манипулятор, заменяющий компьютерную мышь в ноутбуке’ (от англ. touchpad), *хай-тек* и *хай-тек*, *хай-фай* и *хай-фай*, *хет-трик* и *хет-трик*, *флешмоб* и *флешмоб*, *фрилансер* и *фрилансер* и др. Переход к одному словесному ударению происходит быстрее, если слово двух- или трёхсложное, т.е. имеет оптимальную (для русского языка) длину. Чем длиннее слово, тем дольше задерживается на нём побочное ударение. В некоторых случаях действует определённая акцентная модель, как, например, в словах с конечным компонентом *-мейкер*, которые произносятся с двумя ударениями (см. раздел 2.2).

У слов, этимологически восходящих к сложным словам или словосочетаниям, обнаруживается (в устной и письменной речи) и такая особенность, как **варьирование по признаку склоняемости/несклоняемости**. Ср., например: *Производители фастфуд* и *Индустрия фаст-фуда*; *Интервью с суперстар* и *Фильм голливудского суперстара*; *Время для прайм-тайм/для прайм-тайма*; *По данным Гринпис* и *Представители Гринписа*; *Прелести ол-инклюзив/ол-инклюзива*. У некоторых лексем (*грин-кард, кантри-мьюзик, от-кутюр, плей-офф, смарт-кард*) словоизменение отсутствует вовсе, несмотря на консонантный исход слова, что, безусловно, противоречит грамматической системе русского языка (см. также об этом раздел 2.4).

Особенности адаптации «псевдосложных» слов проявляются и с точки зрения их словообразовательной продуктивности. На первом этапе вхождения в язык такие слова какое-то время остаются пассивными в плане словопроизводства, по сравнению со словами иной структуры. Возможно, задержка в образовании дериватов связана с их очевидной иноязычностью (расчленённость структуры таких слов обычно чувствуется носителями принимающего языка даже при школьном уровне

знания иностранного языка), часто неблагозвучием, отсутствием обычной грамматической оформленности в случае с несклоняемыми существительными и т.п. (см., например, отсутствие в литературном языке производного прилагательного от слов *бизнесвумен, шоумен, брейк-данс*). Однако такая задержка характерна для кодифицированной сферы речи, в то время как в электронной форме речи, имеющей некодифицированный характер, дериваты (относительные прилагательные) возможны и весьма распространены. Вот только некоторые примеры: **фастфудовское** питание; **хэндсфришный** динамик (*хэндс-фри* ‘техническое устройство, обеспечивающее громкую связь’); **хендмейдовые** двери; **пльзйоффовская** серия игр; **моя гринкартовская** история; **ноухаувские** предохранители; **тимбилдинговые** игры (упражнения и т.п.); **уикендовский** опрос (видеомикс), **уикендовская** порция анекдотов, **уикендовские** газеты и т.п.; **флешмобовский** сайт (ролик), **флешмобовские** украшения; **бодибилдинговое** питание; **виджейский** пульт (вечер); **бэбиситтерское** агентство, **бэбиситтерские** обязанности; **кикбоксинговый** клуб; **бойфрендский** свитер; **бойфрендская** рубашка; **гёрлфрендские** отношения; **дедлайновый** ажиотаж и др.

На наш взгляд, именно в этих неофициальных сферах общения заимствования смело русифицируются, а их деривационные возможности проходят своеобразную проверку. Впоследствии производные от иноязычных единиц прилагательные закрепляются в литературном языке, кодифицируются. См. зафиксированные в РОС *от-кутюрный* (*от-кутюрные* украшения); *нюсмейкерский* (*нюсмейкерские* списки); *офшорный* (*офшорная* зона); *прайм-таймовый* (*прайм-таймовое* время); *скинхедовский* (*скинхедовская* обувь); *таймшерный* (*таймшерный* отель); *фрестайловый* (*фрестайловые* традиции); *футзальный* (*футзальные* игры); *диджейский* (*диджейский* пульт); *онлайнный* (*онлайнный* магазин); *офлайнный* (*офлайнный* режим); *массмедийный* (*массмедийный* курс) и др.

Таким образом, активно пополняемая в начале XXI в. группа заимствований, восходящих в языке-источнике к сложным словам или словосочетаниям, оказывается источником новых явлений, требующих внимания со стороны лингвистов для прогнозирования языкового развития.

2.5. Грамматическое и лексическое поведение «инговых» существительных в современной русской речи

Число англицизмов в русском языке увеличилось к началу XXI в., по данным разных учёных, более чем в 5 раз (см., например [Володарская 2002]). Эта цифра отражает и увеличение в русском языке заимствованных из английского языка существительных на *-инг* типа *тренинг*, *мониторинг*. Так, в «Грамматическом словаре русского языка» А.А. Зализняка зафиксировано около 40 «инговых» существительных [ГСРЯ]; в наших материалах — свыше 200.

Это заметно пополняемая с конца XX в. группа иноязычий, причём не только в русском языке, но и в других славянских языках. В чешском экспансия «ингов» привела к тому, что некоторые из них не подчиняются традиционной графической адаптации. Как пишет Й. Мравинацева, ранее конечный *g* заменялся на *k*, что соответствовало фонетической системе чешского языка (*mitink*, *marketink*). Сейчас некоторые «инговые» существительные остаются неадаптированными (*rating*, *peeling*, *holding* и др.) [Mravinacova 2005] (см. также об этом [Коряковцева 2013: 15]). Безусловно, не могли не произойти изменения в освоении существительных на *-инг* и на русской почве. Об этих изменениях и пойдёт речь в данном разделе.

Первая реакция лингвистов на количественный рост «инговых» существительных в конце XX в. была следующая: функционирование таких англицизмов в русской речи приводит к деформации русской морфологии (см., например [Сэшан 1996: 46—49]); они «имеют дефектную парадигму склонения», так как в большинстве своём пополняют группу существительных *singularia tantum* [Костомаров 1999]. Так, слова *тренинг*, *мониторинг*, *маркетинг* употребляются в речи только в форме единственного числа [там же].

Современное употребление «инговых» существительных, в том числе названных выше, эти опасения не подтверждает. Напротив, наши материалы показывают, что формы множественного числа регулярны сейчас для подавляющего большинства слов на *-инг*. Есть эти формы и у существительных *тренинг*, *маркетинг*, *мониторинг*. См.: *Семинары и тренинги в Москве*;

*Помещения для **тренингов**; Плановые **мониторинги**; Данные **мониторингов**; 5 **маркетингов**: как правильно расставить приоритеты и т.п.*

Особо отметим тот факт, что формы множественного числа образуются с большой степенью регулярности и от отвлечённых существительных, которые значительно преобладают среди «инговых» существительных (приблизительно 75,8% от общего числа). Например, слово *прессинг* имеет формы множественного числа в каждом своём значении — и в прямом ('активная форма защиты в футболе'), и в переносном ('давление, нажим'). См.: 1. *Все эти **прессинги** и перепасовки означают прежде всего борьбу за командный ритм* (ННТВ. 03.05.2000). — 2. *Но никакие полицейские кордоны, запреты, **прессинги** сверху и даже насильственные меры власти не заглушат сознания полного ее банкротства* (kprf.perm.ru).

Однако, в отличие от конкретных имён типа *брифинг* — *брифинги*, при употреблении **отвлечённого** существительного в форме множественного числа происходит семантический сдвиг, отличающий данную форму от формы единственного числа. В плюральной форме отвлечённое «инговое» существительное может обозначать конкретные (поддающиеся счёту) проявления действия. Ср., например, эти значения у слова *рестайлинг* 'обновление стиля автомобиля' в следующих контекстах: ***Рестайлингу** автомобилей не принято уделять много внимания.* — *А в каком году были **рестайлинги** 206-го и 307-го «пижо»?* (форум). См. также: *Как же мне дороги эти «субботные **шопинги**» у населения — пробки похлеще, чем в рабочий день* (форум); *Улучшить к.-л. конкретного индивидуума может именно конкретная среда его общения, в т.ч. и **моббинги**, в которых он принимает участие* (community.livejournal.com); *В школе потом, уже ближе к подростковому возрасту, начались всякие **моббинги** и разборки, они оставили глубокий след, хоть и преодолимый в итоге (моббинг 'преследование, притеснение')*.

Такие сдвиги обнаружены и у слов *армрестлинг*, *диллинг*, *дем-пинг*, *киднеппинг*, *мастеринг* 'запись музыки в специальных студиях', *рекрутинг* 'найм рабочей силы', *стретчинг*, *толлинг* 'форма сотрудничества компаний', *футинг* 'ходьба в быстром темпе' и др.

В форме множественного числа у отвлечённого «ингового» существительного могут появляться, кроме указанного выше, и другие оттенки. Например, возможно указание на **разновидности** действия: действие, происходящее в виде **мероприятия**; действие, предлагаемое в качестве **услуги**. См. названия разновидностей процедуры пилинга (очистки кожи): *Корректирующие пилинги*; *Химические пилинги*; *Фруктовые пилинги* и др. См. также: *Актёрские кастинги*; *Животные кастинги*; *Мобильный и телефонный банкинги*; *Дошкольные скрининги*, *школьные скрининги*, *скрининги для взрослых*; *Парциальные лифтинги*; *Новые тюнинги*; *Ру-коучинги* и *бизнес коучинги*; *Ситуативный, транзитивный коучинги* (коучинг ‘консультация с персональным наставником по вопросам бизнеса и психологии’); *Ручной и авто сёрфинги*.

В случае, когда в семантике отвлечённых «инговых» существительных при их употреблении в форме множественного числа появляется сема ‘мероприятие’ или ‘услуга’, актуализируется сема **повторяемости** действия (такое приращение смысла характерно для отвлечённых существительных в целом — см. об этом, в частности [Розенталь 1987: 148]). Например: *Сэмплинги используются для стимулирования сбыта* (сэмплинг ‘бесплатная раздача пробных образцов продукции’).

Сему ‘мероприятие’ часто приобретают «инговые» существительные спортивной и туристической тематики (*Woodbury имеет скоростной спуск, рассчитан на сноубординги*, *катание на санях*; *Активный отдых на озере Нарочь, кайтинги и виндсёрфинги*; *В основном все дайвинги происходят на южном направлении*; *Рафтинги, джипинги и каньонинги с конными прогулками прошли мимо*; *Трекинги и сплавы в Гималаях* и под.); сему ‘услуга’ — «инговые» существительные экономической или финансовой сферы: *Биржевые операции: операции с акциями, операции на срочном рынке, финансовый советник, доверительное управление, интернет-трейдинги* (трейдинг ‘торговля ценными бумагами без посредников между трейдером и биржей’); *Новый субъект фармрынка — кредитные факторинги* (факторинг фин. ‘коммерческая операция по доверенности, перепродажа права на взимание долга; услуга, связанная с получением денег за продажу в кредит’ [ТСРЯ]); *Подтверждение сделок и неттингов* (неттинг

фин. ‘часть клиринга, процесс, при котором денежные требования клиента зачитываются против его денежных обязательств’); *Техническое обслуживание клиентов, хостинг, провайдинг* и др.

Отметим, что толковые словари не фиксируют подобные «сдвиги» как новые лексико-семантические варианты или оттенки значения, но на самом деле полисемия отвлечённых имён существительных, в том числе «инговых», нередко развивается именно на основе этих сдвигов. Причём при развитии полисемии новое, конкретное значение реализуется не только при употреблении словоформы множественного числа, но и **при употреблении формы единственного числа**. Так проявляется связь двух основных типов адаптации иноязычного слова — грамматической и семантической.

Незатруднённое включение отвлечённых «инговых» существительных в традиционное грамматическое противопоставление по числу происходит благодаря устойчиво действующим в языке метонимическим моделям, по которым обычно развивается полисемия:

I. Действие → результат

Ср. *рейтинг* ‘оценка чьей-то деятельности, популярности’ (отвлечённое значение) и ‘разновидность (жанр) массмедийной продукции, содержащей сведения о степени популярности кого-, чего-л.’ (конкретное значение): *Каталоги и рейтинги; Рейтинги и обзоры* (ср. подобное конкретное значение у более раннего заимствования *рейтинг-лист* ‘список оцениваемых предприятий, товаров’ [НСЗ-70; АЛ]). Конкретное значение слово *рейтинг* имеет и в контекстах типа *Политик участвовал в 40 рейтингах* (ср. *конкурсах* и т.п.).

II. Действие → средство

Слова *пилинг, пирсинг, стайлинг* как отвлечённые существительные обозначают процессы (соответственно ‘очистка кожи’, ‘прокалывание различных частей тела и укрепление в образовавшемся отверстии украшений’ [НСИС], ‘формирование стиля причёски’), в то же время они употребляются в современной речи и в конкретных значениях (при этом могут использоваться плюральные формы). См.: *пилинг* ‘крем, убирающий верхний слой кожи’; *пирсинг* ‘украшение’: *Здесь вы можете заказать*

ювелирные изделия из золота, купить **пирсинги** (реклама); *Шампуни, бальзамы, маски и **стайлинги** (реклама)*. См. также подобный перенос в словах спортивной лексики: *Ребятам обязательно надо... облить пресной водой снаряжение (вёсла, спасжилеты, катамаран, плоты, каяки, **виндсёрфинги**)*; *К сожалению, практически нет развлечений (бананы и прочие **парасейлинги** отсутствуют...)*; *Где-то вдали над озером планировали дельтапланы и **параглайдинги** и под.*

III. Действие → место

Слова *боулинг, скейтбординг, шейпинг, яхтинг* и др. используются в современной речи для обозначения не только вида спорта, но и места для занятий соответствующим видом спорта, см.: *Все **боулинги** Москвы и Санкт-Петербурга (реклама)*; *Салоны красоты, бассейны, **шейпинги**, солярии (реклама)*; *Все, что касается средств размещения и сопутствующей сферы услуг: гостиницы, **яхтинги**, рестораны, магазины, парки развлечений, — все это будет делаться в ближайшее время (ЭКГ).*

IV. Действие → лицо (по роду деятельности)

См.: *На одной площадке «ломали» локти силачи-**армреслинги**; **Бодибилдинги** любят только свою фигуру (форум)*; *Даже самым ранним утром — легковые машины, велосипеды, даже два десятка **джоггингов...***; *Женщины должны чем-то выделяться... Но это уже не тургеневские барышни, это уже **кикбоксинги** какие-то (из интервью)*; *Заходим в сервисный зал, смотрю — **клининги** натирают тряпками мебель (форум).*

Наблюдение за употреблением в русской речи новых «инговых» существительных показывает, что они стали более последовательно русифицироваться с точки зрения числового противопоставления (слов на *-инг*, не зафиксированных нами в форме множественного числа, немного, около 7%). Следует отметить также, что ряд слов на *-инг* употребляется **преимущественно в форме множественного числа**: *тренинги* ‘кеды, полукеды, спортивные тапочки’; *карвинги* ‘укороченные горные лыжи с зауженной серединой и широкими концами’; *драйвинги* ‘гонки как вид компьютерной игры’ (ср. жарг. *гонялки*); *хакинги* ‘высокие массивные ботинки со шнуровкой, элемент экипировки панков’ [СЗА]. Такие неосемантизмы в результате лексикализации

множественного числа пополнили разряд существительных *pluralia tantum*.

В адаптации исследуемых англицизмов есть и другие особенности. Так, слова на *-инг*, как правило, сразу получают кириллический вариант написания, минуя стадию «вкрапления», т.е. написания в оригинальной графике (см. об этом также раздел 2.5). Новая особенность в освоении «инговых» субстантивов — способность образовывать глаголы: *дриблинговать* ‘искусно вести мяч или шайбу’ (ср. *дриблинг*) [АЛ; КНС], *кастинговать* (разг.) ‘проводить кастинг’ [АЛ], *киднеппинговать* ‘заниматься киднеппингом’, *пирсинговать* ‘подвергать пирсингу (прокалыванию)’ [АЛ], *прессинговать* ‘осуществлять прессинг, подвергать прессингу’ [АЛ], *рейтинговать* ‘выводить рейтинг’ [АЛ], *трейдинговать* ‘заниматься трейдингом (продажей и последующей покупкой товаров, акций и т.п.)’, *шопинговать* ‘ходить по магазинам, заниматься шопингом’, *брифинговать* (оказ.) — ...*три силовых министра в камуфляже / предстали, откровенно брифингуя...* (В. Вишневский. «Декабрь-84»). До недавнего времени от «ингового» существительного в русском языке был только один глагол — *митинговать*.

Особо следует отметить тот факт, что отдельные «инговые» существительные относятся к **мотивированным** словам (о понятии *мотивированное иноязычное слово* см. раздел 2.1). Например, *банкинг, консалтинг, тренинг, паркинг, прессинг, тестинг* имеют в русском языке однокоренные слова (ср. *банк, консультировать, тренировать, парковать, пресс, тест*). Мотивированность объясняется и общим, заметным структурным признаком — формантом *-инг*, уже давно претендующим на роль продуктивного суффикса русского языка¹⁸.

В целом заимствование и адаптация существительных на *-инг* наряду с заимствованием некоторых других групп иноязычных слов свидетельствуют о том, что в русский язык всё чаще поступают уже не отдельные лексические единицы, а готовые парадигмы, микросистемы (о чём уже говорилось в разделе 2.1). Это позволяет пересмотреть традиционную точку зрения на заимствование, согласно которой каждое конкретное слово заимствуется как таковое, отдельное, единичное слово, а не как член какой-либо целой системы (А.И. Смирницкий).

2.6. Англицизмы с уникальным для русского языка консонантным исходом: особенности функционирования

В этом разделе речь пойдёт о словах, появившихся в русской речи относительно недавно. Все они восходят к английским существительным, оканчивающимся на *-ion*, например: *action* → *эжшн*, *session* → *сейшн*, *fashion* → *фешн*.

В русском литературном языке до рубежа XX—XXI вв. слов с исходом на *-шн* не существовало. Ни в «Грамматическом словаре русского языка» А.А. Зализняка [ГСРЯ], ни в «Обратном словаре современного русского языка» [ОССРЯ] мы не обнаружили ни одного слова, оканчивающегося сочетанием *-шн* или *-шен*.

По традиции английские лексемы на *-tion* оформлялись в русском и других славянских языках (и большинство оформляется до сих пор) путём субституции (*-tion* > *-ция*). Например: *анимация* — *animation*, *номинация* — *nomination*, *инаугурация* — *inauguration*, *инновация* — *innovation*, *инсталляция* — *installation*, *опция* (комп.) — *option* и др. Формант *-tion*, регулярно подвергающийся замене в русском и других славянских языках, входит в состав слов, восходящих к латинскому источнику. В древнерусском языке латинизмы типа *substantia*, *reformatio* оформлялись с аффрикатой (процесс перехода *ti* > *tsi*, *te* > *tse* в поздней латыни был завершён ко времени появления первых письменных памятников древнерусского языка), *-io* заменялось на исконно славянское окончание *-ия* [Демьянов 2001: 80]. Такая модель передачи впоследствии распространилась и на европеизмы латинского происхождения, оканчивающиеся на *-tion* (во французском, английском или немецком языках) или *-zione* (в итальянском языке). Ср. рус. *импровизация* — фр. *improvisation* — ит. *improvvisazione*.

В то же время в речи русских эмигрантов европеизмы (преимущественно англицизмы) на *-tion* передавались **иначе** — способом практической транскрипции, т.е. с конечной огласовкой *-шн/-шен*: *коннекшэн*, *аппликэйшэн*, *конверсэйшэн* (*connection*, *application*, *conversation*) [ЯРЗ: 202].

Однако в русском языке конца XX в. один за другим стали появляться англицизмы с таким нетрадиционным иноязычным исходом. Это слова *паблик рилейшн* (*public relation*), *промоушн*

(promotion), *ресепшин* (reception) ‘приёмная в гостиницах и т.п.’, *экишн* (action), *сейшн* (session) и *джаз-сейшн*, *джем-сейшн* ‘совместное импровизированное музицирование нескольких джазовых коллективов’, *фешн* (fashion) ‘индустрия моды’, *фикшн* (fiction) ‘вымысел; беллетристика’ и *нонфикшн*, *сайнс-фикшн*, *фанфикшн* ‘литературное творчество поклонников вымышленного мифологического мира’, *поул-позишн* (poll position) ‘стартовая позиция, которую гонщик имеет право выбрать при условии победы в квалификационном заезде’, *формейшн* (formation) ‘разновидность спортивного танца’, *лимитед эдишн* (limited edition ‘ограниченная серия’) — о продукции, выпускаемой маленькими партиями¹⁹.

Почти все слова на *-шн* имеют фонетические варианты с вставкой гласного (для удобства произношения) — соответственно *паблик релейшен*, *промоушен*, *ресепшен*, *сейшен*, *экишен* и т.п. Как уже говорилось в разделе 2.2, варианты слов на *-шн* являются абсолютно новой группой вокалических вариантов в русском языке. Наличие таких вариантов, очевидно, объясняется тем, что сочетание звуков *-шен* встречается в русских словах, например: *вишен* — Р.п. мн.ч. от *вишня* или *ску[ш]ен*, поэтому конечное *-шен* более привычное.

Особо следует отметить тот факт, что **генетически** английские прототипы существительных на *-шн* соотносятся с галлицизмами (по сути, латинизмами) и имеют в русском языке параллели, также восходящие (через посредство французского или польского) к латинскому языку. Ср.: англ. action и русск. *акция* (фр. action < лат. actio), англ. position и русск. *позиция* (фр. position < лат. positio), англ. relation и русск. (устар.) *реляция* (польск. relacja < лат. relatio), англ. reception и русск. *рецепция* (< лат. receptio), англ. session и русск. *сессия* (< лат. sessio), англ. fashion и русск. *фасон* (фр. facon < лат. factio), англ. fiction и русск. *фикция* (фр. fiction < лат. fictio), англ. formation и русск. *формация* (< лат. formatio) [ТСИС].

Таким образом, слова русского языка *акция* и *экишн*, *позиция* и *поул-позишн* (вариант *поул-позиция* встречается реже), *реляция* и *паблик релейшн*, *рецепция* и *ресепшн*, *сессия* и *сейшн*, *фасон* и *фешн*, *фикция* и *фикшн*, *формация* и *формейшн* генетически восходят к одному и тому же источнику — латыни.

Возможно, наличие таких параллелей в русском языке и «подтолкнуло» процесс освоения англицизмов типа *action* спо-

собом транскрипции. Если бы они были оформлены традиционно, с ориентацией на аффрикату латинского источника, возникла бы омонимия «старого» и «нового» заимствования, что и произошло в случае с английским *reception*. Это слово на русской почве было передано двумя способами: путём практической транскрипции — *ресепшн* и путём традиционной замены *-tion* > *-ция* — *рецепция*. Оба варианта употреблялись в начале XXI в. примерно с одинаковой частотностью, однако второй вариант омонимичен слову *рецепция*, заимствованному ранее и обозначающему перенос и усвоение каких-либо культурных или социальных ценностей (*рецепция римского права*). Поэтому вариант *рецепция* со временем был вытеснен *ресепшн*. Отметим, что в последнее время в некодифицированной речи в значении слова *ресепшн* употребляется его усечение *ресеп*.

Ещё одна причина появления в системе языка слов на *-шн*, представляющаяся нам более реальной, состоит в том, что некоторые из рассматриваемых слов проникают в литературный язык из некодифицированной речи: «бывшие» жаргонизмы *сейшн*, *джаз-сейшн*, *джем-сейшн*, *фанфикшн*, *эшн* или из профессиональной речи: *формейшн*, *поул-позишн*, *лимитед эдишн*, *продакшн* ‘период обработки видеоматериала после съёмки эпизодов фильма’. По-видимому, можно говорить о том, что языковая периферия подготовила наш слух для других слов с таким же исходом.

Дело в том, что способ практической транскрипции английских лексем на *-tion* в субстандарте, в отличие от литературного языка, обычное явление. См., например, жаргонизмы *коннекшн* (комп.) ‘связь, сеанс связи’ [СЗА], *бэквордейшн* (бизн.-сленг) ‘спекулятивная сделка на фондовой бирже’ (англ. *backwardation*) [СЗА], а также жаргонные варианты слов литературного языка, оформленные «по-английски», с характерным для этого языка звучанием: *диктейшн* (в школьном жаргоне) — *диктант* (ср. *dictation*); *лэшн* — *лекция* (ср. *lection*); *кондишн* — *кондиционер* (ср. *conditioner*) и т.п. См. также подобный псевдоанглицизм в прозе В. Шукшина: *Анатолий прикинул ещё парочку «цивилизейшен» (так он про себя называл шляпы)...* (рассказ «Дебил») — ср. англ. *civilization*. Следует отметить также единицы некодифицированной речи с исходом на *-шн*, не имеющее прототипа (!) в

английском языке, например: *коммершин* (жарг.) — ср. англ. commerce ‘коммерция’, commercial ‘коммерческий’; *интерсейшин* ‘интерес’ [СЗА] — ср. англ. interesting; *тусейшин* — контаминация слов *тусовка* и *сейшин* и др.

В субстандарте данные слова, как правило, **склоняются**: *Встретимся на сейшине* (из устной речи). В речи русских эмигрантов, по наблюдениям Е.А. Земской, не склоняются [ЯРЗ: 202].

Склоняются ли рассматриваемые слова в литературной речи? Наше исследование показало, что в речи россиян (как устной, так и письменной) непривычный исход не мешает словоизменению английских заимствований. Например: *Приобрести известность благодаря промоушну*; *Выбор интеллектуального фикшна и нонфикшна*; *От фэшна до харда* (заголовки); *Соблюдать каноны экшена* и др.

Варьируются по признаку склоняемости/несклоняемости лишь некоторые слова на *-шин*. Самый распространённый случай — варьирование слова *ресепшин*: словосочетания *девушка на ресепшине* и *девушка на ресепшин* употребляются в речи примерно с одинаковой частотностью. Неустойчивое грамматическое «поведение» этого слова отражается и на его родовой принадлежности, которая также варьируется. Так, если слово *ресепшин* склоняется, оно приобретает признаки мужского рода, как и другие неодушевлённые существительные на твёрдый согласный. Если же говорящий использует в речи несклоняемый вариант, род оказывается женским. Например: *Очень важно, чтобы от Вашей ресепшин у клиента или партнёра осталось наилучшее впечатление* (реклама). Ср. подобный пример с другим словом на *-шин*: *Нам пока не удалось завоевать ни одной поул-позишин*. Такие употребления явно выбиваются из общего правила, согласно которому при заимствовании неодушевлённое склоняемое существительное на твёрдый согласный приобретает признаки существительного мужского рода (см. также об этом раздел 2.3).

К группе существительных с нетрадиционным конечным сочетанием звуков относятся и англицизмы на *-жн* (< *-sion*). В конце XX в. в русской речи функционировало всего лишь одно такое слово — *фьюжн* (от англ. *fusion*). Так же, как и у существительных на *-шин*, исход слова *фьюжн* непривычен для

русской фонетики и, по нашим данным, уникален. Ни в ОССРЯ, ни в ГСРЯ нет ни одного слова, оканчивающегося на *-жн*.

Новейшие словари [ТСИС; АЛ] дают такое значение слова *фьюжн* — ‘одно из направлений в рок-музыке, отличающееся смешением различных стилей, например джаза и электронной музыки’. В АЛ слово имеет помету «склоняемое». В современной речи оно встречается и как несклоняемое, например: *В обиходе под фьюжн подразумевается тот же джаз-рок и его разновидности*.

На рубеже XX—XXI вв. англицизм был заимствован дважды. Реклама стала активно предлагать блюда «фьюжн», кухню «фьюжн», рестораны «фьюжн» и т.п. См.: *В 80-х фьюжном стали именовать соединение не сочетаемых на первый взгляд продуктов в одном блюде*. В кулинарном значении слово *фьюжн* чаще всего склоняется.

В начале XXI в. в составе некоторых эргонимов стал употребляться компонент *-вижн/Вижн* (от англ. *vision*). Например: очки «Супер-вижн», витамины «Витрум Вижн», радиостанция с онлайн-вещанием «Радио Вижн», *телевижн* и т.п. Есть и фонетические варианты этого компонента (для удобства произношения): *визион, вижин, вижион*, используемые в названиях различных препаратов или витаминов, предназначенных для сохранения или улучшения зрения (англ. *vision* ‘зрение’). В новейшем нормативном словаре [КНС] зафиксировано ещё одно слово со звукосочетанием *-жн* — *тривижн* — то же, что призматрон (вид наружной рекламы. — *Е.М.*). В текстовых иллюстрациях и грамматических пометах к этому неологизму (в РОС он отсутствует) он представлен в двух вариантах — как несклоняемое существительное и как склоняемое (в разговорной речи): *Размещение рекламы на тривижн; Поверхность тривижна*. В ИПМ нам встретился вокалический вариант этого слова — *тривижин*.

Как видим, экзотичность звучания слов на *-ин, -жн* становится привычной (на общем фоне плотной насыщенности современной, особенно массмедийной, речи иноязычиями). В настоящее время некоторые из них настолько освоены, что полностью переведены на кириллицу и, подобно обычным русским словам, образуют относительные прилагательные. Такие дериваты есть у слов *экшн, ресепшн, промоушн, сейшн, фьюжн, фикшн, фанфикшн*, причём от каждого из этих слов

образуются 4 (!) варианта прилагательных (частотность каждого из прилагательных приблизительно одинакова): с помощью суффикса *-ск-* от основы на *-ин* и от основы на *-шен* (*экинская игра* и *экшенская игра*); с помощью наращённого суффикса *-овск-* от основы на *-ин* и от основы на *-шен* (*экиновская игра* и *экишеновская игра*). Ещё примеры: *ресепинский*, *ресепиенский* (*столлик*), *ресепиновский*, *ресепиеновский* (*диванчик*), *промоуинский*, *промоуиенский* (*центр*), *промоуиновская*, *промоуиеновская* (*компания*), *сейшинский*, *сейшиенский*, *сейшиновский*, *сейшиеновский* (*вариант песни*), *фьюжнский*, *фьюжиенский*, *фьюжнновский*, *фьюжиеновский* (*форум*), *фикшиновский* (*фотки*) и др.

Безусловно, более удобопроизносимыми являются прилагательные, образованные от основ на *-шен* (хотя и они пока режут слух). Прилагательные типа *экинский* (5 согласных подряд) звучат совсем уже не по-русски; их может выдержать только бумага или электронный носитель. Не случайно сфера употребления рассматриваемых новообразований в основном «живая» письменная речь интернет-общения.

Итак, англицизмы с уникальным для русского языка исходом постепенно занимают свою нишу в системе заимствующего языка. Да и сама система определённым образом реагирует на структурную новизну этих слов: варьирует их фонетические оболочки, допускает скопление большой группы согласных на морфемном шве в производных словах. Конечно, это говорит о гибкости нашего языка, который подстраивается под потребности говорящих. Но хочется верить, что со временем всё то, что не отвечает эстетическим параметрам русской звучащей речи, например благозвучию, уйдёт из языка или найдёт себе замену.

2.7. Традиции и новации в освоении существительных с исходом на *-с/-з < -s*

В 70-х годах XX в. В.С. Гимпелевич фиксирует в русском языке уникальную группу иноязычных существительных, которые, несмотря на то что оканчиваются согласным звуком, употребляются без падежных окончаний, т.е. не склоняются [Гимпелевич

1976]. Это субстантивы с исходом на -с(-з) испанского или английского происхождения: *гёрлс* 'труппа девушек, выступающих на эстраде' [ТСИС], *коммандос* 'специальные отряды, подготовленные для проведения операций, гл. обр. в конфликтных зонах и очагах напряжённости (первонач. в Великобритании)' [ТСИС], *маринз* 'солдаты морской пехоты', *мачетерос* (о членах националистической революционной организации Пуэрто-Рико), *праймериз* 'предварительные выборы в США' [ТСИС], *чиканос* 'американцы негритянского происхождения'. Отсутствие склонения в этих словах, по мнению В.С. Гимпелевича, — проявление общей тенденции к сохранению формы иноязычных слов в современном русском языке. М. Вуйтович объясняет несклоняемость слов типа *гёрлс* «необычностью исхода» [Вуйтович 1993].

Можно отметить и новые несклоняемые единицы с исходом на -с или -з, восходящие к грамматической морфеме мн.ч. -s в языках-источниках.

Так, в современной русской речи получил широкое распространение, по мнению авторов НСИС, экзотизм *контрас* (исп. сокращ. от *contrarrevolucionario* 'контрреволюционный'), обозначающий антиправительственные формирования в Латинской Америке, а также участников подавления повстанцев в Никарагуа (1980—1990-е годы). См.: *В политическую жизнь Никарагуа вернулся бывший вождь революционеров, борец с проамериканскими «контрас» и некогда большой друг СССР Даниэль Ортега; Ветеран «зеленых беретов» получает задание обучать «контрас» в Никарагуа, но вскоре начинает сомневаться в справедливости своей последней миссии* (ЭКГ).

Слово *группиз* 'особо преданные поклонницы, сопровождающие рок-группу на гастролях' (англ. *groupie* 'то же') зафиксировано в словаре субстандартной лексики [СЗА] в качестве жаргонизма, однако слово часто используется в печати и теле-репортажах, когда речь идёт о навязчивом преследовании девушками-фанатками своих кумиров. См.: *Это история двух группиз, которые были лучшими подружками в бурной рок-н-рольной юности, когда ездили по всему свету за своими кумирами; Певец Марио (Mario) посоветовал всем «группиз» держаться от него подальше, потому что дорожит он только теми, кому действительно интересна его музыка; Их называют «группиз». Расцвет*

группиз пришелся на 60—70-е годы, время хиппи и свободной любви (ИПМ).

К данной группе также относится и конкурирующее со словом *пиар* слово (или сочетание) *паблик-релейшнз* от англ. public relations (варианты: *паблик релейшнз*, *паблик-релейшенз*, *паблик релейшенз*, *паблик релейшн*) ‘связи с общественностью’. Вот несколько иллюстраций: *Кодекс специалистов пресс-службы и службы паблик-релейшнз*; *Роль паблик релейшнз в экономике*; *Основы паблик-релейшнз*; *Назначение мероприятий Паблик Релейшнз — внеценовая конкуренция, имеющая целью формирование управляемого имиджа, репутации, фирменного стиля*; *Пятая зимняя школа паблик релейшнз*; *Формирование корпоративного имиджа организации как одно из ведущих направлений деятельности в области Паблик Релейшнз* (ИПМ).

В начале XXI в. в эту группу вошли не зафиксированные в словарях *лав-ситс* ‘диванчики на двоих в кинотеатрах’ [Васильев 2003: 120]; *ультрас* ‘высокоорганизованные фанаты спортивного клуба’; *брауниз* (*браунис*) (англ. brownies, букв. ‘коричневый’) ‘шоколадные пирожные’ (*Сразу по окончании выпечки форму с брауниз надо вынуть из духовки*); *бурритос* (от исп. burrito) ‘мексиканские лепёшки с начинкой’; *энчиладас* ‘рулеты из тонких кукурузных лепёшек’ — см.: *Энчиладас, запеченные в духовке* (рецепт).

Как видим, лексически эта немногочисленная группа заимствований стала разнообразнее: если первые представители несклоняемых существительных pluralia tantum представляли собой экзотизмы, то последующие слова к экзотической лексике уже не относятся, так как обозначают реалии, существующие и в российской действительности.

Грамматическое оформление несклоняемых существительных на *-с/-з* идёт вразрез с традицией заимствования иноязычных слов (в большинстве своём англицизмов) с формантом множественного числа *-s*. При освоении, «обработке» русским языком таких слов формант *-s* обычно десемантизируется (деплюрализируется) и становится частью основы, которая получает определённую систему окончаний. Таким образом, существительные на *-с/-з* < *-s* оформляются как склоняемые имена и представляют собой либо существительные pluralia tantum (*бутсы*, *джинсы*, *клипсы*, *леггинсы*, *сликсерсы*, *типсы* < tips

‘накладные ноги’ [АЛ], *чипсы*), либо обычные «счётные» существительные, имеющие противопоставление по числу (*бакс — баксы, кекс — кексы, рельс — рельсы, бимс — бимсы* ‘поперечная балка на судне, служащая основанием палубы’, от *beams < beam* ‘перекладина’ [ТСИС], *сливз* (жарг.) — *сливзы < sleeves* ‘рукава’ [СЗА], *пипс* — *пипсы* ‘минимальный размер изменения цены контракта’, от *pip* ‘одна десятитысячная валютного курса’ [Люляева 2006: 325], *нюс* — *нюсы* ‘новость’ [СЗА], *драмс* — *драмсы* ‘ударные инструменты’ < *drums* [СЗА], *флаерс* — *флаерсы* ‘рекламная листовка’). В последнем случае в словоформах единственного числа (*бакс, кекс, рельс*) десемантизация *-s* особенно очевидна. См. также «свежие» заимствования из английского языка, которые вообще не имеют форм множественного числа (что в целом не характерно для подобных заимствований): *дартс* < *darts* ‘метание дротиков’ [НСИС], *сокс* ‘игра в самодельный мячик’ < *sock* ‘носок’ [ССМЖ]. Данные существительные, как и большинство названий спортивных игр и развлечений, относятся к существительным *singularia tantum*.

Однако случаи, когда иноязычные существительные, восходящие к формам на *-s*, не склоняются (*праймериз, гёрлс* и т.п.), воспринимаются иначе: конечный согласный (*-с/-з*) в таких словах как будто бы выполняет ту же роль, что и их «прототип», т.е. обозначает множественное число.

Так, слово *памперс* (англ. *pampers*) в начале 90-х годов XX в., в момент заимствования, употреблялось в грамматическом значении множественного числа (*В этих новых памперс кожа малыша сухая и здоровая* (реклама); *Практичные памперс* и т.п.), и лишь впоследствии форма множественного числа данного заимствования оформилась традиционно — *памперсы*.

В жаргоне биржевиков используется англицизм *блю-чипс* (*blue chips* ‘голубые фишки’) — так называют надёжные акции или ценные бумаги крупнейших промышленных компаний (по цвету самой дорогой фишки в покере) [Люляева 2006: 332]. В жаргонизированной разговорной речи используются нередко такие единицы, как *фэнс* (вместо *фэны* — мн.ч. от *фэн/фан*), *траблс* ‘проблемы, неудачи’, *драгс* ‘наркотики’ (*драг* ‘наркотик’ [СЗА]), в речи компьютерщиков — *филез* (транслитерация англ. формы мн. ч. *files*; вместо *файлы*), *рулез* ‘правила’ (англ. *rules*).

Нами зафиксирован также профессионализм *формейшн-мастерс* (название уровня конкурсного исполнения танца; букв. ‘формейшн для мастеров’; ср. название другого уровня — *формейшн-женщины*). На вывесках различных кафе посетителям предлагают *снэкс* (лёгкие закуски), а в некоторых ресторанах — *тапас* (исп. ‘закуски’).

Наконец, следует отметить случаи игрового использования форманта -s (он может передаваться как латиницей, так и кириллицей) в образовании форм множественного числа как заимствованных, так и исконных (!) слов. Например: *Не избалованный деликатесами советский едок охотно будет покупать и пиццу, и неведомые раньше гамбургеры, и «хот-догз»* («Экономика». 1991. № 7); см. также название кафе «*БЛИН’S*» (Нижний Новгород), магазин «*Подаркус*» (Томск [Бутакова 2013: 13]), компьютерный жаргонизм (полукалька по происхождению) *окноуз/окноус* (ср. Windows), жаргонизм *бабс* ‘шутливое обращение девушки к подругам’ [СЗА].

Использование -s (-c) для образования форм мн.ч., безусловно, имеет окказиональный, игровой характер (вряд ли здесь можно говорить о заимствовании чужой грамматической морфемы), однако факты нестандартного грамматического «поведения» существительных *pluralia tantum* на -c/-з, способность -s (-c) участвовать в окказиональном слово- и формообразовании свидетельствуют о сильнейшем влиянии английского языка на языковое сознание носителей русского языка.

Итак, заимствуемые в начале XXI в. из английского или испанского языка имена существительные, сохраняющие в своём звуковом составе морфему множественного числа -s, в процессе грамматической адаптации оформляются следующим образом:

1. Существительное, имеющее числовое противопоставление: *памперс — памперсы*.
2. Существительное *pluralia tantum*: *типсы*.
3. Существительное *singularia tantum*: *дартс*.
4. Несклоняемое существительное *pluralia tantum*: *группиз*.

Первые два способа оформления относятся к традиционным. Третий способ — абсолютно новый. Последний способ — относительно новый: первые заимствования, оформленные этим способом, датируются второй половиной XX в.; это экзотизмы.

В XXI в. заимствования, употребляющиеся в речи как несклоняемые существительные *pluralia tantum*, уже не относятся только к экзотической лексике. Кроме того, наметились случаи грамматического варьирования новых имён существительных, входящих в эту группу. Например, слово *коммандос* неоднократно встретилось нам в значении единственного числа (это значение выражено синтаксически, так как существительное не склоняется): *бесстрашный коммандос* (употребление закрепилось после выхода на экран фильма «Коммандос» с А. Шварценеггером в главной роли, а также после появления компьютерной игры с тем же названием). Подобным же образом варьируется, судя по ИПМ, существительное *браунис/брауниз*: *Классический браунис готовят из черного шоколада — Хорошие брауниз должны быть очень шоколадные и с мягкой серединой.*

Слово *праймериз* варьируется в последнее время по признаку склоняемости/несклоняемости: *Победить в праймериз — Победить в праймеризе* (из газ.).

Для новых слов на *-с/-з* характерно также фонематическое варьирование, при котором варьирующие единицы различаются наличием/отсутствием последнего согласного (тождество лексического значения при этом сохраняется): *наблик-рилейшинз — наблик-рилейшин, фьючерс — фьючер* ‘вид биржевой сделки’, *дартс — дарт, группиз — группы, брауниз — брауни, буритос (буритоз) — бурито (буррито), энчиладас — энчилада*. Варианты могут различаться также грамматически: *буритос* — *pluralia tantum* и *бурито* — ср. р.; *энчиладас* — несклоняемое *pluralia tantum* и *энчилада* — склоняемое, форма ед. ч. См.: *Энчиладас представляют собой рулетки из тонких кукурузных лепёшек. — Энчилада представляет собой тонкую лепёшку*. Появился вариант и у англицизма *снэкс — снэки* (тоже существительное *pluralia tantum*, но уже склоняемое).

В письменной речи варьируется написание конечного согласного, восходящего к форманту *-s*. Например: *брауниз — браунис, буритос — буритоз, группиз — группис, гёрлс — шоу-гёрлз*.

В заключение отметим ещё одну особенность в адаптации имён существительных на *-с/-з*, восходящих этимологически к формам множественного числа с формантом *-s*. Словообразовательные возможности таких слов равны нулю.

2.8. Особенности адаптации иноязычных аббревиатур в современной русской речи

На рубеже XX—XXI вв. становится регулярным явлением заимствование аббревиатур. Как правило, это номинации новых информационных и компьютерных технологий, распространённых во многих странах. Такие номинации главным образом пополняют интернациональную лексику. Многие из них получили в русской речи кириллическое написание, хотя первоначально употреблялись только в качестве иноязычного вкрапления. Например, аббревиатура *IBM* ‘Корпорация International Business Machines; компьютер этой корпорации’ употребляется в русских текстах в двух кириллических вариантах — *Ай-Би-Эм* и *ИБМ* (*Работать на Ай-Би-Эм; Программное обеспечение для Ай-Би-Эм; Подключить к «ИБМ»*).

В современном русском языке аббревиатуры, имеющие иноязычное происхождение, оформляются следующими способами:

I. Практическая транскрипция (воспроизводится русскими фонемами звучание аббревиатуры в языке-источнике): *Ай-Би-Эм* < *IBM*, *ай-кью* < *IQ*, *ар-эн-би* < *RnB* (*Rhythm/Rap and Blues*), *ви-ай-пи* < *VIP*, *виджей* < *VJ*, *пиар* < *PR*, *сиди* < *CD*.

II. Транслитерация (воспроизводится русскими буквами буквенный состав; полученная таким образом аббревиатура прочитывается либо как буквенная (*ПК* [пэка] < *PC*), либо как звуковая (*ДОС* < *DOS*, *ВИП* < *VIP*).

III. Смешанный способ — чтение транслитерированной аббревиатуры с ориентацией на её произношение в языке-источнике. Например, *ПР* — транслитерация англ. *PR*, но читается как [п’иар] (а не *[пээр]). См. также: *СД* [с’ид’и], а не *[эсдэ].

IV. Транскрипция или транслитерация с последующим присоединением суффикса (в разговорной, в том числе некодифицированной, речи): *SMS-ка*, *MMS-ка*, *LTE-шка*, *NFC-шка*, *сидишка* — *сидюшник* — *сидюк* (*CD*), *сидиромка* (*CD-ROM*), *сидирвишка* (*CD-RW*), *дивидюк* (*DVD*), *дипик* (*DIP*-переключатель), *писюк* — *писишка* — *писюг* — *писюшник* ‘персональный компьютер’ (*PC*) и т.п.

Аббревиатуры, не получившие в русских текстах кириллический вариант написания, произносятся, как правило, в соот-

ветствии с произношением в языке-источнике, например *GSM* [джиэсэм], или близко к этому произношению: *GPRS* [джипи-эрэс], а также [джиpiarэс] [КНС]²⁰.

В субстандарте используется и такой экспрессивный способ передачи заимствованной аббревиатуры, как намеренная омонимия. Например: *аська* (< ай-си-кью < ICQ), *псих* 'PC' (персональный компьютер), *кирнич* 'процессор CPU' [СЗА], *карга* 'видеоадаптер CGA' [СЗА], *рена* 'RIP-протокол' [СЗА], *ЛТП* 'LPT-порт' [СЗА], *упса* 'источник беспереывного питания UPS', *баба-яга*, *яга* 'видеоадаптер EGA' [СЗА], *доза*, *доска* 'MS-DOS', *эсэсовец* 'заставка «спящего режима» (SS-Screen Saver)' [СЗА] и др. В компьютерном жаргоне практикуется также способ намеренно неправильной транслитерации, искажённого звучания слова: *ибээма*, *бима*, *биба* [СЗА]; *гмс*, *гпрс* и др.

Новое явление, обусловленное развитием техники, — появление в составе заимствуемой из чужого языка аббревиатуры цифрового обозначения: *MP3* ([эмпэ] три), *3D* (три [дэ]), *4D* (четыре [дэ]): *MP3-плеер*; *3D-кинотеатр*; *4D-технология*.

Грамматическое освоение иноязычных аббревиатур, так же как звукобуквенное, происходит по-разному. Аббревиатуры, переданные в русском языке транскрипцией или транслитерацией (без присоединения суффикса), могут не склоняться или иметь варианты по признаку склоняемости/несклоняемости.

Для аббревиатур, оканчивающихся согласным звуком (при произношении), в большинстве случаев отсутствие склонения — явление **временное**. В особенности это касается существительных, переданных практической транскрипцией, т.е. «воспроизводящих» звучание аббревиатурного слова в языке-источнике.

Так, слово *пиар* встречалось в русских текстах без падежных окончаний приблизительно до 2003 г.: *Мастер-класс проводят американские специалисты по пиар*. Такое употребление поддерживалось тем, что наряду с кириллическим написанием данного заимствования использовалось (и используется до сих пор) написание в латинице, т.е. вкрапление (*PR*). Впоследствии словоизменительная вариантность слова *пиар* исчезла — слово стало устойчиво склоняться.

Слово *хай-тек/хайтек* (реже — *хай тек*) отмечено в «Толковом словаре русского языка начала XXI в.» как несклоняемое (без подтверждающего контекста в иллюстрациях словарной статьи) [АЛ]. По имеющимся у нас данным, слово устойчиво склоняется. Примеры: *Всё о хай-теке*; *Стиль минимализм в современном прочтении несет в себе некоторые элементы хай-тека*; *Типичный пример хай-тека — Национальный центр искусств имени Ж. Помпиду в Париже* (ЭКГ).

Слово *хай-фай* ‘о технике с высоким качеством воспроизведения звука’, отмеченное в упомянутом выше словаре как несклоняемое, встречается в современной речи и в склоняемой форме: *Эти колебания воздуха в замкнутом объёме комнаты «вредят хай-файю, потому что голосок у типичного жилого помещения, конечно, не ангельский* («Статьи по акустике», DVD.Link.ru); *Что сейчас происходит в британском хай-файе?* (интервью с Д. Эми). Ср.: *Горячие новости из мира хай-фай* (форум); «*Мир хай-фай*» (название магазина); *Любителям хай-фай* (реклама).

Существительное *сидиром* ‘устройство для считывания информации с компакт-диска’ (от CD-ROM/CD-Rom < CD + ROM < Read Only Memory) употребляется в современной речи только как склоняемое существительное (несклоняемые варианты не зафиксированы): *Как устанавливать сидиромы в компьютер? ...берете нежно шлейф, ранее отключенный от читающего сидиромы, и также нежно вставляете его в разъем пишущего сидиромы* (В. Кушнир. «Как установить сидиром в компьютер»); *Как управлять сидиромом без компьютера?* (форум).

По-видимому, у существительных, созданных путём транскрипции иноязычной аббревиатуры, лексикализация проходит ускоренно, так как отрыв от слова-оригинала и превращение в собственно лексическую единицу поддерживаются графикой слова: оно пишется строчными буквами, как обычное слово, апеллятив — *пиар, сидиром, виджей*²¹.

В меньшей степени расположены к словоизменению существительные, представляющие собой транслитерированные аббревиатуры, например *ДОС, СМС, ММС* и др. В официальной речи они стойко не склоняются. Напротив, в речи разговорной, например в «живой» интернетовской речи, отмечается активность склоняемых вариантов таких слов, причём пишутся они нередко строч-

ными буквами (*см*, *ммс* — см. также раздел 2.2). Вот несколько иллюстраций:

Игра для ДОС: Работать в ДОСе (DOS < Disk Operation System ‘операционная система компьютера, загружаемая с дисков’ [ТСРЯ]);

Отправка смс; Большой выбор смс: Где-то в СМСе я такое видел; Прислать в смсе; Написать в смсе; В смсе — рассказ, из чего сделаны наши девочки (SMS < Short Message Service);

Установка ММС; Отправка ММС: То же самое есть в ММСе, только гораздо лучше; И текст в ммсе посылаю и музыку (MMS < Multimedia Message Service ‘служба мультимедийных сообщений’ [АЛ]);

Настройки ВАП: Настройка ВАПа; Проблемы с вапом; Тестируем скорость вапа (конференция); *Как пользоваться вапом* (WAP < Wireless Application Protocol ‘протокол беспроводных приложений, позволяющий мобильному телефону поддерживать Интернет’).

В целом же вариантность по признаку склоняемости/несклоняемости присуща большинству заимствованных аббревиатур²², причём в некоторых случаях такая особенность отражается и на отнесённости данных лексем к грамматической категории рода.

Так, **склоняемые** существительные *пиар*, *сидиром*, *хай-тек*, *хай-фай* (ср. PR, CD-ROM, Hi-tech, Hi-fi) имеют грамматическое значение мужского рода, так как оканчиваются согласным звуком.

Несклоняемые существительные, восходящие к аббревиатурам в языке-источнике, независимо от конечного звука (гласный, согласный) приобретают род в соответствии с родом опорного слова в русскоязычной расшифровке аббревиатуры. Например, *ай-кью* ‘коэффициент интеллекта’ (от англ. IQ) — мужской род: *Какой «ай-кью» у нации?* (заголовок), *У меня ай-кью отрицательный* (из устной речи); *ПК* ‘персональный компьютер’ (от англ. PC < personal computer) — мужской род; *СД/сиди* ‘компакт-диск’ (от англ. CD < compact disk) — мужской род; *ди-ви-ди/дивиди* ‘цифровой многофункциональный видеодиск’ (от англ. DVD ‘digital versatile disk’) — мужской род; *Ай-Би-Эм/ИБМ* ‘Корпорация International Business Machines’ (от англ. IBM) — женский род; *ВАП/вап* ‘протокол беспроводных приложений, позволяющий мобильному телефону поддерживать Интернет’ (WAP ‘Wireless

Application Protocol') — мужской род; *СПА/сна* (SPA < сокр. от лат. *sanitas pro aqua* 'здоровье через воду' [АЛ]) — мужской род и др.²³

Несколько иначе оформился род аббревиатур *СМС/смс* и *ММС/ммс*. Они употребляются в речи как существительные среднего рода. См., например: *Сделайте любимому человеку такой сюрприз — пришлите ему такое смс* (рекламный текст www.smska.ru); *Как отправить праздничное смс?; Если разошлешь это ммс пяти друзьям, получишь бонус* (реклама). Средний род данных существительных объясняется не родом опорного слова в расшифровке иноязычной аббревиатуры, как в предыдущих случаях, а родом существительного *сообщение*, являющегося гиперонимом по отношению к данным словам. *СМС* и *ММС* употребляются в русской речи прежде всего в значении 'вид, разновидность сообщения'.

Наконец, род может варьироваться, меняться при переходе несклоняемой аббревиатуры в разряд склоняемых имён. Например, слово *ДОС* в разговорной речи (устной и письменной, интернетовской) может употребляться как склоняемое существительное (*текстовый редактор для ДОСа, работать в ДОСе* и т.п.) в грамматическом значении мужского рода. Несклоняемый вариант слова *ДОС* имеет признаки женского рода (по роду опорного в его толковании слова *система*). В Словаре актуальной лексики начала XXI в. [АЛ] отражены оба родовых варианта данного слова.

Как уже говорилось выше, аббревиатурное слово всегда становится склоняемым, если оформляется суффиксом. В этом случае суффиксальное образование также может отличаться от исходного варианта родом: *СМС* (ср.р.) и *эсмэска/смска* (ж.р.) и др.

Употребление в речи наряду с заимствованной аббревиатурой её суффиксального деривата-дублета — характерная черта новой языковой реальности. Такие дублеты имеют разговорную окраску (*дивидишник*), хотя некоторые уже отражены в нормативных словарях и претендуют на статус нейтральных обозначений (*эсмэска* разг. [РОС]). Сниженная окраска ощущается и у других производных от аббревиатур слов: *Посоветуйте аудио книги по SEO-шной тематике* — из переписки на форуме (SEO

< Search Engine Optimization — комплекс мер для поднятия позиций сайта в результатах выдачи поисковых систем по определенным запросам пользователей с целью продвижения сайта. Википедия); **айтишник** ‘специалист по информационным технологиям’ (IT); **айпишник** (IP-адрес).

Исключение составляют образования, в которых иноязычная аббревиатура, независимо от выбранного для её написания алфавита, выступает как неизменяемое прилагательное, или, по другой терминологии, «первая часть сложного слова». Такие образования разговорной окраски не имеют: **Ай-Пи телефония**/**IP-телефония**, **IP-сеть**; **TV-дайджест**; **DVD-диск**; **IT-решение**, **IT-мир**, **ИТ-специалист**; **WAP-сервис**, **WAP-страница**, **WAP-сайт**; **SMS-сообщение**, **SMS-чарт**; **пиар-агентства**, **пиар-проект**, **пиар-реклама**, **пиар-специалист**, **пиар-технологии**, **пиар-ход**, **PR-кампания**; **спа-косметика**, **спа-крем**, **спа-курорты** и др. Подобные образования встречаются и в окказиональном словотворчестве: **TV-пари**, **спа-бум**, **смс валентинки**, **смс поздравления**, **смс любовь**, **смс парень** и др.

В целом словообразовательный потенциал заимствованных аббревиатур не уступает возможностям обычных, неаббревиатурных слов²⁴: **айбиэмер** ‘представитель фирмы Ай-Би-Эм (IBM)’; **виповский**, **виповый**, **випарь** разг. и др. (всего около 650 дериватов [Попова, Перовская 2012: 165]); **хайтековский** и **хайтешный** (< Hi-tech); **хайфайный** (< Hi-Fi); **диджейский**, **диджейить**, **диджейство**, **диджействовать** (от **диджей** < DJ); **натовский**, **натовец**, **натомания** [АЛ], а также многочисленные дериваты от **пиар** (< PR): **автопиар**, **самопиар**, **антипиар**, **пиарщик**, **пиаровский**, **пиаровец**, **пиарить(ся)**, **пиармен**, **пиарология**, **пиаролог**, **пиаровщина**, **пиарный**, **пиаризация**, **мегапиар**. До 30 дериватов насчитывается у аббревиатуры **SMS** в разных вариантах её написания (см. об этом [Шумарин 2010: 87]). Некоторые из новозаимствованных аббревиатур, сохраняя какое-то время оригинальную графику, образуют на русской почве особые производные — графические гибриды. См., например: **IBM-подобный**, **IBM-совместимый**, **IBM-совместимость** [ТСРЯ], **IP-телефония** (от IP < Identification Protocol), **IP-сеть**, **IT-шник** и др.

Важно подчеркнуть, что освоение иноязычных аббревиатур происходит как в кодифицированных сферах языка, так и в

некодифицированных. Мы уже неоднократно обращали внимание на то, что в электронной форме речи адаптация иноязычных аббревиатур имеет свои особенности, в том числе графические. Отметим ещё один важный момент: субстандарт (некодифицированные сферы речи) может сам заимствовать аббревиатуры, независимо от литературного языка. Так, уже в конце XX в. в интернет-общении стала популярна аббревиатура *ИМХО* (< IMHO — in my humble opinion «по моему скромному мнению»). В 2007 г. мультимедийный сервис рекомендаций был назван *Имхонет* (ИМХО + net ‘сеть’), что свидетельствует об огромной популярности этого сокращения. В XXI в. в молодёжной среде модными становятся аббревиатуры *LOL/лол* (< laughing out loud «громкий хохот»), *ROFL* (< rolling on the floor laughing — букв. ‘катаюсь по полу от смеха’) и некоторые другие (подробнее см. [Шумарин 2011: 89; Лукашенец 2013: 90]). Своеобразен состав заимствованных аббревиатур, сформировавшийся в языке компьютерных геймеров и киберспортсменов. Аббревиатура, относящаяся к «геймерской» лексике, может «сжимать» не только обозначение какой-либо конкретной игры или стратегии, но и обозначение типов (классов) персонажей, их умений и способностей (в последнем случае можно говорить об отвлечённом характере семантики аббревиатурного слова). Вот несколько примеров из речи участников форумов, объединяющих любителей той или иной компьютерной игры: *НВНка* < «Neverwinter Nights» («Ночи Невервинтера», название игры), *рдд* < red dragon disciple (класс персонажа в этой игре: ученик красного дракона), *РvР* < player versus player (о характеристике игры: персонажи игроков могут атаковать друг друга), *юмд* < use magic device (способность использовать магические предметы) и др.

Следует сказать несколько слов и об особенностях семантического освоения иноязычных аббревиатур. Как правило, с переносом аббревиатуры на чужую почву её семантика сохраняется, т.е. происходит копирование суммы значений, складывающейся из значений слов, входящих в словосочетание: *ай-кью* < IQ ‘коэффициент интеллекта’; *хай-тек* < Hi-Tech ‘высокие технологии’ и т.п. (то же происходит и в случае с заимствованием слов, восходящих к словосочетанию в языке-источнике, — см. раздел 2.4).

Тем не менее некоторые аббревиатуры подвергаются трансформации на русской почве. Особое место в этом ряду занимают слова *vip*, *пиар* и *HR*.

Слово *vip* (варианты *ВИП*, *VIP*, *vip*, *ви-ай-ни*) стало употребляться в русских текстах ещё в 70-х годах XX в. (в написании латиницей) и воспринималось тогда как экзотизм [Mustonen 1997: 110]. На рубеже веков этот интернационализм (*VIP* — *very important person* ‘особо важная персона’) стал употребляться уже в кириллическом написании как первая часть сложных слов (аналитическое, неизменяемое прилагательное). См.: *vip-залы*, *vip-места*. В то же время сначала в живой разговорной речи, а затем и в официальной речи слово *vip* стало использоваться в роли конкретного существительного: *Подъехали vipы*; *Столик для vipов* (записи устной речи).

У английской аббревиатуры *PR* (< *public relations*) семантическое освоение также имело свои особенности. В начале XXI в. (2000—2003 гг.) она дала на русской почве несколько графических вариантов: *PR* — *ПР* — *пиар*. Первые два варианта употреблялись (и употребляются по сей день) как нейтральные обозначения особой деятельности, специальности, именуемой в русском языке *связи с общественностью*, а вот вариант *пиар*, первоначально непривычный для глаз, стал развиваться самостоятельно, как новое слово (оно даже какое-то время использовалось в неофициальной речи для обозначения лица: *Работаем пиарами*, но это значение не привилось), причём на подавляющем большинстве интернетовских сайтов, содержащих слово *пиар*, оно употреблялось в словосочетании, быстро привившемся в российской действительности, — *чёрный пиар*. См., например, характерный для начала XXI в. контекст: *Жертвой чёрного пиара стала О.Д.* «Благодаря» такому окружению слово *пиар* приобрело новое значение ‘формирование негативного общественного мнения о ком-, чём-л.’.

Впоследствии значение слова *пиар* как будто бы нейтрализовалось (стало синонимом родственному иноязычию *паблик-релейшенз*), появились сочетания *белый пиар* ‘открытая реклама от своего имени’, *зелёный пиар* (о социально значимом пиаре), однако очень часто существительное *пиар* употребляется всё же с неодобрительной окраской, в значении ‘формирование о ком-л. необъ-

ективно завышенного мнения’ — см., например, в речи известного журналиста и телеведущего В.В. Познера: *Не нужно делать пиар Ходорковскому* (о бизнесмене, обвиняемом в финансовом преступлении), а также: *Очередной пиар!* (о публичном появлении на театральном спектакле одного из известных политиков — из устной речи), *дешёвый пиар*, *агрессивный пиар* и т.п.²⁵ Негативная окраска передалась и некоторым производным (*пиарить*, *распиарить* и др.). См. также сочетания *серый пиар*, *жёлтый пиар*, *вирусный пиар* (пиар, основанный на интересе людей к различного рода слухам, сплетням, скандалам и т.п.), *коричневый пиар* (о неофашистской пропаганде).

Так по-разному сложилась судьба разных графических вариантов одной и той же иноязычной аббревиатуры.

Аббревиатура *HR* < Human Resources ‘управление персоналом’ [КНС] (в русском произношении [эйчар]) появилась в «нулевые» годы XXI в. и так же, как *vip-* и *PR-*, использовалась первоначально в качестве неизменяемого прилагательного: *HR-менеджер*, *HR-директор* и т.п. Однако постепенно слово стало употребляться (неофициально или полуофициально) как одушевлённое существительное: *эйчар* (мн. ч. *эйчары*). Изменилась и графика этого заимствования: слово пишется кириллицей, причём написание строчными буквами передаёт реальное произношение слова в русской речи (см. об этом слове также [Кронгауз 2009: 43, 51, 53]).

Подобного рода субстантивация происходит в настоящее время с иноязычной аббревиатурой *PIN-* (< Personal Identification Number, ср. PIN-code — *ПИН-код*): *Введите ПИН*; *Ты помнишь свой пин?* (из устной речи).

Таким образом, в освоении иноязычных аббревиатур намечаются некоторые общие черты, которые, возможно, со временем приобретут закономерный характер.

2.9. Отсутствие словоизменения у иноязычных существительных на согласный: границы явления

В предыдущих разделах нашего очерка неоднократно обращалось внимание на случаи отсутствия словоизменения у новых иноязычных существительных, оканчивающихся согласным

звучком. С конца XX в. такие случаи становятся всё более частотными, тогда как ранее (примерно до середины XX в.) несклоняемые имена существительные с консонантным исходом (не считая имён собственных и некоторых аббревиатур) представляли собой только одушевлённые существительные — экзотические наименования лиц женского пола, служащие также обращением к ним: *мадам, мисс, миссис, фрейлейн, фрекен*. К концу XX в. в русском языке сформировался ещё один ряд экзотизмов, оставшихся в русском языке без словоизменения. Это субстантивы с исходом на *-с(-з)* (испанского или английского происхождения), употребляющиеся только во множественном числе: *гёрлс, коммандос, маринз, мачетерос, праймериз, чиканос* (см. раздел 2.7)²⁶.

На рубеже XX—XXI вв. обе эти группы несклоняемых существительных пополняются новыми заимствованиями [Маринова 2008а: 164—166]. Так, в современной массмедийной речи употребляются как несклоняемые слова *бизнесвумен* (*быть бизнесвумен*), *гёрлфренд* (*встретиться с гёрлфренд*), *гёрлскаут* (*форма гёрлскаут*), *кол-гёрл* (*звонить кол-гёрл*), *хостес* (*узнать у хостес меню ресторана*), *кавегёрл* [НСИС] ‘журнальная красотка’ (*обложка с неизвестной кавегёрл*). В значении ‘роковая женщина’ актуализируется несклоняемое существительное *вамп* (*взгляд настоящей вамп*). Получает широкое распространение экзотизм *контрас* (*борьба с контрас*). В текстах музыкальной тематики появляется слово *группиз*, обозначающее особо преданных поклонниц какого-либо певца (*поссориться со своими группиз*), а в текстах спортивной тематики для обозначения фанатов какого-либо спортивного клуба используется слово *ультрас* (*выступления ультрас*). Заимствуется и становится активным слово *пабблик-рилейшнз* (*основы пабблик-рилейшнз*). В начале XXI в. сразу несколько сходных в тематическом отношении слов приходят в кулинарную лексику: *коробочка с брауниз* (о шоколадных пирожных), *начинка для бурритос и энчиладас* (о национальных мексиканских мучных изделиях) и др.

Таким образом, состав двух малочисленных групп существительных на согласный, не имеющих словоизменения, постепенно расширяется. Отметим, что неологизмы на *-с/-з*, так же как и новые несклоняемые феминитивы на согласный, не

являются экзотизмами, в отличие от слов той же структуры, появившихся ранее, а значит, для укоренения этих иноязычий есть важное экстралингвистическое условие.

Наряду с существительными, имеющими хоть и недолгую, но всё же традицию несклоняемости в русском языке, в современной речи употребляются без словоизменения и другие иноязычные субстантивы на согласный.

Например, как несклоняемые могут использоваться в современной речи некоторые **неодушевлённые** существительные женского рода, оканчивающиеся вопреки языковому «стандарту» твёрдым согласным (см. также об этом разделы 2.3, 2.6): *Всё для вашей ресепши*; *Добиться очередной поул-позиши* и др. Такие употребления являются новыми для современного русского языка. Можно отметить также разряд особых (но не редких, как отмечалось в разделе 2.3) заимствований, которым в языке-источнике соответствуют устойчивые сочетания или сложные слова, в том числе аббревиатуры. Так, у слов *грин-кард* ‘вид на жительство’ (англ. green-card букв. ‘зелёная карточка’), *кантри-мьюзик* (англ. country music ‘сельская музыка’), *от-кутюр* (фр. haute couture ‘высокая мода’), *плей-офф* ‘игра на вылет’ (англ. play-off), *ол-инклюзив* (англ. all inclusive) ‘система гостиничного обслуживания по принципу «всё включено»’ отсутствуют парадигмы склонения. На первом этапе вхождения в русский язык употреблялось как несклоняемое существительное *прайм-тайм* ‘лучшее время в эфире для показа рекламы’ (англ. prime-time).

Вот несколько иллюстраций (здесь и далее орфография источников сохранена): *Введение европейского аналога грин-кард должно поставить заслон для въезда на территорию Евросоюза неквалифицированных работников; Наличие Грин-кард является необходимым условием пользования автомобилем; Конгресс США отменил «грин-кард»; Концерт состоится в городке Брансон, который является вторым (после Нэшвилля) центром «кантри-мьюзик»; Команде предстоит участвовать в плей-офф; Невозможно отказаться от ол-инклюзив; Показать фильм в праймтайм (ЭКГ).* Подобное явление ранее отмечалось Е.А. Земской в речи русских эмигрантов (нескл. *body-shop, dead-line, public school, high school* и др.) [ЯРЗ: 202].

На рубеже XX—XXI вв. «нестандартное» грамматическое поведение некоторых иноязычных существительных поддерживается несколькими факторами.

Одним из них является такое свойство иноязычного слова, как **полифункциональность** (см. раздел 2.1).

Многие иноязычные неологизмы на первой стадии освоения семантически диффузны — лексическое значение нового слова размыто и нередко лишь приблизительно угадывается из контекста. Значимость контекстуального окружения слова в таком случае возрастает. Подсказать, прояснить лексическое значение неологизма может, например, **атрибутивная конструкция**, в которой неологизм в качестве определения относится к существительному, обозначающему более широкое, родовое понятие: *Музыка в стиле **фьюжн** сейчас стала очень популярной* («Такая музыка»); *в стиле **хай-тек**, в стиле **экин**, в стиле **фолк**, в стиле **фанк**; в жанре **экин**, дизайн **хай-тек**, система «**интернет**», в режиме **онлайн**, в режиме **офлайн** и т.п.*

В такой позиции иноязычный неологизм употребляется как неизменяемое слово, хотя при этом в других контекстах он может быть использован в склоняемой форме. С грамматической точки зрения неизменяемое слово в сочетании типа *в стиле хай-тек* ближе к прилагательному (ср. *хайтековский стиль*), особенно в тех случаях, когда определяемое слово не соотносится с определяющим как род — вид. См.: *Аптека **онлайн**; Консультация **онлайн**; Заказ **он-лайн**; Потом придумали сеть **фаст-фуд**; На площади трех вокзалов мы решили поставить два павильона **фаст-фуд**; Закусочная **фаст-фуд** уже стоит у Бережковской набережной, неподалеку от Киевского вокзала; Наталья Кулешова стала лишь второй в классе «**фитнесс**»; Игры серии **плэй-офф**; Танцовщица **топлесс**; Съёмка **топлесс**; Требуется специалист в сфере **паблик релейшен**; Они думали, что Макиавелли — отец всех политтехнологов, провозвестник новой морали консалтинга, предтеча великой религии **паблик-релейшен**; В Тюмени состоится Чемпионат России среди команд «**формейшн**» по спортивным танцам; Ансамбль бального танца «Надежда» из города Азова завоевал первое место на Чемпионате России по современному танцевальному шоу-**формейшн**; Игры **экишен**; Стойки-**ресепшн** (ИПМ).*

В препозиции к определяемому существительному иноязычное слово совсем уже теряет «существительность» (слово М.В. Панова). Так, в предложении (рекламе) *Банковские и ресепши стойки также входят в наш ассортимент!* слово *ресепши* «распредмечивается» конструкцией однородности, в которой союз *и* соединяет данное слово с прилагательным. См. также: *ресепши мебель; онлайн кроссворды; Журнал Forbes составил список лучших топлесс-пляжей мира; Если захотите, Вас поселят в отеле на бонсай-версию Эйфелевой башни* (GEO. 2002. № 4); *Не знаю, как охарактеризовать этот бонсай-коттедж, но он не превышает по размерам щитковый дачный домик* (Cosmopolitan. 2003. № 12).

Заемствуемое слово может употребляться в русской речи в функции наречия: *Вы можете заказать услугу по телефону или онлайн; Быть онлайн; Загорать (отдыхать, сниматься) топлес.*

Употребление иноязычного слова в роли наречия и прилагательного (без дополнительных грамматических показателей) формирует представление о его «застывшей», неизменяемой форме. Таким образом, грамматическая полифункциональность является одним из факторов, поддерживающих отсутствие словозменения иноязычных слов.

Ещё один фактор — это употребление иноязычных слов в графике языка-источника. На первой стадии внедрения иноязычного неологизма в иную языковую среду написание его в оригинальной графике (графическое заимствование) — частотное явление. В этом случае слово предстаёт в русском тексте как **иноязычное вкрапление**, т.е. как единица чужого языка, на которую правила русской грамматики не распространяются.

Правда, по традиции, пришедшей из прошлых веков, гибридные написания «иноязычное вкрапление + русское окончание» иногда встречаются в современных текстах (см., например, рекламу *Свежие notebook'у!*) в целях выразительности, для привлечения внимания. Однако основной массив вкраплений употребляется без падежных окончаний, т.е. не склоняется. См., например, употребление некоторых модных вкраплений: *jet set* 'элита, сливки общества' [НБАРС] — *Для члена jet-set не составляет никакого труда, позавтракав в Париже, вечером оказаться в Лондоне, а ночью отправиться в Мадрид* (Cosmopolitan).

2001. № 8); *tapas* (исп. ‘закуски’) — *Всё о tapas* (название кулинарной книги).

По отношению к иноязычной лексике оригинальная графика при передаче слова на письме — «сильная позиция», позволяющая нередко пренебрегать правилами принимающего языка. Например, в рекламе «*Дыши футболом! Пей Coca-cola!*» латиница «навязывает» несклоняемую форму слову, давно имеющему в русском языке и кириллическое написание (*кока-кола*), и парадигму словоизменения. Ещё один пример подобного давления графики на грамматику — заголовок в интернет-новостях: *Бразильцы мечтают о Lada*, в котором без формы косвенного падежа остаётся даже исконное существительное.

На рубеже XX—XXI вв. многие неологизмы англо-американского происхождения первоначально включались в текст на правах вкрапления и, даже получая кириллический вариант, употреблялись (а некоторые употребляются и по сей день) в двух графических вариантах — в исконном и приобретённом. Например: *Internet* — *Интернет*, *Web* — *веб*, *MultiMedia* — *мультимедиа*, *on-line* — *онлайн*, *off-line* — *офлайн*, *sale* — *сейл*, *off-shore* — *офшор*, *open-air* — *оупенэйр* (о мероприятии, проходящем на открытом воздухе), *fusion* — *фьюжн*, *fashion* — *фешн*, *reception* — *ресепшн*, *up-grade* — *апгрейд*, *smart card* — *смарт-карта*, *smart-mob* — *смарт-моб* (то же, что флешмоб), *soft* — *софт*, *pilot* — *пилот* ‘сетевой фильтр’, *play-off* — *плей-офф*, *casual* — *кэжуал* (о стиле в одежде) и др.

Итак, начальная стадия освоения иноязычного неологизма, готовящая его переход из состояния вкрапления к функционированию в системе языка-реципиента в качестве полноправной единицы, нередко характеризуется грамматической неоформленностью нового слова.

Современное состояние лексики русского языка показывает, что при широкой распространённости, актуальности реалии (тем более интернациональной) кириллический вариант входит в русское письмо и осваивается им достаточно быстро (*ниар*, *Интернет*, *веб*, *онлайн*). Однако словоизменение может задержаться, поскольку несклоняемые варианты поддерживает письменная форма речи, более авторитетная. Устная форма речи какое-то время воспроизводит употребление, установившееся в пись-

менной речи. Освоение существительного проходит по следующим этапам:

I. Несклоняемый вариант в написании латиницей (вкрапление):

Отправьте сообщение по e-mail;

Подключиться к Internet;

Заниматься fitness;

Сидеть в Twitter.

II. Несклоняемый вариант в написании кириллицей:

Отправьте сообщение по имейл;

Подключиться к Интернет;

Заниматься фитнес;

Сидеть в Твиттер;

III. Склоняемый вариант:

Отправьте сообщение по имейлу;

Подключиться к Интернету;

Заниматься фитнесом;

Сидеть в Твиттере.

В то же время многие иноязычные неологизмы, употреблявшиеся первоначально в русской речи как вкрапления, минуя II этап освоения и от первого этапа (несклоняемый вариант в написании латиницей) приходят сразу к последнему (склоняемый вариант). Это относится, например, к англицизмам на *-инг*, *-ер*, *-мент*. Стадия иноязычного вкрапления не тормозит изменения этих слов по падежам, они легко включаются в русскую словоизменительную парадигму. Ср.: *zapping* (вкрапление) — *Быстрое переключение телевизора с одной программы на другую, к которому прибегают, чтобы не смотреть рекламу, называется zapping* (В. Пелевин. «Generation P») — и склоняемый кириллический вариант *заппинг* — *Новомодная болезнь поразила, по статистике, каждого пятого из нас. Самое страшное — от заппинга ещё не изобрели лекарства; Как бороться с заппингом?* (заголовок).

По-видимому, условием для этого является наличие в русском языке большого числа заимствований похожей структуры — слов с *-инг*, *-ер*, *-мент* — «отрезками», которые воспринимаются, осознаются как уже знакомые, освоенные морфемы (а в некоторых словах они свободно выделяются как морфемы — *банкинг*, *сканер*, *менеджмент*). Слова с узнаваемой морфемной

структурой, т.е. мотивированные (см. об этом понятии разделы 2.1, 2.5), без задержек включаются в систему падежного словоизменения.

Говоря о факторах, поддерживающих отсутствие словоизменения у иноязычных существительных с консонантным исходом, нельзя забывать о том, что существуют определённые **структурные ограничения** для склонения. Так, у существительных со значением лица женского пола (*вамп, гёрлскаут, хостес* и т.п.) таким ограничением является твёрдый согласный (не шипящий) на конце слова (в русском языке слова женского рода с консонантным исходом могут заканчиваться только на мягкий согласный или шипящий, как *мать, дочь, рожь*). Убедиться, насколько строго действует это ограничение, можно на следующем примере: *На своей «мерс» пострадавший быстро догнал обидчиков* (ЭКГ). Как только усечённое существительное перешло в разряд имён женского рода, оно потеряло склоняемость. Ср. в этом же тексте более привычное употребление усечения *мерс* как существительного мужского рода: *Ехал на шестисотом мерсе*.

Своеобразное ограничение для словоизменения есть и у существительных типа *контрас, группиз*, где конечный согласный (-с или -з) восходит к форманту множественного числа -s языка-источника. Поскольку сами существительные употребляются в грамматическом значении множественного числа, деплюрализация в подобных заимствованиях не происходит: плюральные (в языке-источнике) формы слов на русской почве оказываются застывшими, неизменяемыми словами.

Особую группу несклоняемых субстантивов с конечным согласным фиксирует на рубеже XX—XXI вв. Е.А. Земская в речи русских эмигрантов — иноязычия на *-ин/-шен*: *коннекшэн, аппликэйшэн, конверсэйшэн* (ср. *connection, application, conversation*). По выражению Е.А. Земской, исход подобных слов «слишком иноязычен», что мешает его соединению с русскими флексиями [ЯРЗ: 202]. Как мы показали в разделе 2.6, подобная группа англицизмов (на *-ин* и *-жн*) постепенно сформировалась и в русском языке на территории его исконного распространения, и слова, входящие в эту группу, также не всегда включаются в парадигму склонения (*девушка на ресепшн*).

Тем не менее в большинстве случаев иноязычные существительные, употребляющиеся в русской речи без падежных окончаний, со временем получают склоняемый вариант, который постепенно вытесняет несклоняемую форму. Ср. телевизионную рекламу середины 90-х годов XX в.: *В этих новых памперсах кожа малыша сухая и здоровая* и современное нормативное употребление — *в памперсах*.

Это наблюдение не распространяется лишь на одну-единственную группу среди несклоняемых субстантивов с консонантным исходом — на группу феминитивов (*вамп* и т.п.); просторечное *мадама* и окказиональные *гёрлфрендша* и *гёрлфрендиха* во внимание не принимаются. У остальных несклоняемых иноязычных существительных на согласный наблюдается **варьирование по признаку склоняемости/несклоняемости**. Вот некоторые примеры: *Победить на праймериз* и *Победить на праймеризе* (из газ.); *Девушка на ресепшен* и *Девушка на ресепшне* (из устн. речи); *Пришёл с гёрлфренд* (из газ.) и *Прийти с гёрлфрендой* (из устн. речи); *Индустрия фастфуд* и *Индустрия фастфуда* (из газ.); «*Искусство фэн-шуй*» и «*Энциклопедия фэн-шуя*» (названия книг); *Школа бонсай* и *Школа бонсая* и др. (см. также примеры подобных вариантов у иноязычных аббревиатур в разделе 2.8). Поскольку конкуренция вариантов, как правило, заканчивается победой склоняемого варианта, что вполне естественно для русского языка, можно говорить о том, что отсутствие склонения у слов на согласный характеризует именно этап **адаптации** существительного, его постепенное включение в достаточно строгую грамматическую парадигматику языка. На наш взгляд, при первой лексикографической фиксации иноязычных неологизмов в случае с существительным на согласный следует рекомендовать нормальный, естественный для русского языка вариант склонения (*школа бонсая*). И уж тем более такой вариант должен стать если не нормативным, то в первую очередь рекомендуемым в ортологическом словаре. Считаем, что нет никаких оснований отмечать как неправильный вариант слово *бонсай* с падежным изменением (*сад бонсаев*), а в качестве нормативного фиксировать только один вариант — несклоняемый (см., например [КНС]).

Кстати говоря, вариантность по признаку склоняемости/несклоняемости проявляется (в разной степени) у несклоняе-

мых существительных всех разрядов, включая слова, относящиеся к ядру класса несклоняемых существительных, т.е. субстантивы на гласный. Ср.: *Девяносто евро* и *Девяносто евров* (из устн. речи); *Континентальный завтрак без мюсли не обходится* (*мюсли* нескл. [РОС; БТС]) и *Сколько сыпать мюслей?* (из разговора за завтраком); *Спать в бигуди* и *Спать на бигудях* (*бигуди* неизм. [БТС] и *бигуди* нескл. и *-ей* [РОС]).

Таким образом, характеризуя изменения в классе несклоняемых имён существительных в целом, можно сказать, что, с одной стороны, состав этого класса, подчиняясь действующей в языке тенденции к аналитизму²⁷, постепенно расширяется, включая его периферию (существительные на согласный); с другой — с аналитическими тенденциями в современном русском языке на отдельных его участках конкурируют глубинные механизмы традиционного словоизменения.

2.10. Параллельное заимствование в литературном языке и субстандарте

Заимствование однокоренных слов (параллельное заимствование) на рубеже XX—XXI вв. имеет регулярный характер. Почти каждое новое иноязычие, проникая в русскую речь, тянет за собой и «родственников». В результате словообразовательная система принимающего языка получает пары или ряды слов, выстраивающих парадигматические отношения друг с другом в соответствии с закономерностями этой системы (*промоуин* — *промоутер* — *промоутировать* ‘деятельность — деятель — действие’; *кайтинг* — *кайтер* — *кайт* ‘деятельность — деятель — действующий предмет’ и т.п.). Включаясь в подобные ряды, иноязычное слово занимает определённое место в словообразовательной системе языка-реципиента, даже не участвуя в деривационном процессе, т.е. даже не образуя производные (такую словообразовательную адаптацию иноязычного слова можно назвать **пассивной** [Маринова 2008а: 457]). Это касается прежде всего полиморфемных слов, которые заимствуются на русскую почву одновременно или почти одновременно со словом, являющимся в языке-источнике их производящим.

Займствование из чужого языка готовой парадигмы, микро-системы наблюдалось и ранее. Ю.С. Сорокин отмечает такую особенность в развитии словарного состава русского языка в 30—90-е годы XIX в., как «займствование лексических гнёзд» [Сорокин 1965: 52] — лексем, составляющих, по словам учёного, «пучок производных» типа *ликвидация — ликвидировать, реалист — реализм — реальный* [там же: 62]. На протяжении XIX—XX вв. часто происходило одновременное займствование **пары** однокоренных слов, связанных обычно отношениями «деятельность — деятель» (*вояж — вояжёр*) или «действие — действующий предмет» (*слябинг — сляб*) (см. об этом [Крысин 1968: 102; Ипполитова 2003: 18]). Для конца XIX — начала XX в. характерно займствование одноструктурных, или «структурно однотипных», слов, включающих один и тот же (в языке-источнике) словообразовательный формант, например *-мен (спортсмен, рекордсмен, яхтсмен)*, *-инг (допинг, смокинг)*, *-аж (вираж, пилотаж, саботаж)* [Крысин 1968; ЛРЛЯ: 208], — такие ряды тоже представляют собой своеобразные парадигмы. Эти и другие подобные факты позволяют пересмотреть мнение ряда учёных, в частности А.И. Смирницкого, о том, что «каждое конкретное слово заимствуется как таковое, как отдельное, единичное слово, а не как член какой-либо целой системы» [Смирницкий 1998: 236].

Причина активности параллельного займствования на рубеже XX—XXI вв. заключается в том, что донором, «поставщиком» иноязычных лексем преимущественно выступает один язык — американский английский. Поскольку сейчас охотно принимают займствования самые разные сферы человеческой деятельности — от бытовой сферы до научной, интеллектуальной, духовной, — востребованными оказываются целые гнёзда слов языка-источника (всего нами зафиксировано свыше двухсот таких гнёзд — это приблизительно 600 иноязычных слов, многие из которых уже вошли в новейшие толковые словари, в частности в БТС, ТСРЯ, ТСИС, НСИС, АЛ, НСЗ).

В результате активизации параллельного займствования некоторые иноязычные слова-«одиночки», займствованные ранее и не имевшие до последнего времени в русском языке производных, получают словообразовательные гнёзда. Напри-

мер, заимствованные слова *менеджмент, менеджеризм, топ-менеджер, тур-менеджер, офис-менеджер, агент-менеджер, пресс-менеджер, тайм-менеджер* составили гнездо старого заимствования *менеджер*; слова *шоумен, шоувумен, шоумейкер, реалити-шоу, ток-шоу, дог-шоу, слайд-шоу, гоу-шоу* ('демонстрация, шествие, парад', от англ. go-show букв. 'иди и показывай'), *авиа-крэш-шоу, фолк-шоу, роуд-шоу, скетч-шоу, шоу-рум, шоу-бизнес, байк-шоу, боди-шоу* оформили гнездо бывшего экзотизма *шоу*; англицизмы рубежа XX—XXI вв. *бизнес-класс, бизнес-ланч, бизнес-леди, бизнесвумен* дополнили гнездо ранее заимствованных слов *бизнес, бизнесмен*. По мнению Ю.С. Сорокина, «появление такого пучка является уже надёжным свидетельством... времени усвоения иностранного слова данным языком» [Сорокин 1965: 62].

С точки зрения частеречного состава заимствованные словообразовательные гнёзда, как правило, однородны: они включают преимущественно имена существительные (как самую частотную в процессе заимствования часть речи). Таковы, к примеру, следующие гнёзда слов: *маркетинг, демаркетинг, ремаркетинг, мультимаркетинг, турбомаркетинг; никнейм* 'сетевой псевдоним' (< nickname 'прозвище'), *нейминг* 'создание коммерческих названий' (< naming), *неймер* 'специалист по неймингу', *нейминг-программы; хакер, хакинг* (< hacking) 'незаконный доступ к сетевому компьютеру', *хак* (< hack) 'то же'; *чип, чипер* (< chipper), *чипсет* 'набор чипов' [НСИС] (< chipset) и др.

Такая особенность отличает словообразовательные гнёзда, пришедшие из чужого языка, от гнёзд, звенья которых образуются от иноязычий на русской почве: последние характеризуются разветвлённостью и морфологическим разнообразием. См., к примеру, гнездо слова *чат*, включающее, помимо субстантивов *чатлане, чатикет*, прилагательное *чатовый* и глаголы *чатиться, початиться, чатить*. Ещё один пример — гнездо слова *рейтинг*: прилагательные — *рейтинговый, высокорейтинговый, нерейтинговый*, существительные — *рейтингование, антирейтинг, рейтингология*, глагол *рейтинговать* [АЛ], наречие *рейтингово* [АЛ].

Однако большинство заимствованных словообразовательных гнёзд постепенно **дотраиваются** исконными дериватами; в этом

случае морфологическое наполнение гнезда становится более разнообразным (см. таблицу).

Займствования	Дериваты
<i>блог</i> ‘сетевой дневник’, <i>блогер</i> [РОС]	<i>блоггерство</i> [АЛ], <i>блог-программа</i>
<i>бренд</i> , <i>брендинг</i> , <i>ребрендинг</i>	<i>брендовый</i> , <i>брендированный</i> , <i>монобрендовый</i> , <i>мультибрендовый</i>
<i>мерчендайзер</i> , <i>мерчендайзинг</i>	<i>мерчендайзинговый</i> [АЛ]
<i>микшер</i> , <i>микшировать</i>	<i>микширование</i> [НСИС], <i>микшерская</i> ‘помещение, оборудованное микшером’ [БТС], <i>смикшированный</i>
<i>от кутюр</i> , <i>кутюрье</i>	<i>кутюрный</i> , <i>откутюровский/откутюрный</i>
<i>спам</i> , <i>спаминг</i> (< spamming), <i>спамер</i> (< spammer)	<i>антиспамовый</i> , <i>спамить</i> ‘рассылать спам’, <i>спамерский</i> , <i>антиспамерский</i>
<i>трейдер</i> , <i>трейдинг</i> , <i>трейд-ин</i>	<i>нефтетрейдер</i> , <i>трейдинговать</i> , <i>трейдинговый</i> , <i>трейдингование</i> , <i>трейдить(ся)</i> [СЗА]
<i>тьютор</i> , <i>тьюторинг</i> , <i>тьюториал</i>	<i>тьюторский</i> , <i>тьюторство</i>

Отметим, что аналогичные процессы протекают и в **субстандарте**. Слова, содержащие один и тот же корень, могут заимствоваться, как, например, заимствовались молодёжным жаргоном слова *клуббер* ‘человек, активно посещающий клубы и молодёжные вечеринки’ (ср. англ. clubber) и *клуббинг* (< clubbing). Ещё пример — заимствование своеобразного словообразовательного гнезда в языке любителей компьютерных игр: *лвл* ‘уровень персонажа’, *лоу-лвл* ‘низкоуровневый’, *хай-лвл* ‘высокоуровневый’ [Литвинова 2012: 168]. В то же время активно идёт деривация от жаргонизмов иноязычного происхождения, причём так же, как в литературном языке, образующиеся гнёзда слов морфологически разнообразны (*попс(a)*, *попсовый*, *попсово*, *попсовик*, *попсеть*, *запопсеть*, *опопсеть*, *опопсячиться*, *попснуть*, *попсовать* [СЗА]). Можно говорить и о другом разнообразии словообразовательных гнёзд в субстандарте: многие такие гнёзда включают словообра-

зовательные дублиеты — дериваты, тождественные по лексическому значению, но различающиеся словообразовательным формантом, например: *попса, попсация, попсня, попсуха, попсушка, попсушник, попсыра* [СЗА] и др. Такая множественность обозначений позволяет носителям субстандарта постоянно обновлять его экспрессивный фонд.

Особенность параллельного заимствования на современном этапе проявляется также в том, что вхождение в русский язык слов, входящих в языке-источнике в одно и то же словообразовательное гнездо, размывает границы между кодифицированными и некодифицированными сферами речи — иными словами, между стандартом и субстандартом. Дело в том, что среди заимствованных словообразовательных парадигм выделяются гнёзда, звенья которых генетически имеют тот же корень, что и давно заимствованные из английского языка в основном молодёжным жаргоном лексемы. Например, слова *фейс-контроль, интерфейс/фейс* (комп.) ‘внешний облик программы’, *фейс-арт, фейс-билдинг, дефейсить* (комп., от англ. deface ‘сменить внешний вид’), *дабл-фейс* (термин моды), *фейс-лифтинг*, «*Фейсбук*» репрезентируют своим составом сленгизм **фейс**. Зафиксированные современными словарями англицизмы *гёрлс* ‘группа девушек, выступающих на эстраде’, *гёрлфренд* ‘подружка молодого человека’, *гёрлскаут* ‘девочка или девушка — член скаутской организации’, *кол-гёрл* ‘девушка по вызову’, *гёлсбэнд* ‘музыкальная группа, состоящая только из девушек’ отсылают к жаргонизму **герла**; соответственно *плейбой, бойфренд, бойскаут, бой-груп/бой-группа* ‘музыкальная группа, состоящая только из юношей’ соотносятся с жаргонизмом **бой**. Слова *дансинг* ‘танцевальный зал’, *дансинг-холл* или *данс-холл* ‘дансинг’, *дансер/дэнсер* ‘танцор’, *брейк-данс, данс-аэробика* (разновидность аэробики), *данс-пол, данс-хит* имеют тот же генетический корень, что и жаргонизм **данс/дэнс**.

Ср. также: *саундтрек* ‘звуковая дорожка к фильму’, *саундчек/саунд-чек* ‘репетиция, настройка инструментов перед концертом в помещении, где будет проходить концерт’, *саунд-проект, саунд-продюсер* и слово из музыкального жаргона **саунд** ‘звук’; *лав-стори, лав-ситс* ‘диванчики на двоих в кинотеатрах’, *лав-отель* и молодёжный жаргонизм **лав** ‘любовь’²⁸; *лайф-концерт* ‘живой

концерт’, *гербалайф* и *лайф* ‘жизнь’ (мол. жарг.); *лук* (стиль молодёжной культуры), *джипси-лук* ‘цыганский стиль в одежде’, *флирт-лук* (стиль в моде), *бизнес-лук* ‘внешний вид бизнесмена, предполагающий наличие костюма и галстука’ и *лук(ать)* ‘смотреть’ (мол. жарг.); *чат-рум* ‘электронные места встреч коммуникантов, разделяющих специфические интересы’, *нюсрум* ‘отдел новостей на телестудии’, *шоурум* ‘место демонстрации одежды в дорогом магазине’ и *рум/румната* ‘комната’ (мол. жарг.); *хавбек/хав* (спорт.) ‘полузащитник’, *бек* (спорт.) ‘защитник’, *флэшбэк* (псих.) ‘симптом стрессового состояния в виде мысленного повторения вызвавшего его события’, *флайбек* (термин моды), *бэкстэдж/бэкстэйдж* ‘пространство за сценой для музыкантов, играющих на концерте, технического персонала, журналистов’, *бэквокал/бэк-вокал*, *бэк-офис*, *бэкграунд* ‘концевой материал, итоговый абзац, мораль’ и *бэк* ‘задний, сзади’ (мол. жарг.); *бьютимейкер* ‘визажист’, *бьюти-салон* ‘салон красоты’, *бьюти-индустрия* ‘сеть салонов красоты’ и *бьюти* — ‘о красивой (иронично — о некрасивой) девушке [СЗА]. Менее разветвлённые гнёзда восходят к жаргонизмам *грин(ы)*, *хэд*, *хэнд*, *прайс*, *покет*, *бук*, *тайм* (соотв. ‘доллары’, ‘голова’, ‘рука’, ‘деньги’, ‘карман’, ‘книга’, ‘время’ в молодёжном жаргоне). См. также пары: *найт-клуб* ‘ночной клуб’ и молодёжный жаргонизм *найт* ‘ночь’; *геймьюзик* ‘музыка, которую специально пишут для компьютерных игр’ и компьютерные жаргонизмы *геймер* ‘игрок’, *гама* ‘игра’; *стритбол* ‘уличный футбол’ [НСИС], *стритстайл* ‘уличный стиль роллерного спорта — катание на роликовых коньках на улицах’ [НСИС], *стритрейсинг* ‘автомобильные гонки по улицам города в ночное время’ [КНС] и *стрит* ‘улица’ (мол. жарг.); *тайм-тейбл* и *тейбл* (мол. жарг.); *джем-сейшн* ‘совместное импровизационное музицирование нескольких джазовых коллективов’ и *сейшн* ‘вечеринка, музыкальная тусовка’ (муз. жарг.); *ток-шоу* и *ток* ‘разговор’, *токать* (мол. жарг.); *бизнес-скул* и *скул* ‘школа’ (мол. жарг.); *нет-арт* ‘сетевое искусство’ и *нет* ‘Интернет’ (комп.); *дресс-код* (< dress-cod) и *дресс* (мол. жарг.) ‘одежда’ [СЗА]; *трейдер* ‘участник биржевых торгов’, *трейдинг* ‘торговля ценными бумагами (акциями) без посредников между трейдером и биржей’ [ТСРЯ-2], элемент *-трейд* (в названиях различных коммерческих компаний, фирм и т.п.)

и *трэйд* (жарг.) ‘торговля’ [СЗА]; *трэвел-чеки* ‘дорожные чеки’ и *трэвелинг* ‘путешествие’ [СЗА] и др.

В большинстве случаев заимствования, входящие в эти и подобные им ряды, в языке-источнике представляют собой сложные (поликорневые) слова. В некоторых из них оба корня соотносятся в русском языке с жаргонизмами. Например: *бой-френд*, *гёрлфренд* — ср.: *бой*, *герла*, *френд* ‘друг’; *фейс-билдинг*, *тимбилдинг* ‘сплочение коллектива, команды’ — ср.: *фейс*, *билдинг* ‘здание’, *тим* ‘команда’ (см., к примеру, строчку из песни популярной рок-группы «Сплин»: *Ведь мы болеем за один и тот же тим*); *бегиситтер* — ср.: *беби*, *сittaa* ‘сидеть’ (мол. жарг.); *рекорд-лейбл* ‘звукозаписывающая студия’ — ср.: *рекорд* ‘кассета с записью’ (мол. жарг.) и бывший жаргонизм *лейбл*.

Иноязычные слова, которые можно было бы считать вершинами таких гнёзд (непроизводные единицы *фейс*, *гёрл*, *бой*, *данс*, *саунд*, *френд* и др.), в русском языке выходят **за границы лексической нормы** (хотя их прототипы в языке-источнике являются нейтральными общеупотребительными словами) — условно говоря, это «субвершины». Они относятся к **эквивалентной** иноязычной лексике. В субстандарте именно такая, эквивалентная лексика значительно преобладает во всём массиве иноязычных лексем [Маринова 2003: 319], причём при заимствовании эквивалентные иноязычные слова в большинстве своём сохраняют значение этимонов и не развивают оттенков значения по отношению к своим эквивалентам²⁹. Вне жаргона, вне своей родной стихии данные лексемы воспринимаются как варваризмы, т.е. **вторичные наименования** обычных, обыденных и далеко не новых предметов, для которых в русском языке есть исконные обозначения.

В настоящее время сфера функционирования варваризмов расширилась — такие слова очень популярны в качестве эргонимов (коммерческих имён): магазин «*Лайф*» (см. также название телесериала «*Рублёвка-life*»), автосервис «*Хелп-авто*» (ср. *хелп* — в компьютерном жаргоне ‘помощник’, *хелп* — в студенческом жаргоне ‘шпаргалка’), фотосалон «*Смайл-фото*» (ср. бывший жаргонизм *смайлик*, а также *смайл* — в молодёжном жаргоне ‘улыбка’), журнал «*Бьюти*», «*Love-радио*» и др. Некоторые из варваризмов часто используются в написании латиницей: *play*,

game, baby, beauty, dance, look, life, love, time и др.³⁰ По-видимому, их популярность, «публичность» подкрепляется тем, что многие из них являются интернациональными. Так, в немецком молодёжном языке функционируют *face, baby, dance, look, girl, boy, love, sound, head* [Романова 2001: 10, 11, 14], в словенском языке исследователи фиксируют англицизмы *tim, forehand, plejboj* [Šimková 1999: 131, 132] (ср. в русском языке: *тим, форхэнд, плейбой*), в болгарском языке — *халф, халфбек* [Вачкова 1999: 62] (ср. в русском языке: *хав, хавбек*). В.Г. Костомаров называет подобные англицизмы-американизмы *интержаргоном* [Костомаров 1999: 132]. По мнению учёного, интержаргон оказывает «деформирующее воздействие на литературный стандарт» [там же: 135]. Согласно другой точке зрения, с проникновением в язык иноязычий происходит не деформация, а усложнение семантических отношений между близкими по значению словами. Так, Л.П. Крысин пишет: «Происходит... распределение членов таких рядов (близких по значению слов. — *Е.М.*) по сферам деятельности или сферам общения: ...лицо — *фейс* (шутливо, в определённых контекстах — ср. молодёжные обороты типа *фейсом не вышел, фейсом об тейбл*)» [Крысин 2002: 30].

«Низкое происхождение» жаргонизма облагораживается и за счёт того, что его существование в русском языке оправдывается целым рядом однокоренных литературных слов (по нашим наблюдениям, лишь незначительное число жаргонизмов, составляющих эквивалентную лексику, не имеет родственных слов в официальном или массмедийном дискурсе). Правда, в большинстве своём «родственники» находятся на периферии языка: либо это экзотизмы — *бойскаут, гёрлс, гёрлскаут* и др., либо профессионализмы, узкоспециальные термины — *саундчек, тимбилдинг, дабл-фейс, интерфейс, бэк-офис, беби* (в кинологии — ‘щенок от 4 до 6 месяцев’) и др. Возможно, поэтому, в отличие от большинства заимствованных словообразовательных гнёзд, гнёзда с «субвершинами» не пополнились (по крайней мере, пока) исконными дериватами. Расширение состава словообразовательного гнезда происходит, по-видимому, в тот момент, когда бывший жаргонизм нейтрализуется и осознаётся как полноправная единица литературного языка. Так, слово *байк* впервые (1998 г.) зафиксировано в ТСРЯ с пометой «жар-

гонное». В XXI в. словари подают его уже без помет, как вполне литературное слово, например НСИС — ‘обычно дорогой, иностранного производства мотоцикл’ (см. также другой бывший жаргонизм — *байкер* ‘представитель неформального молодёжного движения, любитель мотоциклетного спорта’ [там же]). В настоящее время пара *байк* — *байкер* превратилась в многочленное словообразовательное гнездо, в которое, помимо ближайших родственников, тоже заимствований (*кикбайк* ‘самокат, складывающийся в специальную сумку’ и *байк-шоу*), входят производные, образованные уже в русском языке: *байкерский*, *байкерство*, *байкерша*. Теряет связи со сленгом и германизм *киндер*: став частью вполне литературного обозначения известного детского лакомства — *киндер-сюрприз*, он используется уже в русских образованиях типа *киндер-шоколад*, *киндер-жвачка* и т.п.

Факт вживания в русский литературный язык иноязычных слов, содержащих тот же корень, что и слова-варваризмы, свидетельствует о глубоком проникновении иноязыковых элементов в русский язык, в разные его варианты и стили. Заимствование слов, содержащих традиционно **переводимый** корень, влияет на языковое сознание говорящих, которое, по-видимому, становится более терпимым к восприятию иноязычных корней, даже если эти корни соотносятся со словами, выходящими за рамки лексической нормы. На наш взгляд, проникновение в литературный язык иноязычных слов, родственных жаргонным словам, создаёт благоприятную почву для внутреннего заимствования самих этих жаргонизмов (см. название салона красоты «Фейс»).

2.11. Изменения в синонимике русского языка на рубеже XX—XXI вв. как результат заимствования

Один из активных процессов в современном русском языке — процесс обновления лексической системы, проявляющийся, в частности, в том, что происходят заметные изменения в синонимике языка. Изменения эти выражаются в следующем: во-первых, появляются новые синонимические пары (или ряды); во-вторых, обогащаются, дополняются новыми звеньями уже существующие синонимические ряды.

1. Новые синонимические пары (или ряды) могут быть следствием параллельного заимствования из чужого языка слов с близким или тождественным значением. См., к примеру: *бизнесвумен* — *бизнес-леди*; *топ-модель* — *супермодель*; *флеш-моб* — *смартмоб* и др.

Однако чаще всего новые синонимические пары формируются на русской почве, с использованием исконного материала. Создаются они по-разному — в зависимости от того, является новое заимствование **эквивалентным** или **безэквивалентным** словом.

В первом случае синонимическую пару образуют новое иноязычие и его эквивалент: неологизм пристраивается к уже существующему слову, выступая по отношению к нему либо в роли абсолютного синонима (дублета), либо в роли относительного синонима. Например: *мультипликация* — *анимация*; *обмен* — *бартер*; *культуризм* — *бодибилдинг*; *вознаграждение* — *бонус*; *рисковый* — *венчурный*; *модельер* — *кутюрье*; *СМИ* — *массмедиа*; *макияж* — *мейкап*; *избиратели* — *электорат* и др.

Если же новое слово является **безэквивалентной** единицей, оно само может послужить отправной точкой в процессе синонимизации: синоним пристраивается уже к нему. См.: *джип* — *внедорожник*; *имплантация* — *вживление*; *Интернет* — *Всемирная паутина*, *глобальная сеть*, *Сеть*, *киберпространство*, *киберпейс*, *виртуальная реальность*; *триал* — *велоакробатика* и др.

Безэквивалентное слово провоцирует языковую систему, побуждая её к творчеству, к деятельности, поскольку порождение синонима того или иного иноязычия в каждом конкретном случае происходит индивидуально. Нередко в качестве синонима выступает **калька**, прототипом которой является то же самое слово (или словосочетание) чужого языка, послужившее источником заимствования. Это может быть **словообразовательная** калька (*бритоголовые* — ср. *скинхэды* < англ. *skinhead*), **семантическая** калька (*прозрачный* — ср. *транспарентный* < англ. *transparent* ‘прозрачный, ясный, очевидный’) или **фразеологическая** калька (*высокая мода* — ср. *от кутюр*, от франц. *haute couture*, букв. ‘высокое шитьё’) и др.

В качестве синонима безэквивалентного иноязычного слова могут выступать существующие в языке слова, получившие новое значение, т.е. **семантические неологизмы**. Например, слово

диалоговый ‘относящийся к диалогу, проходящий, протекающий в форме диалога’ стало употребляться как синоним заимствованного слова *интерактивный*, вследствие чего получило новое значение ‘предполагающий непосредственное взаимодействие с пользователем в процессе работы’ [АЛ].

Наконец, синонимом безэквивалентного иноязычного слова может стать **словообразовательный неологизм**. Часто такой синоним является однокоренным по отношению к иноязычию: *архивация* ‘создание архивов файлов’ — *архивирование, аудит* — *аудирование* — *аудиторство, кёрлер* — *кёрлингист, лоббизм* — *лоббирование, тестинг* — *тестирование*.

Всего на рубеже XX—XXI вв. около 200 иноязычных слов оказались вовлеченными в синонимические отношения с лексическими единицами принявшей их системы, которая, в свою очередь, пополнилась **новыми** синонимическими парами. Для того чтобы представить в полном объёме новую синонимику, возникающую под влиянием заимствуемых слов, следует учесть и такие пары и ряды, в состав которых входят **производные** от новых иноязычных слов: *интернетовский* — *сетевой*; *коттоновый* — *хлопковый*; *кутюрный* — *модный*; *тинейджерский* — *подростковый*; *электоральный* — *избирательский* и др.

Особо следует отметить так называемую **межуровневую синонимику** (она включает синонимические пары «слово — словосочетание»), которая также заметно пополнилась благодаря тому, что некоторым иноязычным словам на русской почве соответствуют **словосочетания**. См.: *дайвинг* — *подводное плавание*; *имейл* — *электронная почта*; *ник* — *сетевое имя*; *топ* — *список призёров*; *хай-тек* — *высокие технологии*; *пиар* — *связи с общественностью* и др. (подробнее об этом см. [Маринова 2008а: 398—400]).

2. За счёт новых заимствований и переосмысленных старых заметно **расширяются уже существующие синонимические ряды**. Обычно обогащение ряда сопровождается перестройкой отдельных его звеньев, поскольку иноязычное слово может вытеснить доминанту ряда, ослабить или изменить позиции других синонимов, повлиять на их стилистическую окраску и т.п. В научной литературе такие процессы на материале отдельных синонимических пар рассматривались ранее Ю.С. Сорокиным,

Л.М. Грановской, Л.П. Крысиным, Э.Ф. Володарской и др. [Сорокин 1965; ЛЛРЛ; Крысин 2002; Володарская 2002].

По нашим данным, свыше 50 существующих в русском языке синонимических рядов **пополнилось** на рубеже XX—XXI вв. новыми лексическими единицами.

Синонимический ряд «Словаря синонимов» А.П. Евгеньевой (1975)	Новые звенья ряда
<i>дар, талант, дарование, одарённость</i>	<i>харизма</i>
<i>известность, популярность, знаменитость, слава</i>	<i>наблицити, рейтинг</i> (перен.)
<i>нажим, давление, напор, натиск</i>	<i>прессинг</i>
<i>новшество, нововведение, новинка, новаторство, новация</i>	<i>инновация</i>
<i>перерыв, интервал, пауза, передышка</i> (разг.)	<i>тайм-аут</i>
<i>представление, зрелище</i>	<i>шоу, гала</i> (перен.), <i>перформанс</i> (перен.)
<i>репутация, слава, реноме</i>	<i>имидж</i> (перен.)
<i>смесь, смешение, мешанина</i> (разг.), <i>каша</i> (разг.), <i>винегрет</i> (перен.), <i>окрошка</i> (перен.)	<i>коктейль</i> (перен.), <i>микс</i> (перен.), <i>фьюжн</i> (перен.)
<i>союз, альянс, единение, объединение, содружество</i>	<i>тандем</i>
<i>судьба, рок, фатум, предопределение</i>	<i>карма</i>
<i>творческий, созидательный</i>	<i>креативный</i>

Подчеркнём, что в большинстве случаев заметно стремление иноязычного слова разойтись по значению (оттенками) или по стилистической окраске и сфере употребления со словами синонимического ряда. Особенно ярко проявляется «оттеночная» синонимия в том случае, когда слова, могущие обозначать один и тот же денотат, выступают в переносном значении. Вот несколько примеров синонимических рядов, в которых новые звенья представляют собой иноязычные слова, развившие на русской почве переносное значение: *наставник, учитель, гуру* (перен.); *робот* (перен.), *марионетка* (перен.), *манекен* (перен.), *зомби* (перен.); *смешивать, сочетать, микшировать* (перен.) и др.

В заключение отметим, что, по мнению большинства лингвистов, процесс включения новых заимствований в синонимику русского языка имеет большое лингвистическое значение, так как приводит, как пишет Э.Ф. Володарская, «к обогащению синонимического пула языка-реципиента» [Володарская 2002: 108]. По-видимому, множественность обозначений одного и того же обеспечивает говорящему такой запас средств словесного выражения мысли, при котором он получает возможность дифференцированно использовать эти средства в разных условиях общения, в разных стилях, жанрах и т.п. Некоторая избыточность в данном случае есть необходимое условие развития языка, который либо отбирает нужные ему единицы, оставляя их в системе, либо актуализирует, делает значимыми различия между синонимичными словами.

Вместо заключения

2.12. Аналогия как ведущий принцип освоения иноязычных слов в русском языке новейшего периода

Общее направление адаптационных процессов в русском языке новейшего периода проявляется в **конкуренции** иноязычных слов с лексическими единицами заимствующего языка в стремлении органично влиться в систему и стать «своими».

Конкуренция своего и чужого проявляется двояко: с одной стороны, иноязычный неологизм предъявляет говорящему некоторые преимущества, актуализируя их (например, оттенок значения: *электорат* — ср. *избиратели*; краткость: *вин*; способность к деривации: *массмедиа* — ср. *СМИ* и проч.), с другой — соотносясь с уже существующей единицей языка-реципиента, он не только отталкивается по отдельным признакам от неё, например по значению — в случае синонимии, но и в чём-то уподобляется ей, подстраиваясь под систему.

Слово языка-реципиента, с которым соотносится (по смыслу или/и по структуре) новое иноязычное слово, выступает по отношению к последнему как «образец». Ведущим принципом адаптации иноязычного слова становится принцип, или закон,

аналогии. Этот принцип проявляется в том, что новая лексическая единица, взятая из чужого языка, приобретает какие-то стороны и признаки своей структуры на основе подобия с тем, что есть в другом факте (или в других фактах). По аналогии выстраиваются системы склонения и спряжения, передвигается ударение. Так, акцентный вариант слова *бармен*, широко распространённый в устной речи, — результат аналогии со словами *шоумен*, *супермен*, *яхтсмен* и др. Аналогия может быть также причиной варьирования иноязычного слова. Числовые варианты слов *дедлайн/дедлайны* ‘крайний срок’, *дрэд/дрэды* ‘причёска’ появились под влиянием аналогов: *укладываться в дедлайны* (*укладываться в сроки*); *носить дрэды* (*носить косички*).

Принцип аналогии действует в адаптационных процессах всех основных типов, т.е. как в семантической адаптации, связанной с лексической семантикой осваиваемого в языке-реципиенте слова, так и в формальной адаптации, затрагивающей внешнюю, материальную оболочку слова.

Аналогия в процессе семантического освоения иноязычного слова заметна в таких процессах, как метафоризация и фразеологическая деривация, когда оказываются востребованными имеющиеся в языке «порождающие» модели. Например, модель метафорического переноса «жанр искусства → событие», реализованная в устойчивых употреблениях *комедия* (о забавном происшествии), *фарс* (*Не собрание, а фарс какой-то!*), *драма* (*семейная*) и др., генерировала ряд новых метафор на базе иноязычных слов: (*политический*) *триллер*, (*политическое*) *шоу*, (*политический*) *экин*, *ток-шоу* (о заседании правительства), *блокбастер* (о действиях НАТО), *перформанс* (о дне рождения и т.п.), *инсталляция* (метафора жизни), *римейк политической стратегии* и др. В этом и в подобных случаях действует так называемая **смысловая аналогия**.

Аналогия в процессе грамматического освоения иноязычного слова может быть как **смысловой**, так и **формальной**. Так, под действием аналогии обоих типов оформляется в современной русской речи род несклоняемых неодушевлённых имён существительных. Сферы влияния формальной и смысловой аналогии распределяются, как уже отмечалось в разделе 2.3, следующим образом:

— существительные на *-о* в подавляющем большинстве случаев становятся именами среднего рода: *бунгало*, *парео*, *сумо* и др.

(на этом «участке» языка сильна формальная аналогия иноязычных слов на *-o* с исконными существительными среднего рода на *-o*);

— род имён существительных с основами на другие гласные всё чаще формируется по принципу смысловой аналогии, а именно: перенимается род слова-эквивалента или близкого по значению слова русского языка (*биеннале* ж.р. и *выставка* ж.р.; *джакузи* ж.р. и *ванна* ж.р.; *гран-при* м.р. и *приз* м.р. и др.). Это замечание касается и родовой характеристики слова *евро*: оно имеет признаки мужского рода по аналогии с родом рядоположенных имён существительных *доллар*, *рубль*, хотя в разговорной речи встречаются употребления, соответствующие нормативному «формальному» правилу (*одно евро*).

По-видимому, на этом участке языка смысловая аналогия успешно конкурирует с традиционным грамматическим правилом, что на самом деле не противоречит тому, что уже есть в системе языка. Мы имеем в виду присваивание рода аббревиатурным словам, когда аббревиатура получает род опорного слова производящего словосочетания (*бывшая ГДР*), и присваивание рода несклоняемым неодушевлённым именам собственным по роду слова-гиперонима (*современный Токио*, *широкая Миссисипи*). Наши наблюдения позволяют предположить, что в современной языковой ситуации в сфере несклоняемых неодушевлённых нарицательных существительных начинает действовать тот же принцип, что и у названных выше категорий слов. Так, все обозначения разновидностей кофейных напитков, несмотря на то что они представляют собой несклоняемые существительные на гласный, — *эспрессо*, *капучино*, *мокко*, *мокачино*, *латте* и др. — употребляются с определениями, стоящими в форме мужского рода (по аналогии с родом слова-гиперонима *кофе*).

Иными словами, род присваивается новому иноязычию осмысленно — с учётом его значения, которое соотносится со значением имеющих в языке слов. Тем самым говорящий как бы вписывает неологизм в парадигму языка.

Отметим, что присвоение рода несклоняемым существительным по принципу аналогии наблюдается и среди слов, восходящих к аббревиатурам в языке-источнике. Например, *ай-кью*

м.р. — ср. *коэффициент*; *ди-ви-ди* м.р. — ср. *диск* и проч. Несклоняемые иноязычные аббревиатуры в большинстве случаев приобретают род в соответствии с родом опорного слова в русскоязычной расшифровке.

Аналогия действует и в небольшой группе несклоняемых существительных, представляющих собой метонимические названия, перенесённые с наименований компаний, концернов и т.п. на готовый продукт. В этом случае род, как правило, присваивается по наследству от слова, являющегося родовым названием по отношению к обозначаемому. Например, как существительные женского рода употребляются некоторые обозначения автомобилей по названию их марки (*ауди*, *вольво*, *феррари*, *мицубиси*, *сузуки* — ср. *машина*, *иномарка*). См., например, заголовок: *Hyundai заболела вирусом*. В этом же ряду метонимических названий слово *дэнди/дэнди* ‘телеприставка для видеоигр’ — женского рода и *баунти* ‘батончик’ — мужского рода.

Можно отметить также действие аналогии, основанной на формальном признаке, сходстве слова с его более полным вариантом, как правило, склоняемым (по типу *кофий* мужской род → *кофе* мужской род). Вот несколько примеров: *тату* женский род и *татуировка*; *флоппи* мужской род и *флоппи-диск*; *грин-кард* женский род (*немецкая грин-кард*) и *грин-карта*; *франчайзи* мужской род и *франчайзиат* ‘использование чужой торговой марки для ведения собственного дела’ [НСИС]³¹.

Наконец, под действием принципа аналогии происходит формирование общего «сценария» в адаптации некоторых идентичных по структуре заимствований (см. разделы 2.4—2.7).

В целом заимствование и адаптация идентичных по структуре или по семантике иноязычных слов свидетельствуют о том, что русский язык всё чаще принимает какое-либо конкретное слово уже как член какой-либо готовой парадигмы, микросистемы.

По своим чертам лексическое заимствование ещё более сближается со словообразованием: и в том, и в другом процессе язык получает мотивированные единицы, а значит, заимствование, когда оно происходит из одного источника, всё более становится системным, а закон аналогии всё более востребованным.

Примечания

1. Влиянию на ментальность и национальную концептосферу языкового коллектива, принимающего заимствования, посвящены исследования [Касьянова 2009; Люциньский 2009; Сенько 2012; и др.].
2. В чешской лексикологии процесс заимствования таких номинаций называют «повторной (повторяющейся) интернационализацией» [Buzássyová 1991: 89—104; Mravinacová 2005: 180—186]. Польские лингвисты сами номинации обозначают термином «семантические интернационализмы» [Markowski 2004: 38].
3. Ещё один фактор, значимый для закрепления нового иноязычного слова в ядерной части лексики, имеет вневременной универсальный характер, он действует всегда в процессе заимствования. Это актуальность реалии, обозначаемой словом; её высокая распространённость. По этой причине закрепились, к примеру, слова *спонсор*, *пиар*, *ноутбук* (90-е годы XX в.); *блоггер*, *спам*, *флэшка* и др. (начало XXI в.). И напротив, в случае «деактуализации» реалии (это может быть связано, например, с прекращением её бытования по той или иной причине) слово уходит из активного запаса лексики и устаревает. Так произошло в 2011 г. со словом (кстати, интернациональным) *флоппи* (*флоппи-диск*), успешно конкурировавшим до указанного времени с синонимичным словосочетанием *гибкий диск*: в октябре 2011 г. производство гибких дисков (дискет) было прекращено, поскольку это техническое устройство устарело и было вытеснено новыми средствами хранения информации (флэш-память).
4. Национальными заимствованиями можно считать такие, которые, в отличие от интернациональных, принимаются только одним языком-реципиентом (подробнее см. [Маринова 2013a]).
5. Генетический состав новых и новейших заимствований (около 900 единиц) представлен, по нашим подсчётам, следующим образом: преобладают слова, заимствованные из английского языка, в том числе его американского варианта (приблизительно 74,3%); незначительно число галлицизмов (8%), германизмов (ок. 3%), других европеизмов (2,4%), например заимствований из итальянского языка, испанского, португальского и др. Редки в исследуемый период заимствования из славянских языков. Заимствований восточного происхождения больше (4,8%). Примерно 7,5% новой иноязычной лексики составляют слова, этимоны которых содержат корни латинского или гре-

ческого происхождения и употребляются во многих европейских языках [Маринова 2012a: 35—36].

6. Исследование особенностей освоения новых иноязычных слов в русской речи проводилось нами на протяжении 15 лет, сбор материала — с конца 1980-х годов. Состав иноязычных неологизмов рубежа веков включает более 2500 единиц, не считая их вариантов. Источники исследования: «Электронный корпус русских газет конца XX — начала XXI в.» (ЭКГ) ЛОКЛ МГУ, электронно-поисковая база «Интегрум» — самая обширная на сегодняшний день база русскоязычных текстов, включая радио- и телеэфиры, а также «Национальный корпус русского языка» (НКРЯ), интернет-поисковые материалы (ИПМ), публикации в СМИ, записи устной речи, художественные тексты.
7. См. также: *гёлсбэнд/гелзбэнд* ‘музыкальная группа, состоящая только из девушек’ [КНС], *гоу-гоу-гёрл* ‘танцовщица шоу, стриптизёрша’ [СЗА], *плейгёрл* ‘подруга детства состоятельного мужчины’ [СЗА], *кол-гёрл* ‘девушка по вызову’ [НСИС], *каве-гёрл* ‘фотомодель, снимающаяся для обложек иллюстрированных журналов, вообще журнальная красotka’ [НСИС].
8. Проблеме орфографической адаптации иноязычных неологизмов посвящена обширная научная литература [Иванова 1991; Тимофеева 1992; Лопатин 1998; Маринова 2008a; Кузьмина 2001; Нечаева 2003; Нечаева 2006; Нечаева 2012 и др.]. По этой причине мы не останавливаемся на этом подробно, но при изложении особенностей адаптации заимствований разных структурных групп отмечаем при необходимости их орфографическое освоение.
9. См., например: *трансфер* < англ. transfer и *трансферт* < франц. transfert; *суши* < англ. sushi и *суси* из япон.
10. Под влиянием множества англицизмов (американизмов), включающих несвойственное нашему языку сочетание *дж* (в русских словах [*дж*] возможно только на стыке морфем — *отживший*, *поджарить*), в настоящее время, как пишет Э.Ф. Володарская, «в словах типа *менеджер* имеет место заимствование английского звука [dʒ]» [Володарская 2002: 104].
11. Подобное явление возможно в некодифицированной речи. См. жарг. *бабец* — мужской род (пример проф. Н.В. Богдановой).
12. Тот факт, что феминитивы оканчиваются твёрдым согласным (не шипящим), является существенным структурным ограничением для их падежного изменения, поскольку в русском языке слова женского рода с консонантным исходом могут заканчиваться либо на мягкий согласный (*мать*, *дочь*), либо на шипящий (*рожь*, *мышь*).

13. См., например: «А ведь дело кончится тем, что эта старая баба, Пётр Николаевич, попросит у неё прощения» (А.П. Чехов. «Чайка»).
14. В ТСИС слова *вамп*, *гёрлфренд* отнесены к существительным мужского рода (*Она настоящий вамп!*) [ТСИС]. Судя по материалам «Интегрума» и ЭКГ, *вамп* употребляется в подавляющем большинстве случаев как существительное женского рода — например, в сочетании с определениями: *прирождённая, провинциальная, русская вамп* и др. В наших материалах нет ни одного примера, где бы слово *гёрлфренд* выступало как существительное мужского рода, напротив, в 22-х контекстах оно использовано в форме женского рода: *Наш герой влюбился и вместе со своей гёрлфренд переселился в новую квартиру* (МК 13.12.2006).
15. Из более ранних заимствований, употребляющихся и в значении мужского, и в значении среднего рода (по БАС, оба варианта равноценные), назовём *авто, джерси, инкогнито, манго, мокко, наргиле*. В большинстве случаев подобного варьирования вариант мужского рода устарел, что также фиксируется в БАС, а вариант среднего рода сохранился: *боа, какао, кафе, купе, ландо, неглиже, пальто, сопрано, фортепьяно*.
16. Ранее к вариантам такого типа относились существительные *авеню, койнэ, медресе* [БАС].
17. О лексикализации в грамматической адаптации заимствований см. [Маринова 2008а: 121—122]. Некоторые учёные относят к лексикализованным единицам и такие существительные, которым в языке-источнике соответствует сочетание «предлог или/и артикль + субстантив», например *бейдевинд* ‘курс парусного судна, при котором плоскость судна по отношению к направлению ветра составляет менее 90°’ < англ. *by the wind* [Володарская 2002: 106]. См. также *онлайн* < англ. *on line*; *офлайн* < англ. *off line*; *офшор* < англ. *off shore*. Статус языковой единицы, послужившей прототипом для заимствования в русский язык, — сочетание слов или сложное слово — не всегда ясен даже с точки зрения самого языка-источника. Так, например, по-разному трактуются в английском языке единицы типа *stone wall, speech sound, door handle* и т.п. Вопрос о природе подобных образований подробно рассматривается, например, в [Смирницкий 1998: 114—133].
18. В литературном языке узуальные образования, созданные с помощью *-инг*, не зафиксированы. В то же время окказиональное словотворчество уже включило в свой репертуар этот формант: «*Мальчишнинг*» (название молодёжной передачи); *Мы предлагаем вам шоппинг и скидкинг* (текст на рекламной растяжке); *гадалкинг* (шутл. ‘консалтинг’). Создаются подобные дериваты и

в молодёжном жаргоне: *опохмелинг* (похмелье), *обломинг* (неудача), *хрюкинг* (выпивка) [Лазаревич 2003: 318], *жопинг* (дискотека), *гулятинг*, *читатинг* и др. Подобный пример приводит также В.Г. Костомаров, см.: *скуловоротинг* (шутл. о единоборстве) [Костомаров 1999: 253]. В разговорной речи автомобилистов популярно слово *кенгуринг* (ср. вариант *кенгурятник*) — о бампере машины. Подобные дериваты образуются и в других славянских языках [Коряковцева 2013: 14—15].

19. Первым словом на *-ин*, попавшим в словарь, было слово *сейшн*. Оно зафиксировано в сочетании *рок-сейшн* в НСЗ-70.
20. GSM < Global System for Mobile Communications — глобальный стандарт цифровой мобильной сотовой связи с разделением каналов по времени и частоте (Википедия); GPRS < General Packet Radio Service ‘протокол пакетной передачи данных, обеспечивающий подключение мобильного устройства к Интернету’ [АЛ].
21. Правда, такие предельно русифицированные написания какого-то время воспринимаются как сниженные, ненормативные варианты (так, в некоторых словарях начала XXI в., например в КССПТ, существительное *пиар* давалось с пометой «разговорное»). Возможно, поэтому первые попытки передачи заимствуемой аббревиатуры строчными буквами сопровождаются иногда написанием её в кавычках. См.: ...*ни один «пиар» не спасет репутацию российского президента* (Б.Н. Ельцина. — *Е.М.*) (ЭКГ) и т.п.
22. Как известно, неодинаково в отношении склонения ведут себя и аббревиатуры исконного происхождения, имеющие консонантный исход. Как правило, аббревиатуры, мотивирующиеся словосочетанием с опорным словом — существительным мужского рода (*МХАТ*, *ВАЗ*, *СПИД*), склоняются; аббревиатуры, мотивирующиеся словосочетанием с опорным словом — существительным женского или среднего рода, либо не склоняются (*ГЭС*, *ЮАР*), либо варьируются по признаку склоняемости/несклоняемости (*МИД*, *ГЭК*, *ВАК*) (см. об этом, например [Немченко 1998: 99—107]).
23. Словарь актуальной лексики начала XXI в. [АЛ] в особом приложении содержит описание слов, употребляющихся в русской речи в латинской графике. Среди них 32 аббревиатуры, в том числе такие, которые не встречаются в русских текстах в написании кириллицей (*IP*, *BIOS*, *RPG* и др.). По нашим наблюдениям, род аббревиатур, указанный в АЛ, так же как и в описанных в данном разделе случаях, соответствует роду опорного слова в русскоязычной расшифровке заимствований. То же за-

- мечание касается аббревиатур в оригинальном написании, зафиксированных в КНС (2013 г.) — всего более 80 единиц. Однако во многих случаях род иноязычной аббревиатуры никак не проявляет себя в контексте (например, *IT* ж. [КНС]).
24. Способность образовывать производные проявляют аббревиатуры и в других славянских языках, например в чешском [Mravinacová 2005: 205].
 25. Как пишет М.А. Кронгауз, «фактически слово *пиар* может относиться к любому факту навязывания своего мнения, к любой манипуляции чьим-то сознанием с целью создания мнения, более того, к любому факту просто распространения мнения о чём-либо или о ком-либо» [Кронгауз 2003]. См. также мнение Вл. Новикова: в разговорной речи *пиаром* можно назвать любую реплику в бытовом разговоре [Новиков 2005: 83].
 26. Все другие случаи отсутствия словоизменения у субстантивов на согласный имели спорадический характер: так, в 40-е годы XX в. не склонялось, по данным Л.П. Крысина, слово *комикс* [Крысин 1968: 146].
 27. По мнению чешского учёного Алеша Бранднера, тенденцию к аналитизму «можно рассматривать как одну из форм проявления интернационализма, т.е. сближения с другими аналитическими западноевропейскими языками» [Бранднер 2004: 49].
 28. Тот факт, что английское слово *love* в современном русском дискурсе «обыгрывается постоянно», отмечается также в [Васильев 2003: 120]. См., например, в рекламе: *Отправьте SMS-люб.*
 29. Это подтверждают и другие исследователи. См., в частности: «Наблюдается эскалация лексем англо-американского происхождения в современном молодёжном сленге, особенно таких, которые при заимствовании не меняют своего значения» [Карастойчева 1980: 215].
 30. Активность некоторых из перечисленных графических варваризмов отмечалась и ранее, например в [Пономарёва 2001: 76].
 31. Ранее действие формальной аналогии отмечалось на примере заимствований рубежа XIX—XX вв. Так, слова *авто*, *кино*, *радио*, *метро* употреблялись как существительные мужского рода (*проволочный радио*, *ярко-жёлтый авто*, *кино приобрёл мощное значение*, *лучший в мире метро* [Крысин 1968: 81, 99]), что объяснялось, по словам Л.П. Крысина, «давлением» полных соответствий (*автомобиль*, *кинematограф*, *радиотелеграф*, *метрополитен* — м. р.). Как существительные среднего рода слова *авто*, *кино*, *радио*, *метро* стали употребляться, по-видимому, из-за формального сходства с существительными среднего рода на *-о* [там же].

Список литературы

1. АЛ: Толковый словарь русского языка начала XXI в. Актуальная лексика / под ред. Г.Н. Скляревской. М., 2006.
2. БАС: Словарь современного русского литературного языка. Т. 1—17. М.; Л., 1950—1965.
3. Берков В.П. Из наблюдений над изменениями в современных европейских языках // Современные языковые процессы: межвуз. сб. СПб., 2003.
4. Богданова Н.В. Активные процессы современной русской фонетики // Современные языковые процессы: межвуз. сб. СПб., 2003.
5. Бранднер Алеш. Тенденции развития неизменяемых существительных в русском языке в сопоставлении с чешским // *Rossica Olomucensia XLII (za rok 2003)*. 1 č. Ročenkakatedry slavistiky na Filozofické fakelté Univerzity Palackého. Olomouc, 2004.
6. БТС: Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. СПб., 1998.
7. Бурганова Л.С. Тюркизмы в памятниках русской деловой письменности XVII века (грамматический аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1988.
8. Бутакова Е.С. Эргонимы иноязычного происхождения в коммуникативном пространстве города: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2013.
9. Васильев А.Д. Слово в российском телеэфире: очерки новейшего словоупотребления. М., 2003.
10. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове): учеб. пособие для вузов / отв. ред. Г.А. Золотова. 3-е изд., испр. М., 1986.
11. Володарская Э.Ф. Заимствование как отражение русско-английских контактов // *Вопросы языкознания*. 2002. № 4.
12. Вуйтович М. Английские лексические заимствования в русском языке Петровской эпохи // *Studia Rossica Posnaniensia*. 1993. Vol. XXIV.
13. Гимпелевич В.С. Об одной группе несклоняемых существительных в русском языке // *Вопросы грамматики русского языка*. Иркутск, 1976. Вып. 2.

14. ГСРЯ: Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка. 3-е изд. М., 1987.
15. Демьянов В.Г. Иноязычная лексика в истории русского языка XI—XVII веков. Проблемы морфологической адаптации. М., 2001.
16. Захватаева К.С. Английские заимствования в современном русском языке: семантический аспект: автореф. дис. ... филол. наук. Ростов н/Д., 2013.
17. Зубова Л.В. Ироническая грамматика: средний род в игровой неологии // Вопросы языкознания. 2010. № 6.
18. Иванова В.Ф. Актуальные проблемы русской орфографии // Русский язык в школе. 1991. № 1.
19. Ипполитова Л.В. Словообразовательная адаптация заимствованной лексики и проблема заимствования морфем (на материале имён существительных): дис. ... канд. филол. наук. М., 2003.
20. Касаткина Р.Ф. Новые лексические заимствования во взаимодействии с некоторыми звеньями русской консонантной системы // Жизнь языка: Памяти М.В. Панова. — М., 2007.
21. Касьянова Л.Ю. Когнитивно-дискурсивные проблемы неологизации в русском языке конца XX — начала XXI века: дис. ... д-ра филол. наук. Астрахань, 2009.
22. Кнорре К.А. Отображение западной культуры в семиотическом пространстве московской наружной рекламы // Журналистика и культура русской речи: Слово в семасиологическом, прагматическом, социокультурном аспектах. М., 2003.
23. КНС: Комментарий к Федеральному закону «О государственном языке Российской Федерации». Ч. 2: Нормы современного русского литературного языка как государственного (Комплексный нормативный словарь современного русского языка) / под общ. ред. Г.Н. Складчиковой, Е.Ю. Ваулиной. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2012.
24. Константинова Н.Л. Иноязычные заимствования и система языка (на материале англоязычной лексики в финансово-экономической терминологии немецкого языка) // Филологические науки. 1999. № 2.
25. Коряковцева Е.И. Словообразовательные ресурсы новых функциональных стилей славянских языков // Słowotwórstwo a

nowe style funkcjonalne języków słowiańskich. Word-formation and the new functional styles of slowic languages. Papers in thematic session XV International Congress of Slowists. 20—27.08.2013. Minsk, 2013.

26. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. СПб., 1999.

27. Кронгауз М.А. Слово под лупой // Отечественные записки. 2003. № 4.

28. Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва. М., 2009.

29. Крысин Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке. М., 1968.

30. Крысин Л.П. Новые аналитические прилагательные и явление хиатуса // Жизнь языка: сб. ст. к 80-летию М.В. Панова. М.: Языки славянских культур, 2001.

31. Крысин Л.П. Лексическое заимствование и калькирование в русском языке последних десятилетий // Вопросы языкознания. 2002. № 6. С. 27—34.

32. Крысин Л.П. Языковая норма в проекции на современную речевую практику // Русский язык сегодня. Вып. 4. Проблемы языковой нормы: сб. ст. / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. М., 2006.

33. КССПТ: Краткий словарь современных понятий и терминов / Н.Т. Бунимович, Г.Г. Жаркова, Т.М. Корнилова и др. М., 2000.

34. Кузьмина С.М. Об умягчении нравов русской орфографии (к проблеме вариативности написаний) // Жизнь языка: сб. ст. к 80-летию М.В. Панова. М., 2001.

35. Лазаревич С.В. Имитационные структуры в социолектах // Социальные варианты языка-II: мат-лы Междунар. науч. конф. — Н. Новгород: Изд-во НГЛУ, 2003.

36. Лейчик В.М. Интеллектуализация и демократизация — противоположные тенденции в развитии современного русского литературного языка // Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы: мат-лы Междунар. науч. конф. М., 2003.

37. Литвинова Е.С. Функционирование и освоение аббревиатур в речи любителей и разработчиков компьютерных игр // Русский язык как государственный язык Российской Федерации: лингвистический, ценностный, эстетический, социальный, историко-

культурный статус: мат-лы Межрегион. конф. по вопросам функционирования русского языка как государственного языка Российской Федерации. Москва, 31 окт. — 2 ноября 2012 г.: доклады / науч. ред. С.Н. Пяткин. М.; Арзамас: Про100Медиа: АГПИ им. А.П. Гайдара, 2012.

38. Лопатин В.В. Заметки об орфографии новых слов // Русский язык. 1998. № 17 (137).

39. ЛРЛЯ: Лексика русского литературного языка XIX — начала XX в. М., 1981.

40. Лукашенец Е.Г. К проблеме словообразовательной маркировки стилей интернет-коммуникации: мотивированная лексика в онлайн-словарях // *Słowotwórstwo a nowe style funkcjonalne języków słowiańskich. Word-formation and the new functional styles of slowic languages. Papers in thematic session XV International Congress of Slowists.* 20—27.08.2013. Minsk, 2013.

41. Люляева Н.А. К вопросу о жаргоне участников фондового рынка // Слово в словаре и дискурсе. М., 2006.

42. Люциньский К. Языковые заимствования и ментальность (О влиянии заимствованных языковых средств на ментальность лингво-культурного коллектива. На материале русского языка в сопоставлении с польским). Kielce, 2009.

43. Маринова Е.В. Эквивалентная иноязычная лексика в литературном языке и в субстандарте // Социальные варианты языка-II: мат-лы Междунар. науч. конф. Н. Новгород: Изд-во НГЛУ, 2003.

44. Маринова Е.В. Параллельное заимствование как форма иноязычного влияния (на материале современного русского языка) // Язык. Речь. Речевая деятельность: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 8. Ч. 2. Н. Новгород: Изд-во НГЛУ, 2005. С. 16—22.

45. Маринова Е.В. Особенности формирования новых словообразовательных гнезд в современном русском языке (нормативный аспект) // Русский язык сегодня. Вып. 4. Проблемы языковой нормы: сб. ст. / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. М., 2006. С. 371—383.

46. Маринова Е.В. Традиции и новации в грамматике иноязычных имён (на материале существительных с исходом -с/-з < -s) // Социальные варианты языка-V: мат-лы Междунар. науч. конф. 19—20 апр. 2007 г. Н. Новгород: Изд-во НГЛУ, 2007. С. 282—285.

47. Маринова Е.В. Обновление лексической системы современного русского языка как результат вторичного заимствования //

Opera Slavica. Slavistický rozhledy. Jazykovědná seriál. Ročník XVIII. № 4. 2008. S. 32—37.

48. Маринова Е.В. Иноязычные слова в русской речи конца XX — начала XXI в.: проблемы освоения и функционирования. М.: ЭЛПИС, 2008а.

49. Маринова Е.В. Особенности адаптации иноязычных аббревиатур в современной русской речи // Слово в языке и речи. Елец: Изд-во Елецкого госун-та им. И.А. Бунина, 2009.

50. Маринова Е.В. Несклоняемые существительные с консонантным исходом в русском языке рубежа XX—XXI вв. // II Congreso Internacional “La lengua y literatura rusa en espacio educativo internacional: estado actual y perspectivas”. Granada, 8—10 de septiembre de 2010. P. 166—168.

51. Маринова Е.В. Адаптация иноязычной лексики на современном этапе: новые явления и тенденции // Вестник Нижегородского госуниверситета. 2011. № 6. Ч. I. С. 399—403.

52. Маринова Е.В. Изменения в синонимике русского языка на рубеже XX—XXI вв. как результат заимствования // Язык и культура: юбилейный сб. в честь Э.Ф. Володарской. М.: МИИЯ, 2011. С. 174—176.

53. Маринова Е.В. Отнесение иноязычных существительных к грамматической категории рода (новые явления) // Лексико-грамматические инновации в современных славянских языках: мат-лы V Междунар. науч. конф. 7—8 апр. 2011 г. Днепропетровськ: Нова ідеологія, 2011. С. 226—229.

54. Маринова Е.В. О тенденции к множественности наименования в современной русской речи // Язык, культура, общество: тез. докладов VI Междунар. науч. конф. Москва, 22—25 сент. 2011. М., 2011а. Т. I.

55. Маринова Е.В. Аналит-конструкции в литературном языке и субстандарте // Социальные варианты языка-VII: мат-лы Междунар. науч. конф. 14—15 апреля 2011. Н. Новгород, 2011б.

56. Маринова Е.В. Как это не по-русски (о словах с уникальным исходом) // Вопросы культуры речи. Вып. XI / под ред. А.Д. Шмелёва. М.: Языки славянской культуры, 2012. С. 212—217.

57. Маринова Е.В. Грамматическое и лексическое поведение «инговых» существительных в современной русской речи // Современное русское языкознание и лингводидактика: Сб. науч.

тр., посвящ. 90-летию со дня рожд. акад. РАО Н.М. Шанского. Вып. 3. М., 2012. — С. 175—179.

58. Маринова Е.В. Особенности формальной адаптации иноязычных слов на современном этапе (на материале русского языка) // Русский язык: функционирование и развитие: мат-лы Междунар. науч. конф. Казань, КФУ, 18—21 апреля. Казань, 2012. Т. 2. С. 175—178.

59. Маринова Е.В. Иноязычные слова в русской речи. Освоение и функционирование. LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG 2012a.

60. Маринова Е.В. Больные вопросы родной грамматики: учеб. пособ. М., 2012б.

61. Маринова Е.В. Особенности адаптации иноязычных существительных, восходящих к сложным словам и словосочетаниям в языке-источнике // «Славянские языки и культуры: прошлое, настоящее, будущее»: мат-лы V Науч.-практ. конф. Иркутск, 21—22 мая 2013 г. Иркутск: ИГЛУ, 2013. С. 277—280.

62. Маринова Е.В. Аналогия как ведущий принцип в освоении иноязычных лексем в русском языке новейшего периода // Судьбы национальных культур в условиях глобализации: сб. мат-лов II Междунар. науч. конф. Челябинск, 4—5 апр. 2013 г. / под ред. В.Г. Будыкиной. Челябинск: Энциклопедия, 2013. Т. I. С. 116—119.

63. Маринова Е.В. Теория заимствования в основных понятиях и терминах: словарь. М.: ФЛИНТА: Наука, 2013а.

64. НБАРС: Мюллер В.К. Новый большой англо-русский словарь. М., 2006.

65. Немченко В.Н. Грамматическая вариантность слова в современном русском языке и литературная норма. Н. Новгород, 1998.

66. Нечаева И.В. К вопросу о правописании иноязычных заимствований в русском языке (заимствования, этимологически восходящие к сложным словам) // Язык и культура: мат-лы II Междунар. науч. конф. М., 2003. С. 50—51.

67. Нечаева И.В. Орфографическая нестабильность иноязычных заимствований и проблемы кодификации // Русский язык сегодня. Вып. 4. Проблемы языковой нормы: сб. ст. / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. М., 2006. С. 395—412.

68. Нечаева И.В. О «желательном единообразии» в правописании заимствований // От буквы к словарю: сб. науч. ст. к 200-ле-

тию со дня рожд. акад. Я.К. Грота / отв. ред. О.А. Старовойтова. СПб., 2013. — С. 245—250.

69. Новиков Вл. Словарь модных слов. — М., 2005.

70. НС-XXI: Новые слова XXI в.: словарные мат-лы к спецкурсу по неологии. Вып. 2 / под ред. Е.В. Мариновой. Н. Новгород, 2013.

71. НСЗ: Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х гг. / под ред. Т.Н. Бурцевой. СПб., 2009. Т. I (А—К).

72. НСЗ-70: Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х гг. / под ред. Н.З. Котеловой. М., 1984.

73. НСИС: Захаренко Е.Н., Комарова Л.Н., Нечаева И.В. Новый словарь иностранных слов. М., 2003.

74. ОССРЯ: Обратный словарь современного русского языка. М., 1996.

75. Пономарёва З.Н. Графический образ иноязычного слова в современных русских текстах // Мир русского слова. 2001. № 2.

76. Попова Т.В., Перовская Т.И. О вершине словообразовательного гнезда, мотивированного заимствованной аббревиатурой VIP/ВИП // Aktualne problemy językoznawstwa słowiańskiego. Redakcja naukowa Elena Koriakowcewa, Janina Gardzińska. Siedlce, 2012.

77. Розенталь Д.Э. Практическая стилистика русского языка. М., 1987.

78. Романова М.С. Специфика функционирования англицизмов в немецком молодёжном языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2001.

79. РОС: Русский орфографический словарь / под ред. В.В. Лопатина. 4-е изд. М., 2012.

80. Рыжкова И.В. Влияние сети Internet на молодёжный жаргон финского и русского языков // Язык и культура: мат-лы II Междунар. науч. конф. М., 2003.

81. Рядчикова Е.Н. Примерное прогнозирование развития русского литературного языка // Аванесовские чтения. Междунар. науч. конф.: тез. докладов. М., 2002.

82. Сенько Е.В. Лексические инновации в современной языковой картине: новые слова, значения, словосочетания. Владикавказ, 2012.

83. СЗА: Вальтер Х., Вовк О., Зумп А. и др. Заимствования в русском субстандарте. Англицизмы: словарь. М., 2004.
84. Словарь синонимов / ред. А.П. Евгеньева. Л., 1975.
85. Смирницкий А.И. Лексикология английского языка. М., 1998.
86. Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка в 30—90-е гг. XIX в. М.; Л., 1965.
87. ССМЖ: Грачёв М.А. Словарь современного молодёжного жаргона. М., 2006.
88. Суперанская А.В. Род заимствованных существительных в современном русском языке // Вопросы культуры речи. М., 1965. Вып. VI.
89. Сэшан Ш. Существительные на -инг — символ американской языковой экспансии? // Русская речь. 1996. № 3.
90. Терпугова Е.А. Что выиграла молодая модель Петров? (К проблеме существительных — «кандидатов в общий род») // Словарь, грамматика, текст в свете антропоцентрической лингвистики: сб. ст. Иркутск, 2003. Вып. 2. С. 190—194.
91. Тимофеева Г.Г. Английские заимствования в русском языке (фонетико-орфографический аспект): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1992.
92. ТСИС: Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. 3-е изд. М., 2006.
93. ТСРЯ: Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения / под ред. Г.Н. Складчиковой. СПб., 1998.
94. ТСРЯ-2: Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия / под ред. Г.Н. Складчиковой. 2-е изд-е. М., 2001.
95. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. IV. М., 1986.
96. Цзюань Ли. Новые заимствованные слова в современном китайском языке // Журналистика и культура русской речи. 2003. № 1.
97. Чекалина Е.М. К проблеме языкового регулирования в современной Франции // Современные языковые процессы: межвуз. сб. СПб., 2003.
98. Шумарин С.И. Л.А. Баранова. Словарь аббревиатур иноязычного происхождения // Русский язык в школе. 2010. № 10.

99. Шумарин С.И. Новые тенденции в аббревиации // Русский язык в школе. 2011. № 6.
100. ЯРЗ: Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты: коллективная монография / отв. ред. Е.А. Земская. М.; Вена, 2001.
101. Buzássyová K. Opačovaná internacionalizácia a problem identifikácie morfológických a lexikálnych jednotiek // Jazykovedný. 1991. Časpis 42.
102. Isačenko A.V. Morphem Classes. Deep Structure and the Russian Indeclinable // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. The Hague; 's-Gravenhage, 1969. Vol. 12.
103. Markowski A. O pojęciu i typach internasionalizmów semantycznych // Poradnik językowy. 2004. Ć. 2.
104. Mravinacová J. Neosémantizmy vzniklé pod vlivem cizího jazyka // Neologizmy v dnešní češtiné. Praha, 2005.
105. Mustonen L. Латинские инкрустации в русской печатной речи новейшего времени // Studia Slavica Finlandensia. Tomus XIV. Helsinki, 1997.
106. Rangelová A. Neosémantizmy a neosémantizační pricesy // Neologizmy v dnešní češtiné. Praha, 2005.
107. Šimková Mária. Pohyby v slovenskej lexike v 90. rokoch // Internacionalizácia v súčasných slovanských jazykoch: za a proti. Zborník referátov z medzinárodného vedeckého symposia. Bratislava, 1999.
108. Sobik M.E. Polnisch-russische Beziehungen im Spiegel des russischen Wortschatzes des 17. und der ersten Hälfte des 18. Jahrhunderts. Meisenheim am Glan, 1969.
109. Вачкова Кина. Интернационализационни процеси в българския език от края на XX век // Internacionalizácia v súčasných slovanských jazykoch: za a proti. Zborník referátov z medzinárodného vedeckého symposia. Bratislava, 1999.
110. Карастойчева Цв. За ролята на чуждоезиковия елемент при изграждане на български младежки сленг // Проблеми на езиковата култура. София, 1980.

Глава 3

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИЙНОМ СЛОВОТВОРЧЕСТВЕ

*Л.В. Рацибурская, Н.А. Самыличева,
А.В. Шумилова*

Как отмечают исследователи, язык СМИ — это новая формирующаяся разновидность языка, которая оказывает на систему общенациональных языков наибольшее влияние и при этом является тем лакмусом, который первый обнаруживает тенденции, намечающиеся в развитии данной системы [Кудрявцева 2004].

Активизация деривационных процессов в последние десятилетия привела к появлению большого количества новообразований, широко представленных в текстах современных средств массовой информации, которые отражают различные стороны жизни российского общества, являются инструментом распространения массовой культуры и средством идеологического воздействия на членов социума. Новообразования в СМИ показывают, как деривационный механизм, словообразовательная система реагируют на актуальные социополитические процессы. По мнению учёных, на данном этапе развития русского языка прежде всего факторы социокультурного характера определяют рост продуктивности одних словообразовательных типов и моделей и способствуют снижению активности других [Коряковцева 2009]. Новые номинации — это возникающие в речи и зафиксированные в определенной своей части в языке фрагменты национально-культурной памяти современной России. Они отражают внеязыковые, экстралингвистические данные, соотносимые с определенным историческим периодом в жизни людей, их культурной и социальной принадлежностью. Они составляют содержание национального самосознания, являются знаковыми элементами национального менталитета.

По наблюдениям учёных, в эпоху активной экономической, политической и культурной глобализации на современные дериваци-

вационные процессы оказывают влияние прежде всего «западни-зация» и либерализация жизни российского общества рубежа веков. Мы являемся свидетелями либерализации языка, речевых норм в печати, возникновения принципиально иных стилистических стандартов в новых масс-медиа, участниками информационной революции.

«СМИ, диктующие социокультурные и языковые моды, влияют на общественную престижность как отдельных лексем, так и целых словообразовательных типов, являясь основными “поставщиками” неологизмов, неозаимствований, интернационализмов и гибридных неодериватов, новых словообразовательных формантов и моделей» [Коряковцева 2013: 15].

Наиболее заметную роль в неологии современных российских СМИ играют имена существительные. «В словопроизводстве существительных используются интернациональные и экспрессивные аффиксы, а также иностранные словообразовательные форманты, что обусловлено такими тенденциями языкового развития, как интернационализация, экспрессивизация, интеграция» [Коряковцева 2013: 10].

3.1. Основные тенденции в современном медийном словотворчестве

3.1.1. Тенденция к интернационализации в медийном словотворчестве

«Возрастание масштабов и интенсивности межкультурного и межъязыкового взаимодействия — одна из характерных примет современного общества» [Нещименко 2009: 29]. В условиях современных глобализационных процессов особую актуальность приобретают вопросы, связанные со спецификой кросскоммуникации и культурно-языкового взаимодействия разных народов, в частности проблема семантико-словообразовательной и прагматической эволюции интернациональной лексики в славянских языках.

По мнению исследователей, учет «прагматико-стилистических особенностей интернационализмов позволит судить как о

специфике их освоения, так и о словообразовательном потенциале в каждом из сопоставляемых языков, отражающем особенности национального семантического мышления» [Коряковцева 2009: 182].

Интернационализмы и другие виды заимствований «не только подвергаются фонетической, морфологической и словообразовательной адаптации, но и включаются в словообразовательные процессы в языках-реципиентах» [Коряковцева 2009: 181].

«Интернациональные слова и морфемы способствуют увеличению фонда интернациональных языковых элементов в языках; эти элементы воздействуют на лексико-семантическую и словообразовательную системы языков, что проявляется в возникновении новых словообразовательных формантов и моделей; создаются лексические кальки и неологизмы по интернациональным словообразовательным моделям и др.» [Авина 2009: 64].

В современную эпоху «амероглобализации» (Е.И. Коряковцева), которая сменила трехсотлетнюю эпоху европейской глобализации, в разных языках наряду с латино-греческими элементами активно функционируют слова и морфемы английского происхождения. Более того, «греко-латинские аффиксы продолжают проникать в остальные мировые языки, но уже при посредстве английского языка» [Коряковцева 2009: 184].

На рубеже XX—XXI вв., отмеченном кардинальными изменениями в жизни мирового сообщества, в странах Восточной Европы «важные социально-экономические и общественно-политические преобразования протекали особенно стремительно и болезненно, завершившись одномоментным сломом не только общественной формации, но и мировоззренческих ориентиров» [Нещименко 2009: 30], что нашло отражение в англоязычной ориентации славянских языков: «...потребность в новых номинациях стала все чаще удовлетворяться за счет интенсивного притока англицизмов. Это не только облегчало доступ к современным достижениям в области науки, техники, культуры и пр., но и вводило этническую общность в мировой цивилизационный контекст» [Нещименко 2009: 30].

По мнению учёных, интернационализация в области словообразования протекает в трех основных направлениях: 1) акти-

визация использования аффиксальных морфем иноязычного происхождения, которые сочетаются с основами как иноязычного, так и славянского происхождения; 2) трансформация иноязычных слов и корневых морфем в особые словообразовательные элементы (аффиксоиды); 3) включение заимствований в словообразовательные процессы, в которых иноязычные неологизмы выступают в роли деривационных основ, соединяющихся с аффиксами славянского происхождения [Gazda 2003: 70].

В этом аспекте актуально исследование словообразовательных элементов и деривационных процессов, которые находят отражение в текстах средств массовой информации. Учёные предполагают, что вследствие глобализации в славянских языках сложились национальная и интернациональная словообразовательные подсистемы [Коряковцева 2009: 186]. Об этом, в частности, свидетельствуют некоторые словообразовательные категории, которые обслуживаются интернациональными морфемами.

Развитие общественных демократических институтов «сопровождается идеологическим и политическим плюрализмом, на который славянские языки реагируют ростом продуктивности словообразовательных типов с интернациональными формантами» **-изм, -изаци(я)** [Коряковцева 2013: 12].

Так, в русском и других славянских языках активно образуются существительные с суффиксами **-изм, -изаци(я)**, называющие общественно-политические течения, направления, актуальные социальные явления. «Появляются ряды новых дериватов — названий идейных и политических доктрин, — которые мотивируются именами собственными — фамилиями идейных или политических лидеров» [Коряковцева 2013: 12]: *Сокровенная суть телефильма состоит <...> не в оголтелом антизападничестве, антисемитизме, антипрогрессизме* (Завтра. 2008. № 7); *...чтобы их собственный дегенератизм не был виден* (К барьеру! 16.06.2009); *В Нижнем идет борьба с борщевизмом. Ядовитое растение пробирается в городские парки* (ЛС. 11—17.09.2008); *Конечно, можно согласиться с Василием Авченко в том, что «москвоцентризм» имеет положительные и отрицательные аспекты* (НГ в НН. 19.02.2010); *Кихотизм — это рыцарство. Во всей полноте понятия. Это когда один человек противостоит всему злу на свете* (НГ. 03.02.2012).

«Регулярным в современной речи стало выражение значения динамики процесса через его отношение к признаку или субстанции. Это обусловило высокую степень продуктивности отсубстантивных и отадективных имен действия с суффиксом **-изация-**, которые стали приметой нашего времени» [Николина 2005: 126]: *американизация (искусства), алкоголизация (населения), бандитизация (страны), банкизация, ваучеризация, долларизация, компьютеризация, криминализация, монетизация (льгот)*. Новообразования с данным суффиксом обычно называют социально значимое событие или явление, нередко негативного характера.

У ряда новообразований — абстрактных существительных отмечается наличие экспрессивного фона: *Сейчас заканчивается материальная эпоха. Закончились ее идеалы... А какие красивые были идеалы! Версаче! Все кругом Версаче! Туалетная бумага будет от Версаче, котлета будет от Версаче. Версачеализация всего и вся...* (КП. 25.12.08—01.01.2009); «**Эстонизация**» всей страны. Правительство Эстонии упростило процедуру «эстонизации» фамилий (МК. 27.03.2009); *В год 15-летия Рунета началась web-ализация чиновников* (Известия. 08.04.2009); *...всеобщая чипизация грозит лишить нашу жизнь многих радостей пофигизма* (РР. 29.07—05.08.2010); *гомосексуализация шоу-бизнеса* (Собеседник. 2011. № 1); *Речь идет о СМИ — средствах массовой инстинктивизации детей* (Знание — Власть! 2011. № 2); *Нам говорят: «Происходит геттизация русских городов, где нерусские дети с нерусским родным языком ведут себя антисоциально»* (НВ. 20—26.02.2012); *Генитализация культуры. Зачем жаловаться на засилье порнухи? С чего возмущаться тем, что матрица сегодня в ходу ничуть не меньше, чем нормативный великий и могучий? То есть пора спросить: чем страшно явление, которое можно было бы назвать генитализацией культуры?* (РГ. 11.10.2012); *С моей точки зрения, Медведев сейчас подвергается процессу, который я для себя называю «фрадковизацией»* (МК. РРЕ. 03—10.07.2013); *Евгений Евтушенко писал в «Российской газете» о тяжелой болезни, охватившей нашу литературу, — «графоманизации»* (ЛГ. 31.07—06.08.2013).

В качестве мотивирующих используются разные по семантико-стилистическим характеристикам существительные: нарицательные, имена собственные (антропонимы, топонимы),

жаргонные слова, графически не освоенные заимствования. Это свидетельствует о широких синтагматических возможностях суффикса **-изаци(я)** в современной речи.

«В результате экспансии английского языка, которой способствуют глобальная коммуникация и прежде всего средства массовой информации, создающие и поддерживающие англо-американскую лингвокультурную моду, в словообразовательных системах ряда славянских языков благодаря словотворчеству СМИ, а также реципиентов их текстов достаточно активно формируются модели с формантами **-инг/-ing/-ink**» [Коряковцева 2013: 13]. Новый суффикс **-инг** активно используется в словотворчестве российских журналистов: *автобусинг, автомобиллинг, блюдолизинг, болванинг, ведьминг, дурачинг, зацепинг* и др. ««Инговое цунами» заимствований, вызванное англоамериканоманией современных российских СМИ и русско-английским билингвизмом, развивающимся в молодежной среде русофонов, привело к полному усвоению суффикса английского герундия *-ing* и превращению его в терминоэлемент с процессуальным значением, который регулярно присоединяется к основам русских существительных, что ведет к появлению многочисленных иронических и каламбурных неологизмов — *nomina actionis*» [Коряковцева 2013: 14].

«Тот факт, что имена процессов, образованные с помощью этого нового суффикса, появляются в ходе языковой игры, широко распространенной в современной русской речевой действительности, не дисквалифицирует *-инг* как деривационный формант» [Коряковцева 2013: 14], поскольку «игровые окказионализмы», по мнению учёных, представляют собой речевую реализацию не реализованных языком возможностей, заложенных в самой его системе [Лыков 1976: 53].

Менее активно ведет себя в русском языке англоязычная морфема **-gate**, искусственно созданный суффиксоид, который сконденсировал в себе значение «политический скандал»: *Моникагейт, Шеригейт* [Коряковцева 2009: 194]; *Феномен «Ирангейта»* (ЛГ. 21.01.1987); *Алтайгейт* (Дуэль. 2009. № 5); *Конюшня-гейт. Элитная конюшня близ Вильнюса получила неслыханную рекламу во всем мире. О ней говорят как о месте, где некоторое время действовала тайная тюрьма ЦРУ* (РГ. 24.09.2012).

«Элемент *-geim/-gate*, заимствованный славянскими языками с помощью СМИ, этимологически действительно является корневым, однако в 80-е годы XX в. еще в английском языке-источнике он утратил корневую семантику. Следовательно, есть все основания считать этот элемент суффиксоидом в славянских языках-реципиентах» [Коряковцева 2013: 18]. Степень продуктивности моделей с суффиксом **-гейт/-gate** отчасти обусловлена экстралингвистическими причинами: лингвокультурной модой, «англоамериканоманией», неподсудностью власть имущих [Коряковцева 2009: 195]. «Словопроизводство гибридов-компрессатов с помощью изофонов этого структурного элемента со значением ‘скандал’ является эффективным манипулятивным приемом, который ныне используют представители постсоциалистических масс-медиа всех славянских стран, распространяя негативную информацию, мгновенно вызывающую эмоциональный отклик у потребителей их продукции» [Коряковцева 2013: 16].

Отличительной чертой современного русского словообразования исследователи считают рост именной префиксации [Земская 1996; Николина 2005]. Заметно возросла активность префиксов, выражающих значение отрицания, противодействия, уничтожения результатов чего-либо, — **анти-, де-, контр-**: *антирынок, антивирус, антиглобализм, антидемократизм, антиреклама, «антиофициоз», «антипиар», «антиновация», антигорбачевский, антимонопольный, антиперестроечный, антирыночный, «антинатовские акции», «антипекинский мятеж»; деполитизация, демодернизация, десталинизация, деидеологизация, департизация; контрперестройка, контрреформа, контркультура, контрэлита, контртеррористический: «Антидождь» против «дворников» (РГ. 10.01.2008) — об антизапотевателе для стекол автомашин; *Общественная антипопулярность. Лидеров белоленточного протеста теперь узнают, но не любят* (Коммерсантъ, 24.09.2012); *Стебзики — это слуги антиэлиты, развивающие inferнальную журналистику* (ЛГ. 10—16.07.2013); *Изначально вечеринка по поводу дня рождения Анны Семенович планировалась в «антигламурном стиле»* (КП. 4—11.03.2010); *Теперь, когда разрыв между Тимошенко и Януковичем увеличился до 3,5%, становится очевидным, что победить он не мог. Причина — в принципе маятника, который логично**

отшатнулся в **«антиоранжевую»** сторону (КП. 4—11.03.2010); В Вашингтоне подписан очередной **«антиядерный»** документ (СР. 18.04.2010); Но сразу после закрытия моста в городе появились представители инициативной группы некоего **«антипробочного движения»**, которые ежедневно выходят на дороги города с плакатами и растяжками, требуя от чиновников пересесть на общественный транспорт (НГ в НН. 23.04.2010); Это **антифранцузский** состав французской оперы (телеканал «Культура». 22.05.2011); Ну а лидер этой **антидиетической** компании — картошка фри (Собеседник. 2011. № 34); ...люди, если можно так выразиться, с активной обывательской позицией — плод антиинтеллектуальной и **антиэтической** пропаганды последних десятилетий (НГ. 01.08.2011); **антипастернаковская** кампания (телеканал «Культура». 18.10.2011); Большинство **«креативных»** задумок направлено против известного блоггера-**антикоррупционера** Алексея Навального: со всей страны шлют главному комсомольскому вожаку **«антинавальные»** идеи, одна бредовее другой <...> (НВ. 6—12.02.2012); ...о результатах **«антитабачного»** теста, как, впрочем, и обо всех выявленных отклонениях в детском организме, после диспансеризации будут информировать родителей (РГ. 21.02.2013); немецкие неонацисты начали собираться на **контрдемонстрацию** (телеканал «Россия». 01.05.2009); Местная партиячейка **«Единой России»** сперва объявила, что соберет весьма многочисленный **контрмитинг** (Известия. 05.02.2010). Дериваты с данными префиксами опосредованно отражают противостояние социальных сил и оценок в современной России.

Исследователи отмечают высокую роль оценочных и количественных значений в современном словообразовании, что, в частности, выражается в активизации префиксов **супер-**, **гипер-**, **ультра-**, **мега-** размерно-оценочной семантики, указывающих на интенсивность качества, признака, высокую степень чего-либо.

Префикс **супер-**, как и синонимичные ему префиксы **гипер-**, **ультра-**, **мега-**, указывает на высокую степень качества денотата — предмета или признака: *С возрастом наш обмен веществ постепенно замедляется, организму требуется все меньше и меньше калорий, <...> а вкупе с другими **суперпродуктами** тем более поможет вам оставаться в форме* (АиФ. 28.01.2009); *Две тысячи девятый станет для Германии годом **супервыборов***

(5-й телеканал. 19.01.2009); *Природа ответит на это появлением суперсорняков и супервредителей* (телеканал «Россия». 07.07.2009); *Строительство суперотеля* (телеканал «Россия». 07.06.2009); *Первый в 2009 году апрельский суперномер вы, надеемся, с интересом прочли* (АиФ. 2009. № 21); *Он смог из вполне классического образца превратиться в апологета суперавангардизма* (НГ. 24.04.2009); *ННГУ должен стать суперуниверситетом! <...> мы относимся к вузам, составляющим элиту российского образования* (АиФ-НН. 30.12.09—12.01.2010); *На вокзал пришел новый скоростной суперпоезд «Аллегро»...* (КП. 27.05.2010); *Это его фирма изобрела суперлекарство тамифлю* (КП. 10.06.2010); *Позже супербабушку, которая одна разобралась с бандой налетчиков, нашли* (телеканал НТВ. 13.02.2011); *Хотели сделать из Нижегородского Кремля суперреальное пати* (телеканал «Волга». 03.05.2008); *Я был воспитан в супероптимистическом духе...* (ЛГ. 23—29.07.2008); *суперкачественная сталь советских танков* (телеканал НТВ, 22.05.2011). Префикс **супер-** может указывать на значительные размеры предмета, особую его значимость и масштабность (*суперцена, суперкампания, суперпроект, суперваза и под.*), на высокие профессиональные и иные качества лица (*суперпрофессионал, суперпродюсер, суперпрезидент, суперреволюционер*).

Менее активны префиксы **гипер-**, **ультра-**: *Волшебное слово «сейл» говорит, что с товара сняли гипернакрутку* (телеканал ТНТ. 29.03.2008); *...сегодня гиперхудоба в стиле Кейт Мосс, о которой лет 100 назад наверняка бы сказали «краше в гроб кладут», — это уже не модно* (АиФ. 17—23.09.2009); *Все-таки актер должен иногда быть расслабленным. Эта гиперответственность, чувствуется, занимает много места в вашей жизни и передается на экран* (РГ. 23.09.2010); *Космонавтов видел, слышал. Это не гиперлюди, люди будущего* («Радио России». 12.04.2012); *Самохина была гиперсексуальна* (КП в НН. 11—18.02.2010); *Сказать, что это интересно, — это значит ничего не сказать. Это гиперинтересно* (1-й телеканал. 03.09.2011); *...святилище ультранаучно-технического прогресса* (телеканал НТВ. 23.01.2010).

Новый префиксальный элемент **мега-** размерно-оценочной семантики также достаточно активен при образовании имен: *мегафабрика, мегаферма, мегамагазин, мегалагерь, мегарайон, мегаспорт, мегаспектакль, мегаолигарх, мегапопулярность;*

МегаЕвропа и грязные английские средства (НГ. 17.11.2005); *Мегановости*. Первый общероссийский оператор сотовой связи «МегаФон» подвел итоги пяти лет работы в Центральном регионе (АиФ-НН. 2007. № 50); *Мегафорум* будет проходить с 20 по 23 мая... («Радио России». 13.05.2009); *Мегаславяне* (Собеседник. 2009. № 26); *Разрушение Советского Союза — то единственное, что Corby и впрямь довел до конца. Понятное дело, такое мегапредательство* было суммой, бесконечно превосходящей тридцать чудных сребреников (СР. 27.11.2010); *В России появится новый мегарегулятор* (Известия. 06.12.2010); *мегаизвержение* — об извержении вулкана в Исландии (телеканал НТВ. 03.12.2011); *политическое мегаграффити* (телеканал REN TV. 10.04.2011); *Российские оппозиционеры хотят создать новую мегапартию* (радио «Бизнес FM». 15.02.2012); *Что является на автосалоне суперсенсацией, мегасенсацией?* (радио «Серебряный дождь». 01.03.2011); *Предложения по созданию суперведомств <...>. Все мегаведомства...* (радио «Бизнес FM». 02.04.2012); *Такое ощущение, что в стране нет ни одного подростка, который бы не смотрел мега-рейтинговый сериал «Ранетки» на телеканале СТС* (КП в НН. 11—18.02.2010); *Она настолько была мегаудесятерена на жизнь* (телеканал НТВ. 02.04.2011); — *Это был период мегасделок? — Да, так и получилось. Второй квартал стал периодом мегасделок* (радио «Бизнес FM». 09.07.2012); *Она держит его в мегаетжовых рукавицах* (радио «Серебряный дождь». 10.01.2011); *Это не мегаэкзотическое направление* (радио «Серебряный дождь». 12.01.2011); *В 2004-м нарисовался в Москве мега-пафосный Гари Татинцян, открыл на Ильинке мега-амбициозную Tatintisian Gallery Inc.* (Завтра. 2013. № 28). Оценочность усиливается в случае нанизывания префиксов: *Врач оказался супермегаответственный человек* («Радио России». 01.04.2012). Сочетаемость с одушевленными и собственными именами существительными свидетельствует о расширении синтагматических возможностей префикса **мега-**.

В результате сочетания префиксов **супер-**, **ультра-** с относительными прилагательными у последних развивается качественная семантика: *Но это не просто супермедицинское учреждение в Москве* (КП. 05.05.2006); *Супертитулованным чемпионом Евгению Плющенко, Антону Сихарулидзе, Алине Кабаевой, Светлане*

Хоркиной можно тоже в академики премии «Лауреас» (РГ. 21.02.2008); супердокторская диссертация (радио «Серебряный дождь». 10.02.2011); Он не тянет ультралирические места... (РГ. 05.02.2009); ультрамодернистская утопия, ультрамузыкальное жульничество. Сочетаются указанные префиксы и с аббревиатурами: Главной структурой этой операции американского империализма является супер-НАТО (НГ. 18.01.2008); Заполярные институты, техникумы и колледжи объединяют в один мегавуз (РГ. 31.10.2008).

Новообразования с данными префиксами отражают усиление социальной оценочности в период ремаркации социальных ценностей в России. Возрастанию словообразовательной активности греко-латинских по происхождению префиксов **мега-**, **супер-**, **экс-**, по мнению учёных, способствовала «амероглобализация»: «Греко-латинские аффиксы продолжают проникать через СМИ в славянские языки, но уже при посредничестве английского языка, в котором они нередко приобретают новые значения. Так, например, в последние годы словообразовательной активности аффиксов *ex-*, *mega-*, *super-*, греко-латинских по происхождению, способствовала «амероглобализация», поскольку именно в глобальном английском языке они приобрели те значения, которые передают в языках-реципиентах англицизмы» [Коряковцева 2013: 12—13].

Значительно активизировались в последнее время префиксы **псевдо-**, **квази-** с семантикой неистинности, мнимости, фиктивности с оттенком отрицательной экспрессии, что отражает ситуацию размывания в современном российском обществе прежних ценностей, господства ложных приоритетов, распространения фальшивых ценностей и подделок в сфере материального и идеального: *псевдосуверенитет, псевдодемократ, псевдопатриот, псевдодиетологи, псевдонароды, псевдороссияне, псевдоэлитарии, псевдохолостяки, псевдоопекуны; Такой псевдопред должен носить имя «молочно-растительный продукт» (1-й телеканал. 25.08.2009); У нас нет никакой оппозиции: то, что мы имеем, — это псевдоопозиция (телеканал «Россия». 28.06.2009); ...роман-предупреждение, революционный роман и эпитафия псевдоправлящему псевдоклассу (Завтра. 2009. № 5); Эдуард надеется, что в реальной жизни не появятся «псевдомечи» (Телесемь. 08—14.03.2010); Очень хочется*

спросить всех скептиков и псевдоспециалистов, пророчивших поражение нашей баскетбольной команде... (телеканал ННТВ. 27.05.2011); *псевдоженщина (транссексуал) будет их невесткой* (телеканал «Волга». 30.03.2012); *Каждый месяц в Греции разоблачают лжеастматиков и псевдосердечников* (1-й телеканал. 22.04.2012); *Сколько водителей могло попасть в число таких псевдонарушителей<...> Все те, кто заплатил псевдоштрафы, должны требовать возврата этих средств...* (радио «Бизнес FM». 27.02.2012); *Все иные псевдопротоколы юридической силы иметь не будут* (радио «Бизнес FM». 06.03.2012); *...как распространители псевдомедицинских приборов могли обмануть ее, фронттовую медсестру!* (5-й телеканал. 13.07.2009); *...псевдонаярявающий на скрипке Александр Рыбак...* (Культура. 25—31.05.2012); *Я выбираю тех, которые из стадии квазипартий и протопартий эволюционируют в сторону, так сказать, партийной полноценности* (МН. 30.11—06.12.2007); *К тому же, заметим, у многих заемщиков оформлена «квазиипотека» под залог уже имеющегося жилья* (РГ. 21.11.2008); *Нормальный человек, соприкоснувшись с такими квазимасонскими организациями...* (Завтра. 2007. № 48); *Белоруссия — последний представитель квазисоциалистической экономики в Европе* (<http://news.rambler.ru>. 09.06.2011); *...квазироссийский режиссер, поскольку он живет в Германии...* (1-й телеканал. 29.05.2011).

Широко представлены данные префиксы в новообразованиях медийных текстов. При этом новообразования, называющие лиц, могут иметь дополнительные оттенки смысла ‘фальшивый, подложный представитель данной профессии’: *Тогда его автомобиль был остановлен псевдомилицонерами, а затем обстрелян* (РГ. 10.10.2008); *Псевдополицейский оказался старым знакомым* (телеканал «Россия». 20.01.2009). Новообразования с псевдо- могут указывать на несоответствие реальным функциям и свойствам, на низкое качество того, что названо мотивирующим словом: *Наша задача — создать некую единую систему, упорядочить систему соревнования, выгнать всех псевдоорганизаторов* (РГ. 12.08.2008). Новообразования, номинирующие объекты в сфере искусства, могут развивать значение имитации: *Смешав на экранной палитре реальную и псевдохронику с игровыми сценами, анимацией, он предпринял храброе до безумства путешествие в город* (НГ. 23.10.2008); *...когда он касается реальных*

проблем — то оказывается беспомощным, самодеятельным, псевдотеатральным (НГ. 18.09.2008); *псевдодокументальная манера* (КП. 21—29.01.2010); *Псевдодокументалистика привлекает, но примелькавшись — отталкивает* (ЛГ. 27.01—2.02.2010); *А мы едем на «ролевуху» — масштабную квазитеатральную постановку, основанную на импровизации участников* (РГ. 26.05.2006).

В свое время Е.А. Земская обратила внимание на некоторое семантическое и функциональное различие префиксов **псевдо-** и **квази-**: слова с **псевдо-** содержат субъективную оценку лица, тогда как слова с **квази-** характеризуют состояние именуемого объекта [Земская 2000: 115]. В современных СМИ новообразования с **псевдо-** также могут содержать оценку неодушевленного предмета (конкретного или абстрактного): ...с приставкой «псевдо-» от которой, говоря о современном кино, не отмахнешься, — **псевдоигра, псевдоматика, псевдочувства** (Завтра. 2007. № 42); ...**псевдонеудобства**, связанные с маленькими детьми, кажутся пугающими (1-й телеканал. 20.06.2010); *Под его пером рушатся многочисленные идолы прогрессизма, такие как индивидуализм, демократия, буржуазный псевдонационализм* (Завтра. 2010. № 21). А новообразования с **квази-** могут характеризовать субъект: **Квазидент России. Зачем нужен кандидат в президенты Дмитрий Мезенцев. <...> один скандал вокруг квазипрезидентской Одиссеи нашего героя все-таки случился** (НГ. 20.01.2012).

В последнее время возросла словообразовательная активность префикса **экс-**, что, по-видимому, отражает динамику современной жизни и соответствует тенденции к экономии языковых средств. Префикс **экс-** с семьей ‘бывший’, унаследованной из английского языка, употребляется не только со словами, обозначающими звания, должности, но и со словами, обозначающими лицо в широком смысле — по профессии, роду деятельности, месту жительства, семейному положению, психофизиологическим характеристикам: **Военное руководство Гвинеи арестовало экс-премьер-министра страны Ахмеда Суаре...** (НГ. 01.07.2009); **Экс-губернатор стал командующим ВДВ России** (РГ. 15.09.2009); **Экс-мэр Юрий Лебедев семейный бизнес предпочитает эффективному** (АиФ-НН. 4—10.11.2009); **Экс-милиционер, сбивший беременную женщину, оставлен под арестом** (НГ. 01.07.2009); **Экс-музыкант «Аквариума» Олег Сакмаров представил новый**

клип (РГ. 02.05.2009); *Государство стало мощнейшим оружием экс-феодалов против низов* (Завтра. 2009. № 51); *Динамовцы сумели забить гол первыми, гол на счету новобранца команды, экс-нападающего английского «Ливерпуля» Андрея Воронина* (КП-НН. 06.04.2010); *Не всегда гладко происходило объединение аграриев и «единороссов» в одну партию. Не стерлись противоречия между экс-«пенсионерами» и чистыми «единороссами»* (НГ в НН. 12.03.2010); *Через месяц экс-оперативник получит ответ* (НГ. 01.08.2011); *Будет увеличена пенсия экс-сотрудникам* (радио «Серебряный дождь». 01.08.2011); *Павла Волю по-мужски приветствовал экс-солист «А-студио» Батырхан Шукенов* (Экспресс-газета. 2011. № 31); *«На своем участке я сохранил яблони, груши и ягодные кусты», — поделился экс-супруг примадонны* (Экспресс-газета. 2011. № 31); *экс-неврастеник российского рок-н-ролла Петр Мамонов* (Известия. 29.04.2009).

Среди продуктивных аффиксов возрастает удельный вес аффиксов иноязычного происхождения. Заимствованные префиксы присоединяются, как правило, к именным основам (словам именных частей речи), а исконные — к глагольным. Причем характерной приметой настоящего времени становится «активное присоединение русских приставок к иноязычным глаголам: *пролоббировать, простимулировать, протестировать, отсканировать*» [Земская 2010: 238].

«В общеславянский фонд словообразовательных морфем, активно формирующийся со второй половины XX века, входят заимствованные элементы преимущественно греко-латинского происхождения» [Коряковцева 2009: 189], которые в современном русском языке приобретают статус аффиксоидов и с помощью которых активно образуются новые слова: **евро-, макро-, -медиа, микро-, мини-, теле-, этно-; -ман, -ман(ия), -фоб(ия)** и др.

В текстах русских СМИ появляются многочисленные новообразования с данными компонентами: *Тотальное легкомыслие — это макрофеномены и макротенденции* (Завтра. 2008. № 8); *В Москве сейчас повальное увлечение микрожизнью — жизнью микросуществ* (телеканал ТНТ. 02.06.2008); *Главный редактор журнала «Кавказский эксперт» Энвер Кисриев определяет эти кланы как «этнопартии»* (РР. 18—25.06.2009).

«С глобальной унификацией, осуществляемой через СМИ с помощью английского языка, связано появление и международное распространение таких “псевдоаффиксальных” морфем, как <...> *-mania, -fobia* — генетически корневых слов, которые приобрели статус суффиксоидов, вступая в комбинации с корневыми морфемами принимающих <...> языков» [Коряковцева 2013: 15]. С помощью суффиксоидов **-мания, -фобия** от ключевых онимов эпохи спорадически образуются «асистемные экспрессивные окказионализмы — пейоративные *nomina abstracta*, указывающие на умственную и психическую неполноценность чрезмерно активных сторонников или противников государственных и политических деятелей» [Коряковцева 2013: 19], известных личностей и явлений: *...я выступала сразу перед «Алисой», так что первые пять минут алисоманы были не очень довольны, а потом многие прониклись* (Акция. 13.11.2006); *В 96-м году волна бродско-мании докатилась аж до «Нашего современника»* (ЛГ. 15—21.07.2009); *Нижегородцы заболели лекарствоманией* (телеканал РТР. 07.03.2009); *Сегодня Владивосток охватила ретромания* (телеканал ТНТ. 18.04.2009); *Мир охвачен обамаманией* (АиФ. 2009. № 4); *Барбимании повториться уже не суждено, но эта игрушка стала такой же традиционной, как плюшевый мишка или желтая уточка для купания* (ЛС. 12—18.03.2009); *Нам американофобия свойственна и на уровне массового сознания* (телеканал РТР. 01.02.2009); *...США при всей их путинофобии считают нынешних лидеров России вполне адекватными партнерами* (МК в НН. 29.07—05.08.2009).

Активная автомобилизация российского населения, развитие технологий, основанных на использовании природных материалов, актуальные проблемы экологии нашли отражение в активизации префиксоидов **авто-, био-, эко-**: *автогражданский, автодизайн, автокредит, автопроизводитель, автострахование, автосалон; биоатака, биодобавка, биозащита, биокорректор, биомасса, биомедицина, биопатогенный, биополе, биопротез, биоритмы, биостимулятор, биотерроризм, биотехнолог, биотоки, биотуалет, биоэнергетик; экокухни, экообувь, экосистема, экотуризм, экоцентр: Андрея Хартли назвали новым автогероем* (телеканал REN TV. 10.04.2010); *...автоледи потребовала у руководства центра обменять машину или вернуть уплаченные за нее немалые деньги — 610 тысяч рублей <...> автосалон должен заплатить авто-*

владельце за причиненные неудобства (РГ. 15.07.2010); Недавно около нашего дома появился биосупермаркет. Именно в нем продаются продукты, произведенные в экологических хозяйствах. Цена в биомагазине порядочная: в два-три раза выше обычной (РГ. 05.06.2010); Приехали на непаханую землю, завели коз, назвали себя экопоселением. <...>Ведь в Германии экологическое земледелие становится все более популярным. <...> Более того — экоподворья финансируются программами Евросоюза. <...>Под экоземледелием там понимается не только единение с природой. <...>Немецкие экофермеры живут в кирпичных современных домах — с телевизорами и компьютерами<...>. Экофермерство всячески поддерживается на уровне ЕС (РГ. 05.08.2010).

Достижения научно-технического прогресса способствуют активизации такой препозитивной части, как **нано-**, которая квалифицируется носителями языка то как корневая, то как префиксальная, то как префиксоид. Показательно восприятие части **нано-** некоторыми носителями языка: *Все только и говорят про нано-что-то-там, и мне хочется поучаствовать в общем веселье. Но я ничего не понимаю в спорах о том, существуют ли нанотехнологии и сколько денег отмывается на подобных проектах. Не могу внести свой вклад в наноскандалы и разоблачение нанодельцов. Не способен даже гнать нанопургу про нанобудущее* (все эти слова с приставкой «нано» мною не выдуманы, а взяты из Интернета); *<...> И все-таки для гуманитариев найдется своя ниша во всей этой нановакханалии — ведь, к счастью для нас, слово «нано» давно живет своей интересной жизнью, никак не связанной с физическими исследованиями. Вот этой-то языковой нанореальности и посвящены мои наномысли. Сегодня «нано» — передний край словообразования<...>. Похоже, эту приставку можно присоединить к любому слову — и будет толк* (РР. 22—29.05.2008). В последнее время **нано-** используется в словах, не имеющих отношения к размерной семантике, где **нано-** указывает на отношение к нанотехнологиям: *Но шумиха вокруг нанотехнологий обогатила эту приставку и новым смысловым оттенком: «нано» — значит новейший, продвинутый, передовой, высокотехнологичный. Значение это особо греет душу рекламщикам: <...> тут и **iPod nano**, и сигареты **Kent nano**, и **наноЯндекс**, и какие-то **нанооптимизаторы**, и **наноноски**, и **нанокремы**, и даже **нанотрусы** с биофотонами (РР.*

22—29.05.2008); *Приставка нано-* прочно обосновалась в русском языке <...> *нано-* происходит от греческого «карлик». <...> В планах — производство *нановакцины* <...>. Перспективы *наноалмазов* изучила Инна Осипова (телеканал НТВ. 22.04.2009); *Да, есть планы по перенастройке экономики в стиле нано-* (АиФ. 2009. № 21); *Это всем нано. Нанотехнологии продлят жизнь человека и отправят на пенсию заводы-гиганты* (РГ. 27.07.2007); *Как известно, любая научная революция имеет две стороны <...>. «Нано» не исключение. Генералы уже сняты и видят армады нанороботов, которые будут уничтожать противника* (РГ. 27.07.2007); *Принять нанотаблетку. Россия начнет разрабатывать свои инновационные лекарства* (РГ. 24.01.2013).

Активные контакты с Западом, возрастание в современном российском обществе роли СМИ, в частности телевидения, способствовали повышению продуктивности префиксоидов **евро-**, **медиа-**, **теле-**: *евробумаги, евровалюта, евродепутаты, еврозона, евроинтеграция, европарламент, евросоюз, евростандарт; медиа-бизнес, медиа-война, медиа-империя, медиа-индустрия, медиа-магнат, медиа-ресурсы, медиа-рынок; теледебаты, телекомпания, телемарафон, телемост, телеприставка, телереклама, телесериал, телефакс, телехит, телешоу* (причем у префиксоида **евро-** развивается семантика ‘лучший, супермодный’: *евроремонт, евромода, евроотдых, евротюрьма* и др.): *Европаника. Кризис в ЕС приведет к распаду содружества? ...Евроскептики — так окрестили противников базового соглашения...* (НВ. 23—29.06.2008); *Попсовая евромузыка, второстепенные персонажи...* (ЛГ. 20—26.06.2009); *Тот факт, что негативная медиаканонада в адрес России в западных СМИ, похоже, даже не брала летней передышки, свидетельствует о том, что груз накопившихся проблем и взаимных претензий по-прежнему сохраняется* (МН. 21—27.09.2007); *Первое в России здание с медиафасадом войдет в многофункциональный комплекс* (ЛГ. 20—26.02.2008); *Именно в этот момент главный тренер российской сборной Гус Хиддинк становится медиафигурой чемпионата* (телеканал НТВ. 22.06.2008); *Зрители узнали С. Светлакова и Д. Брекоткина и их «соседку» Веру Брежневу. По телелегнде они живут в Бутово* (Телесемь. 5—11.10.2009); *Но, пожалуй, главные победы ждали Максимова в специально поставленных для нее телебалетах*

(Известия. 29.04.09); *От своего теледетища по имени «СМАК» давно устал и отстал* (телеканал «Мир». 15.08.2009); *Кому на руку телерадиохапство в России?* (КП. 17—24.07.2009); *Таков масштаб первых серий этой, с позволения сказать, телеэпопеи и ее мелкотравчатых героев* (ЛГ. 20—26.05.2009); *Но ведь и зрителям хочется, чтобы с этой кухни их потчевали если не отборной, то хотя бы более-менее добротной телепищцей* (КП. 01.06.2010); *Телеоскар. 21 октября 1994 года Академия российского телевидения учредила ежегодную премию «ТЭФИ»...* (Собеседник. 2010. № 40); *Девочка обожает, когда в квартире включен телевизор — настоящий телеребенок* (Телесемь. 5—11.10.2009); *Что скажет теленяня в ответ на обвинения своих партнеров?* (телеканал НТВ. 21.11.2010); *Уж не с Натальей ли Водяновой собрался под венец телебосс?* (КП. 26.08.2010); *Вместо телемагов с голубых экранов нас лечат дамы из службы «Секс по телефону»* (КП. 22.07.2010); *И настоящий телефанат просто обязан их знать, чтобы в этом мире ориентироваться* (КП. 08.07.2010); *Не знаю, кто как, а я лично пожалел, что любимые многими отважные телегероини занялись сексом на большом экране* (КП. 03.06.2010); *Знаменитый телеюморист рассказал, каким будет популярное шоу на ТНТ после «перезагрузки»* (КП. 15—22.04.2010); *Наш корреспондент побывал в самых интересных заведениях, принадлежащих телезнаменитостям* (КП. 15.07.2010).

Обращает на себя внимание словообразовательная активность аффиксоида **стерео-**, связанная с распространением техники 3D-формата: *Стереобитва: СССР против США* (КП-НН. 04—11.02.2010); *«Аватар» потряс зрителя возможностью погрузиться в стереомир* (КП-НН. 04—11.02.2010); *В Советском Союзе уже активно снимали стереофильмы... Так, стереовариант сказки «На золотом крыльце сидели...» можно было увидеть в столичных кинотеатрах* (АиФ. 10—17.02.2010); *Снимать обычное «плоское» кино никому стало неинтересно. Режиссеры один за другим начали заявлять о стереопремьерах своих лент* (КП-НН. 11—18.02.2010); *Зритель, потирая руки от нетерпения, ждет новых премьер от знаменитых стереоумов Голливуда* (КП-НН. 26.02.2010). В последнем случае происходит метафоризация семантики **стерео-** «связанный с получением и демонстрацией объемных изображений, служащий для этой цели» [Козулина 2009].

На страницах современных СМИ активно возникают новообразования с компонентом **ретро-**, который словарь-справочник «Аффиксоиды русского языка» квалифицирует как префиксоид со значениями «относящийся к прошлому, связанный с ним, обращенный в прошлое, тяготеющий к нему» [Козулина 2009]. Возможно, активизации **ретро-** способствуют распространившаяся мода на винтажный стиль, а также разного рода стилизации: *Заводить непородистых домашних питомцев стало уже немодно. Но если вы все же сделали выбор в пользу эдакой ретрокошки — это будет вам интересно* (КП-НН. 09—15.03.2007); *И вот — книга, на обложке которой — «кинозвездное» фото Ренаты в очередной «голливудской» ретрошляпке из ее многочисленной коллекции головных уборов* (АиФ. 10—17.09.2009).

В последнее время активизировалось употребление в новообразованиях препозитивной части **арт-** — префиксоида со значением «относящийся к артистам, артистический, актерский; относящийся к искусству, к произведениям искусства; художественный; искусство того направления, которое было названо в первой части» [Козулина 2009]: *В галерею поместятся 60 гостей (а на биеннале их съехалось несколько тысяч). Спрос рождает предложение. В столице за пару месяцев открылось несколько тур-агентств, которые специализируются на арт-туризме. <...> Теперь немодно кутить в Куршевеле. Появились арт-туры* (КП-НН. 24—31.12.2009).

В некоторых случаях в новообразованиях каламбурно сталкиваются значения ‘артиллерийский’ и ‘имеющий отношение к искусству’: *Арт-битву «За Севастополь!» начали петербургские художники. Выставка «За Севастополь!» открылась 20 октября в Санкт-Петербурге... Оказалось, что в Севастополе живет очень много блокадников. Эта выставка — продолжение того, севастьяпольского, арт-десанта* (КП-НН. 13.10.2009).

Актуализация *поп-искусства, поп-культуры* в последние десятилетия привела к активному использованию в новообразованиях СМИ препозитивной части **поп-**, которая квалифицируется в словаре аффиксоидов как аффиксоид со значениями «предназначенный для широкого, массового распространения, потребления; доходчивый, доступный, понятный всем; связанный с созданием и исполнением произведений массовой культуры;

связанный с оборотом, потреблением произведений массовой культуры» [Козулина 2009]: ...**поп-персона** книжного рынка... (телеканал REN TV. 22.12.2009); ...на празднике **поп-жизни** <...> *Весь российский поп-бомонд* пил, ел, гулял... (Собеседник. 2010. № 29); Тимошенко в ходе своей предвыборной кампании не забывала развлекать электорат. На это брошены все **поп-силы** Украины (КП-НН. 18—25.02.2010); Янукович **поп-агитации** не стесняется (КП-НН. 04—11.02.2010); «**Поп-принцессу**» Бритни Спирс отсутствие макияжа мгновенно превращает в **поп-бабушку**: сказываются годы загулов и безумств (КП-НН. 12.03.2011).

Как видно из примеров, иноязычные (интернациональные) аффиксы сочетаются как с заимствованными (*антипрогрессизм, дегенератизм, версачелизация, эстонизация, web-ализация, гала-теисты, граффитисты, феллинисты, антонионисты, суперотель, суперномер*), так и с исконными (*супервыборы, суперсорняк, супервредитель, экс-супруга, экс-муж, мегаславяне*) основами.

Появление производных от заимствованных слов связано с определенным этапом освоения иноязычных слов, предполагающим включение иноязычных слов в процессы словопроизводства в языке-реципиенте. При этом в качестве формантов могут выступать как иноязычные, заимствованные морфемы (*антирейдеры, антихакеры, псевдооппозиция, псевдомилдронат, псевдосред, экс-инкассатор, экс-лауреат, европаника, евромузыка, телебалет*), так и исконные аффиксы: Среди нынешних поклонников условных картъе и мерседесов очень популярно слово «лузер». Мерзейшее словечко, пришедшее к нам вместе с макдональдцами и настой блендамед (Дуэль. 2008. № 13).

Таким образом, в ходе словообразовательного освоения разных видов иноязычий происходят использование их в качестве производящих основ, активизация иноязычных аффиксов, приобретение заимствованными элементами статуса аффиксов/аффиксоидов.

Под влиянием английского языка в деривационной системе русского языка укрепляются модели, представленные агглютинативными структурами с препозиционной постановкой несогласованного определения: *бизнес-сообщество, бизнес-виза, бизнес-отношения, бизнес-опека, бизнес-элита; интернет-класс, интернет-клуб, секс-торговля, шорт-лист, шоу-бизнес, шоу-группа*

и под. [Нещименко 2009: 38]: **Бизнес-бабушки. Рынок труда у нас, как известно, как был формальный и неформальный, так и остался. На неформальном, нерегулируемом, как раз и толкутся пенсионеры...** (НП. 04.09.2008); **В Нижегородской области появились теневые бизнес-управленцы** (ЛС. 17—23.07.2008); **Гангстер-хаус. Самый высокий деревянный дом в России объявлен вне закона** (РГ. 26.06.2008); **Секс-красотка Кэмпбелл выходит за русского олигарха?** (ЛС. 28.08—03.09.2008); **Секс-стимулятор для мужчин золотые капсулы ФУХОЛИ** (РГ. 20.05.2010); **Секс-отдых Малахова. 39-летний шоумен зажигает с женой на пляже во Франции** (Жизнь. 27.07—02.08.2011); **Зачем США замочили секс-террориста № 1** (КП. 26.05—02.06.2011); **Сенатор, «клевавший» Клинтона за Левински, ушел с секс-скандалом** (КП-НН. 23.04.2011); **Жительницу Сергачского района Анастасию Захарову можно назвать экстрим-мамой** (ЛС. 11—17.09.2008); **Кто он, новый президент США, — пиар-проект или настоящий реформатор, решивший преодолеть инерцию экспансии?** (ЛГ. 15—21.07.2009); **Бум на вамп-индустрию в России скоро достигнет ощутимых масштабов?** (НВ. 31.08—06.09.2009); **Онлайн-приемная. В Удмуртии республиканское отделение Пенсионного фонда проводит онлайн-консультации** (РГ. 08.07.2010); **«В интернет-музей и магазин, — пытается ответить Иван Лебедев, — приходят люди очень известные»** (РГ. 10.01.2008) **Легко ли проследить путь интернет-пожертвований?** (радио «Бизнес FM». 07.08.2013); .

Среди подобных агглютинативных дериватов распространены структуры с графически неадаптированными частями: **С целью завладения денежными средствами пользователей злоумышленники использовали короткие sms-номера...** (РГ. 16.09.2010); **SMS-«зомби». Существует ли психологическая зависимость от мобильного телефона?** (РГ. 28.02.2013); **А если вредный вирус все-таки залез в ваш сотовый телефон, следует как можно быстрее вынуть sim-карту и отнести аппарат в ближайший сервисный центр** (РГ. 16.09.2010); **VIP-пенсионер. Тони Блэр получил крайне выгодное предложение** (РГ. 17.01.2008); **Что VIP-греха таить, тут сложно было не обзавидоваться... VIP-грех — термин, обозначающий «подленькое чувство, заставляющее нас больше работать, чтобы была машина не хуже, чем у соседа», впервые введенный в обиход Ксенией Собчак** (КП-НН. 11.02.2011); **VIP-**

трибуна. Кто за кого болеет в нашем футболе? (РГ. 25.10.2012); «Молодая гвардия» запускает *Wi-Fi-Эпидемию*. В российских вузах стартует федеральный проект по установке беспроводного Интернета (КП-НН. 01.03.2011). Подобные деривационные структуры, в которых совмещаются разные алфавиты, некоторые ученые называют графодериватами (Т.В. Попова).

«Ослабление флективности», рост «агглютинативных черт» отмечают также чешские [Bozděchová 2009] и польские ученые: «В словообразовании славянских СМИ растет активность такого способа, как сложение без помощи соединительной гласной» [Коряковцева 2013: 24]. Слова, созданные таким способом, «соответствуют словообразовательной модели немецких композитов», характеризуются цельнооформленностью, общностью специфического словообразовательного значения «синтагматического типа, связанного с выражением неконкретизированных атрибутивно-объективных отношений в рамках сложного понятия об объекте или ситуации», а также общностью способа словообразования, «который состоит в грамматически неоформленном “сцеплении” двух существительных, преимущественно иноязычных» [Коряковцева 2013: 24]: *бизнес-виза, допинг-скандал, секс-туризм, фолкпевец* и др.

Как показывает анализ новообразований в текстах российских СМИ, в деривационных процессах активизируются те интернациональные элементы, «которые актуальны для данного социума в данный период для номинации определенных социокультурных реалий» [Авина 2009: 72]. Тенденцию к интернационализации и интеграции ученые приветствуют как процесс, который «в конечном итоге упрощает международную коммуникацию и способствует развитию взаимопонимания между народами как в средневропейском регионе, так и за его пределами» [Gazda 2003: 72].

Характерной чертой современного медийного словотворчества ученые считают отонимическое словообразование. Отонимические экспрессивные окказионализмы, созданные с помощью суффиксов и суффиксоидов, появившихся на базе корневых морфем, «обладают свойством “сгущения” смыслов и стилистической полифункциональностью, поскольку они выражают не только аффективно-экспрессивную, но и социально-экспрес-

сивную оценку, вызывающую представление о “среде” <...>, где они употребляются <...>. Их образование и актуализация в массовой коммуникации свидетельствует о вовлеченности в словопроизводство ключевых слов эпохи (к которым относятся имена известных людей), об отношении коммуникантов к лицам, фактам и событиям общественной жизни» [Коряковцева 2013: 23]. Исследователи связывают появление отонимических экспрессивных окказионализмов в медийных текстах с разрушением стилистических барьеров, усилением тенденций антропоцентризма, повышенной степенью эмоционально-волевого состояния социума, его терпимостью к вульгарному и бранному словоупотреблению, а также стратегией близости к адресату, характерной для большинства постсоциалистических СМИ [Коряковцева 2013: 23].

3.1.2. Тенденция к демократизации в медийном словотворчестве

Происходящие в последние десятилетия в русском языке изменения отражают нестабильное состояние российского государства, «которое проявляется в коренном переустройстве власти, экономики, мировоззрения, в противостоянии оценок, взглядов, образа жизни людей, смене ценностных приоритетов, росте негативных явлений» [Поцепня 2003: 83]. «Меняется коммуникативная парадигма современного общества: носители языка все больше сознают свое важное место в общественно-политической жизни, формируют собственные оценки происходящих событий, ведут себя в процессе коммуникации в соответствии с собственными целями, мотивами и интересами» [Кормилицына 2008: 14].

В связи с либерализацией общественных отношений ученые говорят о тенденции к демократизации в современном русском языке. Тенденция к демократизации связана с усилением влияния устной речи на письменную и вызвана демократическими преобразованиями в общественной жизни. Усиление демократических тенденций в обществе и языке привело к укреплению позиций разговорной речи, к усилению разговорной составля-

ющей вербальной коммуникации. Наблюдается актуализация жаргонной, арготической и просторечной лексики. Не только в бытовой разговорной, но и в публичной речи лексическое разнообразие современных СМИ как результат эволюции газетно-публицистического стиля отражает «экспрессию психологического состояния общества» [Лысакова 2006: 119]. Демократизация языка «позволила человеку говорящему раскрепоститься, увеличила долю спонтанной публичной речи. Победа экспрессивного над стандартным раздвинула границы выразительных возможностей языка» [Вепрева 2006: 141]. Раскрепощение личности способствовало усилению личностного начала в языке и речи, особенно в средствах массовой коммуникации.

«Для современного языка средств массовой информации характерно формирование авторского начала, замещение информативной функции воздействующей. В этой связи журналисты-словотворцы, привлекая широкий арсенал средств оценки и экспрессии, вводят в публицистические тексты *маргинальные* слова (жаргонизмы, сленгизмы, профессионализмы), созданные по маргинальным словообразовательным моделям с суффиксами стилистической модификации <...>. В словообразовательных процессах <...> довольно часто участвуют жаргонно-просторечные основы, от которых образуются еще более стилистически сниженные новообразования»: *фанерщик, лохотронщик* и др. [Коряковцева 2013: 23—24].

Раскрепощенность как один из ярких показателей современного речевого поведения коммуникантов способствует активизации процессов словотворчества в медийной речи, приводит к появлению большого количества новообразований, которые становятся ярким экспрессивно-эмоциональным средством в текстах СМИ. Основные эмоциональные доминанты многих текстов современных СМИ определяются объективными социально-политическими и экономическими процессами в обществе.

Демократические тенденции в медийном словотворчестве связаны с различными актуальными социальными процессами, в частности с распространением в современном обществе массовой культуры: «В плане коммуникативных норм общества массовой культуры действует четко прослеживаемая закономерность — табуирование патетики везде, где это можно. Все

общение сводится к обиходу. <...> все исходят из презумпции равенства и поэтому общаются легко и свободно со всеми, статусные, возрастные и гендерные признаки учитываются только в ситуативном плане» [Карасик 2011: 23].

Соответствующий стиль общения характерен и для современных российских СМИ: «Общая динамика развития прессы в нашей стране свидетельствует о том, что средства массовой информации резко приблизились к читателям, стали играть роль собеседника, а не рупора официальной власти. Прямое воздействие на адресата сменилось на косвенное» [Карасик 2010: 179].

Основные тенденции современного общения, которые находят отражение в текстах СМИ, состоят, по мнению ученых, «в сужении диапазона стиливых регистров, примитивизации понятий, игровом переворачивании важнейших запретов и превращении массово-информационного дискурса в форум для всего населения, в информационно-эмоциональное взаимодействие всего общества» [Карасик 2010: 182]. В основе этих тенденций лежит общее направление демократизации социальной жизни и общения.

В словопроизводстве заметно увеличение стилистического варьирования суффиксов, спектра оценочной лексики, в том числе деминутивов; наличие экспрессивного фона у новообразований — абстрактных существительных, универбов и др.; создание компактных номинаций (универбов, относительных прилагательных, наречий и проч.) [Нещименко 2013]. Стирание стиливых границ исследователи видят в образовании слов по стилистически маркированным моделям, в сочетаемости стилистически нейтральных или книжных основ с разговорно-оценочными аффиксами [Ohnheiser 2013: 68].

Проявлением демократического начала в медийном словотворчестве становится активное вовлечение в деривационные процессы стилистически сниженной лексики и сниженно-маркированных словообразовательных средств, а также деривационных моделей, характерных для разговорной речи.

Так, иноязычные префиксы активно сочетаются с исконными и стилистически сниженными производящими словами (основами), что свидетельствует о расширении стилистических возможностей данных префиксов: *антиишмя Россия, антиЕльцин*,

контрдействие, псевдороссияне, псевдонароды, псевдородственники, псевдоподдержка, квазильготники, супервыборы, супервредители, суперпивные, супертеплица, гиперхудоба, гипер-Чехов, мегасады, мегагости, мегаславяне, экс-нижегородец, экс-жена, экс-привычки, экс-русские, экс-первый и др. Несоответствие стилистической окраски иноязычного префикса и производящего слова, вовлечение в словообразовательный процесс жаргонной и другой стилистически сниженной лексики свидетельствует о проявлении тенденции к демократизации в речи: ...очевидная антироссийская, **антиэснэшиная** направленность ряда последних слов и дел Тбилиси, Киева, Кишинева (РГ. 12.08.2005); *И если раньше она была официозом, то теперь это антигламур, антипафосные клубы* (КП. 10.07.2008); ...это не какая-нибудь лживо-клеветническая квазиопозиционная **псевдогазетенка** с «жовтым» уклоном и «блакитным» лобби, а официальный орган Верховной Рады!.. (НГ. 17.03.2009); **суперхрущобы** для Меркель (КП. 25.04.2006); **суперпродвинутый фри-джаз** (Завтра. 2006. № 44); Конечно же, экс-бизнесмен, экс-депутат и экс-зэк блефует (Завтра. 2006. № 44); Он считался в этой среде **«гиперофигевающим»** и «супер-пупер-архикреативнейшим обалдемоном» (НГ. 15.05.2006); *А что такое уволенный опер? Это находка для коммерческих и криминальных структур... Каковы будут последствия от такого «сращивания» экс-ментов с экс-жуликами, нетрудно представить* (КП-НН. 28.01.2011).

Сниженным характером отличаются отаббревиатурные наименования: Спецслужбам Украины и России удалось сорвать планы террористов, готовивших покушения на Владимира Путина. <...> нашим **СБУшникам** респект (Собеседник. 2012. № 8); *Лолита* голосила на НТВ — в поддержку сексуальных извращенцев, что Чайковский тоже был из их числа, и никто в **энтэвэшной** студии не вступился, увы, за честь великого композитора (Завтра. 2012. № 7).

Распространены в текстах СМИ существительные с разговорными и жаргонно-просторечными суффиксами **-ш(а), -ух(а), -л(а)**: *В Сети Навальный получил все: должность «мэр Москвы» по версии интернет-пользователей, максимум доверия по сетевым опросам, восторги блоггерш* (Собеседник. 2012. № 6); *Вдобавок панкериш* рискуют стать «объектом атаки» оскорбленных верующих, требующих «жесткого наказания»; <...> *Пугачева* оказалась

*ведущей не по зубам и легко ее «сделала» — взяла инициативу в свои руки, сама принялась интервьюировать **интервьюершу**, умело уходила от неприятных вопросов (НГ. 20.04.2012); **Сплошная репрессуха** (НД. 17—23.05.2012); **Стою у места сбора наших болельщиков. Среди них преобладают «кузьмичи» — болелы среднего и старшего возраста...** (КП. 15.06.2012).*

Демократизация в СМИ проявляется также в усилении личностного начала и повышении экспрессивно-оценочной роли новообразований в медийном тексте. Широко представлены в российских медийных текстах новообразования с экспрессивно-оценочными аффиксами, к которым, в частности, относятся размерно-оценочные суффиксы: *Есть памятник, даже не памятник, а **памятничок*** (радио «Серебряный дождь». 25.03.2011); *Начало учебного года встречала с трепетом... Ну такой маленький **трепеток*** (1-й телеканал. 04.09.2011); *Вы не замечали, что те, кому дали отставку, кто остался не у дел, много и неистово хорохорятся? Только дай им **шансок** — изобретают из себя многозначительных персонажей* (Собеседник. 2012. № 3); *Третий **моментшце** в этом матче!* (радио «Маяк». 24.06.2012); — *У нас если уж беда, то беда. — Да, **бедища!*** («Радио России». 14.08.2013); *В общем, жизнь у меня **страшиноватистая!*** (ЛГ. 10—16.07.2013); *Вел себя адекватно, только попахивало от краеведа **затхленько*** (КП. 08.11.2011).

Отмечаемый исследователями рост личностного начала в современном словообразовании проявляется в деривационной активности суффиксов **-ец, -(н)ик, -щик(-чик), -ист, -ант**: *гайда-ровец, зюгановец, рыночник, державник, перестроечник, компьютерщик, оборонщик, сувереник, ельцинист, сталинист, вручант, подписант* и др.: *Наблюдатели из «Сонара» стекаются на Ярославский вокзал ранним утром выходного дня. <...> **«Сонаровцы»**, возраст которых от тридцати и старше, даже после оглашения результатов выборов не унывают* (НГ. 12.04.2013); *...различие между коммунистами и **солидаристами*** (сторонниками «Солидарности» Г.К. Каспарова. — Авт.) (Известия. 03.04.2009); *Из парков исчезли «девушки с веслами» и прочие скульптуры, демонтированные **галатеистами**, обзаведшимися партнершами для парадного выхода* (Завтра. 2009. № 23); ***Граффитисты** разрисовали казармы* (ЛС. 21.05.2009); *В ту пору нашими кинобогами были Феллини и Анто-*

ниони. Во ВГИКе возник жесткий водораздел между **феллинистами** и **антонионистами** (НГ. 10.07.2009); «**Симпатизанты**», русский язык и культура (Парламентская газета. 12—18.04.2013). Новобразования с данными суффиксами называют лиц — сторонников определенных идей, партий и движений, общественно-политических лидеров, известных деятелей культуры. При образовании имен лиц жаргонно-разговорного характера продуктивность проявляют суффиксы **-ник**, **-щик/-льщик**: ...скандалы, то и дело вспыхивающие вокруг липовых результатов ЕГЭ и «**стобалльников**», успешно заваливающих первую же сессию в вузе... (ЛГ. 2010. № 39); ...я твердо уверен, что никогда не узнаю «на гражданке» ни олигарха Аркадия Ивановича, ни **казиношника** Игоря, ни врача Антона (РР. 09—16.09.2010); Еще более дикой выглядит борьба с пешими «**ведерочниками**». В начале мая, надев на голову синие ведра, похватав синие нитки, воздушные шарик и даже цветочные горшки, участники флэшмоба под ритмы тамтамов пошли гулять по маршруту от Нового Арбата до Белого дома (МК. РРЕ. 21—28.07.2010); Сегодня в России услугами «**обнальщиков**» пользуются 90 % предпринимателей, от крупных компаний до крохотных <...>. Известие об аресте банды всколыхнуло столичный мир «**обнала**» <...>. Ходят слухи, что взяли крупных оптовиков, снабжавших многие столичные «**обнальные**» конторы... (НВ. 17—23.05.2010); В начале 90-х я помню его несколько растерянным, удивленным, словно бы потерявшим опору в своих суждениях об искусстве под натиском «**актуальщиков**» (ЛГ. 15—21.09.2010); Субкультура **выживальщиков**, появившаяся на Западе еще во времена массового атомного психоза... (Завтра. 2010. № 46); Но раньше главной фигурой в кинопроизводстве был режиссер <...> теперь же режиссер — никто. **Снимальщик**. Работает компания продюсеров, которые пишут сценарий, нанимают актеров, оператора, художника, композитора, режиссер приходит чуть ли не в последний день (РГ. 16.09.2010); **Стебщики** — это слуги антиэлиты... (ЛГ. 10—16.07.2013).

Таким образом, в результате возросшего влияния масс-медиа на коллективное сознание носителей языка, на существующий вербальный узус, «узус репрезентативного языкового употребления становится открытым для включений из узуса повседневного, непринужденного» [Нешименко 2010: 38], из живой разговорной стихии; возрастает экспрессивность общения, в том

числе и в современных СМИ, «что свидетельствует о прагматической заинтересованности в обратной связи с адресатом» [Нещименко 2010: 38]; наблюдается проявление языковой экономии, «в соответствии с которой отдается предпочтение использованию компактных семантически емких номинаций» [Нещименко 2010: 39].

Особую значимость, по мнению ученых, приобретает создание в русле тенденции языковой экономии компактных номинаций, в том числе универбов, позволяющих заменить громоздкие описательные конструкции более компактными обозначениями [Нещименко 2010: 39].

При образовании универбов, отражающих тенденцию к экономии языковых средств и включающих семантику всего базового словосочетания при формальной мотивации одним из его компонентов, продуктивность проявляют исконные суффиксы **-к(а)** отвлеченно-предметной семантики, **-(н)ик**, **-щик** со значением лица: *автогражданка* (страхование автогражданской ответственности), *гуманитарка* (гуманитарная помощь), *одноканалка* (одноканальное финансирование), *социалка* (социальная сфера), *бюджетник* (работник бюджетной сферы), *налоговик* (сотрудник налоговых служб), *теневик* (представитель теневых структур), *силовик* (представитель силовых структур), *сырьевик* (представитель сырьевых отраслей), *виртуальщик* (находящийся в виртуальной реальности), *чрезвычайщик* (представитель чрезвычайных служб), *экстремальщик* (представитель экстремальных видов деятельности) и др.

Словообразовательные модели универбатов имеют свои особенности. Особенно продуктивна модель универбатов с суффиксом **-к(а)**: *Вся «заречка» осталась без холодной воды* (КП-НН. 14.08.2001); *Владельцам **однушек** ремонт не светит* (КП-НН. 14.02.2003); *Вот когда опубликовали **прослушку** моего разговора...* (КП-НН. 19.10.2004); *«**Упрощенка**» в обмен на патент* (Дзержинец. 24.05.2006); *Но разве «**предпродажка**» не входит в стоимость автомобиля?* (КП-НН. 15.09.2006); *Видятся два реальных выхода из ситуации с отравлениями «**паленкой**»* (Дзержинец. 25.11.2006); *Нагрузки в школах, особенно в гимназиях с разной «**углубленкой**», большие* (НН. 13.10.2007); *Далее работу с инвесторами, особенно с иностранными, можно трактовать как внешнеполитическую.*

А «внутрянка» переходит к Иванову (ЛС. 08.01.2009); Нижегородцы отравились «незамерзайкой». Нижегородские милиционеры изъяли более сотни бутылок с фальсифицированной незамерзающей жидкостью для автомобилей (НР. 02.03.2009). Данные универбаты образуются на базе словосочетаний заречная часть (города), однокомнатная квартира, прослушивающая аппаратура, запись прослушивания, упрощенная система налогообложения, предпродажная подготовка (автомобиля), «паленая» водка, углубленное изучение (предмета), внутренняя политика, незамерзающая жидкость.

В этом аспекте актуальны новообразования-универбы, позволяющие заменить громоздкие описательные конструкции более компактными обозначениями: *День 11 августа 2008 года ожидался посвященными в тайну экспертами по российской социалке с нескрываемым нетерпением<...> Посиделки с социальщиками, естественно, были отложены в долгий ящик (МК в НН. 15.10—22.10.2008); Спазм «одноканалки» <...> Пилотный проект одноканального финансирования, который в прошлом году охватил практически все лечебные учреждения Нижегородской области, с первого января приостановлен (МК в НН. 20—27.01.2010); Перегрузочный комплекс для «плавучки» готов <...> обеспечивает выполнение всех работ, связанных с обращением с ядерным топливом в пределах плавучего энергоблока (НП. 23.11.2010); В «казенку» или «автономку»? <...> В казенные ли, бюджетные или автономные учреждения — но до июля все бюджетные организации будут преобразованы (НН. 15.01.2011); ...из 8 окружных столиц только у нас за последнее время снизились цены на жилье. Правда, только на «вторичку» (АиФ-НН. 18—24.05.2011); Пока у дома Кириллова стоит старая ярко-красная японская «праворулька» (МК в НН. 29.06—7.07.2011).*

Достаточно продуктивными при универбации являются словообразовательные модели с суффиксами **-щик, -ик**: *И все-таки у чрезвычайщиков больше половины всех вызовов не шутка (КП-НН. 01.09.2001); ...они стали самыми заядлыми «сувереничками» (КП-НН. 01.03.2003); ...виртуальная реальность поможет решить проблему бессмертия <...>. Такова мифология современных виртуальщиков (Приключения. Тайны. Чудеса. 04.2003); Они не показывают рекламные ролики, а нанимают креативщиков, которые придумывают персонажей для детских передач (ЛГ. 25.02—03.03.2009); «Сырьевиков», как никого другого, касаются планы*

правительства по реформированию естественных монополий (МК в НН. 29.11—06.12.2001); ...*если жилищникам не поднимут зарплату...* (МК в НН. 25.10—01.11.2001); ...*невидимые белые шары фиксировались только пленочными фотоаппаратами, нам же впервые удалось поймать фантом на «цифровик»* (цифровой фотоаппарат) (АиФ-НН. 28.12.2005); ...*учимся на мастер-классах, которые проводят «ролевики»* (поклонники фэнтезийной литературы, проводящие ролевые игры по книгам) (КП-НН. 26.05—02.06.2005); *Нужно следить, чтобы все не захватили сетевики* (радио «Бизнес FM». 07.08.2013). Такие наименования обычно функционируют в разговорной речи как эквиваленты официальных развернутых наименований.

Влиянием тенденции языковой экономии исследователи объясняют также расширение границ деминутивного и феминативного словообразования [Нещименко 2010: 39].

Продуктивность проявляют суффиксы **-их(а)**, **-к(а)**, **-ш(а)** со значением женскости: ...*Петросяны активно не тусуются? На светских вечеринках появляются редко. С бойфрендами и бойфрендихами нигде не замечены* (РГ. 26.06.2008); *Наши юные керлингистки исполняли роль склочных баб* (КП. 03.03.2010); *Вместо Маресьевых — попрошайки, вместо ворошиловцев — Евсюковы, вместо Штирлицев — вообще какие-то чапмениши* (Собеседник. 2010. № 31); ...*да позже хитрая гастарбайтерша из Гвинеи решила слупить с клиента еще больше мани-мани за мировое соглашение?* (КП. 26.05—02.06.2011).

Экономия средств выражения, отражающая ускорение темпов жизни и характерная для разговорной речи в целом, достигается и путем усечения слов, которые становятся стилистически сниженными коррелятами соответствующих номинаций: ...*зачем Вы так обоились с антиглобалистами в своей инвективе в их адрес...? <...> Российским антиглобам теперь...* (Дуэль. 28.08.2007). Усечением сопровождается и образование существительных отвлеченной и предметно-личной семантики с нулевым суффиксом: *Извините, что утренняя программа, а я на серьез перехожу... Ну а если серьезно...* (1-й телеканал. 14.10.2007); *Из «сююминутных» книг на твердую четверку оценю «Шарманишка» Алексея Беляева — про жизнь модного журнала и прочую гламурь* (Б+К. 22.08.2007); *Всякого интерактива в спектакле предоста-*

точно (5-й телеканал. 31.12.2008); *Я — чистый аудиал: очень хорошо слышу нюансы интонации, музыки, голоса...* (КП. 01—08.04.2005); *Москвичи в неадеквате* (Собеседник. 2010. № 34).

По словам исследователей, «ускорение темпов жизни усиливает действие закона речевой экономии, а рост эмоциональной напряженности в жизни общества активизирует процессы образования эмоционально-экспрессивных типов словообразовательных моделей» [Валгина 2001: 131].

«В суффиксальном словообразовании имен существительных заметно усилилось явление стилистической модификации, когда новые образования, не отличаясь семантически от мотивирующих существительных, оказываются стилистически окрашенными, причем в большинстве случаев эти вторичные наименования оседают в разряде сниженной лексики» [Валгина 2001: 150]: *киношка, компашка, шизик, сотик, дезик: Думаешь, я совсем не пользую дезики?! — если б мне сказал это кто-то другой, кроме Нади, я бы обиделась. — Знаешь, сколько я их уже перепробовала, толку никакого. Ну и что выбрать? — А я уже нашла свой дезодорант, — довольно улыбнулась подружка* (КП. 26.07—02.08.2007); *фотик: Мурат больше всего был увлечен фотографией и очень часто спрашивал у меня совета. В последнее время он накупал себе фотиков — от зеркалок до мыльницы, снимал много и всегда* (КП. 25.01—01.02.2007).

В разных сферах общения появляются новообразования, созданные по моделям, характерным для разговорной речи: *Можно вспомнить особые поддужные колокольцы, право на звяканье которыми в городской черте предоставлялось специальным распоряжением соответственно чиновничьим рангам — ну совершенно как теперь мигалки с вопилками* (НГ. 18.04.2010); *Еще было забавно посмотреть на интерьер <...> такая получилась кичуха* (Собеседник. 2010. № 2); *То есть однажды они уже кого-то изнасиловали или убили, отсидели за это, вышли и — снова за старое. Меня интересовало: почему это попадалово ничему их не научило?* (Собеседник. 2010. № 31); *Мы и представить себе не могли, как это можно ругнуться или пошлить в эфире!* (НВ. 24—30.05.2010).

В подобных новообразованиях, по словам Е.А. Земской, «обнаруживается общая особенность языка нашего времени: перемещение явлений периферийных, маргинальных в центр

системы, что свидетельствует о высокой динамичности системы в функциональном аспекте» [Земская 1996: 118].

В целом новообразования в современных российских СМИ, демонстрирующие продуктивность тех или иных словообразовательных способов, моделей и деривационных средств, отражают политические и социально-экономические изменения в России начала XXI в., в частности расслоение населения в материальном и социальном плане, развитие рыночных отношений, изменение ценностных ориентаций, расширение сферы бизнеса, информатики, массовой культуры и т.д.

Таким образом, новообразования начала XXI в. создаются по разным словообразовательным моделям, с помощью различных деривационных средств, продуктивность которых опосредованно отражает существующие в современном российском обществе тенденции, актуальные социальные реалии через призму восприятия различных носителей языка.

Анализ словообразовательных новаций в медийных текстах проливает свет на то, каким именно образом в языковом сознании носителей языка в ходе номинации «осмысливаются новые явления современной общественной жизни, поскольку именно деривационные процессы отражают способы осмысления знаний и опыта с помощью актуальных для данной эпохи корневых аффиксальных морфем, используемых для объективации новых концептов и связей» [Коряковцева 2013: 10].

3.2. Словотворчество как средство экспрессивизации медийного текста

Новообразования, окказиональные слова не только раскрывают сущность процессов современного русского языка, показывают, какие события и факты являются релевантными для общества, но и служат средством экспрессивизации, выразительности текста [Самыличева 2011б]. «Словообразование тем самым является сильным средством экспрессивизации текста, способствуя не только актуализации его отдельных фрагментов, но и усилению субъективного, авторского начала в современных средствах массовой информации» [Рацибурская 2003: 124].

Экспрессия представлена достаточно полно и ярко в газетной публицистике начала XXI в., «произведения публицистического стиля выполняют уже давно аксиологическую (оценочную) и экспрессивно-эмоциональную функцию» [Лейчик 2008: 140]. Язык масс-медиа призван воздействовать на читателей, внушать им те или иные идеи, способствовать появлению эмоциональной реакции, переживаемого чувства, отношения, а также реакций в форме действий и поступков. Первостепенная роль в этом процессе принадлежит журналисту как творческой языковой личности.

«В условиях газетной специфики крайне трудно находить всякий раз уникальную экспрессию, которая в то же время необходима именно в конструктивных целях» [Костомаров 1971: 153], поэтому автор часто вынужден достигать выразительного эффекта исключительно за счет формы изложения. В этом плане симптоматичной является значительная активизация в языке СМИ деривационных процессов, что проявляется как в возрастании продуктивности традиционных словообразовательных категорий и способов словопроизводства, так и в вовлечении в сферу словообразования новых производящих основ, новых способов словообразования и т.п.

Использование журналистом разнообразных средств, способствующих формированию экспрессивной окраски слова, можно связать с тем фактом, что «человек играет со словом, состязается в этих играх с окружающими, стремясь победить соперника в остроумии, острословии, оригинальности формы выражения» [Земская 2000: 25].

«Стремление к экспрессии побуждает прибегать (в особенности это касается газетных текстов) к таким словообразовательным моделям, которые обладают иной стилевой природой и поэтому кажутся в сфере газетно-публицистического стиля “свежими”, экспрессивными. <...> можно сказать, что газетный текст, исходя из самой сути своего существования, является благоприятным фактором для возникновения неологически окрашенных единиц» [Страмной 2007: 24].

Современный медийный дискурс является актуальным объектом лингвистических исследований. «Мы живем в информационном мире, в котором власть находится в руках тех, кто владеет информацией, интерпретирует ее и тиражирует <...>.

Именно СМИ оказывают решающее влияние на формирование мировоззрения, взглядов, представлений, на мировосприятие, сознание и поведение членов общества» [Кормилицына 2012: 14]. Специфика медиатекста заключается в том, что журналисты формируют картину мира в сознании массовой аудитории.

В дискурсе СМИ речевое воздействие выступает в качестве социально ориентированного общения и предполагает изменение в структуре социума или стимуляцию прямых социальных действий через воздействие на психику членов данного социума.

Исследователи отмечают усиление личностного начала в СМИ, которое проявляется, в частности, в словотворческой деятельности журналистов, так называемом «словомейкерстве» [Шкапенко 2003], а также в повышении экспрессивно-оценочной роли новообразований в медийном тексте. Новообразования обладают ингерентной экспрессивностью, которая обусловлена структурно-семантическими особенностями дериватов. По мнению ученых, «неологизм, фиксируя необычный способ выражения, сам по себе создает эффект новизны, современности, экспрессивности» [Сулименко 2006: 41].

Экспрессивность новообразований создается различными факторами.

Исследователи отмечают, что экспрессивность различных окказиональных слов неодинакова: «...чем меньше формальных и семантических нарушений правил языкового (социально отстоявшегося) словообразовательного стандарта совершается при образовании окказионального слова, тем меньше окказиональности (а вместе с нею — и экспрессивности) содержится в этом слове, и наоборот» [Лыков 1976: 24]. Таким образом, благодаря анализу структурно-семантических факторов создания экспрессии окказиональных слов можно говорить об их разной экспрессивности в зависимости от степени стандартности / нестандартности новообразований.

Эффект окказиональности и интенсивность ее проявления взаимосвязаны и зависят также от контекста, ситуации речи и стилистических свойств окказиональных лексем. Анализ функционирования окказиональных единиц в текстах масс-медиа позволяет говорить и о функционально-дискурсивных условиях создания экспрессии [Самыличева 2011а].

3.2.1. Словообразовательная структура новообразования как фактор его экспрессивности

Экспрессивность окказионализмов, созданных узуальными способами, может создаваться благодаря семантико-стилистическим свойствам производящей лексемы и характеру денотата, номинируемого окказионализмом, благодаря оценочности аффиксов, экспрессивности самой словообразовательной модели.

Широко представлены в современных медийных текстах новообразования с экспрессивно-оценочными аффиксами, к которым, в частности, относятся размерно-оценочные суффиксы: *Вы хотите внести какую-то **молодежинку** в свой гардероб* (1-й телеканал. 25.10.2011); *Это не хит, а **хитяра!*** (телеканал НТВ. 23.09.2011); *Управление этим автомобилем, я бы сказал **автомобилищем...*** (телеканал «Россия 24». 22.01.2012); *Вот я Константина Крылова читаю. Он теперь сделался демократическим националистом, национальным демократом. Это так **модненько** стало теперь, разворачивать, типа, как у латышей* (НВ. 21—27.05.2012).

Так, использование экспрессивных суффиксов **-ульк(а)**, **-чик** выделяет новообразования типовой структуры из контекста: *По его словам (Владимир Марычев. — Авт.), сейчас на 10 км вокруг ни одной **«кривульки»** в лесу не найти, все он выбрал... Сучковатые, еле живые древесные уродцы в его работах получают вторую жизнь (АиФ-НН. 06—12.04.2011); *Ристалище под Кстовом. Мериться силушкой здесь будут настоящие **«богатырчики»...** Ребята с азартом осваивали палочный и кулачный бой, метание, боролись **«стенка на стенку»** и, конечно, **«рубились»** на мечях...* (АиФ-НН. 23—29.03.2011).*

Ярким социально-оценочным средством становятся новообразования с суффиксом **-щин(а)** с семантикой неодобрения: *...хотели секвестрировать комитет по информатизации, СМИ и связям с общественностью. Но <...> комитет и сейчас существует. Ради номенклатурной **телевизионщины** (НГ в НН. 10.06.2011); *В США исследованием паранормальных явлений с 1976 года занимается комитет научных исследований. В России же серьезно изучением **аномальщины** не занимается никто <...>. Группы же «чуда-**

ков», которые занимаются изучением всякой **паранормальщины**, <...> есть во многих российских городах (Собеседник. 2012. № 3). Оценочные окказионализмы с суффиксом **-щин(а)** могут создаваться также на базе имен собственных, приобретая при этом индивидуализированную окраску: — *Вы знаете, что существует термин «басковщина»? — Нет. Была «пугачевщина», теперь «басковщина»* (Басков. — Авт.). — **«Басковщина»** — это когда человек высокого жанра опустил к низкому, когда он на все готов, чтобы привлечь к себе повышенное внимание (РГ. 26.11.2009); *Гайдар был сторонником неолиберального перехода к рынку, то есть предполагающего шоковую терапию для экономики и общества, которая опирается на «железную руку» и такое же железное, безжалостное сердце власти. А уж после такой «пиночетовщины» рынок якобы уже сам начнет всем руководить* (МК в НН. 27.01—03.02.2010).

При создании окказионализмов в выражении социальной оценки активно участвуют как исконные, так и заимствованные префиксы. Префиксы условно можно разделить на две группы в зависимости от качества оценки: пейоративные (от лат. *pejor* — ‘худший’) — с отрицательной, негативной оценкой и мелиоративные (от лат. *melior* — ‘лучший’) — с положительной оценкой.

К пейоративным аффиксам можно отнести иноязычные префиксы **анти-**, **контр-** со значением отрицания, противоположности, меняющие знак производящего на положительный или отрицательный [Сулименко 2006: 31]. Прилагательные с префиксом **анти-** со значением противоположности, отрицания образуют прилагательные со значением «направленный против того, что названо словом, которым в свою очередь мотивировано суффиксальное мотивирующее прилагательное» [Русская грамматика 1980]: *В пору финансового кризиса компания начала строительство «антикризисных» домов* [с рекордно низкой стоимостью жилья], *которые произвели настоящий фурор на рынке недвижимости* (АиФ-НН. 15—21.12.2010); *...на территории Нижегородской области реализуется «антинаркотическая стратегия», включающая закон о профилактике наркомании и токсикомании* (МК в НН. 12.01.2011); *На днях прошла информация, что в Краснодарском крае тоже отмечена вспышка «антисвиной» африканской чумы* (ЛС. 12—18.05.2011).

При помощи префиксов **анти-**, **контр-** образуются имена существительные со значением «нечто противоположное или противодействующее тому, что названо мотивирующим существительным» [Русская грамматика 1980]: *Модная **антимода**. «Фрик» в переводе с жаргонного английского — «сумасшедший», «бешеный», «нелепо одетый». Стиль фрик делает людей свободными* (АиФ-НН. 04—10.03.2009); *Опера «Князь Игорь» в Большом театре — **антисобытие** сезона, разочарование сезона* («Радио России». 09.08.2013); *Аналогичные противоречия существуют и в **контрэлите**: вот уже шестые 4 февраля идет несколькими колоннами — общегражданской, либеральной, националистической, левой* (НГ. 03.02.2012).

Активно функционирует в медийных текстах исконный префикс **не-** со значением отрицания, противоположности, что также отражает тенденции общества к отрицанию окружающей действительности, ее осмыслению и оценке методом от противного. Среди окказионализмов с префиксом **не-** можно выделить две семантические группы — субстантивные новообразования, обозначающие лицо, и субстантивные новообразования, обозначающие отвлеченный предмет: *Стоит ли ходить в театр, если там — та же суровая правда жизни, которую мы видим на улице? Пока нижегородские **нетеатралы** получают «порцию прекрасного» из криминальных сводок, те, кто реально любит театр и следит за культурными новостями Нижнего, вопрос решают иначе* (МК в НН. 11—18.05.2011); *...мы встретились случайно после долгого «невидения» и «необщения»* (МК в НН. 12.01.2011).

В большом количестве новообразований с пейоративными префиксами **псевдо-**, **квази-** с семантикой неистинности, ложности представлено мнение говорящего, устанавливающего, оценивающего степень соответствия номинируемого признака, явления определенной норме. Квалификация номинируемых реалий «связана с областью оценок (социальных, эмоциональных, этических, политических, интеллектуальных)» [Сулименко 2006: 30—31]: *В России стало модно снимать псевдоисторические блокбастеры с участием известных **псевдоактеров*** (КП-НН. 08.11.2008); *...распространенное телефонное шулерство — звонок от имени **псевдоработника** правоохранительных органов...* (АиФ-НН. 17—23.11.2010); *...семья стала еще одной жертвой **псевдоюриста*** (КП-НН. 11.01.2011); *...сочинения лицедеев от филологии пе-*

регружены **псевдосмыслом** (ЛГ. 06—12.06.2012); *Сколько она (Ксения Собчак. — Авт.) ни обзывала квазигонимелей «анально ориентированными», ее ушли не потому, что она горячая бунтарка <...>. Вы лучше мысленно хотя бы поддержите мою подругу Леру К., уже записанную в штрейкбрехеры псевдоревolucionерами* (Собеседник. 2012. № 21).

В текстах газет встречаются и адъективные новообразования с указанным префиксом: *...кельтский фолк несет в себе мощный заряд позитива. Тем и привлекателен. Для сравнения: в России — «степь-тоска» либо псевдовеселая истерика от отчаяния* (НГ в НН. 21.08.2009); *Или это слишком слащаво, приторно, псевдоаристократично; или же грубо, в блатной манере — есть и такая, модная сейчас, форма популяризаторства Вертинского* (Эрнст Неизвестный // НГ. 12.04.2013).

Префикс **квази-** образует преимущественно адъективные окказионализмы: *«ЛС» ранее сообщала, что этот обмен состоялся по двухступенчатой схеме, которая носила «квазикриминальный» характер* (ЛС. 25.09—1.10.2008); *Квазифилософскую драму, поставленную в Голливуде бразильским режиссером Фернандо Мейреллешем («Город Бога», «Преданный садовник»), лучше смотреть невидящими глазами* (КП-НН. 03.06.2010).

Мелиоративной экспрессивностью обладает группа окказионализмов, образованных при помощи префиксов **сверх-**, **супер-**. В таких новообразованиях «представлена прежде всего количественная экспрессия, порождающая нечто необычное, часто это слова-интенсивы» [Сулименко 2006: 29]: *В США найден человек с суперпамятью. <...> Ученые установили, что мужчина обладает феноменально развитой автобиографической памятью. <...> Начиная с пятилетнего возраста он детально помнит от 25 до 50 процентов прожитых дней* (ЛС. 02—08.04.2009); *Учитывая тот факт, что ННГУ в 2006 году стал победителем национального проекта в сфере образования, материальную базу мы уже здорово обновили. Теперь это будет просто супербаза.* (АиФ-НН. 30.12.09—12.01.2010); *Суперлазер против рака... Суперлазер обещает сделать онкологические операции быстрыми и недорогими* (АиФ-НН. 16—22.02.2011); *Как вырастить суперпомидоры. Начните новый сезон с грамотного обустройства грядок на подоконнике* (Перспект. 15.03.2011);

*Школьная учительница печет объемные сладости. Ее кондитерские шедевры напоминают реальные предметы <...> Изготовлением **супертортов** педагог занимается в свободное от уроков время...* (АиФ-НН. 18—24.05.2011); *Президенту предъявили **суперурожай*** (РГ. 11.08.2011); *Пусть все они разбредутся по своим лагерям. Пусть все это будет в парламенте и в общественных дискуссиях. Красная линия — Конституция и насилие. И **супермудрость** нации будет состоять в том, что мы все эти силы будем держать в равновесном состоянии* (НГ. 03.02.2012); *В начале года будет Олимпиада в Сочи, в конце — 250 лет Эрмитажу. Но мы постараемся сделать из этого не **суперпраздник**, а завершить целый ряд проектов* (РГ. 07.02.2013).

При помощи указанных префиксов образуются адеквативные и наречные окказионализмы, которые «обозначают крайне высокую степень проявления признака, названного мотивирующим словом» [Русская грамматика 1980]: *В этом году Мария Шарапова тоже собиралась произвести фурор в очередном **супер-эсклюзивном** наряде* (МК в НН. 28.01—04.02.2009); *Мировой опыт учит: чтобы сохранить должный уровень образования, каждые 20 лет его надо подвергать ревизии. А мы вместо этого в начале 90-х приняли **суперлиберальный** Закон об образовании и выпустили его в свободное плавание* (МК в НН. 11—18.03.2009); *Водитель чудо-машины будет чувствовать себя в кабине **сверхкомфортно** — она оснащена кондиционером и подогревом переднего стекла и зеркал* (ЛС. 12—18.05.2011); *Дэвид Шор, продюсер «Доктора Хауса», — о решении после восьми **сверхуспешных** сезонов завершить сериал в апреле этого года* (Огонек. 20.02.2012).

Интересен случай использования одноморфемных слов в пределах одного контекста: *За намерение, как говорится, денег не берут, но в таких случаях у нас принято заранее провозгласить: уже в «надцатом» году **суперсовременный** завод выдаст на-гора **суперарматуру** и **суперкруглый суперметаллопрокат*** (ЛС. 10—16.02.2011). Такое употребление новообразований с тождественным префиксом в одном ряду повышает степень экспрессивности каждого из этих новообразований. Наличие узуальной лексемы *суперсовременный* с тем же префиксом в микроконтексте также способствует экспрессивизации окказионализмов и текста в целом.

Оценочной семантикой указания на высокую степень качества обладают и новообразования с новым префиксом **мега-**: *Одна из **мегафабрик**, принадлежащая компании АМЕДИА, по размаху площадей и съёмочных площадок напоминает Голливуд* (РГ. 27.07.2007); *Мы нуждаемся в современных технологиях утилизации отходов. **Мегагоры** свалок представляют угрозу нашей безопасности* (НП. 03.11.2010); *...потом уже пошли известные темы про лоббирование интересов московского бизнеса, придворные инвестсоветы, **мегапроекты**...* (НГ в НН. 11.02.2011).

«Внимание к крайним точкам связано не только с той особенностью российской ментальности, которую называют максимумом, но и с кризисным состоянием сознания общества, обусловленным социальными потрясениями внутри страны, его предельной политизированностью, ощущением границы, кануна веков и тысячелетий, утратой былых ценностей и несформированностью, поиском новых; тем вакуумом, который стал заполняться экстремизмом и криминальными ориентирами. Естественно поэтому, что значительное число новаций связано с концептуализацией общественных, социально-политических явлений, осуждением тех, которые порождены тоталитарным режимом, реалиями конца века и утверждением новых, отвечающих представлениям о свободе, демократии, правах человека...» [Сулименко 2006: 30—31].

В качестве экспрессивно-оценочного средства нередко выступают новообразования с неспециализированными в этом отношении суффиксами, в частности с суффиксами отвлеченной признаковой или процессуальной семантики **-ость**, **-ств(о)**, **-(из)аци(я)**, **-изм**: *Гламур — эта блестящность бытия, надоел людям...* (РГ. 10.01.2008); *В послевоенные годы люди, уставшие от разрухи, ходили в оперетту, чтобы хотя бы на время окунуться в красивую жизнь ветреных баронов и графинь <...>. За эту «ненашесть» в советские годы театру оперетты крепко доставалось* (КП. 03.02.2012); *Среди собственников было много богатых людей... Мы идем от нормы **среднеклассовости*** (радио «Бизнес FM». 14.03.2012); *Блондинка — это не только цвет волос, это призвание! Ответь на наши вопросы и выяви степень своей **блондинистости!*** (КП. 02.03.2012); *Но именно потому, что **спамерство** стало крупным бизнесом и приносит колоссальные доходы,*

оно само собой не исчезнет (Известия. 14.01.2011); Мне казалось, мы ушли от **фюрерства** в нашей жизни (Собеседник. 2012. № 9); Любая форма **вундеркиндства** кончается провалом и крахом взрослого человека (радио «Бизнес FM». 31.07.2013); — Это какое же количество кукурузы надо будет закупить, чтобы увеличить количество кинотеатров? — Это будет **кукурузизация** всей страны (радио «Ретро FM». 02.02.2011); И что греха таить, большинство из них было так же чудовищно, как писанина Минаева. <...> Результатом же длительной **минаевизации** запросто может стать полный развал страны (Собеседник. 2012. № 6); Нам надо ликвидировать **офиоризацию** нашей экономики (радио «Серебряный дождь». 02.02.2012); ...на особенности питания человека повлияла урбанизация, **супермаркетизация** и популярность западного образа жизни (Огонек. 19.03.2012); Автор сценария Денис Родимин сильно «проагрейдил» ситуацию в смысле гламура. <...> Но именно эта «**гламуризация**» вытеснила из фильма то, что и сделало популярной книгу... (Известия. 26.06.2012); Был капитализм, а теперь будет **талантализм** (радио «Серебряный дождь». 24.02.2011); Проблема **вертикализма**: внешнее всеислие того, кто сидит на острие, превращается в неспособность влиять на ход событий (Огонек. 28.11.2011).

Как отмечают исследователи, «при усилении аналитических методов освоения новых фактов действительности увеличивается тяга к абстрактным именам, и, следовательно, особенно востребованными оказываются модели, по образцу которых создаются абстрактные существительные с набором характерных для них суффиксов» [Валгина 2001: 137].

Экспрессия в ряде случаев усиливается благодаря лексической семантике мотивирующих, специфическому восприятию денотата. Негативную окраску приобретают образования на базе слов, «денотат которых вызывает у говорящих негативные ассоциации» [Петрова 2011: 71]: Я считаю, что в моей музыке нет ничего особенного... Я бы назвал все это «**аудиоизвращением**». Я — мастер перевертышей (АиФ-НН. 02—24.02.2009); извращение — «1) представление в неправильном виде, искажение; 2) отклонение от естественной нормы» [Большой толковый словарь 2009]. Негативные ассоциации могут возникать у адресата при восприятии окказионализмов, образованных при

помощи суффикса **-изм**: *Жигололизм на потоке* (НН. 07.07.2009); *жиголо* — «1) молодой мужчина, за плату оказывающий интимные услуги женщинам; 2) любовник, находящийся на содержании у женщины; альфонс» [Большой толковый словарь 2009]. При помощи суффикса **-изм** образуются существительные со значением «название качеств и склонностей <...>, представителем которых является лицо, названное нарицательным существительным» [Русская грамматика 1980]: *В целях гигиены, удовольствия и профилактики «бомжизма» вольный путешественник должен регулярно мыться...* (АиФ-НН. 20—26.05.2009). Негативное восприятие денотата и оценочность мотивирующей лексики (*жиголо*) способствуют повышению степени экспрессивности данных окказионализмов. Экспрессия окказионализма *огламуренная* формируется благодаря денотату, вызывающему негативные ассоциации, и благодаря использованию в качестве производящего заимствованной лексики *гламурный* в сочетании с исконными аффиксами: *...Появилась реальная, не сглаженная, не «огламуренная» передача про городскую жизнь, и начались хоть какие-то движения власти навстречу народу* (АиФ-НН. 26.05—01.06.2010); *гламур* — слово, не имеющее четкого определения в русском языке, однако в последнее время сменившее свою мелиоративную коннотацию: «*гламур* — англ. glamour — магическое обаяние, шарм, внешний блеск, лоск» [Толковый словарь 2008: 247] на прямо противоположную, пейоративную: «*гламур* — показная роскошь, демонстративное великолепие; нарочитый шик» [Большой толковый словарь 2009]. В данном контексте *неогламурный* — это «честный, искренний, неложный, демонстрирующий всё без прикрас».

Экспрессивный характер новообразования может быть обусловлен спецификой словообразовательной модели. При образовании глаголов несовершенного вида, мотивированных существительными, с помощью суффикса **-и-** (*Хватит куршевель!*. Глава нашего государства принял решение контролировать зоны отдыха министров и членов кремлевской администрации. Куршевель — популярный горнолыжный курорт во французских Альпах... // Проспект. 10.02.2009) сам аффикс не является маркированным, однако во всех подобных новообразованиях разговорного характера (ср. *истерить*, *звездить*) обнаруживается отрица-

тельно-оценочная экспрессия. В данном случае также негативный смысл идет от мотивирующего имени собственного *Куршевель*, связанного в сознании читателя с оргиями «новых русских» на известном французском курорте. Отрицательной коннотацией обладают модели образования глаголов, имеющих префикс **из-** и постфикс **-сь**, префикс **-за-** и суффикс **-и(ть)**: *В среднем года три-четыре уходит на то, чтоб удерживать их [детей] в русле — чтоб они не **изнаркоманились**, не спились, не ступили на кривую дорожку* (МК в НН. 03—10.12.2008) — значение словообразовательной модели «дойти до нежелательного состояния» [Русская грамматика 1980]; *В общем, в умении **засентиментальить** читателя Панюшкину нет равных* (РР. 08—15.03.2012) — значение словообразовательной модели «наделить тем, что названо мотивирующим существительным в чрезмерно большом количестве» [Русская грамматика 1980].

Очень активно в СМИ образование разных типов сложных слов, «что отражает тенденцию не только к дифференциации явлений, понятий, но и к интеграции междисциплинарных знаний, к поискам целостности в осмыслении мира» [Сулименко 2006: 41].

Оценочный характер сложных новообразований обусловлен семантико-стилистической спецификой производящих слов: ***Теплорейдеры**. В России в последнее десятилетие сформировалась закрытая и элитарная прослойка менеджеров, основной доход которых — так называемые рейдерские захваты. <...> «Теплоэнерго» уже давно готовили к захвату — распиливали на составные части* (НГ в НН. 07.01.2012); *...или останется лишь **обанглюзыченный** средний класс* (СР. 15.12.2011). К сложным примыкают и новообразования с префиксоидами: *Мы получаем **полубандитские** подразделения вместо учащихся, которые как бы заперты социально* (НВ. 20—26.02.2012).

Таким образом, экспрессивность окказионализмов стандартной словообразовательной структуры, созданных узуальными способами, может формироваться благодаря семантико-стилистическим свойствам производящей лексемы и характеру денотата, номинируемого окказионализмом, оценочности аффиксов, а также экспрессивности самой словообразовательной модели.

3.2.2. *Нарушение словообразовательных правил как фактор экспрессивности новообразования*

Экспрессия окказионализмов может создаваться также за счет отклонения от словообразовательной модели или словообразовательного типа. Экспрессия окказионализмов связана с системными семантическими и словообразовательными нарушениями ограничений в сочетаемости морфем. Семантические ограничения проявляются в сочетаемости аффиксов с основами той или иной части речи или семантики [Земская 2009: 204]. Словообразовательные ограничения связаны с невозможностью тех или иных видов производных основ сочетаться с определенными словообразовательными морфемами. Под словообразовательными ограничениями имеется в виду неучастие тех или иных видов производных основ в качестве производящих [Земская 1973: 203].

Усиление экспрессивности новообразований может происходить и за счет нарушения несистемных стилистических ограничений в сочетаемости морфем, которое может проявляться в сочетании стилистически сниженных и книжных морфем, а также в присоединении заимствованного аффикса к исконной основе или, наоборот, исконного аффикса к заимствованной основе.

Таким образом, экспрессивность окказионализма может создаваться благодаря различным структурно-семантическим факторам. Например, оценочность и экспрессивность новообразования возникают при отклонении от словообразовательной модели: «*Икриный самолал*» (НН. 15.01.2008); «*Долевочная рулетка*» (МК в НН. 11—18.11.2009) — используется иной словообразовательный формант, чем тот, который предписывает словообразовательный стандарт (ср.: *икряной, икорный и долево́й*).

При образовании оценочных окказионализмов *советскость* и *исландскость* нарушаются словообразовательные ограничения сочетаемости морфем: относительные прилагательные с суффиксом **-ск-** не образуют абстрактные существительные с суффиксом **-ость** [Русская грамматика 1980]: ...нет никакой *ностальгии по абстрактной «советскости»* (РГ. 10.01.2008); *Когда исландцы возвращаются к своей настоящей исландскости* (Радио России. 12.06.2011).

Экспрессивность окказионализмов может усиливаться в результате присоединения форманта к основе иной части речи, чем определено условиями словообразовательного типа. Отклонение от условий словообразовательного типа в области частеречной принадлежности мотивирующего слова наблюдается в однокоренных новообразованиях *пошустризм*, *пошустристы*, созданных не от глагола, а от наречия *по-шустрому*: *Вот потенциальные призывники и смекнули, что лучше сейчас «по-шустрому» сходить в армию, чем защищать родное Отечество без малого три года. В кругу работников военкоматов вошли в обиход термины «пошустризм» и «пошустристы»* (КП-НН. 07.07.2008). Системное нарушение в области частеречной принадлежности мотивирующего наблюдается и в лексеме *магазининг*, поскольку суффикс присоединяется к имени существительному *магазин*, а не к глагольной основе, согласно словообразовательному типу [Русская грамматика 1980]: *Магазининг по-русски* (Проспект. 15.07.2008).

Расширение синтагматических возможностей в современных масс-медийных средствах наблюдается у многих аффиксов. Так, в последнее время префиксы **анти-**, **контр-** активно сочетаются с аббревиатурами, что свидетельствует о расширении формальных возможностей сочетаемости данных префиксов: *Они вызвали к жизни теорию формирования «восточного Анти-НАТО» — нового военного блока* (НГ. 22.10.2007); *В Уфе начала действовать специально созданная JSQ-программа — бот «Анти-ГАИ»*. Это своеобразный автоинформатор (КП. 18.11.2008).

Расширение синтагматических возможностей данных префиксов может проявляться в их сочетаемости с одушевленными существительными, с именами собственными, с числительными и междометиями: *В большинстве я сейчас играю не очень хороших людей, антимилицонеров и антисоциальных людей* (КП. 25.03.2008); *Как избежать наезда антирейдеров?* (НВ. 11—17.08.2008); *80-е годы, глава «Новых технологий» Окаемов пытается вырастить антихакеров-профессионалов, способных предотвращать технологические преступления* (КП-НН. 30.06.2008); *Олег Табаков по возрасту пенсионер, по духу — антипенсионер* (1-й телеканал. 22.08.2010); *Ему, безусловно, подобает не только всякая слава и поклонение, но и Царство — наперекор всем антиимпериям, антиРимам антихри-*

стова века сего (Завтра. 30.01.2008); *Правые планируют организовать этим летом что-то вроде **анти-Селигера**, которым должен стать скаутский лагерь* (НГ. 07.04.2009); *Координационный комитет движения «**Анти-2004**» расположился в самом центре Афин...* (РГ. 27.08.2004); *...и потом стали кричать «**анти-гоп**»* (КП. 03.05.2007).

Особая словообразовательная семантика возникает у префиксальных новообразований с **анти-** на базе одушевленных собственных имен, потому что в норме эти имена не предполагают развития семантики противоположности. В качестве производящих существительных выступают имена политиков, писателей, актеров, литературных и киногероев и других социально значимых фигур: *Вопрос в том, что и **анти-Пигмалион** может создать **анти-Галатею*** (КП. 01.12.2007); *А корпорация «Сфинкс» вживляет главной героине «вирус **антиВильям**», который заставляет ее тело бояться секса с Вильямом* (НГ. 30.11.2007). В качестве производящей базы может выступать сочетание имени и фамилии: *Дмитрий Аравин показывает свой рязанский патриотизм через свою антипатию к Москве. Он, как **анти-Никита Михалков**, идет, шагает по Москве в толпе москвичей и поет* (НГ. 12.02.2008); *Тактика Антиробингуда: отнимаем деньги у бедных и отдаем богатым. Выделяя деньги олигархам, государство должно заботиться не о них, а о гражданах* (Перспект. 05.11.2008). Экспрессивность окказионализма Антиробингуд создается благодаря тому, что в норме имя собственное не предполагает развития семантики противоположности. Нередко префикс **анти-** присоединяется к потенциальным прилагательным, созданным на базе имен собственных: *«**Антисердюковская интрига**». <...> остается открытым вопрос: кто стал главным инициатором отставки Сердюкова* (<http://newsru.com>, 06.11.2012).

О расширении синтагматических возможностей префикса **супер-** свидетельствует его сочетаемость с именами числительными, а также с именами собственными, поскольку в норме семантика имени числительного не предполагает большей или меньшей степени проявления признака: *Ориентировочно мы назвали этот турнир «**Супер-шесть**». Право участвовать в хоккейной Лиге чемпионов получают чемпионы пяти лучших европейских стран согласно рейтингу* (РГ. 06.02.2004); *...а уж потом все эти*

Куркино, Сити, суперХимки и прочие гордости градостроительной мысли (КП. 09.10.2007); *У России был свой суперПиночет — Сталин* (КП. 11.12.2006); *В программе конкурсы, призы, живая музыка, стриптиз, Дед Мороз, суперСнегурочка. Ресторан-клуб «Викинг»* (КП. 21.11.2007). Новообразование может создаваться на базе сочетания личного имени и фамилии: *За этой Супервазой охотится российский Супер-Джеймс Бонд* (НГ. 15.11.2007). Новообразования на базе личных имен появляются и при участии префикса **гипер-**: *Такой вот гипер-Чехов, только у того всегда присутствуют холод и скепсис, а здесь все одобрено острейшей правой страсти* (НГ. 19.11.2007). В подобных новообразованиях на первый план выступает оценка, часто ироническая, номинируемых реалий. Новообразования с префиксом **ультра-** обычно характеризуются отрицательной оценочностью, иронической коннотацией (*ультрареволюционеры, ультрапатриоты, ультрамини*).

Словообразовательная активность префикса **экс-** также привела к расширению его синтагматического пространства. В качестве исходных слов при создании окказионализмов с данным префиксом могут выступать не только одушевленные, но и неодушевленные существительные, имена собственные, аббревиатуры, прилагательные, субстантивированные прилагательные и причастия, числительные в функции качественных прилагательных, словосочетания: *Даже президенты с приставкой «экс» от своих «экс»-привычек не скоро избавляются* (КП. 06—13.12.2007); *При советской власти первым новосёлом в экс-Сенате стал Ленин — его рабочий кабинет был на третьем этаже* (КП-НН. 13—20.03.2008); *Своими глазами видел раздел в одной из букинистических лавок экс-Свердловска* (Завтра. 2009. № 81); *экс-СССР; экс-полицейский; экс-больной; экс-«Блестящая»; А экс-коммунистические депутаты Селезнев, Горячева, Драпеко сделали шаг назад* (Завтра. 2007. № 42). В современном русском языке префикс **экс-** сочетается с основой существительных, обозначающих какой-либо титул или государственную должность. Значение словообразовательного типа, указанное в «Русской грамматике» (1980), следующее: «прежде бывший тем, кто назван мотивирующим словом». Словообразовательная норма нарушается и в случае присоединения префикса не к отдельному слову, а к

целому устойчивому сочетанию слов, представляющих собой неоднословную номинацию: *Экс-первую леди Франции Сесиль Саркози явно не слишком расстроила женитьба бывшего мужа* (РГ. 07.02.2008); *Согласие Платона Еленина (экс-Борис Березовский) и Ахмеда Закаева сотрудничать с Генпрокураторой РФ по «делу Литвиненко» расценивается как серьезный шаг* (Завтра. 2007. № 12); *И в этом рассказе бывшая «газовая принцесса» и экс-«королева Майдана» с ее ультрапопулистскими лозунгами на время просто перестала быть актуальной* (Завтра. 2006. № 24); *...на похвалы сегодня не скупится ни сама экс-«первая леди Америки», ни представители штаба демократической партии* (Завтра. 2006. № 24); *...экс-генеральный секретарь СРП Александр Вучич* (Завтра. 2008. № 52); *Весь год ведущая программы «Спокойной ночи, малыши!» экс-«Мисс Вселенная» Оксана Фёдорова выходила в свет с тенором Николаем Басковым* (КП-НН. 24.12.2009). В новообразованиях, характеризующих лицо по степени родства или близости отношений, префикс **экс-** может приобретать негативную оценочность: *В отличие от экс-супруги Диброва, Полина решила, что карьера подождет, а дети — нет* (Собеседник. 2009. № 12).

В случае новообразований с префиксом **псевдо-** в роли производящих (мотивирующих) слов нередко выступают имена собственные — названия разного рода реалий и лиц: **псевдо-«Милдронат»** (РГ. 07.04.2009) — название поддельного лекарства; **псевдо-«Рефлекс»** (ЭГ. 10.10.2007) — название поп-группы, использующей чужой бренд; *Это курс на возрождение не псевдо-России, какой наша Родина была с 17-го по 91-й год в оболочке Советского Союза, а настоящей России* (РГ. 20.01.2008); *В финале фестиваля «НаМОДнение-2008» «зажигал» псевдо-Билан* (КП. 15.04.2008). Производящей базой может быть и сочетание имени и фамилии: *На сцене разрывается псевдо-Верка Сердючка* (РГ. 13.05.2004); *Когда псевдо-александрымакедонские что-то там в Индийском океане мочить собирались* (НГ. 11.09.2008).

О расширении синтагматических возможностей префиксов **псевдо-**, **квази-** свидетельствует и их сочетаемость с аббревиатурами: *Трехмесячный период, на который может быть введено псевдо-ЧП, не так уж мал* (НГ. 04.07.2008); *В независимом Турк-*

менистане, по данным местных наблюдателей, помимо **квази-НПО** советского типа, занимающихся женской, ветеранской, молодежной проблематикой и охраной природы, почти нет независимых НПО (РГ. 16.04.2007).

Расширение синтагматических возможностей аббревиатур наблюдается при их включении в состав сложных дериватов в препозитивной части: *На официальной разрешенной сцене многочисленный и мощный, как хор МВД, СМИ-ансамбль поклонников главы региона* (НГ в НН. 23.01.2009); *Официальный старт ЕГЭ-марафону по всей стране был дан в пятницу, 27 мая. В этот день школьники сдавали экзамены по выбору* (НД. 02—08.06.2011). Также нарушаются системные условия словообразовательного типа в случае присоединения префиксоида **лже-** к аббревиатуре: *ТСЖ (Товарищество собственников жилья): Поправки в Жилищный кодекс усилят роль жилищных инспекций... Вопрос для Нижнего Новгорода архиважный, ведь в прошлом году по городу прокатилась волна создания лже-ТСЖ и фирм-однодневок, которые вводили в заблуждение жителей* (КП-НН. 15.02.2011).

К нарушениям семантических условий словообразовательного типа следует отнести случаи образования окказионализмов на базе исходных слов, принадлежащих к лексико-грамматическим разрядам, для которых такая модель словообразования в норме не свойственна.

Исследователи отмечают, что «новые социально значимые процессы относительно активно именуется существительными на **-изация**, имеющими значение ‘наделение тем или свойствами того, что обозначает базовая основа’: *компьютеризация, витаминизация, паспортизация...* Каждое новое общественно важное событие порождает отвлеченное имя на **-изация**: *социализация, суверенизация республик* [Земская 1996: 109]. Отклонение от словообразовательного типа чаще всего в подобных окказиональных образованиях связано с характером производящей основы — именем собственным вместо нарицательного: *Главная площадь Львова. Пышное старинное здание, где находится скандально известный кабачок «Криивка» (так называли партизанские землянки, в которых укрывались бандеровцы) <...>. Владельцы кабака чутко уловили модную тенденцию — повальную «бандеризацию» всей Западной Украины от мала до велика* (КП-НН.

29.07.2008). Мотивирующим является оним — фамилия одного из лидеров и идеологов организации украинских националистов *Бандера*.

Лексема *скандбол* образована сложением с аффиксоидным элементом **-бол** со значением ‘спортивная игра с мячом, особенность которой указана в слове ранее’ [Козулина 2009: 43] (ср. *футбол, волейбол, баскетбол* и др.): В *Европе играют в скандбол... Результаты целого ряда еврокубковых матчей попали под подозрение: все ли чисто?* (МК в НН. 15—22.04.2009). Подтверждением системных нарушений данного новообразования может служить тот факт, что при помощи аффиксоида **-бол** образуются исключительно названия видов спорта с мячом. В данном контексте новообразование *скандбол* обладает значением ‘игра в скандалы’.

Повышение экспрессивности новообразований происходит и за счет нарушения стилистических ограничений в сочетаемости морфем: *Вариант телефонного мошенничества с участием «псевдородственников» с успехом проворачивается уже не первый год!* (Перспект. 19.01.2010); *Сара стала суперстарой. Джессика Паркер уступает место в «Большом городе» юной актрисе* (Перспект. 22.02.2011) — заимствованные префиксы присоединяются к исконным по происхождению основам; *Предреальность* (НП. 23.10.2010) — исконный префикс присоединяется к заимствованной по происхождению основе; *Псевдоблатная романтика* (МК в НН. 25.02—4.03.2009) — книжный префикс присоединяется к основе разговорного характера.

Как можно заметить, довольно часто экспрессия окказиональных слов формируется благодаря сочетанию различных факторов. Так и экспрессивность окказиональной единицы *шоу-изация* создается путем нарушения закономерностей сочетания морфем (сочетание нескольких гласных нехарактерно для русского языка), а также сама семантика существительного *шоу* способствует приобретению дополнительной коннотации новообразованием: *К сожалению, страна погрузилась в повальную шоу-изацию. Везде сплошные шоу* (АиФ-НН. 22—28.12.2010).

Прилагательное *недоэротическое* (...*Агния [Дитковските] с Ромой [Кенга] сняли симпатичное недоэротическое музыкальное видео, чем породили ложные слухи о своем романе* // МК в НН. 27.01—03.02.2010) образовано префиксальным способом путем

присоединения продуктивного префикса **недо-** со значением ‘не в полной мере наделенный тем или не в полной мере являющийся тем, что названо мотивирующим словом’ [Русская грамматика 1980], которое уже придает определенную экспрессию слову. Помимо этого фактора, экспрессия создается за счет системного нарушения — нарушения условий словообразовательного типа (обычно префикс **недо-** присоединяется либо к имени существительному, либо к глаголу) и нарушения стилистической сочетаемости морфем: к заимствованному корню прибавляется исконный по происхождению префикс.

Окказионализмы, созданные с отклонениями от условий словообразовательного типа, выполняют не только экспрессивную, но и номинативную функцию, а также являются средством языковой игры.

3.2.3. Словотворчество в медийных текстах как проявление языковой игры

В целом экспрессия новообразований связана с усилением личностного начала. Возрастание личностного начала проявляется и в усилении игровой составляющей в текстах современных российских СМИ. Ученые рассматривают развлекательность как способ оптимизации воздействия на получателя информации и как одну из ключевых ценностей массовой культуры: «В современном постиндустриальном обществе возрастает игровая составляющая в разных видах социальной практики» [Карасик 2011: 20]. Языковая игра широко представлена в текстах СМИ на всех уровнях языка. Однако именно словообразовательная игра является наиболее репрезентативной разновидностью языковой игры. «На рубеже XX—XXI вв. словообразовательная игра получает широкое распространение в языке СМИ, что является принципиально новым явлением для русского языка. Экспрессия, по мнению исследователей языка СМИ, побеждает стандарт, и немаловажную роль в этом играет словообразовательная игра» [Ильясова 2009: 125]. Словообразовательная игра тесно связана с понятием индивидуального словообразования, поскольку последнее понимается как «выражение индивидуальности сред-

ством словообразования. Индивидуальный характер словообразования лежит в основе словообразовательной игры, так как словообразовательная игра есть проявление речетворчества» [Ильясова 2002: 4].

Ярким экспрессивно-оценочным средством являются окказиональные способы словообразования и новообразования нетиповой структуры. Одним из самых распространенных игровых словообразовательных способов является заменительная деривация, при которой в узуальных словах заменяется та или иная морфема. Замена корневой части наблюдается в следующих окказионализмах: *Громкокричатели* и *карманозасорители*. *Куда устроиться работать?* (МК в НН. 09—16.09.2009) — ср. исходное *громкоговорители*; *Металломечтатель*. *Почему бывший владелец металлургического холдинга скрывает правду?* (АиФ-НН. 09—15.02.2011) — ср. исходное *металлоискатель*; *Сплошная евро-трепка*. *Украина обещает гостям футбольного чемпионата Европы-2012 скоростные дороги и дорогие отели* (МК. 30.05.2012) — ср. исходное *нервотрепка*; *Вместо «главноуговаривающего» нужен «главноотвечающий»*. *Есть благие намерения, но нет возможности поддержать сельхозпроизводителя. <...>. В своей деятельности министр <...> публично выступает в роли «главноуспокаивающего»*. *Мол, все было у нас хорошо, да вдруг цены на удобрение и дизельное топливо поднялись, но все равно село будет жить. Нет четкой линии у министра Седова* (ЛС. 04—10.09.2008). На основе узуальной лексемы *главнокомандующий* создается сразу три окказионализма: «*главноуговаривающий*», «*главноотвечающий*», «*главноуспокаивающий*», характеризующих деятельность министра Леонида Седова с разных сторон. Менее частотны случаи с заменой префикса: *Поухавише*. *Эмиграция в развитые страны стабилизировалась* (РР. 12.07.2012) — ср. *понаехавише*.

Ярким проявлением языковой игры в медийных текстах становятся разного рода словообразовательные и графические гибриды, которые представляют собой синтез узуальных слов с возможным совмещением формально тождественных частей: *Воровать мобильники теперь — ГИБДДное дело* (ЛС. 28.02.2008) ← *ГИБДД* + *гиблый*; *У Сергея Мавроди проблеМММы* — на него снова завели дело (КП. 12.05.2012) ← *проблемы* + *МММ*; *МММимо кассы*. *У финансовых пирамид открылось второе дыхание. Почему*

нельзя верить обещаниям получения «быстрых денег»? (Телесемь. 30.03—19.04.2012) ← МММ + мимо; ...*Иосиф Виссарионович* <...> тоже всегда всем помогал. И всегда по просьбе трудящихся. Правда, при этом не был таким деньгохлёбом, как сегодняшние **СШАкалы** (Огонек. 13.02.2012) ← США + шакалы; Установлена причина «мамнезии». Многие будущие матери жалуются на ухудшенные кратковременной памяти (НВ. 06.03.2013) ← мама + амнезия.

В словообразовательных гибридах возможны формальные замены графем при контаминации: *Иван Лебедев* — в прошлом психиатр и кандидат медицинских наук — создал виртуальный музей под названием «**Старинизм**». Его нисколько не смущает, что название явно созвучно с эпохой, одиозность которой еще помнят (РГ. 10.01.2008) ← старый + сталинизм; *Не абайдется* <...>. Покидая Абая, оппозиционеры не забыли прихватить с собой мусор (НВ. 21—27.05.2012) ← Абай + (не) обойдетя; **Напортачили**. К чему приведет новый закон о политических партиях? (НВ. 09—15.04.2012) ← напортачили + партия; **Навождение**. Уйдет ли Геннадий Зюганов с поста лидера КПРФ? (НВ. 16—23.04.2012) ← наваждение + вождь; **Погазное** хамство <...>. Водители торопятся, не боятся последствий и давят на газ (НВ. 21—26.05.2012) ← показное + газ; **Броневи́п**. Audi A8 Long Security — люксовый броневик для тех, кто может позволить себе все, кроме бессмертия (РР. 04.07.2012) ← броневик + ви́п; **Отсрочить драхмагеддон**. В Греции победили сторонники экономики (РР. 18.06.2012) ← драма + Армагеддон; **Киприотизм**. России пора-таки встать с колен (МК. 03—10.04.2013) ← Кипр + патриотизм; **Сколко можно?** На минувшей неделе грянул очередной скандал вокруг фонда «Сколково» (НВ. 22.04.2013) ← сколько + Сколково.

В графических гибридах выделяется прописными буквами часть, формально совпадающая с узуальным словом: **ПоТРЯСение** в Холодном. В редакцию «АиФ-НН» обратились жители дома № 8 в переулке Холодном, в пяти метрах от которого ведется стройка <...>. В результате в доме № 8 ощущение такое, что началось землетрясение (АиФ-НН. 2007. № 50); **Народ ПРОтив**. В день приезда в Прагу госсекретаря США Кондолизы Райс активисты «Гринпис», протестующие против строительства американского радара в Чехии, развернули на холме над городом большой плакат с надписью «Не делайте нас мишенью» (РГ. 10.07.2008);

ФЕНОМЕНальный след. Тридцать два года собирал досье на Вольфа Мессинга следователь по особо важным делам (РГ. 26.11.2009); **ОЧЕРЕДЬной** ажиотаж. Автолюбители томятся в ожидании. Нижний Новгород стал вторым городом после Москвы по активности сдачи автохлама в утиль (АиФ-НН. 28.04—04.05.2010); **ПропеСОЧИли** Канаду? <...> Перед Билялетдиновым поставлена амбициозная задача — создать сборную, способную меньше чем через два года взять у Канады реванш за Ванкувер-2010 и выиграть домашнюю Олимпиаду в Сочи-2014 (КП. 03—10.05.2012); **СУМА-шествие!** Сумка — вещь бесценная: она может изменить наш образ до неузнаваемости (Телесемь. 03.2012).

В некоторых графических гибридах возможны формальные несовпадения выделенной и исходной частей: *Нижегородцы показали «реаль,-ную» игру. 6 июня 2010 года в Москве прошел финал ежегодного Детского Кубка по футболу, проходящего под патронатом сети гипермаркетов «real,-»* (АиФ-НН. 16—22.06.2010) ← *real,- + реальный*; **ПарацетамОР.** Когда лечить грипп и простуду смертельно опасно (АиФ. 2011. № 7) ← *парацетамол + мор*; **ШАКИРАющая** Брежнева <...>. Вера Брежнева, носящая титул секс-символа российской эстрады, и одна из главных латино-американских красоток мирового шоу-бизнеса Шакира с разницей в один день будут отмечать круглые даты (КП. 02—09.09.2012) ← *Шакира + шокирующая*.

Подобные гибридные конструкты являются не только экспрессивно-оценочным средством, но и следствием, результатом языковой игры как креативной составляющей современной журналистской практики.

Ярким оценочно-игровым средством являются новообразования на базе прецедентных текстов, использование которых «неизменно привлекает внимание получателя информации к данной языковой единице и одновременно актуализирует соответствующий культурный контекст, в результате чего адресат активизирует в своем сознании определенные знания, связанные с введенной в новый контекст языковой единицей, — так называемые фоновые знания. Именно фоновое знание, связанное с актуализируемыми языковыми единицами, придает культурно значимую маркированность смыслу нового текста, в котором

они употребляются» [Саломатина 2009: 67]. Под прецедентными текстами (термин Ю.Н. Караулова) понимаются «потенциально автономные смысловые блоки речевого произведения, актуализирующие значимую для автора фоновую информацию и апеллирующие к “культурной памяти” читателя» [Стилистический энциклопедический словарь 2006: 107]. Как отмечает Е.А. Земская, к прецедентным текстам относятся «стихотворные и прозаические цитаты, названия художественных произведений, кинофильмов, пословицы и поговорки, устойчивые выражения, политические лозунги разных эпох, ходячие цитаты из произведений марксизма-ленинизма, библейские выражения» [Земская 1996: 159].

Одним из самых частотных вариантов использования прецедентного текста в масс-медиа является создание новообразований на базе устойчивых выражений: *Пермудский треугольник... В Пермской области находится знаменитая среди уфологов всего мира аномальная зона — Молебский треугольник* (НД. 24.12.2009) ← *Пермь + бермудский*, ср. *бермудский треугольник*; *Телячьи снежности. 23 декабря в Нижегородской области наконец-то выпал первый снег* (НД. 25—29.12.2009) ← *снег + нежности*, ср. *телячьи нежности*.

Новообразование заменяет узуальное слово в составе устойчивого словосочетания и при этом обычно имеет гибридный характер: *Лободиная песня* <...>. *Светлана Лобода — участница «Евровидения» от Украины, считается одной из главных конкуренток нашей Анастасии Приходько* (НД. 23—29.04.2009) ← *Лобода + лебединая (песня)*; *Зарубли себе на носу* <...>. *Эксперты по личным финансам сетуют на то, что при малейшем колебании курса рубля или доллара россияне в панике несутся в банки обменивать валюту. Делать этого не надо* (НД. 07.10.2010) ← *заруби (себе на носу) + рубли*; *Не левом единым. Внесистемные социалисты объединяются в единую альтернативу КПРФ* (НВ. 13—19.02.2012) ← *левый + (не) хлебом (единым)*; *Паспортивный интерес. На выборах Президента России украинские спецслужбы выявляли лиц с двойным гражданством* (НВ. 19.03.2012) ← *паспорт + спортивный (интерес)*; *Крутой замяс. Чего в шашлыке больше — пользы или вреда* (НД. 17—23.05.2012) ← *(крутой) замес + мясо*; *Шагом*

Ари! Наталья Грачева о поражении нашей сборной на Евро-2012 (КП. 19.06.2012) ← *Аршавин* + (*шагом*) *марш*.

Окказиональные слова активно создаются на базе пословиц, поговорок и скороговорок. Так, в поговорку *Утро вечера мудренее* включается окказионализм *бодунее* — прилагательное в сравнительной степени, образованное по конкретному образцу: *Утро вечера бодунее* (Проспект. 19.01.2010). Известная скороговорка *Корабли лавировали, лавировали, да не вылавировали* стала источником для новообразования: *Валоризировали, валоризировали, да не вывалоризировали. Валоризация, широко разрекламированная правительством РФ в начале этого года, военных не коснулась* (ЛС. 25.02.2010). Поговорка *Поспешишь — людей насмешишь* создает фоновый контекст для новообразования *нанолапти*: *Поспешишь — создашь «нанолапти»... Если мы будем научные разработки сразу скрещивать с бизнесом, в лучшем случае мы сделаем какие-то «нанолапти» или что-то в этом роде* (АиФ-НН. 10—16.02.2010).

Экспрессия новообразования *клоуново* усиливается благодаря использованию прецедентного текста — библейской фразы *Кесарю — кесарево, а Богу — Богово: Так или иначе, но полный, тотальный, глобальный, абсолютный провал триллера «Камень» с участием народного любимца Сергея Светлакова указывает на то, что клоуну — клоуново* (Собеседник. 2012. № 6).

Окказионализмы создаются также на базе названий известных песен и цитат из них. Так возник и окказионализм *журналията*: *Журналията учатся писать* (НП. 13.01.2011) — ср. «Орлята учатся летать», где узуальное *орлята* явилось конкретным образцом. На базе названий фильмов созданы гибридные окказионализмы *СМСтители, усынится, фальшизм: Неуловимые СМСтители* (НД. 21—27.06.2012) ← *СМС* + (*неуловимые*) *мстители*, ср. «Неуловимые мстители»; *Вам и не усынится* (НВ. 20—26.02.2012) ← *усыновить* + (*Вам и не*) *снится*, ср. «Вам и не снилось»; *Обыкновенный фальшизм. В Германии показали фильм о советских насильниках, польских антисемитах и украинских садистах* (РГ. 08.05.2013) ← *фальшивый* + *фашизм*, ср. фильм М. Ромма «Обыкновенный фашизм».

Таким образом, умелое использование журналистами прецедентных феноменов в процессе словотворчества способствует акцентированию внимания читателя на актуальных обществен-

ных проблемах, актуализирует имеющиеся у читателя культурологические знания и лингвистические представления о связях языковых единиц и расширяет образовательное пространство в современном обществе.

3.2.4. Новообразования в СМИ как проявление речевой агрессии

Вместе с тем ученые не всегда приветствуют подобные словообразовательные эксперименты. «Прагматически неизбежное перенесение внимания на коммуникативный аспект речевого действия привело к разрушению традиционных форм и формул русской речи, пропитанных символическими и образными значениями, что, в свою очередь, вызвало процесс «вестернизации» — бессмысленного заимствования иностранных слов, включения вульгарной и грубой лексики...» [Колесов 1999: 260]: *Борьба с КЭШельком. В России могут повысить комиссии за обработку наличных платежей* (НИ. 28.03.2012) — английская лексема *cash* как синоним существующего русского термина *наличные деньги*.

Отмечаемая исследователями «установка на развлекательность в массовой культуре отражает одну из важнейших норм этой культуры — нравственный релятивизм, отсутствие важнейших моральных ориентиров “добро” и “зло”. Этические категории замещаются утилитарно-гедонистической интенцией получения удовольствия» [Карасик 2011: 30]. «Средства массовой информации неустанно культивируют праздничное, приподнятое настроение аудитории» [Романенко 2009: 273].

Существенное значение для современных российских СМИ приобретает понятие суггестивности, под которой понимается процесс воздействия на психику адресата, на его чувства, волю и разум, связанный со снижением сознательности, аналитичности и критичности при восприятии внушаемой информации и ее вербального оформления. В манипулятивных целях при воздействии на реципиента журналистами используются «моральное подавление», агрессивные высказывания [Олешков 2008: 78].

В игровых новообразованиях современных медийных текстов наблюдается доминирование игровой составляющей либо преобладание негативной оценки.

Новообразования с негативной экспрессией нередко граничат с речевой агрессией. Так, национальный компонент речевой агрессии присутствует в новообразовании *Москвabad*, содержащем элемент **-bad** среднеазиатских топонимов (*Ашхабад*, *Исламабад* и др.): *Мигранты из Киргизии и Узбекистана устроили массовую драку на Олимпийском проспекте столицы. В полицию были доставлены 79 участников драки. После профилактической беседы всех отпустили <...>. И куда отпустили? Обрати в **Москвabad**?* (Собеседник. 2012. № 19); *Узбеиное лечение. Оказание медицинской помощи нелегальным мигрантам обходится казне в миллиарды рублей* (НВ. 25.02.2013)← *узбеки + успешное*. Известный фразеологизм *козел отпущения* послужил источником оскорбительно-негативной оценки политической деятельности бывшего президента Франции: *Саркозёл отпущения. Николя Саркози проиграл президентские выборы во Франции* (Завтра. 2012. № 20). В последнем примере речь идет о Николя Саркози, который был президентом Франции в период 2007—2012 гг. В 2008 г. по инициативе Н. Саркози была проведена самая масштабная реформа Конституции Французской республики 1958 г.

«В молодежной, а затем и в массовой среде распространился стeb, сначала как выражение иронии, а затем как специфический подстиль речевого поведения, как лингвокультурное социально-групповое явление» [Романенко 2009: 274]. Так, журналисты не учитывают морально-нравственных ограничений при создании иронического заголовка: «*Сухой*» *супержертв. В катастрофе «надежды отечественного авиaproма» Россия понесла не только человеческие, но и огромные политические, экономические и имиджевые потери* (МК. 11.05.2012).

Отмечаемые исследователями в текстах современных СМИ ерничество, стeb, приколизм «с его подчеркнутой абсурдностью, насмешкой над здравым смыслом» [Карасик 2011: 31—32] под скрытой маской лукавой иронии носят подчас циничный, издевательский, оскорбительный характер; ср. новообразование в заголовке «**Ургантвагонзавод**», созданное в результате замены первой части *Урал-* узуального *Уралвагонзавод* на фамилию популярного телеведущего: *Невиданная дерзость Первого канала: Иван Ургант в своем ночном шоу начал откликаться на актуальные*

политические события. И даже по примеру «Гражданина поэта» иногда переходит на стихи <...>. Ургант выглядел очень довольным, зачитывая вирши под названием «Письмо рабочих Уралвагонзавода» и явно ощущая себя фрондером <...>. А бедный Ургант — ни там ни сям. Его «фиги в кармане» непонятны традиционной телевизионной аудитории, ждущей от «ящика» чистой развлекухи, и слишком осторожны и убоги для аудитории, приобщившейся к подлинной политической сатире «Гражданина поэта» (НГ. 25.05.2012).

Таким образом, «если повышение экспрессивности и, следовательно, выразительности современных газетных текстов можно рассматривать как безусловно положительное явление, то обратной стороной этого процесса является ставшее приметой времени нарушение этических норм, проявляющееся в манипулятивном использовании языковых средств, в циничности, вульгарности, повышенной инвективности и агрессивности газетного текста» [Сковородников 2004: 301].

Средством негативной оценки, граничащей с речевой агрессией, нередко становятся новообразования сленгового характера на базе сниженной, разговорной, просторечной и жаргонной лексики: — *А там вообще девушки бывают, в рэпперской среде? — Да, потому что, в отличие от попсовиков, там процент гомосеятины очень низок* (Из интервью с А. Троицким // *Собеседник*. 2012. № 4); *Какова мировая функция Соединенных Штатов? Это мировой потребитель, это — жрала такая, хрухру-хру. Она вот все жрет* (Огонек. 13.02.2012). Сниженные лексемы нередко выступают в окказиональных гибридах в качестве мотивирующих: **Профокали**. *Жители Сормовского района протестуют против строительства ФОКа* (НД. 07—13.04.2011) — прост. *профукать*; **Забыковали**. *Как главный тренер нашей хоккейной сборной* (Вячеслав Быков. — Авт.) *привел ее к провалу* (НД. 19—25.05.2011) — жарг. *быковать*; **Зашибись!** *Как правильно выбрать шубу* (НД. 19—25.11.2009) — жарг. *зашибись*; **Если бриться вЛОМ**. *Нижегородские художники нашли свой способ борьбы со щетиной... Бриться ломом под силу только настоящему художнику* (Перспект. 07.04.2009) — жарг. *влом*.

Самая интенсивная негативная оценка окказионального слова усиливается за счет переключки с узуальными словами и выражениями инвективного, обценного характера: *Им платили*

за скандал, на скандал были заточены их перья. Один из этих «младозасранцев», как их иногда именуют на манер младогегельянцев, вызнал из мхатовских кулуаров, что Ефремов оступился, упал, сломал ребро. Немедленно появился газетный отклик: «Прыг-скок и в больницу». Это незадолго до смерти крупнейшего актера (РГ. 26.06.2008); *Полный Джигурдец! На съемках передачи «Кто здесь звезда? Идеальное интервью» скандальный актер* (Никита Джигурда — российский актёр, сценарист, режиссёр, исполнитель песен. В настоящее время известен своим эпатажным поведением в различных передачах, скандальными интернет-роликами. — Авт.) *для начала предложил выпить ведущему по 100 грамм, а затем в подробностях рассказал про «мужскую булаву»* (КП-НН. 25.02.2011); *Армагеддец! Человечеству опять конец? Мир ожидает «сбычи» калифорнийского пророчества* (НН. 18.05.2011); *ТРЕНДец! Нижегородские стилисты рассказывают о модных тенденциях этого сезона* (Проспект. 14.06.2011); *Здесь он* (Жерар Депардьё — французский киноактёр. В России считается одним из самых популярных и любимых актёров. Помимо французского, имеет российское гражданство с 2013 года. — Авт.) *станет своим в доску, станет гостем на всех кремлёвских банкетах, научится называть друзей уменьшительными именами <...>. И ему, конечно, тоже дадут удобное, простое и понятное имя — начало от Жерара + конец от Депардьё — получится **Жепардьё**, а ласково **Жена*** (МК. 10.01.2013); о речевой агрессии в данном случае см. [Ращибуурская, Самыличева, 2013].

Переключка с инвективными лексемами усиливает речевую агрессию, и особенно шокируют читателя новообразования, вызывающие ассоциации с обценной лексикой. Вряд ли допустимо использование в медийных текстах обценной лексики даже в речи персонажей: *И вот он побежал с проводами — связь потащил, а его немецкий снайпер сразу же **схреничил*** (из интервью с фронтовиком // КП. 02.05.2012).

В последнее время в связи с проблемой речевой агрессии ученые говорят о зонах рисков в общении: «Это и социальные риски (конфронтация социальных слоев населения, конкретных социальных групп, их представителей), и профессиональные риски, и риски внутрисемейных отношений и т.д. В процессе коммуникации все эти риски сводятся к двум: непонима-

ние друг друга (в том числе неправильное понимание) и прямое нарушение законов успешной коммуникации (оскорбление, унижение собеседника). И то и другое как мешающее нормальному общению непродуктивно, в этих случаях коммуниканты не могут ни преодолеть, ни предупредить грозящий риск. А это необходимое условие успеха коммуникации как межличностной, так и массовой» [Сиротина 2012: 5]. Поскольку «риск непонимания возрастает по мере убывания общности апперцепционной базы» [Сиротина 2012: 6], то своего максимума он достигает в средствах массовой коммуникации.

Как отмечают исследователи, «в наше время проблема соблюдения требований к качеству информации не утратила актуальности. Тиражируемая СМИ информация часто бывает недостоверной, слишком субъективной, неопределенной, неполной и далеко не всегда полезной и интересной для массового адресата. К тому же широка зона скандальности, сенсационности, характерная для сегодняшних СМИ, особенно информационных выпусков. Апокалиптический взгляд на мировые события действует на читателя угнетающе» [Кормилицына 2012: 15].

В подобной подаче информации ученые видят «удобный способ манипуляции читателем, стремление или уйти от прямой оценки, или просто скрыть какую-то важную информацию, или намеренно ее исказить» [Кормилицына 2012: 15]. Такое навязывание миропонимания «может приводить к рискам во взаимодействии СМИ с потребителями информации — массовой аудиторией, вызывать недоверие к сообщаемому и увеличивать пропасть между властью и обществом» [Кормилицына 2012: 16].

Таким образом, чрезмерное стремление к экспрессивному «словомейкерству» не всегда уместно и не всегда положительно отражается на впечатлении адресата о статье. При создании нового «эффектного» слова журналист всегда должен знать меру и считаться не только с юридическими, но и с нравственными законами.

Новообразования, окказиональные слова не только раскрывают сущность процессов современного русского языка, выявляют, какие события и факты являются релевантными для общества, но и служат средством экспрессивизации, выразительности текста. «Словообразование тем самым является силь-

ным средством экспрессивизации текста, способствуя не только актуализации его отдельных фрагментов, но и усилению субъективного, авторского начала в современных средствах массовой информации» [Рацибурская 2003: 124].

Эмоционально-оценочные средства способствуют психологизации речи, делают речь живой, максимально отражая чувства человека в разные периоды жизни. Выбор словообразовательно маркированных средств субъективной оценки никогда не является случайным и тем более хаотичным. Он носит системный характер, давая представление о мировидении, мироощущении и миросозерцании народа, раскрывая его способность видения и понимания окружающих предметов и вещей.

3.3. Функции заголовочных новообразований в медийных текстах

Важным аспектом анализа особенностей словотворчества в современных СМИ представляется рассмотрение специфики заголовочных новообразований. Включение окказиональных слов в заголовок имеет под собой серьезные основания, заключающиеся в возможности влиять на выполнение заголовком тех или иных функций, и является вполне закономерным.

Одновременно заголовочные новообразования находятся в тесной связи не только с функциями заглавия, но и с требованиями, предъявляемыми к нему (быть понятным, выразительным и кратким), а потому обнаруживают ряд специфических черт по сравнению с окказионализмами текстовыми, употребляемыми непосредственно в текстах публикаций. Так, для заголовочных новообразований более актуальной, чем для окказионализмов в тексте публикации, является проблема адекватного истолкования читателем, степень информативности: заголовок, как правило, не поясняет новообразование, расшифровка окказионализма во многом базируется на анализе его структуры. Заголовочные новообразования могут иметь определяющее значение в процессе отбора публикаций читателем. Напротив, «текстовые» окказиональные слова не несут такой серьезной прагматической нагрузки: их наличие, хотя и повышает выразительность текста

в целом, всё же не оказывает существенного влияния на возможность выбора читателем того или иного материала для прочтения.

Изучение специфики окказиональных слов, включенных в газетный заголовок, требует рассмотрения функций самого заголовка и определения функций, выполняемых в нем новообразованиями.

Ситуация, в которой существуют современные печатные издания, определяется рядом важных факторов. Во-первых, имеет место высокий уровень конкуренции с другими средствами массовой информации. Во-вторых, наблюдается ежегодный рост количества газет, что приводит к обострению внутренней конкуренции. В-третьих, дефицит времени и обилие информации в окружающем человека мире делают читательское восприятие очень избирательным, вследствие чего вероятность прочтения всех материалов в рамках одного номера существенно снижается. Это вынуждает журналистов искать всё новые и новые средства привлечения внимания аудитории, в том числе и посредством заголовков, поскольку именно с них начинается знакомство читателя с газетой, более того, у многих чтение газет сводится лишь к чтению заголовков. Приведенные факты свидетельствуют о том огромном значении, которое имеют заглавия в современной прессе.

Заглавие предшествует тексту и графически, и в читательском восприятии, поэтому оно формирует установку на понимание. Это позволяет говорить об особой семантической нагрузке заголовка. «Заголовок в газете, в отличие от названий радио- и телепередач, — единица коммуникативная, он кратко информирует читателя о содержании газетного материала, осведомляет о значении, характере и степени важности событий, отразившихся на страницах газеты. По заголовку статьи можно судить об отношении автора к описываемым событиям» [Сафонов 1981: 205]. Заголовки служат инструментом интерпретации текста, «это своего рода изобретение, которое, как ключ, открывает весь последующий текст» [Кожина 1984: 26].

Кроме того, из заголовков можно почерпнуть информацию о самом издании и его аудитории, ведь при создании каждого номера журналисты ориентируются на читателя, учитывают его предпочтения и интересы: «...во всяком тексте ориентация на

его предстоящее воздействие требует учета партнера коммуникации, предполагаемого или реального: его опыта, уровня знаний, эмоционального состояния, мотивационной направленности и т.п.» [Новиков 1982: 11].

Вопрос о функциях заголовка является дискуссионным. Одинаково понимая сущность заглавия, исследователи всё же расходятся во мнении относительно конкретных функций, выполняемых заголовком в газетном тексте, их характера и взаимодействия. Поскольку заголовок называет текст, содержит определенную информацию о нем, создается для привлечения читательского внимания и отделения газетных публикаций друг от друга, представляется целесообразным рассматривать следующие функции как наиболее существенные: выделительную, номинативную, информативную и прагматическую.

Выделительная функция заключается в отделении газетных материалов друг от друга, а также в выделении текста из окружающего контекста. Выполнение этой функции достигается с помощью шрифтовых выделений (включая цвет и размер шрифта), приемов верстки (размещение материалов на газетной полосе), т.е. неязыковыми средствами. По мнению исследователей, «форма заголовка активизирует произвольное внимание читателя, которое не требует волевых усилий. Произвольное внимание сменяется произвольным, направленным, контролируемым сознанием. Тогда читатель обращается к языковому оформлению заголовка» [Лазарева 1989: 69].

Номинативная функция состоит в том, что заголовок называет текст, «выступает как кодовое обозначение текста» [Хаззагеров 1984: 12]. Номинативная функция, как отмечается, является исходной функцией заголовков: «Номинативная функция — это онтологическая, исходная функция заглавия» [Попов 1966: 96].

Информативная функция заголовков — отражение ими того, о чем говорится в публикации. Передача информации может принимать разные формы и осуществляться с разной степенью развернутости. Иными словами, заголовок может быть более или менее информативным, и чем выше информативность заглавия, тем более независимым от конкретной публикации оно становится, превращаясь «как бы в отдельный газетный “материал”, в особое газетное высказывание» [Попов 1966: 98].

Прагматическая функция связана с «непосредственным воздействием на адресата с тем, чтобы заставить его склониться к тому или иному мнению в отношении сообщаемой информации» [Долгирева 2002: 40], с выработкой у него каких-либо стереотипов, норм. Прагматическая функция реализует стремление автора управлять процессом восприятия адресатом газетных материалов. Прагматическая функция включает в себя: а) рекламную функцию; б) экспрессивную функцию. Рекламная функция заключается в том, что заглавие специально, с помощью особых средств заинтересовывает читателя, привлекает его внимание. Данная функция может осуществляться как графическими (размер шрифта), так и языковыми средствами (особые синтаксические конструкции, стилистические фигуры). Рекламную функцию иногда называют интригующей. Интрига может создаваться, например, если заглавие не совсем понятно читателю: «Заголовок выступает как сообщение, которое нельзя декодировать, не прочитав текст, и поэтому привлекает внимание к тексту (сам текст выступает как код к заголовку)» [Хазагеров 1984: 12]. Экспрессивная функция состоит в том, что заголовок характеризует личность пишущего. По справедливому замечанию Г.Г. Хазагеровой, личность автора интересует читателя «лишь постольку, поскольку она соотносится с сообщением, а не сама по себе» [Хазагеров 1984: 16]: адресату важно понять, как автор относится к сообщаемому (следует ли понимать его слова буквально или имеет место, например, авторская ирония).

Между функциями газетного заголовка происходит взаимодействие: номинативная функция ослабляет коммуникативность заглавия (ставит ее в зависимость от конкретного текста, без которого заголовок может быть не совсем понятен), коммуникативность, в свою очередь, борется с номинативностью (иногда заголовки обретают самостоятельность, превращаясь в самостоятельные высказывания), рекламная функция может подавлять информативную (случай броских, но неинформативных заглавий) и в то же время усиливать коммуникативность заглавий, делать их более действенными [Попов 1966: 99—100].

Очевидно, что новообразования, обладающие, по замечанию А.Г. Лыкова [Лыков 1976: 23], ингерентной, внутренне присущей им и не зависящей от контекста экспрессивностью, во

многим обеспечивают выполнение заголовком прагматической функции: они привлекают внимание читателя новизной и необычностью формы, требующей подчас расшифровки со стороны адресата, и, кроме того, часто выступают средством выражения авторской оценки. Однако указанными функциями отнюдь не исчерпываются возможности новообразований, реализуемые в заголовке.

Окказиональные слова выполняют в заглавии **деавтоматизирующую функцию**. Окказионализм фокусирует на себе внимание адресата, становится своеобразным центром заголовка и усиливает его действенность (степень воздействия на читателя). Подобный эффект основан на преодолении автоматизма восприятия, который неизбежно присутствует в любом акте коммуникации: «...слушая или читая, мы прогнозируем (а поэтому ожидаем, выдвигаем гипотезу), во-первых, некоторое событие, “стоящее за текстом” (содержание текста), во-вторых, конкретную лексику как средство описания этого события, в-третьих, грамматические формы лексических единиц и целостные структуры» [Горелов, Седов 1997: 96]. Автоматизацию можно рассматривать как «такое использование языковых средств <...>, которое является обычным для определенной задачи выражения, то есть такое использование, при котором выражение само по себе не привлекает внимания» [Гавранек 1967: 355]. Окказионализмы нарушают привычную для адресата организацию изложения, их непрогнозируемое включение в текст — игра на эффекте неожиданности, побуждающая читателя с большим вниманием относиться к форме подачи материала. Такое построение речи носит название актуализации. Способностью к актуализации повествования в той или иной мере обладают все новообразования. Однако существуют определенные журналистские приемы, позволяющие усилить деавтоматизирующий эффект заголовочного окказионализма. Самым распространенным можно назвать создание нового слова, максимально близкого (но не тождественного) по фонетическому и графическому облику узуальному слову. Это касается в основном слов гибридного характера, т.е. таких, в которых наблюдается неuzuальное совмещение производящих основ: **Стоп-менеджмент** <...> У «Юниаструм-банка» закончилось высшее руководство. <...> Для того чтобы исправить

ситуацию, оставшийся фактически без топ-менеджмента «Юниаструм-банк» планирует изменить структуру управления бизнесом (Коммерсантъ. 10.05.2012); Евротренка-2012 <...> Запад готов к бойкоту футбольного чемпионата Европы: слово за Януковичем (МК. 05.05.2012). Ср.: топ-менеджмент, нервотренка.

В некоторых случаях у адресата может создаться впечатление, что в тексте допущена грубая орфографическая ошибка, и это также способствует снятию автоматизма восприятия: *Лигализованные выборы <...>. 16 января в России появилось новое политсообщество <...>. Название громкое — Лига избирателей <...>. Лига будет пропагандировать честные выборы <...>. Она будет обеспечивать адекватность народного волеизъявления: недопущение незаконной агитации, разоблачение бесчестных приемов этой агитации (МК. 17.01.2012); Приземление <...> В Нижний Новгород наконец-то пришла настоящая зима (НД. 25.11.2010).*

Использование этого приема оправданно в том случае, если в значении новообразования используется и какой-либо компонент значения того узуального слова, от которого отталкивался автор при создании окказионализма (*лигализованный* — «легализованный лигой», *приземление* — «приземление зимы»).

Играя на созвучиях окказионализмов и узуальных слов, автор текста вынуждает адресата более внимательно подходить к процессу чтения: «“Посягательства” на форму означающего касаются снятия автоматизма на линии звук — смысл. Неустойчивость фонетического “состава” слова, его очевидная принадлежность одновременно к очень знакомому и несколько иному дают возможность соотнести означающее и с исконным для него означаемым, и с другим, содержательно неожиданным и даже логически несовместимым» [Сметанина 2002: 206].

Таким образом, активизируя внимание адресата, снимая автоматизм восприятия, окказиональные слова в конечном счете способствуют более полному погружению читателя в текст.

Как уже отмечалось, новообразования используются как средство экспрессивизации заголовка, т.е. выполняют **экспрессивную функцию**. Под экспрессивностью, или выразительностью, в данном случае понимаются особенности структуры речи, направленные на поддержание интереса и внимания у читателя [Головин 1988: 182]. Экспрессивность как сущностное

свойство окказиональных слов может повышаться за счет разнообразных факторов: структурных особенностей, использования прецедентных текстов и т.д. Новообразования часто применяются как средство выражения авторской оценки, создания комического эффекта, что также повышает их способность привлекать и удерживать внимание читателя.

Структурной предпосылкой экспрессивности можно назвать многоосновность новообразований: окказиональные слова, представляющие собой комплекс из трех и даже четырех основ, выделяются на фоне преимущественно одно- и двухосновных слов в заголовке *«Осенняя соната»: **дочки-матери-беда** <...> Сюжет простой, как все в жизни: мать, известная пианистка, приезжает в маленький город к дочери, которую не видела семь лет, в основном по причине гастрольного характера работы. <...> Игра в **дочки-матери** оборачивается бесконечно тяжелой драмой* (МК. 05.03.2012); ***Мир-труд-пиво-Путин** и Медведев <...> Колоссальное шествие состоялось в Москве 1 мая под флагами «Единой России» и профсоюзных организаций. К участникам демонстрации на Манежной площади присоединились Владимир Путин и Дмитрий Медведев. Позже члены тандема переместились в пивной бар на Арбате, где продолжили первомайские торжества* (МК. 02.05.2012).

Возможность интерпретировать такие новообразования напрямую зависит от характера производящих основ. Например, трудно предположить, что для кого-то из читателей окажется понятным заголовок *«**Фио-Фио-Сам**»* (РГ. 08.12.2011). Вероятно, у адресата возникнет ассоциация с именем героини оперы «Мадам Баттерфляй» Чио-Чио-Сан, но это не упростит для него задачу истолкования окказионализма, поскольку не разъяснит смысл составляющих. Это возможно лишь при обращении к тексту публикации: *Полицейское управление «К» предложило запретить анонимные выступления в Интернете. <...> По мнению «электронных» полицейских, участники всевозможных форумов, общений и дискуссий в социальных сетях и чатах должны отказаться от анонимности и не прятаться за никами.*

При использовании узуальных способов словообразования усиливает экспрессивность нарушение стилистических ограничений в сочетаемости морфем, которое может проявляться, к примеру, в присоединении заимствованных приставок к исконно

русским основам: *Квартирная суперзаморозка <...> Зимой в квартирах температура держится на уровне 10—12 градусов. Люди спасаются обогревателями, но иногда в Осанове выключают и свет — как несколько дней назад, например, — и тогда поселок погружается в ледяную тьму* (МК. 11.02.2012).

Экспрессивность заглавия может достигаться использованием тех неузуальных способов словообразования, с помощью которых создаются слова с нестандартной структурой, т.е. различные гибриды: контаминанты, окказионализмы, образованные способом междусловного наложения и тмезиса. Контаминант (слово, созданное путем соединения начальной части одного слова и конечной части другого) представлен в заголовке *А есть ли змерь? (змея + зверь) <...> Нашли русский аналог неологизма Кэрролла Snark. Слову, образованному от сочетания snake (змея) и shark (акула), дали отечественный эквивалент: змея плюс зверь дает в результате змерь* (НГ. 06.04.2012). В результате междусловного наложения (когда «на конец основы одного слова накладывается омонимичное начало другого слова» [Янко-Триницкая 1975: 416]) был создан окказионализм в заголовке *Туарегистрация (туареги + регистрация) <...> Племена туарегов провозгласили создание на северо-западе Африки суверенного Азавада. <...> Туарегские сепаратисты отхватили кусок у Республики Мали* (МК. 07.04.2012). Тмезис (вставка одного слова в другое) представлен в заголовке *Шайбашники! (шабашники + шайба) Итоги хоккейного сезона — в деньгах, людях и драках <...>. «АиФ» вспомнил сюжеты, которыми запомнился сезон 2011—2012* (АиФ. 18.04.2012).

Действенным средством экспрессивизации заголовка является использование в нем так называемых прецедентных феноменов, сопровождающееся созданием на их базе окказиональных слов или включением новообразований в состав прецедентного текста.

Особенностью газетных заголовков является не просто частое использование прецедентных феноменов, но и активное образование на их основе окказиональных слов разнообразной структуры. Так, на базе фразеологизмов *рог изобилия*, *лебединая песня* были созданы префиксальные окказионализмы *неизобилие* и *безлебединая* в заголовках *ROG неизобилия <...> «Роснефть»*

недовольна низкой финансовой отдачей от их совместной с ВР немецкой компании *Ruhr Oel GmbH (ROG)* и хочет внести изменения в акционерное соглашение (Коммерсант. 11.03.2012) и **Безлебединая песня** <...> И когда *Нина Ананиашвили* в финале балета заливается смущенным смехом и виновато разводит руками, кажется, она действительно извиняется за неудавшийся эксперимент. И зря: для творческого долголетия жизнеутверждающий риск поважнее вечных «Умирующих лебедей» (Коммерсант. 19.03.2012).

Базой для образования окказиональных слов выступают цитаты из произведений художественной литературы: *Есть еще порох в прохоровницах* <...> За неделю до выборов *Михаил Прохоров* чувствует себя при своих 10 процентах. <...> — Что я сейчас испытываю, когда выхожу на сцену? — переспросил он. — Наслаждение или страшное напряжение?.. <...> Я живу в жесткой предвыборной гонке, и понять, есть наслаждение или нет, можно будет только после 25 марта. Понятно, только после второго тура (Коммерсант. 27.02.2012). Ср.: *есть еще порох в пороховницах* (Н.В. Гоголь. «Тарас Бульба»). Новообразование *прохоровницы* — результат междусловного наложения фамилии *Прохоров* и слова *пороховница*.

Образование окказиональных слов может быть связано с трансформацией выражений, имеющих библейское происхождение: **Наносоль** *земли московской* <...> Несмотря на обещания использовать новое поколение специальных средств вкупе с новыми технологиями зимней уборки, на столичные дороги продолжают выливать жидкости сомнительного производства (АН. 02.02.2012). Ср.: *соль земли*. Окказионализм *наносоль* создан с помощью префиксоида *нано-*, получившего широкое распространение в медийных текстах в последние годы.

Путем тмезиса возник окказионализм *возавтолюб*: **Возавтолюб** *ближнего своего* <...> *Владимир Путин*, как и *Борис Немцов* 15 лет назад, запретил чиновникам ездить на казенных иномарках (Коммерсант. 05.04.2012). Ср.: *возлюби ближнего твоего, как самого себя*.

Названия фильмов «Пираты XX века», «Ворошиловский стрелок» легли в основу заголовков **Антипираты XXI века** <...> Не удивительно, что все чаще судовладельцы предпочитают нани-

мать вооруженную охрану. По данным Международного морского бюро, за прошлый год в пиратоопасных районах было совершено 439 нападений, большинство из которых были отбиты именно вооруженными бойцами (МК. 04.05.2012); **Потрошиловский** стрелок <...> *Завтра должен выйти в прокат «Бомж с дробовиком». <...> Голубоглазый и слишком опрятный для бомжа старичок, которого играет Рутгер Хауэр, чем-то неуловимо напоминает ворошиловского стрелка из одноименного фильма Станислава Говорухина <...>. Почти непрекращающееся насилие в «Бомже с дробовиком» перемежается с какими-то трогательными в своей абсурдности деталями* (Коммерсант. 21.03.2012). Представленные окказионализмы созданы как узуальными, так и неузуальными способами: **антипираты** — префиксальное образование, **потрошиловский** — гибрид, результат междусловного наложения (*потрошить* + *ворошиловский*).

В заголовках современных СМИ используется часть известного высказывания В.И. Ленина о коммунизме, который «есть Советская власть плюс электрификация всей страны»: **Дисконтизация** *всей страны* <...> *Процент россиян, обладающих дисконтными картами различных магазинов, достиг цифры 97* (НИ. 25.04.2012); **Банкизация** *всей страны* <...> *Цель Владимира Путина применительно к глубинке понятна всем — развитие банковской системы в наиболее отдаленных районах* (Город и горожане. 01—07.09.2008); **ЧОПизация** *всей страны* <...> *Есть опасения, что вскоре мы попросту затеряемся в толпах охранников, которых в России-матушке с каждым годом становится все больше. Численность сотрудников ЧОПов в России в настоящее время составляет около 750 тысяч человек и имеет тенденцию с каждым годом возрасть на 20—25 процентов* (ЛС. 06—12.03.2008).

Любое использование прецедентных феноменов предполагает наличие у адресата определенных фоновых знаний, причем эти знания должны быть общими для автора и читателя, чтобы последний понимал логику создания заголовка и окказионализма в нем.

Новообразования, созданные с опорой на прецедентные феномены, представлены в заголовках очень широко. Построение заголовка на базе прецедентного текста с одновременным исполь-

зованием окказионализма ведет к усилению выразительности заглавия и усложнению процесса восприятия его читателем, которому приходится не только восстанавливать исходный текст (включение окказионализма в прецедентный текст неизбежно ведет к трансформации последнего), но и расшифровывать новое слово, часто обладающее неясной структурой, затемняющей его семантику.

Прецедентность во многих случаях выступает дополнительным источником экспрессии и используется наряду с другими средствами ее достижения. Включение новообразования в прецедентный текст или создание с опорой на этот текст — это универсальный способ повышения выразительности заголовка, независимо от структуры (стандартной или нестандартной) окказионального слова.

Повышает экспрессивность заголовка использование в нем окказионализмов с ярко выраженной оценкой. Читатель быстро реагирует на проявление личностного начала, на отступление от привычного эмоционально нейтрального повествования. По мнению ученых, «наличие или отсутствие эмоциональной оценки в новом слове, а также ее характер зависят от целого ряда факторов: от характера лексического значения мотивирующего слова и его стилистической окраски, от эмоционально-стилистической окраски словообразующих аффиксов, от контекста, от семантической и стилистической сочетаемости или несочетаемости словообразующих элементов» [Бакина 1977: 82—83].

Авторская оценка выражается в словах, в которых в качестве мотивирующей базы для окказионализмов используются жаргонизмы и разговорные слова: **DDoSmail** <...> *Издательский дом «Коммерсантъ» сегодня обратится с заявлением в МВД РФ с требованием проверить причастность движения «Наши» к организации DDoS-атаки на сайт «Ъ» в 2008 году* (Коммерсант. 10.02.2012); **Рок-параллельно** <...> *Шансон и рокабилли близки тем, что люди, которые там заняты, ложили на мнение масс — делают то, что они хотят, и поют вживую с музыкантами* (МК. 13.04.2012); **Бренд-бомбиль** <...> *Читатели присылали в редакцию сведения о <...> машинах, превращённых в рекламные щиты. <...> Рекламных машин в столице всё больше: только за последние полгода с улиц вывезли 250 брендмобилей* (АиФ. 28.03.2012). Ср.: *достать* (‘надо-

есть'), *параллельно* ('безразлично'), *бомбить* ('зарабатывать частным извозом').

Семантикой мотивирующей основы (одной из основ) обусловлена оценочность окказионализмов в заголовках *Нанонегодьяй* <...> *Наша газета уже неоднократно писала о Михаиле Ильиче Лернере — ловком коммерсанте, который беззастенчиво кинул массу своих бывших партнёров, а теперь присосался к потоку государственных бюджетных средств со стороны госкорпорации «Роснано»* (АН. 08.12.2011); *Гад-парк* <...> *Огоньку в митинговые страсти добавил премьер-министр, который предложил создать в Москве своеобразную аналогию лондонского Гайд-парка* (МК. 16.02.2012); *Автохамы* <...> *Каждую неделю мы выезжаем в рейд, чтобы «поймать» нарушителей* (МК в НН. 08—15.09.2010).

Положительная или отрицательная оценка может создаваться в новообразовании и с помощью аффиксов. Например, префикс **супер-** сообщает производным значение повышенного качества, крайне высокой степени проявления признака, причем нередко производные приобретают значение 'лучший', 'идеальный': *Владимир Рыжков: «Мы должны сделать ПАРНАС супер-партией»* <...> *Сейчас, когда кремль взял курс на дробление партийного поля, мы должны сделать ПАРНАС супер-партией. Привлечь новые силы, новые фигуры и стать лидерами демократической оппозиции* (МК. 24.01.2012); *Суперполисмен* <...> *Научите новое поколение полицейских находить прекрасное в повседневном, совершенствовать свои качества, быть тонкими и чуткими* (РГ. 28.03.2012).

Образования с суффиксом **-щин(а)** как названия общественных явлений или политических течений выражают, как правило, оттенок неодобрения: *Борьба с дезовщиной* <...> *Многие москвичи недовольны деятельностью ДЕЗов, особенно стоимостью соотношения стоимости и качества предоставляемых услуг* (МК. 25.01.2012).

Авторскую оценку может выражать и суффикс **-чик-**: *Заемный «бумчик»* <...> *По сведениям зампреда Банка России Алексея Симановского, в целом за 2011 год портфель кредитов нефинансовым организациям вырос на 26%, займов физическим лицам — на 35,9%. «Не назову это бумом, но это бумчик», — охарактеризовал он такую динамику* (НИ. 23.01.2012), где *бумчик* — маленький, незначительный бум; суффикс в данном случае придает значению производного оттенок пренебрежительности.

Экспрессия наблюдается и у некоторых новообразований с аффиксоидами. Суффиксоид **-гейт**, сообщающий производным значение скандальности, связан с выражением негативной оценки: *Чулпангейт <...> Распяť актрису Чулпан Хаматову* (Чулпан Хаматова — известная российская актриса театра и кино, народная артистка России. Ч. Хаматова является одним из учредителей благотворительного фонда «Подари жизнь». — *Авт.*) <...> *последнюю неделю пытались раз пять сотни разъяренных блогеров* (РГ. 20.02.2012).

Иногда отрицательное отношение автора перерастает в речевую агрессию, т.е. «жесткое, подчеркнутое средствами языка выражение негативного эмоционально-оценочного отношения к кому-, чему-либо, нарушающее представление об этической и эстетической норме» [Петрова, Рацибурская 2011: 24]. Как проявление вербальной агрессии можно, в частности, рассматривать создание окказиональных слов на базе грубых жаргонных, обценных слов и выражений (используемых в качестве непосредственных мотивирующих или присутствующих в качестве ассоциативного фона, легко устанавливаемого адресатом): *Полный криздец <...> Не вешайте нос, банкир Улюкаев! Рано или поздно кризис кончится и настанет... полный криздец!* (АиФ. 21.12.2011); *Япона-матрены <...> Завершилась работа над оригинальным заказом из Японии. Для клиентов из Страны восходящего солнца сделали 100 матрешек в виде невест* (НД. 21.10.2010). Неприличные ассоциации вызывает заголовок **ПОПАРЬся наКОНЕЦ** <...> *Так рекламирует себя одна из автозаводских саун* (НР. 14.05.2009), графически выделенные сегменты которого актуализируют нелитературное значение слова *конец*.

Следует отметить, что, демонстрируя собственную оценку, журналист преследует цель не столько самовыражения, сколько активного воздействия на адресата, привлечения его на свою сторону, навязывания определенного взгляда на ту или иную ситуацию.

Экспрессия заголовка может быть связана и с созданием посредством новообразований комического эффекта. Лингвисты отмечают, что словообразование «наиболее активно используется для создания комического эффекта», при этом «ни синтаксис, ни лексика не могут соперничать в этом отношении со словообразованием» [Земская 2007: 649].

Комизм может появляться при заменительной деривации, когда замещающий компонент созвучен замещаемому, а в самом новообразовании совмещаются значения их обоих: **Пола-фабрикаты** (ср.: полуфабрикаты): *Кто из чемпионки на поверку оказался ... мужчиной <...> 26-летняя Линдси Уолкер претендует на статус новой звезды в американском женском баскетболе. <...> Совсем недавно Линдси была ещё... баскетболистом Грегом Уолкером (АиФ. 11.04.2012); Нанобрачные (ср.: новобрачные) <...> *Анатолий Чубайс (глава ОАО «РОСНАНО». — Авт.) и Авдотья Смирнова, по нашим данным, собираются отпраздновать свадьбу в пятницу. У молодоженов уже состоялось предсвадебное путешествие в Новую Зеландию (МК. 19.01.2012).**

Комизм не всегда уместен, поскольку «не все явления человеческой жизни имеют комическую природу», и «неумение или нежелание журналистов “переключать коды” приводит к языковому цинизму», кроме того, в сознании читателя закладывается «несерьезное отношение к серьезным вещам» [Клушина 2003: 52—53]: *Центральный избивательный участок* (Коммерсант. 07.12.2011).

Таким образом, повышать экспрессивность заголовка и, соответственно, активизировать выполнение им прагматической функции новообразования способны как в силу особенностей структуры, так и за счет семантики. Добиться внимания адресата журналист может необычностью формы окказионализма, обращением к прецедентным феноменам, созданием новообразований, передающих авторскую оценку или создающих комический эффект.

Еще одной важной функцией новообразований в заголовке является **информативная функция**. В отличие от экспрессивной функции, ее выполнение окказионализмами не столь очевидно, поскольку любое неизвестное слово нуждается в интерпретации, что не способствует ускорению восприятия и понимания заголовка. Однако многие окказионализмы вполне информативны, т.е. понятны читателю, их значение выводимо из значений составляющих. Это касается в первую очередь новообразований стандартной структуры, созданных узуальными способами (префиксальных, суффиксальных, сложных). Высокой степенью информативности характеризуются многие аффиксальныеokka-

зионализмы, значение которых выводимо из значений соответствующих аффиксов и производящих основ: *Антигероиневая армия Российской Федерации* <...> *В Госдуме готовится к обсуждению законопроект об использовании войск в борьбе с наркотрафиком* (НГ. 17.04.2012); *Заемный «бумчик»* (НИ. 23.01.2012); *Дисконтизация всей страны* (НИ. 25.04.2012).

В окказионализмах с двумя и более основами информативность зависит от прозрачности семантики составляющих, а также от того, понятны ли читателю принцип и основания их соединения. Последний критерий дает преимущество сложным окказионализмам, созданным узуальными способами, перед гибридами, структура которых без прочтения публикации нередко остается непонятной для адресата. Так, достаточно понятен адресату окказиональный композит в заголовке *Олимпиадофобия* <...> *Власти Великобритании хоть и рады всем олимпийцам, но очень боятся, что некоторые из них задержатся в гостях и после окончания соревнований. Или завезут какую-нибудь заразу* (НИ. 13.04.2012).

При этом, подчеркнем, речь идет не об окончательной интерпретации, а лишь о более или менее точном определении значения новообразования. Например, без контекста публикации читатель не может определить, в прямом или переносном значении следует трактовать то или иное новообразование: *Зимняя охота на еврозайца* <...> *На этой неделе наши команды одержали победы в двух из трех матчей еврокубков* (С-Э. 17.02.2012), где еврозаяц оказывается кубком за победу в футбольных Лиге чемпионов и Лиге Европы.

Относительной легкостью интерпретации характеризуются некоторые графические гибриды, поскольку их структура представлена наиболее наглядно: *уДАЧное начало сезона. Как подготовить участок, посадки и семена к лету* <...> *Март — самое время начать подготовку к дачному сезону* (АиФ. 21.03.2012); *ПРОблемы Макфола* <...> *Марк Кирк потребовал от Макфола разъяснений, намерен ли Белый дом делиться с Россией секретными данными, касающимися американской системы противоракетной обороны* (РГ. 15.12.2011).

Среди новообразований, созданных неuzuальными способами, довольно высокой информативностью отличаются также слова,

образованные путем заменительной деривации, так как при этом структура окказионализмов остается прозрачной для читателя, а значение выводится из значений составляющих: *Неблогонадежный* <...> *Чиновница обвинила блогера в клевете и подала на него в суд* (РГ. 08.12.2011), *неблогонадежный* — неблогонадежный блогер; *Мы, нижеподсчитавшиеся* <...> *ЦИК обнародовал результаты проверки подписей кандидатов в президенты* (РГ. 24.01.2012), *нижеподсчитавшиеся* — те, кто подсчитал подписи.

Говоря об информативной функции новообразований, следует учитывать такие их свойства, как незакрепленность за конкретным денотатом и тесная связь с контекстом. Иными словами, какой бы прозрачной ни была структура, как бы легко ни было вывести значение нового слова из значений составляющих, интерпретация новообразования без прочтения публикации не может быть окончательной. Идентичные на первый взгляд окказионализмы могут иметь совершенно разную семантику: *Грекопадение* <...> *Если с левыми не удастся договориться, страну ждут новые парламентские выборы. Их итогом вполне может стать выход Греции из зоны евро.* <...> *В Брюсселе боятся выхода Афин из зоны евро, который вызовет эффект домино и приведет к депрессии на всем континенте.* <...> *Как заявил* <...> *заместитель премьер-министра Греции, деньги в стране закончатся через 6 недель.* <...> *Это значит, что в стране наступит полный хаос* (НИ. 14.05.2012) и *Грекопадение* на ровном месте <...> *Только что московский ЦСКА — нет, не громил, конечно, но держал в узде греческий «Олимпиакос». Только что на табло были сладостные +12. И они растаяли вместе с шедевральной броской Георгиоса Принтезиса, как и растаяла главная мечта красно-синих: снова стать лучшей командой Европы* (МК. 15.05.2012). В первом заголовке грекопадение — кризис в Греции, во втором — победа греков. Однако самое общее толкование новообразования возможно и в заголовке: «падение, связанное с греками». На это значение наслаивается и семантика слова *грехопадение*, в результате чего окказионализм расшифровывается как «греховное падение, связанное с греками». А как следует понимать падение, какая роль отводится грекам, почему падение греховное, читатель может выяснить только после обращения к тексту публикации.

Несмотря на то, что **номинативная функция** новообразований ослаблена (А.Г. Лыков, В.С. Виноградов), иногда окказиональное слово включается в заголовок именно с целью называния какого-либо явления или предмета действительности: окказионализм может называть объект или явление, для которых не существует однословной номинации (они передаются описательно): *Зачем России «бравомобили»? <...> О скором выпуске машин, работающих на аккумуляторных батареях под управлением микропроцессора, журналистов проинформировал губернатор Астраханской области. <...> Глава региона уже дал поручение <...> разработать программу поддержки компании «Браво моторс» в серийном производстве оригинальной техники* (Мир новостей. 10.01.2012); *Кофемобиль* *прошел испытания <...> Авторы британской научно-популярной передачи <...> продемонстрировали машину, которая может работать на кофе* (НН. 12.03.2010); *Вырастил помидорояблоко <...> Швейцарский садовод Маркус Коберт, чтобы получить плод, который снаружи выглядит как яблоко, а внутри как томат, потратил 20 лет* (НН. 23.07.2010).

Одним из приоритетных качеств заглавия является лаконизм, поскольку с ним связано выполнение заголовком так называемой «мнемотехнической функции» [Хаззагеров 1984: 21]: он позволяет читателю сохранять, накапливать и воспроизводить информацию, полученную из газетного текста. Способность заглавия выступать в этом случае в роли сжатого текста нередко обусловлена наличием в нем окказиональных слов, которые выполняют **компрессивную функцию**.

Большими возможностями для создания кратких номинаций обладают сложные слова и гибридные образования. Это объясняется наличием в их составе нескольких производящих основ, каждая из которых формирует значение нового слова. Очевидно, например, выполнение рассматриваемой функции окказиональными композитами в следующих заголовках: *РФПЛ нашла бананометателя <...> Сотрудники Российской футбольной премьер-лиги (РФПЛ) установили личность человека, бросившего банан в футболиста махачкалинского «Анжи» Кристофера Самбу* (Коммерсант. 30.03.2012); *Минизайм по максиставке <...> Одолжив 3 тысячи рублей, через неделю придется вернуть в 1,5 раза больше* (РГ. 08.02.2012). Новообразования в данных заголовках успешно

заменяют конструкции «человек, бросивший банан», «максимально высокая ставка». Помимо рассмотренных новообразований, можно указать также окказионализмы, созданные по модели «существительное + существительное» с возникающими между компонентами определительными отношениями: *Вулкан-тур и парусная кругосветка* *позвали в дорогу* <...> *Учёные намерены совершить непрерывное кругосветное путешествие вдоль вулканического пояса Земли с пересечением всех континентов по их максимальной протяжённости* (АиФ. 18.04.2012); *Интернет-планы* *государства переписаны* <...> *Правительство опубликовало новую версию госпрограммы «Информационное общество» на 2011—2020 годы, утверждённую год назад* (Коммерсант. 21.12.2011).

Экономия речевых средств достигается при графической гибридизации, когда автор, не выходя за рамки формальных границ слова, предъявляет адресату еще одно, существующее в исходном: *ВТОржение чужих* <...> *Вступление нашей страны во Всемирную торговую организацию (ВТО) вызывало опасение не только у ряда экспертов, но и у работников российских отраслей производства* (АиФ. 28.03.2012); *ГОРЕлым пахнет* <...> *Дом, в который Игорь Хайтович вложил свои «кровные», сгорел, так и не порадовав жену и двоих маленьких детей* (МК в НН. 4—11.02.2009).

Следует отметить, что некоторые префиксальные и суффиксальные новообразования за счет семантики соответствующих аффиксов также способны заменять многословные обороты, выполняя тем самым функцию компрессии текста: *Страх не-возмездия* <...> *Пьяная водительница сбила насмерть на тротуаре женщину с ребенком. Во вторник сотни людей намерены выйти на городской митинг, чтобы помянуть погибших и потребовать наказания виновницы происшествия* (НГ. 23.04.2012), *не-возмездие* — отсутствие возмездия; «Анжи»: *первая суперпродажа* <...> «Анжи» *продолжает удивлять. На этот раз, правда, не очередным громким приобретением, а выгодной продажей* (С-Э. 11.01.2012).

Выполнять компрессивную функцию, как показывают наблюдения, могут окказионализмы разнообразной структуры. В них реализуется компрессивная функция словообразования в целом [Земская 1992: 8].

Таким образом, справедливо говорить о множественности выполняемых заголовочными новообразованиями функций,

наиболее важными из которых являются деавтоматизирующая, экспрессивная, информативная, номинативная и компрессивная. Следует отметить, что использование журналистами окказиональных слов в заголовке способствует созданию эффекта усиленного ожидания и эффекта обманутого ожидания у адресата, когда не подтверждается гипотеза читателя о возможном значении нового слова.

Новообразования в СМИ существенным образом влияют на выполнение заголовком его основных функций (информативной и прагматической), но влияние это не всегда позитивное: трудность интерпретации многих новообразований ведет к снижению информативной функции заглавия, чрезмерное увлечение журналистов созданием новых слов иногда приводит к появлению окказионализмов малопонятной читателю структуры, к неоправданному усложнению заголовков, следствием чего может быть коммуникативная неудача, нежелание адресата читать публикацию.

Употребление новообразований в целом согласуется с основными требованиями, предъявляемыми к заголовку (информативность, выразительность и краткость); окказионализмы потенциально способны выполнять в заголовке сразу несколько функций, но фактически их может быть меньше (в случае, когда новообразование непонятно, затрудняет восприятие заголовка).

Появление и функционирование новообразований в заголовке имеет ряд особенностей. Они связаны со спецификой как заглавий, так и окказионализмов. Стремление журналистов повышать выразительность заголовков приводит к использованию в них окказиональных слов, однако необходимость сохранять баланс между экспрессивностью и информативностью заглавия в определенной мере ограничивает пишущих. С другой стороны, это ограничение положительно сказывается на выразительных возможностях новообразований, препятствуя превращению последних в штампы.

Включение в заголовки окказионализмов позволяет автору в какой-то степени управлять читательским восприятием, корректировать выполнение заголовком тех или иных функций (усиливать экспрессивность, добиваться лаконизма и т.п.). Успешность достижения указанной цели зависит в том числе и от мастерства пишущих, от их способности к словотворчеству.

Источники

Газеты

Акция
Аргументы и факты (АиФ)
Аргументы и факты —
Нижний Новгород (АиФ-НН)
Аргументы недели (АН)
Бизнес + Карьера (Б + К)
Дзержинец
Дуэль
Завтра
Знание — Власть!
Известия
К барьеру!
Коммерсантъ
Комсомольская правда (КП)
Комсомольская правда —
Нижний Новгород (КП-НН)
Ленинская смена (ЛС)
Московский комсомолец
(МК)
Московский комсомолец в
Нижем Новгороде
(МК в НН)
Московские новости (МН)
Мир новостей
Наша версия (НВ)
Новая газета (НГ)
Новая газета в Нижнем
Новгороде (НГ в НН)
Новое дело (НД)
Независимая газета (НГ)
Новые известия (НИ)
Нижегородская правда (НП)
Нижегородские новости (НН)
Нижегородский рабочий (НР)
Парламентская газета

Приключения. Тайны. Чудеса
Проспект
Российская газета (РГ)
Русский репортер (РР)
Собеседник
Советская Россия (СР)
Спорт-Экспресс (С-Э)
Экономическая газета (ЭГ)
Экспресс-газета
The New Times

Журналы

Огонек, Телесемь

Телевидение

Первый телеканал
(1-й телеканал)
Пятый телеканал
(5-й телеканал)
телеканал «Культура»
телеканал ННТВ
телеканал НТВ
телеканал «Россия»
телеканал РТР
телеканал ТНТ
телеканал REN TV

Радио

Радио «Бизнес FM»
«Радио России»
радио «Петро FM»
радио «Серебряный дождь»

Интернет-источники

<http://news.rambler.ru>
<http://newsru.com>

Список литературы

1. Авина Н. Проявление интернационализации в русском языке в ситуации этнокультурного взаимодействия // *Prezjawy internacjonalizacji w językach słowiańskich*. Siedlce: Wydawnictwo Akademii Podlaskiej, 2009.
2. Бакина М.А. Словотворчество // *Языковые процессы современной русской художественной литературы. Поэзия*. М., 1977.
3. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 2009. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/dic>
4. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке: учеб. пособие. М., 2001.
5. Вепрева И.Т., Мустайоки А. Детабузация в современном русском языке и тревожная лексика // *Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте словесности*. Екатеринбург, 2006.
6. Виноградов В.С. Лексические вопросы перевода художественной прозы. М., 1978.
7. Гавранек Б. Задачи литературного языка и его культура // *Пражский лингвистический кружок*. М., 1967.
8. Головин Б.Н. Основы культуры речи. М., 1988.
9. Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. М., 1997.
10. Дегальцева А.В. Нарушение журналистами этических норм в заголовках газеты «Московский комсомолец» // *Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. Саратов*, 2012. Вып. 12.
11. Долгирева А.Э. Газетный заголовок в прагмалингвистическом аспекте: дис. ... канд. филол. наук. Таганрог, 2002.
12. Земская Е.А. Активные процессы современного словопроизводства // *Русский язык конца XX столетия*. М., 2000.
13. Земская Е.А. Активные процессы современного словопроизводства // *Русский язык конца XX столетия (1985—1995)*. М., 1996.
14. Земская Е.А. Веселое словообразование // *Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма*. М., 2007.
15. Земская Е.А. Литературная норма и неузуальное словообразование // *Современный русский язык: Система — норма — узус*. М., 2010.
16. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. М., 1992.
17. Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование. М., 1973.

18. Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование. 6-е изд. М., 2009.
19. Земская Е.А. Цитация и виды ее трансформации в заголовках современных газет // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. Памяти Т.Г. Винокур. М., 1996.
20. Ильясова С.В. Словообразовательная игра как феномен языка современных СМИ. Ростов-н/Д., 2002.
21. Карасик В.И. Коммуникативные тенденции: регистры, понятия, тональности, сферы // Дискурс, текст, когниция. Нижний Тагил, 2010.
22. Карасик В.И. Коммуникативные нормы массовой культуры // Дискурс, культура, ментальность: коллективная монография. Нижний Тагил, 2011.
23. Клушина Н.И. В какие игры мы играем // Русская речь. 2003. № 1.
24. Кожина Н.А. Нечто большее, чем название // Русская речь. 1984. № 6.
25. Козулина Н.А., Левашов Е.А., Шагалова Е.Н. Аффиксоиды русского языка. Опыт словаря-справочника. СПб., 2009.
26. Колесов В.В. Жизнь происходит от слова... СПб., 1999.
27. Кормилицына М.А. Качество передаваемой в печатных СМИ информации как фактор социальных рисков // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2012. Вып. 12.
28. Кормилицына М.А. Некоторые итоги исследования процессов, происходящих в языке современных газет // Проблемы речевой коммуникации. Саратов, 2008. Вып. 8.
29. Коряковцева Е.И. Интернациональное vs. национальное в словообразовательной системе: к постановке вопроса // *Przejawy internacjonalizacji w językach słowiańskich*. Siedlce, 2009.
30. Коряковцева Е.И. Словообразовательные ресурсы новых функциональных стилей славянских языков // *Słowotwórstwo a nowe style funkcjonalne języków słowiańskich*. Word-formation and the new functional styles of Slavic languages. International Slavistic Committee Commission on word-formation. Papers in thematic Session. XV International Congress of Slavists. Sedlce, 2013.
31. Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе. М., 1971.
32. Кудрявцева Л.А. Формирование и развитие языка массовой коммуникации в современном информационном обществе / Л.А. Куд-

рявцева, Л.П. Дядечко, А.А. Черненко, И.А. Филатенко // Русский язык: исторические судьбы и современность: тр. и мат-лы II Международ. конгресса исследователей русского языка. М., 2004.

33. Лазарева Э.А. Заголовок в газете. — Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1989.

34. Лейчик В.М. Интеллектуализация и демократизация — противоположные тенденции в развитии современного русского языка // Русский язык на рубеже веков: активные процессы. М., 2003.

35. Лыков А.Г. Современная русская лексикология (русское окказиональное слово). М., 1976.

36. Лысакова И.П. Революция в языке или язык революции? // Современная русская речь: состояние и функционирование. СПб., 2006. Вып. II. С. 119.

37. Мукаржовский Я. Литературный язык и поэтический язык // Пражский лингвистический кружок. М., 1967.

38. Нешименко Г.П. Заимствования vs. интернационализмы в современной вербальной коммуникации // *Prezjawy internacjonalizacji w językach słowiańskich*. Siedlce, 2009.

39. Нешименко Г.П. Компьютерная коммуникация в зеркале современной публичной речевой культуры и актуальных деривационных закономерностей (в сопоставительном аспекте) // *Słowotwórstwo a nowe style funkcjonalne języków słowiańskich*. Word-formation and the new functional styles of Slavic languages. International Slavistic Committee Commission on word-formation. Papers in thematic Session. XV International Congress of Slavists. Sedlce, 2013.

40. Нешименко Г.П. Сопоставительное изучение славянских языков и его значимость для прогнозирования развития языковой системы // *Aktualne problemy komparatystyki słowiańskiej: teoria i metodologia badań lingwistycznych*. Siedlce, 2010.

41. Николина Н.А., Фролова Е.А., Литвинова М.М. Словообразование современного русского языка. М., 2005.

42. Новиков А.И. Лингвистические и экстралингвистические элементы семантики текста // *Аспекты общей и частной лингвистической теории текста*. М., 1982.

43. Олешков М.Ю. Реализация манипулятивно-консолидирующей стратегии в институциональном дискурсе // *Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2008. Вып. 8.*

44. Петрова Н.Е., Рацибурская Л.В. Язык современных СМИ: средства речевой агрессии. М., 2011.
45. Попов А.С. Синтаксическая структура современных газетных заглавий и ее развитие // Развитие синтаксиса современного русского языка. М., 1966.
46. Попова Т.В. Креолизованные дериваты как элемент русской письменной коммуникации рубежа XX—XXI вв. // Лингвистика креатива-1: коллективная монография / под общ. ред. проф. Т.А. Гридиной. — 2-е изд. — Екатеринбург, 2013.
47. Попова Т.В., Рацибурская Л.В., Гугунава Д.В. Неология и неография современного русского языка. — М., 2005.
48. Поцепня Д.М. Изменения в словарном составе и новые лексикографические идеи // Современные языковые процессы. СПб., 2003.
49. Рацибурская Л.В. Новообразования как средство экспрессивизации текстов нижегородских СМИ // Жизнь провинции как феномен русской духовности. Всероссийская научная конференция. Н. Новгород: Вектор-ТиС, 2003.
50. Рацибурская Л.В., Самыличева Н.А. Саркозел или Жепардьё? Об эффектах словотворчества в медийных текстах // Журналист. — 2013. — № 9.
51. Романенко А.П. Советская и постсоветская массовая словесная культура: общее и различное // Советское прошлое и культура настоящего: монография: в 2 т. Екатеринбург, 2009. Т. 2.
52. Русская грамматика. Т. 1. 1980. URL: <http://rusgram.narod.ru/morf1t.html>
53. Саломатина М.С. Прецедентные тексты и прецедентный стиль в современном агитационном дискурсе // Советское прошлое и культура настоящего: монография: в 2 т. Екатеринбург, 2009. Т. 2.
54. Самыличева Н.А. Окаzionaliальные слова как средство экспрессивизации газетного текста (на материале нижегородских СМИ): дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2011а.
55. Самыличева Н.А. Экспрессивность как базовое свойство окказиональных слов // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. 2011б. № 4 (1).
56. Сафонов А.А. Стилистика газетных заголовков // Стилистика газетных жанров. М., 1981.

57. Сиротинина О.Б. Общение в зоне рисков и тенденция к диффузности значений // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2012. Вып. 12.

58. Сковородников А.П., Копнина Г.А. Экспрессивность // Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты. М., 2005.

59. Сковородников А.П., Копнина Г.А. Экспрессивные средства в языке современной газеты: тенденции и их культурно-речевая оценка // Язык средств массовой информации: учеб. пособ. по специализации. Ч. 2. М., 2004.

60. Сметанина С.И. Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века). СПб., 2002.

61. Стилистический энциклопедический словарь / под ред. М.Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2006.

62. Страмной А.В. Газетный текст как источник неологизмов (на материале русской и французской прессы): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владимир, 2007.

63. Сулименко Н.Е. Аномальные явления в зеркале неологического словаря // ACTALINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований. Том II. Часть 3. СПб., 2006.

64. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика. М., 2008.

65. Хазагеров Г.Г. Функции стилистических фигур в газетных заголовках (по материалам «Комсомольской правды»): дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д., 1984.

66. Химик В.В. Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен. СПб., 2000.

67. Шкапенко Т. Русский «тусовочный» как иностранный: учеб. пособ. Калининград, 2003.

68. Янко-Триницкая Н.А. Продуктивные способы и образцы окказионального словообразования // Актуальные проблемы русского словообразования. Ташкент, 1975. Вып. 143.

69. Bozdéková I. Projevy internacionalizace v současné české odborné komunikaci, zejména lékařské // Prezjawy internacjonalizacji w językach słowiańskich. — Siedlce: Wydawnictwo Akademii Podlaskiej, 2009.

70. Gazda J. Internacionalizační tendence v rozvoji slovní zásoby současných zapadoslovanských jazyků // Internacionalizace v nové slovní zásobě. Sborník příspěvků z konference Praha. 16—18 června 2003. Praha, 2003.

71. Mutter P. Komponent BIO v hybridních složeninách a jeho význam // Internacionalizace v nové slovní zásobě. Sborník příspěvků z konference Praha. 16—18 června 2003. Praha, 2003.

72. Ohnheiser J. Стирание стилевых границ в словообразовании и словоупотреблении // Słowotwórstwo a nowe style funkcjonalne języków słowiańskich. Word-formation and the new functional styles of Slavic languages. International Slavistic Committee Commission on word-formation. Papers in thematic Session. XV International Congress of Slavists. Sedlce, 2013.

Глава 4

СЕМАНТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВАРЬИРОВАНИЯ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ И СОБИРАТЕЛЬНЫХ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Е.В. Щеникова

Количественные числительные (далее сокращенно — КЧ) в современном русском языке являются достаточно универсальным средством для обозначения количества: они охватывают весь ряд натуральных чисел и почти не имеют ограничений в использовании в связи с характером предметов/явлений, количество которых называется. Собирательные числительные (далее — СЧ) на их фоне могут представляться малозначительной грамматической категорией: они образуют «замкнутую группу» из 9 слов, производных от КЧ первого десятка [Сов. рус. яз. 1998: 46; Ушакова 1999: 89; Богданов 1997: 217—218], и способны обозначать количество далеко не любых предметов. Однако тот факт, что параллельное использование КЧ и СЧ возможно лишь в ограниченном количестве позиций, ничуть не снижает его важности как собственно научной и практической проблемы. Варьирование рассматриваемых числительных в современной русской речи является частотным, причем реализуется преимущественно при указании на количество наиболее значимых для современной антропоцентрической картины мира объектов — людей. В этих случаях оно регулярно осуществляется как в рамках нормы, так и за ее пределами и, как правило, не является формально обусловленным. В связи с этим именно параллельное использование КЧ и СЧ при обозначении количества лиц будет основным предметом нашего рассмотрения.

4.1. Семантическая характеристика КЧ и СЧ в лингвистической литературе

Варьирование КЧ и СЧ в современной русистике оценивается неоднозначно. Одни лингвисты усматривают определенные закономерности в выборе разряда, другие считают его случайным. Последнее, на наш взгляд, связано с недостаточной широтой охвата языкового материала и с несистемным подходом к его анализу.

Исследователи чаще говорят о должном, а не о реальном функционировании числительных в речи, т.е. рассматривают преимущественно вопросы нормы (которая, несмотря на это, до сих пор не имеет однозначной кодификации). Фактическое варьирование СЧ и КЧ анализируется в очень незначительном количестве работ, причем ряд из них относится к концу 60-х годов XX в. [Качевская 1968; Щербаков 1969] и, видимо, уже не вполне отражает современную речевую ситуацию.

В научной и учебной лингвистической литературе традиционно воспроизводятся некоторые сведения о семантике КЧ и СЧ, которая закреплена за этими числительными в языке и должна регулировать их употребление в речи. Однако данные сведения приводятся в столь лаконичной форме, что с опорой на них в большинстве конкретных контекстов не представляется возможным объяснить ни варьирование СЧ и КЧ в пределах литературной нормы, ни причины отступления от традиционных нормативных предписаний.

Большинство лингвистов взаимную семантическую специфику СЧ и КЧ видит в наличии у них **значений совокупности и расчлененности** соответственно. СЧ обозначают нерасчлененную совокупность предметов [Сов. рус. яз. 2010: 118]; «количество предметов как одно целое» [Лукин 1973: 98], как «единое целое» [Розенталь 2007: 213; Балалыкина 2009: 212], множество «как единство» [Моисеев 1980: 145]. КЧ в противоположность этому называют «отдельно существующие или сосчитанные единицы» [Чепасова 1999: 46]; «количество, состоящее <...> из мыслимых в отдельности единиц» [Аванесов 1945: 141].

Особенности реализации указанных значений в речи, как правило, не раскрываются. Очевидно, во многом именно это и

позволяет другим лингвистам отказывать СЧ в наличии у них значения совокупности [Гвоздев 1973: 271; Сов. рус. яз. 1964: 111; Валгина 1966: 214; Имя числительное 1987: 9; Богданов 1997: 218] и, соответственно, говорить о семантическом различии КЧ и СЧ на современном этапе развития русского языка. Специфику СЧ эти исследователи видят лишь в их ограниченной сочетаемости и «некотором указании на лицо» [Гвоздев 1973: 271]. Существенных доказательств в защиту своей позиции они не предоставляют. Более того, некоторые аргументы, которые ими используются, следует признать не вполне корректными.

Так, в ряде работ вывод об отсутствии у СЧ особого значения предлагается сделать в результате сопоставления единичных примеров, которые вырваны из контекста и даже не сопровождаются комментариями: «Указанные слова (СЧ. — *Е.Ш.*) не обнаруживают особого семантического своеобразия по сравнению с количественными (ср.: *семеро козлят — семь коз*), что делает само название разряда условным» [Богданов 1997: 218]; «никакого особого семантического оттенка эти числительные по сравнению с количественными не имеют (ср.: <...> *двое студентов* и *две студентки* и т.п.» [Сов. рус. яз. 1964: 111; см. также: Валгина 1966: 214; Гвоздев 1973: 271]. Примеры-словосочетания, приводимые в таких работах, стоит, на наш взгляд, рассматривать, скорее, как иллюстрации к требованиям кодифицированной нормы. Фактическую синтагматику КЧ и СЧ на современном этапе развития русского языка они не вполне отражают, в частности это касается использования рассматриваемых числительных для указания на количество лиц женского пола. СЧ достаточно регулярно встречаются в подобных случаях, о чем свидетельствуют наблюдения за русской речью последних 50 лет (правда, по одним данным, частота употребления СЧ невелика [Краткая русская грамматика 2002: 283; Виноградов 1972: 249; Лукин 1973: 99], по другим — они «широко используются как в языке ведущих наших писателей, так и в языке периодической печати, радио и телевидения» [Шербаков 1969: 16], причем «в контекстах, не позволяющих однозначно квалифицировать их как разговорные» [Имя числительное 1987: 12; см. также: Качевская 1968: 65—66; Граудина 1980: 236]).

В одном из учебников указывается, что отсутствие значения совокупности у СЧ «подтверждает сравнение этих числительных с количественными в таких случаях: *Не проголосовали трое — три человека; Пятеро не пришли — пять человек не пришло*» [Гвоздев 1973: 271]. Но при этом не учитывается тот факт, что слова *трое, пятеро* в приведенных примерах выступают в роли имен существительных и не должны в обязательном порядке реализовывать все значения, закрепленные за омонимичными СЧ. Вариантными единицами здесь, очевидно, следует считать не слова в парах *трое — три, пятеро — пять* (они имеют абсолютно несопоставимые значения — одушевленного предмета и абстрактного количества соответственно), а самостоятельные (субстантивированные) СЧ и словосочетания, состоящие из имени существительного *человек* и КЧ: *трое — три человека, пятеро — пять человек*.

Отрицание «особого семантического своеобразия» [Богданов 1997: 218] СЧ по сравнению с КЧ между тем подразумевает отрицание существования целого разряда, который традиционно выделяется в системе русского языка (поскольку условием признания некоторой группы языковых единиц грамматической категорией, как известно, является одновременное наличие у них не только специфической материальной формы, но и общего грамматического (категориального) значения).

На наш взгляд, реальное функционирование числительных в большей степени отражает третий (не очень распространенный) подход к толкованию их семантики, который представлен, например, в «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка» (далее в ссылках на источник сокращенно — НОСС), в работах Л.К. Граудиной, Г.А. Качевской. Согласно данному подходу, семантические различия между КЧ и СЧ являются очень тонкими и в ряде случаев «полностью нейтрализуются» [НОСС 1999: 69]; значение совокупности у СЧ существует, но проявляется непоследовательно, обнаруживается не во всех контекстах [Качевская 1968] (чаще всего «смешение значений» происходит при сочетании СЧ с именами существительными, называющими лиц мужского пола [Граудина 1980: 236]). Более того, сторонниками данного подхода прямо или косвенно отмечается определенный субъективизм в восприятии и осозна-

нии категории собирательности носителями современного русского языка: СЧ может употребляться, если людей, количество которых оно обозначает, «объединяет сам говорящий, — обычно потому, что он их видит (или представляет) вместе» [НОСС 1999: 70; см. также: Аванесов 1945: 141]. На ранних этапах развития русского языка понятие совокупности было, очевидно, более строго детерминировано: так, «в средневековых текстах», по утверждению Г.А. Хабургаева, «*двое, трое детей* — это <...> всегда дети одной семьи; *трое коров, пятеро лошадей* — всегда скотина одного хозяина» [Хабургаев 1990: 265].

В «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка» на примере лексемы *двое* коротко характеризуются отдельные смысловые оттенки, которые могут формироваться посредством СЧ: «*двое* в одном из своих употреблений предполагает, что данные люди выделены из большей совокупности» [НОСС 1999: 69—70]; «*двое* предполагает, что два человека делают что-либо совместно, причем одновременно и в одном и том же месте» [НОСС 1999: 70]. Обращение только к этим двум оттенкам уже позволяет понять, насколько неоднородны факты употребления СЧ в современной русской речи. Последнее является объективным препятствием к установлению их семантической специфики на фоне КЧ.

Семантическая специфика КЧ и СЧ в понимании ряда исследователей не сводится к наличию у этих слов значений (оттенков) совокупности / расчлененности. Так, некоторые лингвисты указывают, что СЧ «гораздо “субстанциональнее”, предметнее», чем КЧ [Виноградов 1972: 249; см. также: Богданов 1997: 218; Балалыкина 2003: 124], и способны называть только количество каких-либо объектов, но не отвлеченные (абстрактные) числа [Камынина 1999: 110]. «В силу своей предметности» СЧ легко субстантивируются и в «изолированной» позиции (т.е. вне количественно-именных словосочетаний с другими субстантивированными словами, с именами существительными или личными местоимениями) обычно обозначают людей [Супрун 1964: 89]. Академик В.В. Виноградов даже усматривал «в значении и употреблении» этих слов **категорию лица** [Виноградов 1972: 249; см. также: Гвоздев 1973: 271; Тихонов 2002: 290; Русская грамматика 1980: 575; Чеснокова 1992: 45].

Что касается КЧ, то, по мнению многих лингвистов, они не способны приобретать предметное значение и в «изолированной» позиции называют абстрактные числа [Супрун 1964: 89]. Несколько реже встречаются утверждения о том, что субстантивация КЧ возможна, однако носит ситуативный характер [Высоцкая 2006: 194], «имеет ситуативно-речевое проявление» [Гайнутдинова 2010: 252].

Помимо указанных выше значений, А.Н. Тихонов и Н.М. Шанский выделяют у КЧ особое счетное значение [Сов. рус. яз. 1987: 135]. Оно «не требует употребления имени существительного. Однако при счете предметы хотя и не называются, но всегда имеются в виду. Ср.: *одна, две, три, четыре (книги), одно, два, три, четыре (пера)*» [Сов. рус. яз. 1987: 135]. А.Е. Супрун, характеризуя подобные конструкции, говорит о том, что вне сочетаний с существительными (при счете вслух) КЧ выступают не в особом счетном значении, а «со специфической счетной функцией» [Супрун 1964: 91]. Такой подход кажется нам более предпочтительным.

Необходимо также отметить, что, по свидетельству Г.А. Хабургаева, в XV—XVII вв. существовала связь СЧ не с категорией лица, а с категорией одушевленности [Хабургаев 1990: 265; см. также: Щербаков 1969: 7], в результате чего они свободно сочетались с наименованиями животных: *двое конев, пятеро куриць, шестеро животины рогатые, деветера свинеи, тридцатера куров* [Хабургаев 1990: 265]. Исследователь приводит тексты двух курских грамот начала XVII в., «одна из которых является истцовой жалобой, составленной частным лицом, а другая — официальным протоколом следствия, составленным писцом-профессионалом: *А грабежу взяли четвера лошаде(й) да четырея зипуна да четырея топоры да четырея шапки да четырея потпяски бѣлых <...>; И грабежемъ четверых лошадей да четырех зипунов да четырех топоров да четырех шапок да четырех подпясок бѣлых... не имывали <...>*. Орфография каждого из документов не оставляет сомнений в различной степени грамотности писцов; однако в употреблении собирательных и количественных числительных они единодушны» [Хабургаев 1990: 265]. Это, видимо, по мнению Г.А. Хабургаева, и подтверждает неслучайность использования СЧ, их выбор в результате реализации

категориальных значений, объективно закрепленных за ними в языке. Возможно, отголоском данного состояния языковой системы является кодификация нормы, которая до сих пор допускает употребление СЧ с названиями детенышей животных, представляет такие сочетания как вариантыные [Сов. рус. яз. 1964: 110], параллельные [Сидоренко 2002: 41] сочетаниям с КЧ.

Варьирование КЧ и СЧ в зависимости от **гендерных признаков** считаемых объектов в семантическом аспекте (а не в нормативном) исследователями почти не рассматривается.

В некоторых работах все же указывается, что начало формирования СЧ как грамматического разряда связано с тем периодом «в развитии языка, когда категория одушевленности еще не сложилась, а категория лица охватывала названия лиц только мужского пола» [Виноградов 1972: 249; см. также: Лукин 1973: 99; Балалыкина 2009: 212]. Данный факт определил возникновение запретительной нормы в части использования СЧ для указания на количество лиц женского пола (или уже — в сочетании с именами существительными женского рода): «Существительные женского рода, обозначающие лица, так же как и названия животных, по традиции не должны иметь при себе собирательных числительных даже в тех случаях, когда в словосочетании с существительным передается оттенок собирательности» [Граудина 1980: 236; см., например, также: Богданов 2004: 50; Скворцов 2003: 199; Супрун 1964: 74; Супрун 1969: 106; Камынина 1999: 110; Акимова 2003: 64 и др.].

Способность СЧ указывать на мужской пол в современной русской речи оценивается исследователями противоречиво.

С одной стороны, Г.А. Качевская пишет, что СЧ для носителей русского языка все же «стали приметой мужского рода» [Качевская 1968: 63]. Этим она объясняет появление нормы [см., например: НОСС 1999: 69; Рахманова 1997: 372], рекомендующей использовать СЧ в сочетании с именами существительными мужского рода, изменяющимися по первому («женскому») склонению, то есть имеющими в именительном падеже единственного числа флексию *-а*. «Парадигма склонения количественных сочетаний с существительными мужского и женского рода совпадала бы при употреблении КЧ, ср.: *четыре женщины (мужчины), четырех женицин (мужчин)* и т.д.», а «собирательные

числительные дают возможность устранить такое совпадение» [Качевская 1968: 63]. Исключение, по свидетельству Г.А. Качевской, составляют собственные существительные на *-а*, являющиеся уменьшительными именами (*Петя, Сережа*): для них «нормой стали сочетания с количественными числительными» [Качевская 1968: 63]. Т.Е. Янко, однако, особо подчеркивает, что «феминизирующий эффект женской синтаксической модели» проявляется только при использовании КЧ *три, четыре* и отчасти *два* [Янко 2002: 171]. «Вне специфических синтаксических сочетаний с числительными *два, три* и *четыре* существительные мужского рода на *-а* не несут отпечатка женскости» [Янко 2002: 172].

С другой стороны, Л.К. Граудина свидетельствует о том, что «речевая практика уравнивает существительные женского и мужского рода» и «в применении к лицам собирательные числительные сейчас употребляются достаточно широко, безотносительно к полу названного лица» [Граудина 1980: 236; см. также: Щербаков 1969: 16].

Е.Н. Сидоренко отмечает отсутствие связи с идеей мужского пола у тех СЧ, которые употребляются «без зависимых существительных» [Сидоренко 2002: 123]. Г.А. Качевская полагает, что именно «широкое употребление субстантивированных (собирательных. — *Е.Ш.*) числительных для обозначения лиц женского пола» [Качевская 1968: 65] способствовало появлению сочетаний типа *трое женщин, пятеро девочек*; причем «более свободно» в этой группе используются слова *пятеро* — *десятеро*, поскольку, по мнению исследователя, «они никогда не были приметой мужского рода в сочетаниях с существительными» [Качевская 1968: 66].

* * *

Как отмечалось выше, анализ варьирования КЧ и СЧ в современной лингвистике имеет во многом несистемный характер. В частности, выводы как о существовании, так и об отсутствии семантических различий между КЧ и СЧ иногда представляются с опорой на единичные факты (примеры); не принимаются во внимание особенности взаимодействия числительных с другими языковыми единицами, наличие которых в тексте может во многом определять выбор разряда.

В достаточной степени цельная концепция варьирования числительных (правда, применительно только к их сочетаниям с именами существительными) отмечена нами лишь в статье Т.Е. Янко «Русские числительные как классификаторы существительных» [Янко 2002]. Исследователь связывает выбор числительного с типом концептуализации человека, который представляет сочетающееся с ним имя существительное. В работе выделяется четыре типа концептуализации: 1) ‘человек как индивид, воплощающий в себе некоторый признак’; 2) ‘человек как имя или функция’; 3) ‘человек как физическое тело’ и 4) ‘человек как мера’.

При первом типе концептуализации представляется живой человек, который «характеризуется неким онтологическим признаком», обладает душой, памятью и телом [Янко 2002: 173].

Второй тип «охватывает личные имена, роли людей в ситуациях, в частности в пьесах, функции человека в отвлечении от конкретного человека, должности, титулы, саны, степени и звания» [Янко 2002: 173]. Рассматривая вопросы нормы и стилистические аспекты варьирования КЧ и СЧ, многие лингвисты в нейтральной речи в сочетании с наименованиями высоких должностей, воинских и почетных званий, ученых званий и степеней, с названиями профессий, представляющихся значительными, и т.п. рекомендуют употреблять именно КЧ, а не СЧ [Балалыкина 2003: 125; Атавина 2000: 181], поскольку если «существительное обозначает лицо в некотором смысле уникальное, например, находящееся на верхних ступенях общественной иерархии, то сочетание с [СЧ] обычно указывает на то, что говорящий игнорирует эту уникальность» [НОСС 1999: 68–69]. Т.Е. Янко, напротив, вполне допускает возможность использования СЧ со словами типа *сенатор*, *боярин*, если они называют человека как индивида (исследователь, правда, признает, что обычно «сочетаемость существительных с числительными выравнивается по семантическому стандарту и идиоматизируется. При этом семантический стандарт и, соответственно, статистическая частотность определяются стержнем соответствующего концепта» [Янко 2002: 178]).

Третий тип концептуализации (‘человек как физическое тело’) называется автором «редким, нестандартным» и раскрывается в

основном через текстовые примеры: (*выходит, спотыкается об Гоголя и падает*). *Вот черт! Никак об Гоголя!* (Хармс); *Человек на девяносто процентов состоит из воды* [Янко 2002: 175].

В связи с четвертым типом концептуализации человек рассматривается как мера человеческих качеств, а также как мера пространства, времени, веса: *Он сидел через четыре зрителя от меня; До моего выступления еще один докладчик; Один штангист весом как два бегуна* [Янко 2002: 176].

Согласно наблюдениям Т.Е. Янко, СЧ сочетаются с именами существительными только в первом подзначении, в остальных случаях используются КЧ, «которые не чувствительны к семантическим оппозициям ‘лицо’ — ‘имя’ — ‘тело’» [Янко 2002: 178].

4.2. Варьирование КЧ и СЧ в современной русской речи

Выбор разряда числительного носителями современного русского языка осуществляется с учетом собственной семантики КЧ и СЧ, а также семантики других языковых единиц, входящих в контекст (слов, их грамматических форм, синтаксических конструкций), и того смысла, который они формируют [Щеникова 2012: 345]. На материале текстов, представляющих книжный (художественный) и телевизионный (спортивный, новостной, развлекательный) дискурс, последовательно рассмотрим реализацию указанных в специальной литературе и выявленных нами семантических/смысловых оттенков, которые могут выражаться посредством КЧ и СЧ.

Указание на совокупное количество

Проведенный нами анализ показывает, что СЧ все же способны передавать идею совокупного, нерасчлененного количества.

Основания для объединения живых существ в группы крайне разнообразны. Некоторые из них являются достаточно универсальными, другие можно обнаружить только в отдельных типах дискурса.

Самой распространенной является группировка на основании **производимого действия**: *В ходе проверки было установлено,*

что двое граждан организовали торговлю бахчевыми культурами прямо с «Газели» (Волга. 30.07.13. Новости); <...> прогуливался Николай возле храма. <...> Вдруг видит, двое рабочих у самой стены траншеею роют — кабель класть (Акунин Б. «Губы-раз, зубы-два»).

Группировка по действию достаточно часто наблюдается в том варианте, который зафиксирован в «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка»: некое количество людей делает «что-либо совместно, причем одновременно и в одном и том же месте» [НОСС 1999: 70]: *Колесников берет инициативу на себя. Но опять же не самый удачный момент он для этого выбирает: двое соперников висели на нем (Спорт. 11.07.09. Баскетбол).* Этот тип группировки особенно распространен в художественном дискурсе. Близкое местоположение персонажей часто связано с перемещением ими людей (убитых, раненых, арестованных и т.п.) либо тяжелых и громоздких предметов: *<...> Варя с радостью увидела, что пленного офицера они все-таки отбили: двое казаков за руки и за ноги везли обмякшее тело в черном мундире (Акунин Б. «Турецкий гамбит»); Поехали на автобусе в крематорий, опять он в числе четверых мужчин нес гроб. Стал как бы своим (Петрушевская Л.С. «Богиня парка»).* Достаточно последовательный выбор СЧ в подобных случаях, очевидно, связан с заботой авторов художественных произведений о верности зрительных образов, которые должен порождать текст.

Если в художественных текстах живые существа обычно объединяются в группы на основании действий, которые осуществляют сами, то в текстах СМИ нередко группировка на основании действий, направленных на считаемых субъектов извне: *Сбежавшие в Нижегородской области преступники объявлены в федеральный розыск. Сейчас троих беглецов разыскивают уже более тысячи человек (Волга. 29.07.13. Новости); Госпитализированы из них двое (Волга. 29.07.13. Экипаж); Трое сотрудников милиции с ранениями доставлены в больницу (Первый канал. 11.11.09. Время); В эти минуты суд Ярославля избирает меру пресечения еще двоим фигурантам дела о вымогательстве сорока пяти миллионов рублей у местного предпринимателя (Россия-1. 05.07.13. Вести); Вменяем и будет отвечать. Судят белгородского стрелка, убившего шестерых человек (НТВ. 22.07.13. Сегодня).*

Другим основанием для группировки живых существ является их **связь с каким-либо третьим лицом или группой** (точнее, принадлежность к этой группе). В качестве тесной совокупности представляются соседи, друзья, сообщники одного человека; члены одного отряда, одной семьи: *Сейчас девушка и трое ее соучастников-мужчин арестованы* (Первый канал. 01.08.13. Другие новости); *Суд учел раскаяние обвиняемого и то, что на его издвении находятся двое малолетних детей* (Пятый канал. 30.07.13. Место происшествия); *А четверо Елизаветиных друзей именно живут в раю, ходят по вечерам друг к другу в гости* (Петрушевская Л.С. «Рай, рай»); *В далеком 1847 году двое дворовых людей помещика Лесневского вдруг решили его убить* (Свечин Н. «Чиргуши»).

В спортивном дискурсе очень четко выделяется круг текстов, где СЧ называют количество людей, составляющих одну команду в конкретном забеге, заплыве и т.п.: *Сегодня мы будем болеть за Светлану Слепцову, Екатерину Юрьеву, Альбину Ахатову, Ольгу Медведеву и Ольгу Зайцеву. Именно эти пятеро заслужили право участвовать в гонке с общего старта* (Спорт. 11.01.08. Биатлон); *Нам остается узнать, как выступили другие россиянки. Их на дистанции, напомню, было пятеро* (Спорт. 21.02.09. Лыжные гонки).

В художественном и спортивном дискурсе рассматриваемое основание для группировки является наиболее частотным в группе сочетаний СЧ с одушевленными существительными pluralia tantum *дети, люди* (подобная квалификация этих слов отмечается как в специальных работах, посвященных проблеме супплетивизма [Филин 1963: 132; Мельчук 1972: 408, 413; Немченко 2000: 165], так и в работах, посвященных варьированию КЧ и СЧ [Качевская 1968: 62]). В большинстве случаев здесь происходит указание на связь *n*-го количества детей с одним или двумя общими родителями: *Предположим, у меня двое детей* (Акунин Б. «Внеклассное чтение»); *Все это женщины, у которых двое детей, которые в основном составе сборной команды России* (Спорт. 30.01.09. Лыжные гонки). Таким образом, можно сделать вывод, что употребление СЧ в подобных случаях определяется реализацией живых языковых процессов, а не только сложившейся традицией словоупотребления, особенностями управле-

ния (как известно, КЧ *два(е), три*, управляя существительными, требуют их постановки в форму единственного числа, что невозможно сделать со словами *pluralia tantum*) или нормой (в некоторых работах утверждается, что СЧ в сочетаниях со словом *дети* выступают «в виде единственно возможного количественного определителя» [Сов. рус. яз. 1964: 110; см. также: Рахманова 1997: 372—373]).

В наиболее явной форме информация об отнесенности, принадлежности выражается при помощи конструкций типа «у + мест_{р.п.}/сущ_{р.п.} + количественно-именное словосочетание с отношениями восполнения»: *Он счастлив в браке, у него двое очаровательных сыновей* (Свечин Н. «Пуля с Кавказа»); *А отец ее шел своим путем, у него росло двое сыновей* (Петрушевская Л.С. «Борьба и победа»). В качестве формальных показателей группировки, как видно из приведенных выше примеров, могут также использоваться притяжательные местоимения и прилагательные (*ее, его, Елизаветиных*); в некоторых контекстах указание на отнесенность осуществляется в описательной форме: *Теперь мать. <...> Сейчас замужем, двое детей, живет в Калининграде* (Акунин Б. «Фантастика»).

Реализация семы совокупности связана также с представлением некоторой **массы** живых существ **как силы**, способной достичь положительного результата в процессе своей деятельности: *Трое шведов против Брюса Амбюля. Поэтому ничего удивительного нет в том, что атака швейцарцев заглохла* (Спорт. 03.05.09. Хоккей). Данное основание для группировки характерно прежде всего для текстов спортивного дискурса. Оно используется при оценке промежуточных и окончательных результатов соревнований, а также перспектив команды на следующих стартах, причем реализуется при комментировании не только командных видов спорта (хоккей, баскетбол), но и индивидуальных (биатлон, плавание, легкая атлетика). В последнем случае речь, как правило, идет о вхождении некоторого количества спортсменов сборной в лидирующую группу: *Ну, в общем эти двое россиян поборются за попадание в десятку сильнейших и будут представлять из себя очень грозную силу на гонке преследования* (Спорт. 31.01.09. Биатлон); *Итак, в первой четверке трое норвежцев* (Спорт. 10.01.09. Биатлон); *Надо отметить выступление на*

*чемпионате французских мужчин. Все **трое** завершили соревнования в первой пятерке* (Спорт. 25.01.09. Фигурное катание).

Группировка по признаку ‘масса как сила’ во многих случаях предполагает некоторый элемент противопоставления (противнику), однако он никогда не выходит на первый план. Значительно большую роль **противопоставление** играет при группировке по другим основаниям.

Так, оно практически всегда сопровождает группировку **по сходному/тождественному, но не совместному действию**: *Из пяти президентов Египта лишь двое победили на выборах* (ТВЦ. 04.07.13. События); *Вот сейчас из четырех спортсменов трое приготовили мощнейший прыжок — два с половиной оборота назад с двумя с половиной винтами* (Спорт. 21.07.09. Прыжки в воду); *Только эти двое единственный раз побывали в боксах по ходу сегодняшней гонки. Эти двое шли на очень поздние пит-стопы* (Спорт. 25.08.09. Формула-1). Указание на контрастную группу/лицо, как видно из примеров, не во всех случаях выражается прямо, может уходить в пресуппозицию высказывания.

По многим другим признакам живые существа группируются исключительно на базе противопоставления. Непосредственными основаниями для группировки в этих случаях, как правило, выступают их социально-психологические, реже — физические свойства. Конкретные признаки, по которым люди объединяются в группы (‘настоящие — ненастоящие’, ‘нормальные — ненормальные’, ‘лучшие — худшие’, ‘старые — новые’, ‘официальные лица — неофициальные лица’ и т.п.), в большинстве случаев являются единичными и плохо поддаются классификации. Однако все же можно выделить несколько их типов.

Наиболее общим основанием для группировки является противопоставление по признаку ‘свой — чужой’. В разных типах дискурса оно имеет разные варианты реализации. В частности, в детективном дискурсе оно чаще всего наблюдается в виде модификации ‘я (мы) — враги’, что напрямую связано с содержанием соответствующих произведений: в них часто описываются вооруженные конфликты, драки, погони и т.п.: *Закончил Митя словами: — Надо в деревню бежать, за подмогой. А еще лучше солдат. Этих-то пятеро, и все с оружием* (Акунин Б. «Внеклассное чтение»). ‘Враги’, количество которых называ-

ется, в подобных случаях воспринимаются не дифференцированно, а как совокупный источник опасности. Это может объясняться особенностями описываемых ситуаций: ‘враги’ скрыты от непосредственного наблюдения стенами домов, уступами скал и т.п., в результате чего их невозможно зрительно воспринимать как самостоятельные единицы. Аналогичные контексты иногда встречаются и в новостном дискурсе: *В Одессе спецназ взял штурмом дом, где укрывались преступники, убившие милиционеров. Все трое бандитов ликвидированы* (Первый канал. 01.10.11. Время).

Дополнительным основанием для выбора СЧ, а не КЧ может быть использование в рамках количественно-именных словосочетаний субстантиватов типа *наши, свои*, которое предполагает как минимум имплицитное противопоставление ‘своих’ ‘чужим’. Влиянием семантического фактора в таких случаях можно частично объяснить отступления от общепризнанных нормативных предписаний, и в частности употребление СЧ для указания на количество лиц женского пола: *Любовь Моргунова как бы лучшая среди наших. Рядом Светлана Захарова и Алевтина Биктемирова. Все это укладывается в интервал двух секунд. Так что трое наших среди лидеров, и точка* (Спорт. 23.08.09. Легкая атлетика). В спортивном комментаторском дискурсе группировка лиц по признаку ‘свой — чужой’ реализуется периодически, однако в «чистом» виде почти не встречается. Можно предположить, что соответствующее противопоставление, с одной стороны, не подчеркивается говорящими из соображений политкорректности (спортсмены нередко обозначаются посредством существительных типа *россияне, французы, немцы, норвежцы*, и здесь оно во многих случаях воспринималось бы как попытка столкновения наций), а с другой — заложено в пресуппозицию и не требует дополнительного вербального выражения.

В художественном и новостном дискурсе СЧ регулярно используются также при реализации противопоставления по признаку ‘живые — мертвые’. Оно может быть представлено в разных вариациях, например ‘убитые — раненые’, ‘исцеленные — неисцеленные’ и т.п. В одних случаях в текст включаются соответствующие лексемы, в других — прямая номинация признака отсутствует и рассматриваемая идея выводится из

контекста: *Пятьдесят саженей открытой местности дорого дались атакующим: один терец был убит, двое ранены* (Свечин Н. «Пуля с Кавказа»); *Грянул залп, и трое бунтовщиков замертво покатались по ступенькам. Взвыли раненые* (Акунин Б. «Детская книга»). Особо обращает на себя внимание последовательное употребление СЧ журналистами разных телеканалов при освещении одних и тех же событий в рассматриваемом аспекте: *В то же время, по данным правительства региона, озвученным на селекторном совещании МЧС, погибли двадцать три, выжили пятеро, в том числе ребенок* (Первый канал. 02.07.13. Новости); *Спасателям сегодня удалось добраться до места катастрофы вертолета Ми-8 в Якутии. Выжили четверо: трое членов экипажа и двенадцатилетний мальчик. Остальные двадцать четыре человека, включая десятерых детей, погибли* (Пятый канал. 03.07.13. Сейчас); *В Якутии спасатели нашли вертолет, потерпевший крушение. Из двадцати восьми человек спаслись всего четверо: экипаж и двенадцатилетний мальчик* (Россия-1. 03.07.13. Вести). Подобные факты словоупотребления подтверждают, что выбор разряда в таких случаях закономерен, причем определяется не стилистикой конкретного канала, а влиянием живых семантических факторов.

Группировка по признаку '**лидеры — все остальные**' характерна в основном для спортивного комментаторского дискурса: <...> *между ними огромная разница и в возрасте, и в менталитете, английском и бразильском, и, казалось бы, нет ничего общего, но именно эти двое доминировали на протяжении всего уикенда* (Спорт. 25.08.09. Формула-1); *Из восьми спортсменов, которые согласно своим результатам попали в первый забег на дистанции двести метров, сразу пятеро выбегали в этом году в сезоне из двадцати четырех* (Спорт. 15.08.09. Легкая атлетика); *Свенсен, Бьёрндален, Сикора — вот трое главных действующих лиц. Приятно, что в эту группу ворвался и Николай Круглов* (Спорт. 13.12.08. Биатлон). Как видно из примеров, актуализация рассматриваемого семантического признака в речи спортивных телевизионных комментаторов свободно осуществляется вопреки традиционным нормативным предписаниям. В частности, не рекомендуется использовать СЧ при выражении почтительного [Голанов 1967: 135] отношения к лицам, которое отчетливо проявляется в последнем из приведен-

ных примеров и менее явно — в двух предыдущих. Впрочем, некоторые исследователи считают, что стилистические ограничения, налагаемые на использование СЧ в сочетании с именами существительными, в изолированной позиции (при субстантивации СЧ) снимаются [Голуб 2004: 262].

Гораздо реже, причем не в спортивных, а в развлекательных передачах, нами была отмечена группировка на базе противопоставления **‘аутсайдеры — все остальные’**: *Сегодняшняя фотосессия будет более напряженной еще и потому, что после нее двое девушек отправятся домой* (Ю. 30.06.13. Топ-модель по-американски); *На следующем отборе Лулу оказалась в числе двоих последних, но все же пыталась доказать судьям, что жаждет быть топ-моделью* (Ю. 30.06.13. Топ-модель по-американски).

Очевидно, что группировка по основаниям ‘лидеры — все остальные’, ‘аутсайдеры — все остальные’ не вполне самостоятельна (как правило, она детализирует группировку по сходному/тождественному, но не совместному действию), однако ее отдельное рассмотрение помогает лучше представить особенности варьирования КЧ и СЧ в конкретных типах дискурса и, как следствие, в языке в целом.

На базе противопоставления регулярно осуществляется группировка лиц **по возрасту**.

В новостном дискурсе при рассмотрении определенного типа ситуаций часто реализуется противопоставление **‘взрослые — дети’**, а именно дети стабильно выделяются в особую подгруппу при сообщении о стихийных бедствиях, авариях, пожарах и тому подобных происшествиях: *По словам свидетелей, всего в аварии пострадало семь человек, включая двоих детей* (Волга. 29.07.13. Экипаж); *Скорые к путям подберутся не сразу. Их понадобится много. Восемьдесят погибших, сто сорок раненых, тридцать очень тяжело, четверо среди которых — дети* (Россия-1. 25.07.13. Вести). В таких случаях мы наблюдаем СЧ даже в тех позициях, где по статистике они встречаются редко и могут быть заменены на КЧ, в частности:

- в сочетаниях со словами, имеющими нормальное числовое противопоставление: *Двое малышей, которые оказались среди сбитых пешеходов, уже готовятся к выписке из больницы* (Первый канал. 24.12.12. Новости);

- при указании на относительно большое количество лиц — от 5 до 10: *Среди спасенных — семеро детей* (Россия-1. 11.10.11. Вести); *Остальные двадцать четыре человека, включая десятерых детей, погибли* (Пятый канал. 03.07.13. Сейчас) (В.Н. Немченко выявлена следующая закономерность: «Чем меньше число лиц, обозначааемых числительным, тем больше вероятность употребления для его обозначения числительного собирательного, и наоборот» [Немченко 1998: 223]).

Противопоставление взрослых людей по возрастам встречается в разных видах дискурса, но связи с какими-либо типовыми ситуациями не обнаруживает ни в одном из них: <...> *возможен треугольник. Он и произошел, возник. Молодая женщина отдельно и те двое людей сильно постарше* (Петрушевская Л.С. «Найди меня, сон»); *А Ваня-то, молодец какой Черезов* (возрастной спортсмен. — Е.Щ.): *он третий!* <...> *Конечно, может, чуть-чуть обидно, что Черезов... Трех секунд не хватило ему, вот мы видим. Но... Но эти двое молодых, конечно, сегодня выступили просто блестяще!* (Спорт. 25.01.09. Биатлон).

* * *

Лица и животные могут группироваться на основании не только одного, но также двух, трех и более признаков. Сочетание многих признаков особенно типично для художественного дискурса, где оно способствует формированию цельных, законченных образов: *Впереди показалась большая парусиновая палатка и шлагбаум — турецкий пост.* <...> *Подшли двое солдат в лянлых синих мундирах и офицер при сабле — не иначе тот самый Саид-бей* (Акунин Б. «Пелагия и красный петух»). Описываемую ситуацию читатель видит глазами главной героини — монахини Пелагии; и СЧ *двое*, в числе прочих средств, помогает понять, каким она представляет себе окружающий мир. Пелагия объединяет солдат в группу по действию и связанному с ним положению в пространстве (они подошли к повозке, находясь рядом по отношению друг к другу), а также на основании ряда признаков социально-психологического характера. Солдаты противопоставляются офицеру, во-первых, по социальному положению и, во-вторых, по уровню личностной значимости: офи-

цера героиня выделяет как потенциально яркую личность, солдаты как личности интереса для нее не представляют, в результате чего и фиксируются ее сознанием не по отдельности, а группой (здесь реализуется тип группировки ‘свой — чужой’, который связан с первым зрительным восприятием массы незнакомых людей, причем принадлежащих к иной социальной группе).

Представленные выше основания для группировки реализуются при использовании СЧ не только с именами существительными, имеющими нормальное числовое противопоставление, но и в иных позициях: в сочетании с одушевленными существительными *pluralia tantum*, субстантиватами, личными местоимениями, а также в изолированной позиции.

Личные местоимения, в частности, можно даже рассматривать в качестве дополнительного объединяющего начала, поскольку сема совокупности заложена в их значении: местоимение «*мы* обозначает группу (выделено нами. — *Е.Щ.*) лиц, включающую говорящего» [Сов. рус. яз. 1987: 148]; «местоимение *вы* обозначает совокупность (выделено нами. — *Е.Щ.*) лиц: *вы* — это несколько собеседников, а также все лица, которых говорящий объединяет с собеседниками (“ты + другие”») [Сов. рус. яз. 1987: 148]. В сочетаниях СЧ с личными местоимениями основания для группировки, как правило, просматриваются даже лучше, чем в сочетаниях с именами существительными: *Двое из нас стояли, разинув варежки, а третий — это я — крепко держался руками за стол* (Маканин В.С. «Долгожители»). Так, в приведенном примере хорошо видна реализация группировки по действию на базе противопоставления. Особенно ярко, на наш взгляд, идея совокупности может проявляться:

- в предложениях типа *Нас было двое*, где СЧ, как пишет А.Е. Супрун, «входит в сказуемое (главный член) безличного предложения» [Супрун 1964: 75] (назовем их условно конструкциями переходного типа);
- в сочетаниях, построенных по схеме «личное местоимение *вы* + согласованное СЧ» и выполняющих функцию обращения: — *Руки велю оторвать, образина! — рывкнул он на кауфера по-французски. — Отойди прочь. А вы двое, сюда!* (Акунин Б. «Внеклассное чтение»).

Таким образом, преобладание СЧ в сочетаниях с личными местоимениями, как и в сочетаниях с одушевленными существительными *pluralia tantum*, определяется влиянием не только нормы (некоторые исследователи утверждают, что СЧ при личных местоимениях выступают «в качестве единственно возможного количественного определителя» [Сов. рус. яз. 1964: 110; см. также: Козырева 1972: 65; Рахманова 1997: 372—373]) или устоявшейся традиции словоупотребления, но и живых семантических факторов.

Указание на расчлененное количество

Конкретные проявления семантики расчлененности, связанные с использованием КЧ, столь же разнообразны, как и проявления семантики совокупности. Рассмотрим наиболее типичные из них.

Самым простым в смысловом отношении основанием для «разгруппировки» является **положение** тех или иных объектов в **пространстве**. КЧ, в частности, могут указывать на количество лиц, между которыми находится еще один человек: *Когда пришло время выходить, то он встал с облегчением, но тут же попал в небольшую давку, затесался между двумя людьми* (Петрушевская Л.С. «Номер Один»); *Она шла меж двух жандармов* (Акунин Б. «Декоратор»); *Мы знаем, что Аркадий вторую половину плавает очень мощно. Сейчас пока, перед тем как сделать поворот, он подтянулся к лидером. Пока между двумя японцами американец Гревьерс* (Спорт. 27.07.09. Плавание). Часто лица, количество которых называется, образуют достаточно устойчивые группы в каком-либо ином отношении (например, спортсмены, входящие в одну сборную) и в значительной степени могут быть противопоставлены тем, кто их разделяет в пространстве (например, жандармы и арестованный ими человек); но в подобных контекстах соответствующие смысловые оттенки не актуализируются.

В спортивном дискурсе идея расчлененности часто реализуется в тех случаях, когда люди рассматриваются в связи с их **положением в рейтинге, в таблице результатов** соревнований: *Дальше Кавалайнен и Райконен — два финна на третьей и четвертой позициях, на «Макларане» и «Феррари» соответственно*

(Спорт. 25.08.09. Формула-1); *Вот так выглядит таблица. Это пока десять лучших участников (Россия-2. 11.01.10. Бобслей); Да, пока два немецких пилота возглавляют турнирную таблицу. Сразу вслед за ними идут три швейцарских экипажа (Россия-2. 16.01.10. Бобслей); Пять спортсменов, которые после короткой программы занимают первые пять мест, соревнуются в одной разминке и выйдут на лед для представления своих произвольных программ в следующем порядке (Россия-2. 21.01.10. Фигурное катание). При рассмотрении лиц в данном аспекте в нашем сознании, очевидно, устанавливается следующее соответствие: «одна позиция — один спортсмен». Использование в таких случаях СЧ, которые способны формировать представление о группе, может приводить к искажению смысла. Так, высказывание **Двое финнов на третьей и четвертой позициях* можно, например, истолковать следующим образом: спортсмены завершили соревнования с одним и тем же результатом и разделили между собой третье и четвертое места.*

Включение в текст СЧ выглядит особенно некорректным, если:

- спортсмены занимают в рейтинге несмежные позиции: *<...> ни на чемпионате Европы, ни на чемпионате мира мы не попадали в десятку сильнейших, а тут сразу две спортсменки сейчас, скорее всего, займут четвертое и восьмое места (Россия-2. 10.01.10. Конькобежный спорт); ср.: **Двое спортсменов сейчас, скорее всего, займут четвертое и восьмое места;**
- при описании их позиций используются слова с «разделительной» семантикой: *Так что, действительно, восемнадцать очков теперь соответственно между двумя этими гонщиками, между двумя партнерами по команде Браун (Спорт. 25.08.09. Формула-1); ср.: **Так что, действительно, восемнадцать очков теперь соответственно между двоими этими гонщиками, между двоими партнерами по команде Браун.**

В ряде контекстов спортивного дискурса наблюдается контаминация рассмотренных выше оснований для разгруппировки (положение в пространстве и положение в таблице результатов): *Я уже сказала, начав успешно выступать с зимы, когда он вкли-*

нился между двумя американцами на дистанции шестьдесят метров, он продолжил это успешное выступление на чемпионате Европы уже на дистанции сто метров (Спорт. 05.07.09. Легкая атлетика); см. также пример выше: *Пока между двумя японцами американец Греверс* (Спорт. 27.07.09. Плавание).

Основанием для раздельного представления лиц может служить их **положение во времени**: *Ну что ж, нам осталось увидеть выступление пяти лучших по результатам первой попытки. Порядок будет такой* (Россия-2. 23.01.10. Скелетон); *Прошло уже полтора десятка лет, сменились еще два российских президента, но гаагский трибунал, год за годом в трудах, собирал новые подтверждения той старой вины* (Маканин В.С. «Одnodневная война»). КЧ позволяют подчеркнуть, что лица осуществляют некие действия, пребывают в определенном статусе не одновременно (и совместно), а в разные периоды времени.

Лица могут представляться как отдельно существующие единицы **на основании** производимого ими или в отношении них **действия**, точнее, характера этого действия: *Следователи работают с пятью фигурантами* (Россия-1. 05.07.13. Вести). Использование КЧ в данном случае позволяет предположить, что следователи работали не с группой лиц, а с каждым в отдельности. Во многих контекстах характер действия прямо задается отдельными лексемами: *Юнсон стягивает к себе двух соперников, отдает передачу на свободное место* (Спорт. 08.05.09. Хоккей) — для того чтобы соединить («стянуть») какие-либо объекты, необходимо, чтобы до этого они не образовывали между собой группы (например, как в данном случае, были разделены в пространстве); *Вот, например, он сравнивает двух философов, Бодриера и Дерриду* (Пелевин В.О. «Македонская критика французской мысли») — такое действие, как сравнение, невозможно произвести, воспринимая объекты как единое целое, не разделяя их; группу (совокупность) (**двое философов*) можно сравнить только с другой группой или отдельным человеком, но при этом ее составляющие будут выступать в качестве особой сложной единицы.

Употребление КЧ может быть связано с различными **социально-психологическими особенностями лиц**, количество которых называется.

В частности, эти числительные указывают на количество людей, **уникальных в каком-либо отношении**. Соответствующая идея может выражаться как эксплицитно: <...> *часто ли бывает, чтобы двум совершенно разным людям снился один и тот же сон?* (Акунин Б. «Любовница смерти»); *В мире нет двух похожих людей с одинаковыми именами* (Пелевин В.О. «Священная книга оборотня»), так и имплицитно: *Предлагаю нечто куда более надежное — личное соглашение двух Вождей* (Акунин Б. «Шпионский роман») (способность быть вождем предполагает наличие у человека редких, присущих очень немногим людям личностных качеств).

Как самостоятельные единицы представляются **противоборствующие стороны**. Это могут быть участники бытовых конфликтов: *Итак, корт пустует, бассейн сухой, две старухи ведут партизанскую войну* (Петрушевская Л.С. «Рай, рай»); спортсмены, являющиеся соперниками на каких-либо соревнованиях: *Разминка окончена, и пять лучших фигуристов по итогам короткой программы готовятся разыграть между собой медали чемпионата Европы две тысячи десятого года* (Россия-2. 21.01.10. Фигурное катание); *Ну а борьба идет между двумя спортсменами из Соединенных Штатов Америки* (Спорт. 21.11.09. Бобслей). В последнем случае и ему подобных (так же, как при обзоре рейтингов, результатов соревнований) принадлежность спортсменов к одной команде не актуализируется, напротив, подчеркивается идея, что каждый выступает сам за себя.

При реализации идеи расчлененного количества в контексте, помимо КЧ, часто присутствуют слова, которые обладают соответствующими семами: *бороться, борьба, между, разные, спор* и т.п. Нельзя, однако, воспринимать данные единицы как элементы, требующие обязательного использования КЧ, а употребление СЧ в сочетании с ними — как факт семантического неразличения разрядов. Анализ формальных показателей имеет смысл лишь после того, как точно определен аспект, в котором рассматриваются считаемые объекты: *Посмотрите, Черезов опередил Бьёрндалена, вышел на третье место, но за победу он уже не поборется. Поборются двое молодых. Двое молодых — Штефан и Ландертингер* (Спорт. 25.01.09. Биатлон). Употребление словосочетания с СЧ (*двое молодых*) при глаголе *поборются*

в приведенном контексте является абсолютно оправданным, семантически обоснованным, поскольку акцент в высказывании делается не на борьбе между молодыми спортсменами, а на противопоставлении тех, у кого есть шанс занять первое место в гонке (*молодых*), тем, у кого этого шанса уже нет.

Сема расчлененности актуализируется в **ситуациях счета**, когда количество объектов определяют, «перебирая» их по одному: *Посчитал! Посчитал! <...> Представитель Бахнейна Юсуф Саафкамиль, он пальцем буквально пересчитывал: раз, два, три, четыре, пять. Четыре человека передо мной — я пятый, все нормально, можно не напрягаться* (Спорт. 15.08.09. Легкая атлетика); *В магазине уже не шумели. Послышался голос Фандорина: — Один, два, три, четыре... где же пятый... ах, вот — пять* (Акунин Б. «Ловец стрекоз»). Осуществляя элементарные математические действия (сложение, вычитание), мы также оперируем единицами, а не их совокупностями: *А вот министры продолжают уходить. Сегодня написал заявление еще и глава МИДа. Теперь в правительстве не хватает уже одиннадцати человек. А еще минус три губернатора* (Первый канал. 02.07.13. Новости).

В случае (образного) деления, **дробления** одного **объекта на части** количество этих частей также обозначается посредством КЧ. Речь, в частности, может идти:

- о способности актера перевоплощаться во множество персонажей: *Она олицетворяет вечно ускользающую красоту юэна. Это не одна женщина, а десять, двадцать: и Джульетта, и принцесса Греза, и Офелия, и Орлеанская Дева, и Маргарита Готье* (Акунин Б. «Весь мир театр»);
- о возникновении эффекта множественной личности под воздействием психотропных средств: *Ты хоть знаешь, что это пропуск на пять человек? А ты здесь один. Или тебя пять? Когда Татарский снова пришел в себя, он подумал, что действительно вряд ли переживет сегодняшнюю ночь. Только что его было пять, и всем пяти было так нехорошо, что Татарский мгновенно постиг, какое это счастье — быть в единственном числе* (Пелевин В.О. «Поколение “П”»);
- о создании материальной (физической) копии человека, двойника: *По словам Карпенки, Вассер своего радиста в лицо не знает, но вдруг видел фотографию или имел словес-*

ный портрет. Поэтому шеф приказал Егора загримировать. Наверно, чудная была картина — наблюдать со стороны за двумя Карпенками, когда они сидели друг напротив друга, похожие, как родные братья: лопухие, со стрижкой ежиком и разговаривают одинаково (Акунин Б. «Шпионский роман»).

КЧ способны не только указывать на расчлененное количество, но и формировать ряд других смысловых оттенков. По всей вероятности, это связано с тем, что их значения не осложнены семами совокупности и лица и они могут представлять идею количества в «чистом», ничем не осложненном виде.

Акцентирование внимания на количестве, если информация о нем важна в каком-либо отношении

В текстах всех видов дискурса, если информация о количестве по какой-либо причине важна для говорящего (спортивного комментатора, автора художественного произведения, персонажа, через субъектную сферу которого пропускается действие, и т.п.), она обычно выражается именно при помощи КЧ. Реализацией указанного смыслового оттенка объясняется значительное количество употреблений числительных этого разряда.

Указание на количество может быть использовано говорящим как имплицитное средство формирования неких смыслов в сознании адресата. Например, оно может передавать обеспокоенность сложившейся эпидемиологической ситуацией: *Еще три ребенка заболели серозным менингитом за прошедшие сутки. Таким образом, с начала лета почти пятьдесят человек были госпитализированы с этим диагнозом (Сети-НН. 03.07.13. Кстати); акцентировать внимание на конфликтной ситуации в коллективе: *Минувшим днем должно было состояться заседание исполкома Российской федерации баскетбола. Однако восемь из одиннадцати его членов мероприятие проигнорировали (Первый канал. 02.07.13. Новости) и т.д.**

Информация о количестве часто является отправной точкой для дальнейших рассуждений. Так, в спортивном дискурсе она используется для оценки шансов спортсмена занять ту или иную позицию в рейтинге: *Что ж. Поскольку осталось выступить пяти участникам, Сергей Чудинов в худшем для себя случае займет*

шестое место (Спорт. 09.01.09. Скелетон); *Учитывая, что вслед за ним расположились два американца, Марсикано и Хедрик, Морисон похоже выше шестого места, как в прошлом году, вряд ли поднимется* (Спорт. 08.02.09. Конькобежный спорт).

В детективных произведениях КЧ часто употребляются при описании ситуаций, связанных с подготовкой или анализом операций по обороне или нападению, при оценке собственных сил и потерь, а также сил и потерь противника и т.п.: <...> *от гонконгского консула поступило секретное сообщение, что в направлении Суэцкого канала, а именно в город Аден, следуют четыре японца под видом коммерсантов. Только никакие они не коммерсанты, а морские офицеры: два минера и два водолаза* (Акунин Б. «Ловец стрекоз»). Информация о количестве «боевых единиц» важна, поскольку часто служит для персонажей руководством к действию в определенных условиях и неточность данных может привести к серьезным, иногда фатальным, последствиям: *Осведомитель сообщил, что с «мазом» всего один сообщник. Он ошибся: в маленькой комнатке укрывалось, считая с Раковниковым, пять крепких и бывалых головорезов. Это была, наверное, самая трудная и опасная схватка в жизни Лыкова* (Свечин Н. «Пуля с Кавказа»).

Реализацией рассматриваемого смыслового оттенка можно объяснить частое (особенно в художественном дискурсе) использование КЧ в конструкциях с уточняющим значением: *У соблазненной девицы нашлись защитники, два брата, офицер и студент* (Акунин Б. «Пелагия и белый бульдог»); *На два места выше он уже поднялся, потому что участники, которые выступали вслед за ним, проиграли ему — два, два участника, Дуглас и Бромли* (Россия-2. 23.01.10. Скелетон).

Указание на большое / малое количество

КЧ способны в непрямой форме указывать на большое и малое (относительно чего-либо) количество живых существ. Представление о большом и малом при этом вырабатывает сам читатель/зритель/слушатель, сопоставляя точные данные о количестве с остальными элементами контекста, в том числе невербальными. Очевидно, что рассматриваемое основание для использования КЧ является ситуативным и в плане восприятия достаточно субъективным. Впрочем, оно может быть подвер-

гнуто верификации: во многих случаях КЧ достаточно легко заменяются на слова *много, мало, многие, немногие, большие*, сочетания слов *гораздо больше, намного больше, очень много, так много, так мало* и т.п.: *Но сейчас у молодой мамы Бостон совсем другие заботы. Воспитывать младенцев — нелегкий труд. А если малышей десять?! Это крайне утомительно* (Ю. 21.09.13. Осторожно мимими). Ср.: **А если малышей очень много?!*

КЧ во всех обследованных типах дискурса чаще применяются для указания на большое количество: *В Египте министры отрекаются от президента Мухаммеда Мурси. Уже пять человек заявили о намерении подать в отставку из-за несогласия с его политикой* (Первый канал. 01.07.13. Новости); *В Казани от нашей области будут выступать сразу три мастера: Нина Вислова, Анастасия Черенкова и Андрей Прохонин* (ННТВ. 01.07.13. Объективно).

Как и в случаях указания на «важное» количество, КЧ могут употребляться при оценке сил противника: *Вдвоем можно бы справиться. А так совсем нехорошо: господин один, их восемь, и еще револьверы* (Акунин Б. «Статский советник»).

Обращает на себя внимание тот факт, что идея большого количества достаточно регулярно актуализируется, если речь идет о людях, которые были убиты. Обычно при этом выражается отрицательное отношение говорящего к самому факту преступления, а также осуждение убийцы: *Константин Дадешкильяни, владетельный князь Сванетии, по своему умственному развитию недалеко ушел от животного. Что-то ему не понравилось и он тут же достал кинжал и лишил жизни трех человек!* (Свечин Н. «Пуля с Кавказа»); *Ну, гад! Вот так запросто, из-за мешочка с монетами убил двух живых людей!* (Акунин Б. «Детская книга»). Сходные смысловые оттенки мы наблюдаем, когда сообщается о жертвах ДТП; информация при этом подается, однако, в более мягкой форме: *А в Ульяновской области совсем недавно вынесли приговор бывшему подмосковному судье Валерию Сасу. Его также обвинили в страшном ДТП, в результате которого погибли два человека. Выяснилось: Валерий Сас сел за руль пьяным* (Россия-1. 31.07.13. Вести. Дежурная часть); *Суровый приговор прозвучал для школьника из Чебоксар, который спровоцировал серьезную аварию: получил семь лет колонии. В ДТП погибли два человека, а сам Михаил*

сбежал с места трагедии (НТВ. 23.07.13. Чрезвычайное происшествие).

Случаи использования КЧ для указания на малое количество достаточно редки: *Год назад у супругов Беккер-Терлецких родились сразу четыре малыша. <...> Марта просит полистать вместе с ней книгу, Эмиля не против просто побыть у мамы на руках, а Антон, наоборот, не усидит на месте. На такой заводной оркестр двух дирижеров (матери и отца. — Е.Щ.) явно недостаточно* (Пятый канал. 30.07.13. Сейчас).

В письменных текстах идея большого / малого количества формируется прежде всего за счет семантики лексических единиц. В устных текстах этому активно способствуют единицы фонетического уровня: на КЧ (реже — на глагол-сказуемое) падает логическое ударение, которое в ряде случаев подкрепляется восклицательной интонацией: *Устюгов тянет за собой преследователей. Мезотич, австриец, Жей, Ферри. В этой группе два (!) олимпийских чемпиона, и оба неожиданных* (Первый канал. 21.02.10. Биатлон); *И два российских представителя на подиуме <...> Можем, можем, когда захотим!* (Спорт. 13.12.08. Плавание). Похожие высказывания с СЧ имеют в целом менее выраженный интонационный рисунок.

В разных ситуациях одно и то же количество может представляться как большое и как малое; объективно большее количество может рассматриваться как малое, а объективно меньшее — как большое: *Я, если честно, вообще не понимаю, зачем такие книги нужны. <...> Да его же не читает никто, «Улисса». Три человека прочли и потом всю жизнь с этого живут — статьи пишут, на конференции ездят. А больше никто не осилил* (Пелевин В.О. «Священная книга оборотня»); *Бубенцов, конечно, мерзавец, но такое преступление было бы слишком чудовищно даже для него: умертвить двух невинных, один из коих ребенок, головы им отрезать, и все для того, чтобы свою карьеру устроить?* (Акунин Б. «Пелагия и белый бульдог»). Так, в первом примере посредством КЧ *три* в образной форме выражается мысль о том, что очень немногие смогли прочитать и понять роман Джойса «Улисс», то есть указывается на малое количество; во втором — утверждается, что смерть двух человек — несоизмеримо большая жертва в описываемой ситуации.

Характеристика явлений через количество связанных с ними живых существ

Словосочетания с КЧ достаточно активно (особенно в художественном и спортивном дискурсе) употребляются при характеристике различных явлений действительности через количество связанных с ними живых существ.

Посредством этих словосочетаний могут характеризоваться **неодушевленные предметы и явления**: *Правда, существовало препятствие в виде двух сыновей <...>* (Петрушевская Л.С. «Маленькая Грозная»); *Во время очередного восхитительного антракта до него донесся отрывок разговора двух немцев* (Акунин Б. «Проблема 2000»); *Если уж тогда сделать внеконкурсный забег двух дисквалифицированных — это бы было интересно* (Спорт. 01.07.09. Легкая атлетика); *За убийство шести человек ему грозит пожизненное заключение* (Первый канал. 22.07.13. Новости).

В ряде случаев отдельные **лица** характеризуются через количество связанных с ними людей: *И тут же ввалился Ахмед с мокрыми узлами, с новой женой дворником Лидой и со старой разведенной женой, а также с семью детьми от первого брака и одним ребенком дворника Лиды* (Петрушевская Л.С. «Город света»); *Однако убийца трех человек должен быть выявлен и арестован* (Акунин Б. «Нефритовые четки»); *К игре в семье Тутариковых начали готовиться еще неделю назад. Мать трех сыновей-болельщиков заранее постирала футболки, а дети нарисовали плакаты* (Первый канал. 12.12.11. Время).

Словосочетания с КЧ могут использоваться для характеристики **группы** через количество составляющих ее лиц: *Лева родился от союза двух московских людей и не мог похвастаться ни внешностью, ни здоровьем, ни предками* (Петрушевская Л.С. «Три лица»). В подобных случаях информация о том, что названные люди представляют собой группу, выводится из значений определяемых существительных; и включение в текст СЧ, которые обладают семой совокупности, создавало бы даже некоторую смысловую избыточность.

Выделенный Т.Е. Янко тип концептуализации ‘человек как мера’, на наш взгляд, представляет собой один из вариантов

характеристики (количественную характеристику). В подавляющем большинстве случаев посредством словосочетаний с КЧ происходит указание на меру явлений социального характера, преимущественно на меру группы: *Но зато на повороте следующего этажа я увидел неубегающих людей... Пост в три человека* (Маканин В.С. «Без политики»); *И еще две бригады по семь человек назначили для патрулирования окрестностей особняка на Воробьевых горах* (Акунин Б. «Статский советник»); *На борту вертолета был экипаж из трех человек и двадцать пять пассажиров* (Россия-1. 02.07.13. Вести); *Но зато следом за Рубенсом очень плотная группа из двух пилотов «Ред Булла»* (Спорт. 12.07.09. Формула-1).

Через количество лиц характеризуются и другие социальные явления. Словосочетания с КЧ, в частности, могут указывать на (субъективно воспринимаемую) меру социальной значимости человека: *Угрозы скандала на него не действовали. Онокодзи лишь твердил, что требует немедленно известить токийскую полицию об аресте представителя высшей знати, двоюродного племянника четырех генералов, кузена двух министров, соученика двух императорских высочеств и прочая* (Акунин Б. «Между строк»).

При характеристике лиц, их групп, неодушевленных предметов и явлений КЧ чаще всего используются в рамках количественно-именных словосочетаний с отношениями восполнения, которые наслаиваются на определительные или определительно-объектные отношения: *И вот Накаджима с Трулли идут на четырнадцатой и пятнадцатой позициях позади пары двух пилотов «Форс-Индии»* (Спорт. 25.08.09. Формула-1); *Норматив «А» для выступления трех бегунов — сорок пять и пятьдесят пять сотых секунды* (Спорт. 24.07.09. Легкая атлетика); *На Мексику обрушился ураган «Барбара». Он уже унес жизни двух человек* (Пятый канал. 30.05.2013. Сейчас). Данные конструкции можно представить в виде следующей схемы:

сущ. + КЧ_{р.п./в.п./т.п.} + сущ._{р./в./т.п.} / субстантивированное слово_{р.п./в.п./т.п.}

Информация о мере группы может выражаться и в более свободной форме: *Вся фирма — два человека: папа и сама секре-*

тарша (Акунин Б. «Детская книга»); *Румянцев в прошлом сезоне выступал на серьезном уровне. В частности, сумел пробиться в сборную нашей страны, которая в прошлом году состояла всего лишь из двух человек* (Россия-2. 10.01.10. Конькобежный спорт); *Команда Нигера сейчас вышла. Здесь команда очень небольшая: два вида спорта и три спортсмена* (Россия-1. 06.07.13. Церемония открытия Универсиады). В подобных случаях количественно-именное сочетание, как правило, находится в постпозиции по отношению к определяемому (характеризуемому) слову, однако возможна и препозиция: *Утром я подстерег Вику в магазине. <...> Небогатые дачники, семь-восемь человек... Маленькая очередь поутру, где я тотчас встал за Викой и ей на ушко что-то болтал* (Маканин В.С. «Боржоми»).

Употребление КЧ в эффатическом значении

КЧ не очень часто, но все же достаточно регулярно используются в случаях, когда говорящий хочет особо подчеркнуть то, что **каждый** из одушевленных предметов, количество которых обозначается, **обладает** указанными в контексте **свойствами, признаками**: *Р.С. Ясное дело, двум джентльменам совершенно не обязательно поднимать эту тему в разговоре* (Пелевин В.О. «Числа»). Так, в приведенном высказывании пишущий называет себя джентльменом и сообщает своему адресату, что и его считает таковым. Кроме того, выделяется совсем небольшая группа контекстов, где сообщается о том, что **каждым** из названных лиц было **совершенно** некое заслуживающее внимания **действии**: *Я не помню на крупнейших соревнованиях, чтобы все финалисты, все восемь человек, улетели за восемь метров* (Спорт. 22.08.09. Легкая атлетика).

КЧ в подобных случаях выступают исключительно как усиленные элементы и новой информации о количестве не несут. Иногда оно прямо указывается выше по тексту: *Два есть интереснейших, на мой взгляд, спортсмена в этой разминке. Да и, наверно, во всем списке участников произвольной программы. Это Штефан Линдеман и Кристофер Берцен из Швеции. Он за Линдеманом, мы сейчас посмотрели, будет закрывать эту разминку. Эти два фигуриста выигрывали звание чемпионов своей страны еще в двадцатом веке* (Россия-2. 21.01.10. Фигурное

катание). В иных случаях информация о количестве легко выводится из контекста: *Под первым номером француз Венсан Жей. Вот он, ближе всех к нам. Ферри второй, третий Свенсен. Три олимпийских чемпиона. Смотрим внимательно* (Первый канал. 21.02.10. Биатлон) — или является очевидной в силу типичности рассматриваемой ситуации: *На каждом судействе мы будем становиться номерами один и два. А потом станем двумя финалистами* (Ю. 30.06.13. Топ-модель по-американски) — в шоу «Топ-модель по-американски» в финал всегда выходят две участницы.

Чаще рассматриваемые свойства живых объектов (в основном людей) называются именами существительными либо субстантиватами, непосредственно входящими в количественно-именные словосочетания: *И узкоглазый молитвенно сложил короткопалые ладошки, а его приятель одобрительно кивнул. — Два клоуна, — с презрением бросила Коломбина* (Акунин Б. «Любовница смерти»). Реже для этого используются определительные слова, распространяющие словосочетания с КЧ: *Ну а сейчас, внимание, дистанция пятьдесят метров, спина, мужчины. И выходят финалисты, восемь человек сильнейших спортсменов в этом виде программы* (Спорт. 02.08.09. Плавание).

Реализация рассматриваемого смыслового оттенка становится наиболее очевидной, если признаковые слова несут в себе качественную оценку. Последняя может выражаться как эксплицитно (*сильнейшие*), так и имплицитно — за счет актуализации периферийных сем у прямых значений языковых единиц (*олимпийские чемпионы*), за счет использования слов в переносных значениях, например символических: *После того как Эрин и Рэй сделали одинаковые прически и одинаковые брови, эти две блондинки очень подружились* (Ю. 30.06.13. Топ-модель по-американски), метафорических: *У нас с д-доктором классическая торговая операция. Есть товар, есть купец. Вернее, два купца, у каждого свой товар* (Акунин Б. «Коронация»). В последнем высказывании подчеркивается, что каждый в описываемой ситуации что-то отдает и что-то приобретает.

Как видно из примеров, при использовании КЧ в эмфатическом значении речь обычно идет о небольшом количестве единиц (две-три).

*Указание на количество живых существ
как представителей определенной социальной группы
или биологического вида*

КЧ относительно часто используются для указания на количество не конкретных, а любых («абстрактных») людей/животных, на количество «живых существ вообще»: *Как правило, у сибирских кошек рождаются по четыре котенка* (Ю. 21.09.13. Осторожно мимими); *Кстати, по этой самой причине со времен Сунь Цзы в военное время было положено ставить на входе в крепость не меньше четырех часовых* (Пелевин В.О. «Священная книга оборотня»); *Девять людей из десяти сами тебе все расскажут, только согласишься выслушать* (Акунин Б. «Пиковый валет»). Так, в приведенных высказываниях имеются в виду любые сибирские кошки, любые часовые, любые представители вида *homo sapiens* в целом.

Реализацией рассматриваемого смыслового оттенка объясняется регулярное употребление КЧ в рамках сравнительных конструкций следующего типа: *Теперь они двое в креслах, как два начальника, два шефа* (Маканин В.С. «Без политики»); *Бледненькие, сильно исхудавшие, они выглядели как два маленьких бомжика* (Петрушевская Л.С. «Конфеты с ликером»).

На этом же основании спортивные комментаторы, рассказывая о различного рода правилах (судейства, отбора спортсменов на соревнования и т.п.), употребляют в речи именно КЧ: *Таковы правила: два человека на чемпионате, первых на чемпионате России, попадают в команду, и один по решению тренерского совета. И еще тут вмешивается норматив, нормативы на чемпионат мира. <...> Норматив «А», напомню, позволяет выставить трех участников, а норматив «Б» позволяет выставить одного лишь спортсмена* (Спорт. 24.07.09. Легкая атлетика); *Для тех, кто, может быть, слегка подзабыл о том, как производится судейство в прыжковых соревнованиях, я напомню, что индивидуальные прыжки оценивают семь арбитров, причем в зачет идет только лишь три оценки* (Спорт. 19.07.09. Прыжки в воду); *Всякая церемония включает даже не тройку, а расширенный подиум — восемь человек* (Спорт. 24.01.09. Биатлон). Выбор разряда осуществляется вне зависимости от того, приближена

формулировка правила к официальному варианту или представляется в более свободной, разговорной версии.

Следует уточнить, что семантический оттенок ‘человек как любой (абстрактный) представитель социальной группы’ находит отражение в много меньшем количестве контекстов, чем выделенный Т.Е. Янко тип концептуализации человека ‘человек как функция’, поскольку реализуется только в тех случаях, когда наименование предмета не имеет связи с конкретным денотатом. С другой стороны, он очень легко выявляется в контексте (разграничение типов концептуализации ‘человек как индивид, воплощающий в себе некоторый признак’ и ‘человек как функция’ применительно к конкретным языковым фактам может вызвать серьезные затруднения) и со значительной степенью определенности позволяет объяснить выбор между КЧ и СЧ.

СЧ редко употребляются в речи при отсутствии конкретного денотата. Преимущественно это происходит в наречного типа сочетаниях с распределительным значением: *В деревне Универсиады сегодня поселились первые спортсмены. В комнатах по четыре человека (в каждой кондиционер: за окном выше тридцати градусов). Участники Олимпийских игр живут по двое* (Россия-1. 02.07.13. Вести). Варьирование разрядов в подобных случаях нередко осуществляется с целью формирования такого коммуникативного качества речи, как богатство.

Указание на приблизительное количество

Указанием на приблизительное количество посредством количественно-именных конструкций с обратным порядком слов («существительное — числительное») объясняется относительно небольшая группа употреблений КЧ, однако их выбор в этих случаях, как известно, является обязательным: *Их было тринадцать. То есть человек десять на пятерку претендуют точно* (Спорт. 15.08.09. Легкая атлетика); *Приведи Гаврилу, Сашку-Капрала и еще человек пять, кто поопытней* (Свечин Н. «Вохра»); *Их там человек шесть стояло, все знакомые какие-то* (Петрушевская Л.С. «Номер Один»).

Идея приблизительного количества усиливается за счет использования в рамках количественно-именного словосочета-

ния двух числительных одновременно: *Их было человек семь-восемь* (Акунин Б. «Декоратор»).

В составе количественно-именных словосочетаний с прямым порядком слов, в изолированной позиции рассматриваемый смысловой оттенок способны передавать и СЧ, при этом выбор разряда во многом оказывается стилистически мотивированным. СЧ отмечаются, например, в отрицательно-оценочных контекстах: *У мужчин за победу могут побороться максимум трое-четверо, а как минимум, наверное, все те же полтора человека, как в известном мультфильме, полтора землекопа* (Спорт. 07.02.09. Конькобежный спорт).

* * *

Выбор КЧ, так же как и выбор СЧ, может быть мотивирован необходимостью реализации не одного, а нескольких смысловых признаков: *Видно было, что схватились два мастера рукопашного боя, но это не давало Фандорину права оставаться в стороне от схватки. Он тоже закричал во все горло и бросился на киллера* (Акунин Б. «Алтын-толобас»). В данном контексте присутствует два основания для использования КЧ. Во-первых, оно указывает на расчлененное количество лиц (мужчины являются врагами, т.е. разделены в социально-психологическом отношении); во-вторых, с его помощью выражается мысль о том, что *каждый* из противников — мастер рукопашного боя. Сочетание нескольких признаков особенно характерно для спортивного дискурса. Возможно, например, одновременное указание на большое и расчлененное (по характеру действия) количество: *Очень сильный финал: три участника продолжают бороться, взяв высоту два тридцать три* (Спорт. 25.07.09. Легкая атлетика); на «расчлененное» (по времени) и «важное» (в плане оценки шансов) количество: *Евгений Попов занимает теперь десятое место. Если учесть, что выступить осталось шести участникам, то будет как минимум шестнадцатым Евгений Попов. Ну, скорее всего, и как максимум* (Россия-2. 16.01.10. Бобслей) и т.д.

Указание на одушевленный предмет / лицо

Реализация у СЧ (причем не только субстантивированных) сем предметности и лица не вызывает сомнений.

Во всех типах дискурса **при указании на количество лиц** числительные этого разряда существенно преобладают в изолированной позиции; в контекстуально неполных предложениях с опущенным существительным (особенно если числительное находится достаточно далеко от слова, к которому относится по смыслу), в сочетаниях с неполными узуальными и главным образом окказиональными субстантивами, т.е. во всех тех случаях, где отсутствуют традиционные средства для обозначения человека и живого предмета вообще.

СЧ чаще, чем КЧ, наблюдаются в сочетаниях с субстантивированными словами, лексические значения которых не содержат сем, позволяющих однозначно указать на лицо (или хотя бы на одушевленное существо): *другие, остальные, наши, чужие, большие, неизвестные, мутные, последние, лучшие* и т.п. (ср.: *думающие, жующие, говорящие, поющие* и т.п.): *Он, я думаю, уже знал, что Славик мертв. <...> А четверо принесенных, словно взревновав, вдруг заспешили в своей небесной очереди* (Маканин В.С. «Без политики»); *Но трое больших не принимали участия в этом празднике родительской мудрости* (Петрушевская Л.С. «Детский праздник»). Предложения с использованием КЧ в таких случаях (несмотря на поддержку контекста) воспринимаются как неполные и в смысловом, и в структурном отношении. Ср.: **А четыре принесенных, словно взревновав, вдруг заспешили в своей небесной очереди; *Но три больших не принимали участия в этом празднике родительской мудрости*. Структурная и смысловая неполнота ощутима прежде всего в нераспространенных номинативных предложениях, особенно если они не поддерживаются предшествующим контекстом. Ср., например, исходный (авторский) и трансформированный варианты подзаголовков: *Трое «мутных»* (Акунин Б. «Фантастика») — **Три «мутных»*.

В отдельных разновидностях спортивного дискурса (хоккейном, волейбольном, баскетбольном) не СЧ, а КЧ преобладают в сочетаниях с субстантивами, однако последние (*нападающие, подающие, блокирующие, полевые, центровые*) в данных речевых подсистемах проявляют значительную степень лексикализации, используются как обычные существительные: *Ну, двух блокирующих маловато* (Спорт. 02.07.09. Волейбол); *Шесть*

полевых на площадке у белорусской команды — последний шанс для подопечных Глена Херлана (Спорт. 13.05.09. Хоккей).

Что же касается употребления числительных с именами существительными, называющими людей (в рамках количественно-именных словосочетаний с отношениями восполнения), то здесь, как правило, нет необходимости в реализации семы лица посредством СЧ. Исключение составляют сочетания с нетиповыми наименованиями лиц — прежде всего со словами, которые в других своих значениях называют неодушевленные предметы. Данное явление характерно в основном для художественного дискурса: *Двое «черных курток» хотели схватить мальчишку, но он проскользнул между расставленных рук; Двое «черных курток» остались лежать на земле. Остальные оттащили синопии в сторону* (Акунин Б. «Между строк»). Ср.: **Две «черные куртки» хотели схватить мальчишку; *Две «черные куртки» остались лежать на земле.* СЧ употребляются преимущественно тогда, когда есть риск возникновения смысловой неопределенности и неуместного каламбура (как в приведенных выше примерах). В иных случаях с подобными словами (*шкафы, миры, силуэты, лбы*), а также с зоометафорами (*быки, свиньи, пинчеры*) писатели в соответствии с устоявшейся традицией словоупотребления используют КЧ: *На пороге ванной стояли два шкафа — темные очки, костюмы, провода телесного цвета, спускающиеся из ушей* (Пелевин В.О. «Священная книга оборотня»); *Четыре здоровенных лба монументально надвигались прямо на меня* (Маканин В.С. «Боржоми»); *Липков <...> махнул рукой, и дальше все было, как накануне. Подбежали два «пинчера», подкатил «форд», вторая машина перегородила улицу* (Акунин Б. «Весь мир театр»).

Очевидно, именно наличие сем лица у СЧ и у неодушевленных существительных типа *команда, экипаж* приводит к появлению речевых ошибок, заключающихся в сочетании указанных единиц: *И та, и другая команда на этом турнире показывали очень изощренную игру в защите. Ну и опять же вспомним матч между ними незадолго до начала студенческих игр. Тогда сто тридцать очков на двоих набрали команды* (Спорт. 11.07.09. Баскетбол); *Ну правильно, для того чтобы собраться на Олимпиаду тремя экипажами, то есть выпустить на старт в Ванкувере и*

Абрамовича, и Зубкова, и Попова, нужно по итогам мирового кубка, чтобы как минимум один из экипажей входил в число трех сильнейших и еще двое находились в двадцатке (Спорт. 21.11.09. Бобслей). Во втором из приведенных высказываний выбор разряда поддерживается регулярным применением в бобслейном дискурсе конкретной разновидности синекдохи: спортивные телевизионные комментаторы нередко отождествляют бобслейные экипажи с их отдельными представителями — пилотами, для указания на количество которых СЧ употребляются свободно: *Но пока еще непривычно видеть их так высоко. Это американец Нафер и австриец Хамфер. <...> Ну не часто появляются среди сильнейших эти бобслеисты* (а по сути, экипажи, возглавляемые указанными бобслеистами. — Е.Ш.), *так что кого-нибудь, а то и двоих (два экипажа. — Е.Ш.) Маккалкуеру победить вполне по силам* (Спорт. 21.11.09. Бобслей). В результате при использовании слова *экипаж* в его прямом значении для указания на количество соответствующих объектов по аналогии также применяется СЧ. На рисунке 1 данная ассоциативная схема представлена нами в графической форме.

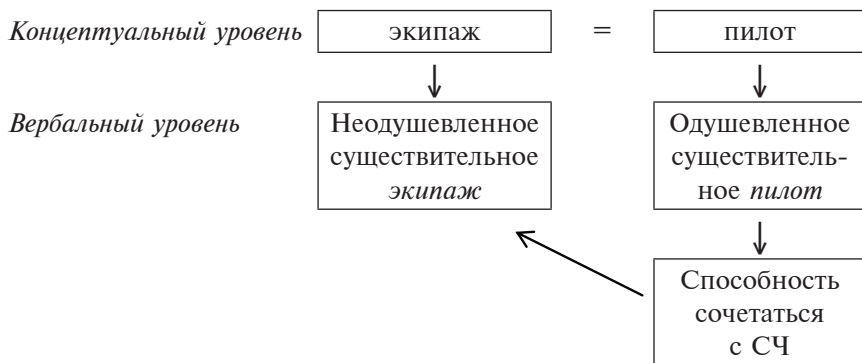

Рис. 1. Влияние ассоциативных связей на выбор разряда числительного

Наличие у СЧ семы лица во многом объясняет редкое нарушение нормы, которая регулирует выбор разряда числительного при **указании на количество животных** (последние, как принято считать, не обладают свойствами личности). При этом относи-

тельно немногочисленные отступления от общей закономерности в большинстве случаев семантически мотивированы.

Так, в художественном дискурсе СЧ отмечаются нами преимущественно в нереалистических произведениях, где называют количество персонажей, которые одновременно обладают свойствами и животных, и людей: *Кто это там? — задрал голову, спросил Митя. Комары, — сказал Дима. — Сразу трое* (Пелевин В.О. «Жизнь насекомых»); *Но никто ничего не заметил, ромашка Света приняла бабочку Кузьму и таким, а воробей Гусейн ни к селу ни к городу прислал поздравительную телеграмму с фразой «есть свист, что нас двоих шлют в гавань есть селедку»* (Петрушевская Л.С. «Клиника»). В таких случаях авторы на уровне компонентного состава речи формируют в сознании читателей представление о двуединстве животного и личностного начал (подробнее об этом: [Щеникова 2006: 71—74]).

Личностное восприятие животных, приписывание им некоторых человеческих функций может приводить к использованию СЧ и в текстах реалистической словесности (как художественных, так и нехудожественных).

Нередко на группы животных проецируется понятие семьи: *Из совсем идеальных у нее до недавнего времени всего три кобеля накопилось. Дед по кличке Загуляй, уж старый, на девятом году. Потом сын его, Закидай, четырехлеток. И месяца два-три назад на радость старухе народился Загуляев внук, назвали Закусаем. Такой он вышел по всем статьям образцовый, что тетка всех прочих псов, недостаточно совершенных, велела перетопить, чтоб породу не портили, оставила на развод только этих троих* (Акунин Б. «Пелагия и белый бульдог»). К животным применяются также категории, которые отражают особенности взаимодействия людей в социуме: *В Екатеринбурге собака усыновила троих котят. Их родила её соседка по квартире — кошка Муся, но от детёнышей сразу отказалась. Тогда дворняга Люся взяла материнские функции на себя* (Пятый канал. 14.02.12. Сейчас).

Подобный подход может ложиться в основу концепции целых развлекательных программ: *Рэгдоллы. Семь недель спустя. Пятеро котят рэгдоллов могут играть с чем угодно. Но пока не знают, как можно играть с Мари* (взрослой собакой, овчаркой. — Е.Ш.). *Бедняжка Мари тоже хочет повеселиться, но пока из-за нее вече-*

ринка подходит к концу. Вероятно, это вечеринка только для кошек (Ю. 28.07.13. Осторожно мимими). В подобных случаях выбор разряда часто мотивируется широким контекстом, общей концепцией программы, и слова — актуализаторы личностной семантики с СЧ непосредственно не сочетаются: *Медвежонку предстоит еще расти и расти. Но самому младшему, одиннадцатому щенку сложно добраться до еды, ведь места хватает лишь десятиерым* (Ю. 21.09.13. Осторожно мимими).

СЧ применяются также для указания на количество живых существ в группах, которые включают людей и животных, если последние воспринимаются / представляются как друзья или члены семьи: *Экс-президент А (американский), старея, стал совсем одинок, если не считать любимой собаки. <...> Они валялись на толстом ковре, и стареющий экс-президент говорил с легкой горечью: — Нас двое, Иван. Ты да я — больше никого* (Маканин В.С. «Однодневная война»); *Еще пять лет назад у нее было трое друзей: мама, папа и кот* (Первый канал. 23.01.11. Новости).

Следует отметить, что сема лица при указании на количество животных / «людей-животных» реализуется лишь в том случае, если поддерживается семой совокупности (пусть и не всегда ярко выраженной): *Но тут выступила мама (медуза. — Е.Щ.): — Да?! А ты сам? Помнишь, когда я уезжала к своим в Хиросиму? Я приехала, говорю, привет! А ты: не ори, тише, там на диване пятеро спят. И кто! Эти твои устрицы поганые!* (Петрушевская Л.С. «Убей сразу»). Так, в данном примере имеет место группировка устриц по действию / состоянию (*спят*) и положению в пространстве (*на диване*).

В контекстах, где животным не приписываются свойства личности, чаще используются КЧ: *С риском для жизни жители американского штата Нью-Мексико вызволили из ловушки трех медвежат. Медвежата залезли в мусорный бак и не смогли самостоятельно вылезти наружу* (Первый канал. 27.07.12. Новости). Употребление СЧ в таких случаях мотивировано прежде всего стилистически. В художественном дискурсе оно сопряжено с созданием комизма: *<...> и Большая Четверка вспоминает свою победу над полковницей и то счастливое лето, когда все буйно цвело и давало плоды, и все были живы, когда такс было четверо*

(теперь их пять <...>) и когда, как оказывается, все складывалось в тихое счастье и действительно рай, рай (Петрушевская Л.С. «Рай, рай»). В новостном дискурсе выбор СЧ иногда связан с выражением сочувственного отношения к животным: *По словам жителя поселка Сиверский, животных отлавливали утром, когда взрослые шли на работу, а дети в школу. Их усыпляли, а может, убивали ядом. Что именно было в шприцах, доподлинно неизвестно. Едва ли не в центре поселка, здесь, на улице Сто двадцать третьей дивизии, поймали **двоих псов*** (Пятый канал. 11.02.10. Сейчас). Можно, однако, предположить, что синтагматика СЧ в подобных контекстах отчасти определяется их связью с категорией одушевленности, о которой, характеризуя тексты XV—XVII вв., говорил Г.А. Хабургаев. Подобную точку зрения (правда, в гораздо более категоричной форме) высказывает, например, Ю.И. Щербаков: «Среди прочих факторов, вызвавших появление в современном русском языке сочетаний собирательных числительных с названиями животных, наиболее существенным явилось развитие категории одушевленности» [Щербаков 1969: 17].

Крайне немногочисленные факты употребления СЧ для указания на количество **неодушевленных предметов** связаны с включением в текст некоторых тропов как выразительных средств, и в частности олицетворения: *В открытом море, на расстоянии полумили от острова, грохотало и изрыгало дым морское сражение. Я взлетел на середину фок-мачты, чтобы понять, кто с кем воюет, и в то же время слышать разговоры на баке, где офицеры сгрудились вокруг капитана. — Красный — это англичанин, — сообщил Дезэссар. <...> **Трое остальных** — испанцы* (Акунин Б. «Сокол и Ласточка»). В данном случае олицетворение поддерживается метонимией: для обозначения кораблей использованы наименования людей, которые на этих кораблях находятся. Впрочем, подобные грамматические тропы применяются писателями крайне непоследовательно, и при количественной характеристике аналогичных объектов в рамках того же контекста вместо СЧ могут свободно использоваться КЧ: *Дело в том, что один из кораблей, английский фрегат <...> шел наискось к ветру, **навстречу трем** выстроенным в линию **испанцам**, не отвечая на огонь их носовых орудий. Неужели он собирался*

вступить с ними в бой? Один против трех? (Акунин Б. «Сокол и Ласточка»). Приведенные примеры свидетельствуют о том, что СЧ являются здесь (как и в случаях указания на количество животных) яркими, действенными, но далеко не основными актуализаторами идеи лица.

Единичные наблюдения за устной разговорной речью позволяют сделать вывод, что употребление СЧ при обозначении количества неодушевленных объектов может быть также обусловлено неосознанной реализацией тропов: *Собеседник 1: Где ты успела аварию увидеть? Собеседник 2: Сейчас повернем — там двое стоят* (Диалог в маршрутном такси. 05.02.09). В приведенном контексте причиной аномальной синтагматики СЧ *двое* является его использование в метонимическом значении: автомобили ассоциируются говорящим с их владельцами. Выбор разряда числительного в подобных случаях прямо не связан с актуализацией идеи лица и осуществляется прежде всего по аналогии. Схема ее реализации обнаруживает значительное сходство с той, что представлена на рисунке 1.

КЧ в современном русском языке **при субстантивации** также могут приобретать значение лица, однако происходит это достаточно редко. В рассмотренных нами типах дискурса отчетливо выделяется два круга употреблений субстантивированных КЧ.

Во-первых, КЧ отмечаются в эмоционально окрашенных контекстах, преимущественно негативно-оценочных. В силу нетипичности употребления, КЧ в изолированной позиции сами выступают как средства формирования экспрессии: *Для проверки Номер Один перевалился через верх и спустился к парпету, взглянуть на улицу. И тут же отшатнулся. Девка и двое парней шли по краю тротуара и смотрели прямо на него. <...> Он продолжил свое наблюдение. Только наблюдение за этими тремя могло принести неожиданные сведения* (Петрушевская Л.С. «Номер Один»); *Ижицын открыл клеенчатую тетрадку. — Ага, вот! Нищенка Марья Косая была убита 11 февраля на Малом Трехсвятском, ночлежка Сычугина. Горло перерезано, брюхо спорото, печенка отсутствует. Проститутка Александра Зотова найдена 5 февраля в Свиныйском переулке, на мостовой. Опять горло <...>. Эти две — наши явные клиентки* (Акунин Б. «Декоратор»). Реализация семы лица у КЧ в подобных выска-

званиях находится в очень сильной зависимости от конкретного контекста. В частности, она может поддерживаться употреблением субстантивированного СЧ в контактной позиции: *Итак, друзья мои, очень интересный момент. Да, Зуман лидирует, да, он опережает собственного партнера по сборной Австрии. То, о чем мы говорили. Вот их сила. Из шести двое отстрелялись* (Спорт. 25.01.09. Биатлон).

Во-вторых, сема лица отмечается у КЧ в составе некоторых речевых шаблонов, штампов. Как типовые средства выражения мысли, шаблоны (и входящие в них КЧ в том числе) уже не формируют экспрессии, и толкование закрепленного за ними смысла не обнаруживает тесной привязки к конкретному контексту. Однако связь с определенным типом дискурса при этом, видимо, все же устанавливается. Нами, в частности, отмечены штампы, характерные для отдельных разновидностей спортивного дискурса. Так, в хоккейном дискурсе регулярно используются следующие обороты: «числ._{и.п.} + в + числ._{в.п.}» и «числ._{и.п.} + + на + числ._{в.п.}»: *Атака **три в два, четыре в два**. Смогут разыграть швейцарцы?* (Спорт. 05.05.09. Хоккей); *Даже удивительно, ну уже вот **четыре** раза выходили **два в один** и постоянно нас догоняли!* (Спорт. 09.05.09. Хоккей); *Удаление у белорусов. Мазякин грамотно отдал им шайбу, и в **четыре на три** будем играть...* (Спорт. 13.05.09. Хоккей); ***Четыре на четыре**, а такое впечатление, что **три на четыре** играли* (Спорт. 13.05.09. Хоккей). В легкоатлетическом дискурсе при определении так называемой формулы выхода спортсменов в следующий круг соревнований используется шаблон, состоящий из КЧ и сочетания слов *по времени*: *Ну, формула в принципе выхода такова: только победитель из каждого забега и **пять по времени*** (Спорт. 25.07.09. Легкая атлетика); *Формула выхода: первые **три** из каждого полуфинала и **два по времени** — такова* (Спорт. 18.07.09. Легкая атлетика); *Здесь также **три** забега и такова же формула выхода — **два победителя и два по времени*** (Спорт. 24.07.09. Легкая атлетика). Данный шаблон, однако, не является столь жестким, как предыдущий, и при передаче соответствующей информации субстантивированные КЧ свободно заменяются количественно-именными словосочетаниями: *Всего будет **три** полуфинала. Формула выхода такова: **два** плюс **два**, то есть **два победителя** и*

два лучших, две лучшие в данном случае спортсменки по времени (Спорт. 24.07.09. Легкая атлетика).

Употребление субстантивированных КЧ, как правило, не способствует быстрому и однозначному восприятию информации и, видимо, в связи с этим мало распространено в телевизионном новостном дискурсе.

Указание на лицо мужского / женского пола

Сема мужского пола у СЧ в современном русском языке в целом реализуется слабо.

В отрыве от контекста СЧ *двое*, помещенное в предложение *В комнату вошли двое*, может быть истолковано как 'два мужчины' либо как 'мужчина и женщина'. Однако в связном тексте сема мужского пола у СЧ в большинстве случаев не актуализируется, нивелируется. Это подтверждается их регулярным использованием для указания на количество лиц (а иногда и животных) женского пола, причем во всех обследованных типах дискурса.

СЧ мы прежде всего наблюдаем в изолированной позиции (при субстантивации, адвербиализации, а также в неполных предложениях): *Этим грешат французские девушки. У них есть двое*. <...> *Они, когда попадают в пару, делают такую командную гонку* (Россия-2. 22.02.10. Фристайл); *Но сегодня она удивила меня этим нарядом. Потому что ей одной из всех троих удалось почувствовать тонко, как такой человек, как Дана, может быть дискотечным человеком* (Домашний. 03.07.13. Гардероб навывлет); *Вот так и готовят еду, учись, Алиса, дружочек, — сказала бабушка-королева. Они выпили одно теплое яйцо на двоих* <...> *немножечко у них пролилось на платье, ну да ладно* (Петрушевская Л.С. «Королева Лир»); *Здравствуйте, леди. О Боже мой! Финальная четверка! Однако в конце сегодняшнего отбора только двое останутся стоять здесь* (Ю. 30.06.13. Топ-модель по-американски).

Несколько реже СЧ употребляются в сочетаниях с личными местоимениями и именами существительными, называющими лиц женского пола: *Нам остается узнать, как выступили другие россиянки. Их на дистанции, напомню, было пятеро* (Спорт. 21.02.09. Лыжные гонки); *У вас двоих были самые плохие фото-*

графини (Ю. 22.07.13. Топ-модель по-американски); *Но на самом деле уже пять участниц справились с этой высотой. И двое из них установили личный рекорд* (Спорт. 19.07.09. Легкая атлетика); *Плодами райского сада пользуются трое дочерей Морозовых, зятя, восемь внуков и правнучка* (Первый канал. 23.09.04. Новости).

Имена существительные, с которыми соединяются СЧ, часто имеют ярко выраженные семы женского пола — это самые общие наименования лиц по признаку пола (*женщина*, реже — *девушка*), наименования родства (*дочь*, *дочка*): *Вооруженный мужчина открыл огонь, расстреляв троих женщин и троих мужчин* (Пятый канал. 27.07.13); *Сегодняшняя фотосессия будет более напряженной еще и потому, что после нее двое девушек отправятся домой* (Ю. 30.06.13. Топ-модель по-американски); *Третий претендент — Роман, тридцать два года, Близнецы. Представитель крупной немецкой торговой компании. Гордится тем, что сам себя обеспечивает с четырнадцатью лет. Мечтает о троих дочерях* (Первый канал. 08.07.13. Давай поженимся); *По улице шло семейство: отец, мать, трое дочек* (Акунин Б. «Внеклассное чтение»). Сема пола у существительных женского рода может также актуализироваться при наличии в языке однокоренных наименований мужского рода (*немец — немка, участник — участница* и т.п.): *И в первой пятерке общего зачета большого хрустального кубка сразу трое россиянок!* (Спорт. 13.12.08. Биатлон); *Что касается норматива «А», который позволяет выступить троиm спортсменкам, здесь он шесть метров семьдесят два сантиметра* (Спорт. 24.07.09. Легкая атлетика); *Троих его родственников убили за квартиру* (НТВ. 12.09.13. Говорим и показываем).

Во всех типах дискурса СЧ свободно используются для указания на количество женщин и мужчин, составляющих одну группу: *Нам, четверым, было не до них... Один <...> раненый... другая в ломке... Третий <...> старик, уже дважды контуженный <...>. Четвертый фельдшер, который изо всех сил поддерживал в нас дух* (Маканин В.С. «Без политики»); *Сходство усиливалось еще и тем, что все трое — стоящая Снежевская и сидящие великие князья — были вровень* (Акунин Б. «Коронация»); *Беглецов было четверо: женщина и трое мужчин* (Первый канал. 26.07.13. Новости); а также на количество женщин и детей (пол которых при этом не актуализируется): *Число пострадав-*

ших в результате теракта в Бостоне, по последним данным, превысило 180 человек. <...> Уже опознаны и все погибшие. Их, напомню, **трое**, в том числе восьмилетний ребенок и гражданка Китая (Первый канал. 17.04.13). СЧ обычно не воспринимаются как ненормативные единицы и в тех случаях, когда количество женщин в группах превышает количество мужчин: *На момент прибытия было **трое пострадавших**: один водитель «Рено», мужчина, и из ВАЗовской пятнашки две девушки пострадали* (Волга. 22.07.13. Экипаж).

Использование СЧ для указания на количество лиц в группах, включающих как мужчин, так и женщин, встречается в речи даже таких людей, которые последовательно соблюдают норму, регулирующую сочетание числительных с наименованиями лиц женского пола: *Вот они все **трое** стоят рядом* (о группе, состоящей из одного мужчины и двух девушек. — Е.Ш.) (Спорт. 05.04.09. Спортивная гимнастика).

Более того, если лексическое значение номинатива включает семы и мужского, и женского пола, выбор СЧ может быть обязательным. Речь идет прежде всего о сочетании числительных *двое* — *два / две* с именами существительными, которые называют одного мужчину и одну женщину (соответствующая семантика может быть закреплена за такими словами в языке или появляться у них в контексте): *Во Франции жертвами стихии стали уже **три** человека. Среди них **двое** пожилых **супругов**, которые самостоятельно пытались откачать воду из подвала своего дома* (Пятый канал. 07.11.11. Сейчас); *Был на свадьбе — конечно, **ненастоящей**, фиктивной. **Двое** **партийцев** в интересах дела сочетались браком* (Акунин Б. «Статский советник»). Включение в тексты КЧ *два / две*, которые в эксплицитной форме передают указание на мужской / женский пол, привело бы в таких случаях к появлению грубых фактических ошибок (ср.: **Два* *пожилых **супруга** пытались откачать воду*; **Две* *пожилые **супруги** пытались откачать воду*; **Два **партийца** сочетались браком*). СЧ *двое*, отличающееся гендерной неопределенностью, напротив, позволяет в адекватной форме передать необходимую информацию.

В ряде случаев синтагматика числительных имеет гендерную обусловленность и при употреблении слов *три* — *трое*, *четыре* —

четверо. КЧ *три*, *четыре*, как известно, требуют постановки имени существительного в форму единственного числа, что при наличии в языке однокоренных наименований мужского и женского рода также может привести к некорректной актуализации семы пола: *Напомню, поиски преступников, сбежавших из-под стражи в Дальнеконстантиновском районе, продолжаются до сих пор. На свободе остаются трое опасных рецидивистов* (Волга. 30.07.13. Экипаж). В приведенном контексте речь идет о двух мужчинах и одной женщине. КЧ, помещенное в данный контекст, вызвало бы ложное представление о трех мужчинах (ср.: **На свободе остаются три опасных рецидивиста*).

Способность КЧ *три* и *четыре* актуализировать идею женского пола, на наш субъективный взгляд, имеет место в современном русском языке. Однако реализуется она больше не в сочетаниях с существительными мужского рода, оканчивающимися на *-а*, о которых говорят Т.Е. Янко [Янко 2002: 172] и Г.А. Качевская [Качевская 1968: 63] (сема пола имени существительного здесь отчетливо выражается, несмотря на особенности материальной формы), а в сочетаниях с личными местоимениями, окказиональными субстантиватами и при употреблении КЧ в изолированной позиции. Ср.: **Их трое — *Их три; Но все. Эти трое тихих убралась в глушь как милостыню просить, гордо канули как в воду, никому ничем не обязанные, <...> переселились из просторных комнат в тесноту и бедность, в одиночество* (Петрушевская Л.С. «Невинные глаза») — **Но все. Эти три тихих убралась в глушь как милостыню просить*. Впрочем, в широком контексте сема женского пола у КЧ *три*, *четыре* может нивелироваться. Во всяком случае, некоторые носители современного русского языка строят речь, не учитывая возможность ее реализации. Так, в следующих высказываниях, включающих КЧ, речь идет о лицах мужского пола: *Нужно было в числе четырех быть* (Спорт. 20.07.09. Легкая атлетика); *Что нужно сделать для того, чтобы без головной боли выйти в следующий круг соревнований, чтоб голова до полуфинала не болела, — надо оказаться в числе первых трех. Еще только один спортсмен доберется по времени* (Спорт. 15.08.09. Легкая атлетика). Еще раз подчеркнем, что представленные нами выводы применительно к данной группе сочетаний являются отчасти субъективными, поскольку сделаны в резуль-

тате анализа незначительного количества фактов (сочетания КЧ и СЧ с существительными мужского рода, оканчивающимися на *-а*, личными местоимениями и субстантивами встречаются крайне редко, особенно в новостном дискурсе).

Ограничения в реализации семантического фактора

КЧ и СЧ далеко не всегда используются в тех семантических позициях, которые были закреплены за ними выше. Это связано с тем, что выбор разряда осуществляется под воздействием не только семантического, но также и стилистического, фонетического, собственно нормативного, культурно-речевого, структурного факторов, фактора речевой аналогии (традиции словопотребления) и, видимо, некоторых других. В рамках конкретных контекстов данные факторы могут выступать как однонаправленные (предполагающие выбор числительного одного разряда) и разнонаправленные (требующие использования числительных разных разрядов). При столкновении разнонаправленных факторов учитывается, какие аспекты являются более важными в конкретной ситуации: передача каких-либо семантических или стилистических оттенков, благозвучие речи, соблюдение традиции, кодифицированной нормы и т.д. [Щеникова 2012: 348].

Действие семантического фактора чаще всего ограничивается действием стилистического, фонетического и собственно нормативного факторов, а также фактора речевой аналогии.

Стилистический фактор определяет варьирование КЧ и СЧ с учетом стилистических особенностей контекста (и прежде всего его общей эмоциональной и функциональной направленности): *Повсюду лишь камни и пыль. Это была та самая равнина, где Иисус Навин, преследуя войско пятерых царей Ханаанских, воскликнул: «Стой, солнце, над Гаваоном, и луна над долиной Аилонскою!» — и остановилось солнце, и не спешило к западу еще один день* (Акунин Б. «Пелагия и красный петух»). Как отмечалось выше, при характеристике группы через количество входящих в нее лиц традиционно используются КЧ. Однако автор делает выбор в пользу СЧ, поскольку, сочетаясь с именем существительным, которое называет людей, занимающих высокое социальное положение, оно формирует отрицательную

экспрессию, придает контексту комическую окраску, что, в свою очередь, позволяет передать сильное разочарование увиденным со стороны персонажа, через субъективную сферу которого пропускается действие.

Выбор разряда числительного может быть также связан с реализацией какого-либо стилистического приема (параллелизм, сопряженный с лексическим повтором; каламбурное обыгрывание прецедентного феномена или фразеологизма и т.п.), предполагающего (по тем или иным причинам) включение в текст именно КЧ или именно СЧ.

Действие **фонетического фактора** сводится к употреблению наиболее благозвучных, наиболее удобных в произнесении форм слов и их сочетаний. Варьирование числительных помогает избежать нежелательных звуковых повторов, неуместной рифмизации и ритмизации прозы, зияния, скопления согласных и некоторых других негативных явлений из области фоники [Щеникова 2012: 346].

Реализация фонетического фактора чаще наблюдается в подготовленной, обработанной речи, причем как в устной, так и в письменной. Его воздействием, как правило, объясняется использование КЧ в тех семантических условиях, которые предполагают включение в текст СЧ: *Алексей выскочил на улицу и увидел, как казаки под командой Благово гонят ему навстречу в монастырский двор **двух** свистуновских **телохранителей*** (Свечин Н. «Завещание Аввакума»). В приведенном высказывании можно усмотреть группировку лиц сразу по трем основаниям: по производимому над ними действию (*гонят*), по положению в пространстве (судя по контексту, телохранители находятся недалеко друг от друга) и по отнесенности к третьему лицу (*Свистунову*). Однако автор использовал КЧ, поскольку включение в текст СЧ *двое* в родительном падеже привело бы к неуместной рифмизации прозы, а также к излишней концентрации одного звука ([и]), причем в двух случаях ударного, на небольшом отрезке текста: **двоих свистуновскихих телохранителей*.

Следует, однако, отметить, что фонетический фактор обычно уступает семантическому при употреблении КЧ и СЧ в таких позициях, где они выполняют смысловозначительную функ-

цию. И в первую очередь это касается сочетаний СЧ с личными местоимениями и субстантивированными словами, где числительные этого разряда используются для более четкого указания на одушевленный предмет и лицо: *Она! Либерия! — зашептал Вальзер, хотя на темной улице, кроме них двоих, не было ни души* (Акунин Б. «Алтын-толобас»). Это явление наблюдается даже в устной форме речи: *С Бремом Сомом им двоим по двадцать девять лет!* (Спорт. 23.08.2009. Легкая атлетика).

Действие **собственно нормативного фактора** связано с соблюдением говорящими кодифицированной нормы, регулирующей употребление КЧ и СЧ. Так, влиянием именно этого фактора обычно объясняется использование КЧ при указании на количество лиц женского пола: *Две участницы пытаются оторваться от соперниц* (Спорт. 25.07.09. Легкая атлетика). В приведенном примере КЧ употребляется несмотря на то, что спортсменки выполняют одно и то же действие, в одно время, с одной и той же целью (выиграть), занимают при этом близкое положение в пространстве и по трем признакам из четырех (действие, время, положение в пространстве) однозначно противопоставляются всем прочим участницам. Семантические предпосылки к использованию СЧ в таких случаях почти никогда не получают реализации, если собственно нормативный фактор активно поддерживается фонетическим. Ср.: *Кстати, посмотрите: подряд и Жюли Кара-Коля, и Мари Дюран — там три ее партнерши по сборной Франции вместе уходили со второй стрельбы* (Россия-2. 13.01.10. Биатлон) — **тр[ужь jэ'jу] парт[н'у]ри*.

С другой стороны, в значительной по объему группе контекстов, связанных с указанием на количество лиц женского пола (40—60% контекстов с использованием КЧ — в зависимости от типа дискурса), собственно нормативный и семантический факторы выступают как однонаправленные: *Две немки вот в одинаковой форме, две немки, проигравшие в четвертьфинале, сейчас состязаются друг с другом, ну а мы внимательно смотрим, что у них получится* (Россия-2. 27.02.10. Сноубординг); *Такое впечатление, что собрались три ведьмы, которые решили меня полностью изуродовать* (Домашний. 02.07.13. Гардероб навылет). Так, в первом примере мы наблюдаем разгруппировку лиц по характеру производимого действия и социально-психологическим основа-

ниям (соперничество); во втором — разгруппировку по действию и утверждение идеи, что *каждая* из участниц шоу повела себя как ведьма (эмфатическое употребление КЧ).

Фактор речевой аналогии (традиции словоупотребления) вступает в действие при объективном отсутствии либо неопределенном характере нормативных предписаний, а также в случае (субъективного) незнания нормы говорящим. Фактор, в частности, может срабатывать, если определенная лексема или ее омоним (либо группа лексем / омонимов) регулярно используются в определенных условиях, требующих включения в текст числительного того или иного разряда.

Так, аналогия определяет преимущественное использование КЧ в словосочетаниях с именами существительными женского и среднего рода, называющими лиц мужского пола, особенно если эти существительные являются неодушевленными (кодифицированной нормой такие случаи прямо не регулируются): *Две тени бесшумно проскользнули в незакрытую монастырскую калитку* (Свечин Н. «Завещание Аввакума»); *Я этот фильм наизусть скоро выучу. Две равно уважаемые свиньи в Вероне, где встречаются нас события, ведут междоусобные бои и не хотят унять кровопролитья* (Пелевин В.О. «Священная книга оборотня»).

Результатом частого — семантически мотивированного — употребления СЧ со словом *дети* является его периодическое использование в словосочетаниях с определительными отношениями при характеристике лиц (а именно матерей) через количество связанных с ними детей: *Я думаю, что в следующей гонке у олимпийской чемпионки и матери двоих детей будет все хорошо* (Спорт. 07.12.08. Биатлон); *А вот в Сорновском районе мать двоих детей сумела изменить свою жизнь* (Россия-1. 01.11.10. Вести-Приволжье); *Джоли, мать шестерых детей, трое из которых приемные, заявила, что сделала свой выбор ради них* (Первый канал. 19.05.13. Новости); *Конечно, здесь главной звездой выглядит болгарская команда. Ну а точнее даже не команда, а гребчиха из Болгарии — Румяна Нейкова.* <...> *С гордостью говорю: и мать двоих детей* (Спорт. 15.07.09. Гребля). Применительно к подобным фактам использования числительных, видимо, можно даже говорить о реализации шаблона, а не о конструировании фрагмента высказывания в речи. Важно подчеркнуть, что в рамках данного шаблона позиция числитель-

ного не является формально обусловленной: в косвенных падежах со словами *pluralia tantum*, как известно, могут сочетаться не только СЧ, но и КЧ.

Действие **структурного фактора** связано с использованием числительных в формально обусловленной позиции. Прежде всего мы имеем в виду соединение СЧ *двое, трое, четверо* в именительном падеже с существительными *pluralia tantum* (одушевленными и неодушевленными) в рамках количественно-именных словосочетаний с отношениями восполнения (*четверо детей, двое ножниц*). Впрочем, структурный и семантический факторы очень часто оказываются однонаправленными, т.е. при использовании СЧ в формально обусловленной позиции отмечаются те или иные основания для группировки лиц. При необходимости передать те смысловые оттенки, для выражения которых используются КЧ, говорящими, по всей вероятности, выбираются иные типы словосочетаний / предложений, осуществляется замена лексемы (*двое людей* → *два человека, трое детей* → *три ребенка*). Таким образом, структурный фактор не оказывает серьезного влияния на реализацию фактора семантического.

Культурно-речевой фактор проявляется в стремлении говорящих к формированию такого коммуникативного качества речи, как богатство (разнообразие), посредством исключения лексических и грамматических повторов [Щеникова 2012: 346]. Без поддержки иных факторов он, на наш взгляд, не мешает реализации семантических предпосылок к использованию КЧ и СЧ; скорее, напротив, сам действует в тех пределах, которые устанавливаются семантическим и некоторыми другими факторами.

Заключение

Проведенный нами анализ позволяет сделать следующие выводы.

1. КЧ и СЧ в современном русском языке имеют определенную семантическую специфику. Это подтверждается их регулярным использованием в контекстах, связанных с описанием однотипных ситуаций, участием в реализации тропов.

2. Употребление числительного нередко является семантически мотивированным даже в формально обусловленной позиции, в частности в сочетаниях с одушевленными существительными *pluralia tantum*. Здесь, как и во многих других случаях, не конструкция определяет выбор разряда, а, наоборот, выбор конструкции осуществляется с учетом необходимости включить в текст КЧ либо СЧ.

3. КЧ и СЧ различаются очень тонкими оттенками значений, которые в одних контекстах актуализируются, а в других нивелируются. Актуализация семантических оттенков может происходить под воздействием общей смысловой направленности контекста либо под воздействием отдельных его элементов (лексических и грамматических единиц).

Синтагматика числительных, таким образом, имеет субъективно-объективный характер. С одной стороны, люди и животные объективно обладают некоторыми особенностями, свойствами, которые и отражаются в том числе посредством использования КЧ и СЧ. С другой стороны, часть этих признаков, свойств может служить предпосылкой для включения в текст СЧ, а часть — предпосылкой употребления КЧ. И автор высказывания, используя числительное того или иного разряда, выбирает и актуализирует признак, который в данный момент времени субъективно представляется ему наиболее важным. Иначе говоря, СЧ и КЧ характеризуют живые существа не абсолютно, а относительно, в соответствии с критерием, установленным говорящим. В результате при интерпретации текста всегда необходимо учитывать, с чьей позиции осуществляется высказывание, в каком аспекте рассматриваются те или иные явления, то есть устанавливать некую точку отсчета. В ином случае обязательно будет сделан вывод о семантическом различии СЧ и КЧ носителями современного русского языка.

4. Преобладание КЧ над СЧ в современной русской речи объясняется не отмиранием СЧ как грамматической категории, а способностью КЧ выражать значительно большее, нежели СЧ, количество смысловых оттенков.

5. Семантический фактор связан с варьированием КЧ и СЧ не только в пределах нормы. Под его влиянием регулярно осуществляются отступления от общепринятых нормативных пред-

писаний. В разных типах дискурса, однако, они наблюдаются с неодинаковой степенью частотности.

Семантический фактор наиболее свободно реализуется в устной спонтанной речи, особенно при ослабленном речевом самоконтроле носителей языка. Так, в спортивном комментаторском дискурсе достаточным основанием для нарушения нормы (с целью актуализации определенных смысловых оттенков) часто является общее стремление говорящего к интимизации речи. Аналогичная ситуация наблюдается при анализе некоторых текстов, представляющих развлекательный дискурс (в том числе и таких, которые подвергались литературной обработке). Наиболее осознанным выбор разряда числительного является в текстах современной художественной прозы. Здесь ненормативное использование числительного, как правило, определяется необходимостью создания яркого художественного образа, то есть осуществляется при взаимной поддержке семантического и стилистического факторов. В новостном дискурсе в последние годы наметилась тенденция к соблюдению нормативных предписаний, и непосредственно в речи ведущих новостей все чаще (по сравнению с началом 2000-х годов) реализация семантических предпосылок к включению в текст КЧ и СЧ происходит лишь в рамках, очерченных нормой.

6. Синтагматика КЧ и СЧ в современном русском языке определяется воздействием не только семантического, но и иных факторов, которые в конкретном контексте по отношению друг к другу могут выступать как однонаправленные и разнонаправленные, сильные и слабые. Семантический фактор в целом является достаточно сильным, однако и его реализация может ограничиваться действием иных (неоднонаправленных) факторов. Неиспользование КЧ либо СЧ при наличии соответствующих смысловых предпосылок обусловлено при этом не отсутствием в языке семантических различий между числительными, образующими варианты пары (*два — двое, три — трое* и т.д.), а лишь невозможностью реализации закрепленных за ними оттенков в конкретном контексте.

Список литературы

1. Аванесов Р.И., Сидоров В.Н. Очерк грамматики современного русского литературного языка. Ч. 1. Фонетика и морфология. М., 1945.
2. Акимова И.И. Морфология русского языка. Хабаровск, 2003.
3. Атавина М.Г. Грамматика русского языка. Ч. 1. Фонетика и морфология. Нью-Йорк: Gitel Services, Inc, 2000.
4. Балалыкина Э.А. Современный русский язык. Морфология. Ч. 1. Имена. Наречия. Категория состояния. Казань, 2003.
5. Балалыкина Э.А. Числительные как особая часть речи в современном русском языке // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». 2009. Т. 151. № 3. С. 205—214. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=12833213>
6. Богданов С.И. Форма слова и морфологическая форма. СПб., 1997.
7. Богданов С.И., Смирнов Ю.Б. Переходность в системе частей речи. Субстантивация. СПб., 2004.
8. Буланин Л.Л. Трудные вопросы морфологии. М., 1976.
9. Валгина Н.С., Розенталь Д.Э., Фомина М.И., Цапукевич В.В. Современный русский язык. М., 1966.
10. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. 2-е изд. М., 1972.
11. Высоцкая И.В. Синкретизм в системе частей речи современного русского языка. М., 2006.
12. Гайнутдинова А.Ф. Три плюс два (О субстантивации числительных в русском языке) // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2010. № 6. С. 243—252. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=15127024>
13. Гвоздев А.Н. Современный русский литературный язык. Ч. 1. Фонетика и морфология. 4-е изд. М., 1973.
14. Голанов И.Г. Морфология современного русского языка. 3-е изд. М., 1967.
15. Голуб И.Б. Стилистика русского языка. М., 2004.
16. Граудина Л.К. Вопросы нормализации литературного языка. М., 1980.

17. Имя числительное как часть речи: в 2 ч. / сост. М.А. Михайлов. Часть 2. Горький, 1987.
18. Камынина А.А. Современный русский язык. Морфология. М., 1999.
19. Качевская Г.А. Собираательные числительные // Русская речь. 1968. № 1. С. 61—66.
20. Краткая русская грамматика / под ред. Н.Ю. Шведовой, В.В. Лопатина. М., 2002.
21. Лукин М.Ф. Морфология современного русского языка. М., 1973.
22. Маслов Б.А. Морфология современного русского литературного языка. Стерлитамак, 2001.
23. Мельчук И.А. О супплетивизме // Проблемы структурной лингвистики. М., 1972. С. 396—438.
24. Немченко В.Н. Грамматическая вариантность слова в современном русском языке и литературная норма. Н. Новгород, 1998.
25. Немченко В.Н. Супплетивизм как грамматическое явление (понятие и термины) // Вестник Нижегородского университета. Серия «Филология». 2000. Вып. 1 (2). С. 163—173.
26. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый выпуск / Ю.Д. Апресян, О.Ю. Богуславская, И.Б. Левонтина, Е.В. Урысон, М.Я. Гловинская, Т.В. Крылова. 2-е изд., испр. М., 1999.
27. Рахманова Л.И., Суздальцева В.Н. Современный русский язык. Лексика. Фразеология. Морфология. М., 1997.
28. Розенталь Д.Э., Голуб И.Б., Теленкова М.А. Современный русский язык. 9-е изд. М., 2007.
29. Русская грамматика. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. М., 1980.
30. Сидоренко Е.Н. Морфология современного русского языка (Части речи и контаминанты). Ч. 1. Именные части речи. Симферополь, 2002.
31. Скворцов Л.И. Культура русской речи: словарь-справочник. М., 2003.
32. Современный русский язык / К.З. Закирьянов [и др.]. Уфа, 1998.

33. Современный русский язык: в 2 ч. Ч. 2. Морфология. Синтаксис / под ред. Е.М. Галкиной-Федорук. М., 1964.
34. Современный русский язык: Морфология / под ред. Г.Г. Инфантовой. М., 2010.
35. Современный русский язык: в 3 ч. Ч. 2 / Н.М. Шанский, А.Н. Тихонов. Словообразование. Морфология. М., 1987.
36. Супрун А.Е. Имя числительное и его изучение в школе. М., 1964.
37. Супрун А.Е. Славянские числительные. Становление числительных как особой части речи. Минск, 1969.
38. Тихонов А.Н. Современный русский язык (Морфемика. Словообразование. Морфология). М., 2002.
39. Филин Ф.П. О слове и вариантах слова // Морфологическая структура слова в языках различных типов. М.; Л., 1963. С. 128—133.
40. Ушакова Л.И. Современный русский язык. Морфология. Белгород, 1999.
41. Хабургаев Г.А. Очерки исторической морфологии русского языка. Имена. М., 1990.
42. Чепасова А.М., Чередниченко А.П. Современный русский язык: Таблицы по грамматике. М., 1999.
43. Чеснокова Л.Д. Категория количества и способы ее выражения в современном русском языке. Таганрог, 1992.
44. Щеникова Е.В. Факторы выбора количественных и собирательных числительных в современной художественной прозе: дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2006.
45. Щеникова Е.В. Факторный анализ варьирования собирательных и количественных числительных в современном русском языке // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 1. Ч. 1. С. 345—351.
46. Щербаков Ю.И. Употребление собирательных числительных в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Куйбышев, 1969.
47. Янко Т.Е. Русские числительные как классификаторы существительных // Русский язык в научном освещении. 2002. № 1 (3). С. 168—181.

Глава 5

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ И СЕМИОТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА ТЕКСТА

С.Н. Виноградов

Текст рассматривается как «единство некоторого более или менее завершённого содержания (смысла) и речи, формирующей и выражающей это содержание» [Головин 1980: 12—13]. Своей двусторонностью — наличием содержания и средств его выражения — текст аналогичен знаковым единицам языка — слову, словосочетанию, предложению и другим. В таком случае напрашивается идея изучать его аналогично языковым знакам, используя сходные методики наблюдения и описания [Виноградов: 2009, 269—270].

Представление о тексте как о знаковой единице связано с развитием семиотики. В частности, Р. Барт, формулируя объект лингвистики текста, определил связный текст (дискурс) как «любой конечный отрезок речи, представляющий собой некоторое единство с точки зрения содержания, передаваемый со вторичными коммуникативными целями и имеющий соответствующую этим целям внутреннюю организацию, причём связанный с иными культурными факторами, нежели те, которые относятся собственно к языку» [Барт 1978: 443—444]. В этом методологически значимом определении отмечается, что содержание текста передаётся со вторичными коммуникативными целями, т.е. с целями, отличающимися от целей использования языка. Внутренняя организация текста — объект лингвистического наблюдения и описания. Культурными факторами, о которых идёт речь в определении, являются, например, формирование и выражение специального понятия (научно-технический текст) и создание художественного образа (художественный текст).

В изучении внутренней организации текста важную роль играют параллели между текстом и собственно языковым знаком, в частности словом [Виноградов 2009]. Текст, будучи

знаковым образованием, интерпретируется, и в результате интерпретации возникает материальный объект — её результат [Виноградов 2005: 19]. Типичным результатом интерпретации для слова является его толкование в словаре, для текста — любой его комментарий. Реакция интерпретатора на текст, вообще говоря, менее предсказуема, чем реакция на одиночное слово в знаковой ситуации. Соответственно, результаты интерпретации текста могут быть разнообразными. Например, для научно-технической статьи такими результатами могут быть формулировка темы в виде термина или терминологического словосочетания, аннотация, реферат, обсуждение текстового содержания.

Слово и текст имеют формально-семантическую структуру, т.е. включают в свой состав знаковые элементы, объединённые связями и отношениями в единое целое. Элементы словообразовательной структуры производного слова до известной степени аналогичны единицам текста. Структура текста по сравнению со структурой слова является более мягкой в том смысле, что правила построения текста менее строги и однозначны, чем правила образования и грамматического оформления слов.

Производное слово обладает формальной идиоматичностью (термин М.А. Михайлова) [Михайлов 1989: 38—40], под которой понимается немотивированный выбор словообразовательного средства (из числа синонимических) и производящей основы. Например, не мотивирован выбор производящей основы в слове *накидка* (почему от *накидывать*, а не от *набрасывать*?), словообразующего форманта в слове *синяк* (почему суффикс *-ак*, а не, например, *-ениц-*, как в слове *покраснение*?). Аналогом формальной идиоматичности в тексте являются разные способы выражения одного и того же содержания. Так, во вступлении к учебнику «Введение в языкознание» Ю.С. Маслов использовал для именованной научной дисциплины термин *языковедение*, а Б.Н. Головин в тексте, аналогичном по жанру и тематике, его не использовал [Виноградов 2008: 43].

Семантическая идиоматичность проявляется в невозможности вывести значение языковой единицы по правилу [Солнцев 1977: 154]. Например, из словообразовательной структуры слова *звонарь* нельзя вывести, что это слово обозначает служителя

церкви, который звонит именно в колокола. Аналогом семантической идиоматичности слова являются подтекст и пресуппозиция текста — такие элементы его содержания, которые эксплицитно в нём не выражены.

И слово, и текст представляют собой некоторые модели — «следы» мыслительной деятельности. Например, корневая морфема производного слова может быть интерпретирована как обозначение предмета, признака предмета или действия, что выражается разными словообразовательными формантами (*читатель, читабельный, читать, чтение*). Что касается текста, то вследствие сложности его структуры он содержит большое количество подобных моделей, представленных в его линейной организации. Например, частое употребление слова моделирует наличие основного текстового содержания, выражаемого данным словом (подробнее об этом — далее). Следует отметить, что указанные модели не тождественны, а всего лишь подобны моделируемой реальности. Это, в частности, проявляется в том, что выбор языковой единицы в процессе создания текста представляет собой одно из возможных решений — не обязательно наилучшее.

К важнейшим семантико-структурным свойствам текста относятся его связность и цельность (по другой терминологии — когезия и когерентность). Связность обеспечивается формально-языковыми средствами — коннекторами [Каменская 1990: 59] — союзами, повторами, словами-заместителями, согласованием форм и т.д. Связность текста следует рассматривать как особый принцип его внутренней организации [Гиндин 1971: 120]. Цельность обнаруживается в тематическом единстве и является содержательной (смысловой) характеристикой текста. Разумеется, связность и цельность — свойства взаимосвязанные. Так, коннекторы (например, повторы лексических единиц) участвуют в создании единой тематики текста и, следовательно, в обеспечении его цельности. А.И. Новиков добавляет к этим свойствам текста его информативность, которая связана с процессом понимания, и компрессионность, т.е. возможность его свёртывания без ущерба для понимания [Новиков 2007: 28].

Внутренняя организация текста во многом определяется тем, что он предназначен для решения определённого круга проблем

и сам является результатом решения проблем. Обычно процесс решения проблемы представляет собой выбор некоторой альтернативы из ряда альтернатив. Выбранная альтернатива является результатом решения проблемы. В процессе создания текста при построении его линейной организации осуществляется выбор языковых единиц на каждом шаге развёртывания речи. Этот выбор связан не только с построением текста, но и с проблемами, для решения которых он был создан.

Для иллюстрации высказанных общих положений рассмотрим порождение и бытование научно-технического (в том числе научно-популярного) текста. Культурные факторы, с которыми связан научный и научно-популярный дискурс, — научный поиск, выдвижение и обоснование научных гипотез, формирование и выражение научных понятий, популяризация научных фактов и процесса исследований. При создании научно-технического документа на первый план выходит когнитивная функция языка — его способность быть «непосредственной действительностью мысли» (К. Маркс), вырабатывать новые знания о действительности. С этими факторами связаны те проблемы, которые решает автор текста в процессе его создания. Понятие как идеальная сущность связано с деятельностью познающего субъекта, с наличием проблемной ситуации (проблемы), носит гипотетический характер [Виноградов 2005: 67, 75—82]. Это означает, что в тексте мы имеем дело с выбором лексических единиц и с разноименованиями, которые обнаруживаются в разных видах синонимии — от общезыковой до контекстной. Поскольку в тексте слова и словосочетания выражают признаки понятия, наблюдение над организацией текста является методом изучения понятия.

Особенности системной организации научного текста проявляются также в том, что он носит гипертрофированно именной характер. Активность существительных и словосочетаний на их основе в научном стиле значительно больше, чем, например, в стилях разговорном и художественном. Это, по-видимому, связано с тем, что понятия в научном тексте опредмечены. В противном случае логические рассуждения, логические операции оказываются невозможными или затруднительными (ср. представление понятий в логике в виде существительных или номи-

нативных словосочетаний). Таким образом, гипертрофированное влияние логики, логического мышления — ещё один культурный фактор, влияющий на создание научного текста.

Цельность текста обнаруживается в том, что вся совокупность высказываний, из которых он состоит, формирует единую тематику, которая может передаваться заголовком. Однако естественно попытаться выявить эту тематику в структурной организации текста. Чтобы это сделать, обратимся к лексическим повторам, под которыми будем иметь в виду повторы не только слов, но и словосочетаний. Повторы в тексте выражают представления говорящих о тождестве обозначаемых предметов, используемых знаков и выражаемых понятий [Виноградов 2005: 145]. В лингвистике давно осознана связь между повторяемостью элементов текста и его семантикой. Так, Ю.Д. Апресян даёт следующую формулировку семантического закона, регулирующего правильное понимание: «Выбирается такое осмысление... предложения, при котором повторяемость семантических элементов достигает максимума» [Апресян 1995: 14]. В научно-техническом тексте «семантический повтор чаще всего проявляется в наиболее эксплицитной форме — лексическом повторе» [Бондаренко, Яровенко 1984: 24]. Этот последний тезис может быть сформулирован с использованием понятия цельности: тематическая цельность научно-технического текста вербализуется набором наиболее часто повторяющихся в этом тексте лексических единиц.

При изучении повторяющихся единиц следует иметь в виду, что повторы словосочетаний ценнее для выражения темы, чем повторы отдельных слов, так как словосочетание передаёт более конкретное, более богатое по содержанию понятие, в котором явно выражены его признаки.

Рассмотрим методику выявления повторяющихся лексических единиц на конкретных примерах. Для изучения были взяты научно-популярные тексты по астрономии, посвящённые тёмной материи. Термин *тёмная материя* интересен тем, что у него, возможно, нет денотата. Дело в том, что тёмная материя, в отличие от наблюдаемой материи Вселенной, проявляет себя только наличием гравитации. Само существование такой материи, отличающейся от наблюдаемой (барионной) материи,

гипотетично. Тем не менее соответствующее понятие активно формируется, обсуждается, выделяются его признаки, которые отражены в текстах астрономической и физической тематики.

Рассмотрим научно-популярный текст из Интернета под названием «Доказательство в пользу существования тёмной материи?»; адрес доступа — <http://www.mk.ru/science/article/2010/05/21/493979-dokazatelstvo-v-polzu-suschestvovaniya-temnoy-materii.html> (пунктуация источника сохранена).

Бессмертные слова знаменитого американского астронома Карла Сагана «Земля и все живое сделаны из звездного вещества» получили свое оправдание на этой неделе.

Астрономы заявили о совершенно новом типе взрывающейся звезды, или сверхновой, которая, по-видимому, выбрасывает кальций и титан. Таким образом, кроме углерода — отдаваемого другим типом сверхновых — кальций в наших костях, безусловно, пришел из звездного вещества.

Хотя большинство сообщений в прессе было сосредоточено на кальции, тем не менее больший интерес представляет собой конечно же титан. Это открытие может стать настоящим броском обезьяны в продолжающихся усилиях найти проявление темной материи, сталкивающейся в центре Млечного пути.

На этой неделе в журнале Nature Хагай Перец (Hagai Perets) из Гарвард-Смитсоновского Центра астрофизики в Кембридже, штат Массачусетс, и его коллеги «предложили» новый тип сверхновых звезд.

Перец и его коллеги описывают сценарий с парой орбитальных белых карликовых звезд, где одна звезда крада гелий у другой. Когда ее гелиевая нагрузка возросла до степени нестабильности, белый карлик взорвался. Поскольку он питался гелием, звезда производила кальций и титан.

Титан является радиоактивным и в ходе распада испускает позитроны. За последние несколько лет появлялись сообщения об экспериментах, таких как ATIC и PAMELA, свидетельствующих об избытке позитронов, идущих из глубин космоса. Этот избыток, как утверждалось, является визиткой сталкивающихся частиц темной материи. Но если новое открытие сверхновых чего-то стоит, то эти взрывы могут быть весьма обычным делом и могут являться источником позитронного избытка.

Хотя это не доказывает и не опровергает существование темной материи, как бы то ни было новое открытие сбавляет эйфорию рассуждений о том, что избыток позитронов поступает от аннигиляции частиц темной материи.

С помощью программы подсчёта слов по частоте [подсчёт количества слов и символов в тексте] определяются частоты каждой словоформы (табл. 1).

Таблица 1

**Фрагмент (начало) списка словоупотреблений
с их частотами**

Час- тота	Словоформа	Час- тота	Словоформа	Час- тота	Словоформа
1	HAGAI	2	БЫЛО	1	ГЕЛИЙ
1	ATIC	1	БЫТЬ	1	ГЛУБИН
1	NATURE	6	В	1	ДЕЛОМ
1	PAMELA	1	ВЕСЬМА	1	ДО
1	PERETS	2	ВЕЩЕСТВА	1	ДОКАЗЫВАЕТ
1	АМЕРИКАНСКОГО	1	ВЗОРВАЛСЯ	1	ДРУГИМ
1	АННИГИЛЯЦИИ	1	ВЗРЫВАЮЩЕЙСЯ	1	ДРУГОЙ
1	АСТРОНОМА	1	ВЗРЫВЫ	2	ЕГО
1	АСТРОНОМЫ	1	ВИДИМОМУ	1	ЕЁ
1	АСТРОФИЗИКИ	1	ВИЗИТКОЙ	1	ЕСЛИ
1	БЕЗУСЛОВНО	1	ВОЗРОСЛА	1	ЖЕ
1	БЕЛЫЙ	1	ВСЕ	1	ЖИВОЕ
1	БЕЛЫХ	1	ВЫБРАСЫВАЕТ	1	ЖУРНАЛЕ
1	БЕССМЕРТНЫЕ	1	ГАРВАРД	1	ЗА
1	БОЛЬШИЙ	1	ГДЕ	1	ЗАЯВИЛИ
1	БОЛЬШИНСТВО	1	ГЕЛИЕВАЯ	2	ЗВЕЗД
1	БРОСКОМ	1	ГЕЛИЕМ	2	ЗВЕЗДА
1	БЫ			2	ЗВЕЗДНОГО
				1	ЗВЕЗДЫ

Из табл. 1 выбираем только существительные и прилагательные. Глагольные формы не рассматриваются из-за именного характера научно-технического стиля (глаголы играют сравнительно скромную роль при выражении содержания текста). Местоимения и служебные части речи не принимаются во внимание по причине их неинформативности.

Далее объединяем словоформы одного и того же слова, считаем эту совокупность словоформ одним словом и складываем частоты словоформ. Например, словоформы *звезд*, *звезда* и *звезды* считаем одним словом, употреблённым с частотой 5. Повторяющиеся слова представлены в табл. 2 (лексика упорядочена по частоте, а внутри одной частоты — по алфавиту).

Таблица 2

Повторяющиеся слова с их частотами

Слово	Частота	Слово	Частота
ЗВЕЗДА	5	БЕЛЫЙ	2
ИЗБЫТОК	4	ВЕЩЕСТВО	2
КАЛЬЦИЙ	4	ГЕЛИЙ	2
МАТЕРИЯ	4	ЗВЕЗДНЫЙ	2
СВЕРХНОВАЯ	4	КОЛЛЕГИ	2
ТЕМНЫЙ	4	НЕДЕЛЯ	2
ТИТАН	4	НОВЫЙ	2
ОТКРЫТИЕ	3	ПЕРЕЦ	2
ПОЗИТРОН	3	СООБЩЕНИЕ	2
ТИП	3	ЦЕНТР	2
АСТРОНОМ	2	ЧАСТИЦА	2

Оценим лексику из табл. 2 по степени её участия в образовании терминов. Для этого определим долю слов, выражающих в тексте либо специальное понятие, либо признак специального понятия. Назовём эту долю степенью терминологичности. Например, слово *звезда* — астрономический термин, *избыток* — общеупотребительное слово, не выражающее специального понятия или его признака, *белый* — выражение признака специального понятия «белый карлик» или «белая карликовая звезда». Степень терминологичности выделенных повторяющихся слов (табл. 2) составляет 68%. Оценим эту степень по каждой частоте отдельно и получим следующие результаты: для частоты 5—100% (единственное слово *звезда* является термином), для частоты 4—83% (все слова, кроме слова *избыток*, выражают либо специальное понятие, либо его

признак, как, например, признак понятия «тёмная материя»), для частоты 3—33% (только слово *позитрон*, являющееся специальным термином), для 2—50% (кроме общеупотребительных *коллега*, *неделя*, *новый*, *сообщение*, *центр* и имени собственного *Перец*). Данный результат обнаруживает тенденцию к уменьшению степени терминологичности слов с уменьшением частоты их употребления в конкретном тексте.

С использованием подобной методики изучались 6 текстов из Интернета, посвящённые тёмной материи. Степень терминологичности ЛЕ в этих текстах определялась аналогично тому, как это делалось в вышеприведённом примере (табл. 3).

Таблица 3

Степень терминологичности ЛЕ в зависимости от частоты (в процентах)

Заголовок и интернет-адрес текста	Частота			
	5 и более	4	3	2
1. Физики сомневаются в существовании темной материи http://www.rosbal.tru/2010/02/07/710569	100	67	75	46
Доказательство в пользу существования тёмной материи? http://www.mk.ru/science/article/2010/05/21/493979-dokazatelstvo-v-polzu-suschestvovaniya-temnoy-materii.html	100	83	33	50
Доля тёмной материи оказалась обычным газом www.membrana.ru/particle/745	100	33	25	47
Вселенские волокна удержали первые звёзды тёплой материей www.membrana.ru/particle/703	70	33	36	69
Тёмная материя нагрета сильнее поверхности Солнца www.membrana.ru/particle/505	90	100	47	38
Суперкомпьютер информирует: нас окружают тёмные невидимки www.membrana.ru/particle/587	70	50	42	31

Указанная тенденция выражена нечётко (нет плавного убывания терминологичности с уменьшением частоты). Но эту тенденцию можно усилить, если учитывать частоты не только отдельных слов, но и словосочетаний. В рассматриваемом тексте есть несколько повторяющихся словосочетаний. Результаты подсчётов отражены в табл. 4.

Таблица 4

Повторяющиеся в тексте слова и словосочетания

Ранг	Слово или словосочетание	Частота	Количество слов
1	Звездное вещество	2	2
	Звезда	3	1
	Избыток позитронов	2	2
	Кальций	4	1
	Новый тип звёзд	2	3
	Новое открытие	2	2
	Темная материя	2	2
	Титан	4	1
	Сверхновая	4	1
	Частица темной материи	2	3
2	Астроном	2	1
	Белый	2	1
	Гелий	2	1
	Избыток	2	1
	Коллеги	2	1
	Неделя	2	1
	Перец	2	1
	Сообщение	2	1
	Центр	2	1

Табл. 4 требует пояснений.

Ранги в таблице передают предпочтение одних повторяющихся лексических единиц (ЛЕ) перед другими. Правила предпочтений следующие:

- 1) ЛЕ с бóльшей частотой предпочтительнее («лучше»), чем ЛЕ с меньшей частотой;

- 2) ЛЕ с бóльшим количеством знаменательных слов в своем составе предпочтительнее («лучше»), чем ЛЕ с меньшим количеством знаменательных слов.

Слово «лучше» здесь имеет следующую содержательную интерпретацию. Часто повторяющаяся ЛЕ пронизывает весь текст, поэтому предположительно информативна для передачи понятия, существенного для данного текста, и /или признаков такого понятия. При этом, поскольку специальные понятия выражаются терминами, следует предположить, что наиболее часто повторяющиеся в данном тексте ЛЕ терминологичны. Если ЛЕ состоит более чем из одного знаменательного слова, то можно ожидать, что она подробнее и точнее выражает признаки понятия, чем однословная ЛЕ, потому что элементы словосочетания служат для уточнения содержания понятия, даже в некоторой степени заменяют его определение. Поэтому можно ожидать, что повторяющиеся ЛЕ, состоящие более чем из одного знаменательного слова, выражают, во-первых, понятия, существенные для содержания данного текста, во-вторых, существенные признаки этих понятий. При оценке предпочтений следует учесть оба вышеприведенных правила: первая ЛЕ «лучше», чем вторая, если она по одному правилу такая же или «лучше», а по другому «лучше», чем вторая. Например, в разбираемом тексте слово *кальций* «лучше» слова *гелий*, потому что по признаку количества слов слово *кальций* такое же, как слово *гелий* (включает одно знаменательное слово), а по признаку частоты — «лучше» слова *гелий* (частота употребления слова *кальций* больше частоты слова *гелий*). ЛЕ *избыток позитронов* и *кальций* не имеют предпочтений одна перед другой, то есть входят в один ранг, поскольку ЛЕ *избыток позитронов* имеет больше слов, чем ЛЕ *кальций*, зато ЛЕ *кальций* имеет большую частоту, чем ЛЕ *избыток позитронов*. Каждый ранг содержит слова, каждое из которых не имеет предпочтений по отношению хотя бы к одному слову из этого ранга. Внутри каждого ранга ЛЕ упорядочены по алфавиту.

Содержательно результаты, отражённые в табл. 4, могут быть интерпретированы следующим образом. Повторяющиеся ЛЕ отражают основное содержание текста, причём ЛЕ из ранга 1 — лучше, чем из ранга 2. Действительно, в тексте речь идёт о сверхновых звёздах, которые выбрасывают кальций и титан.

Поскольку титан испускает позитроны, то обнаружение их избытка может свидетельствовать о наличии этих сверхновых, а не о частицах тёмной материи, которым приписываются излучаемые позитроны. Повторяющиеся ЛЕ отражают это содержание нечётко. Так, в ранг 1 попала малосодержательная нетерминологическая ЛЕ *новое открытие* (которая, возможно, является издержкой научно-популярного стиля изложения). В ранге 2 оказываются только одиночные ЛЕ, причём ЛЕ терминологического характера явно менее информативны, чем ЛЕ из ранга 1. Так, ЛЕ *гелий* передаёт не основное содержание документа, а содержание только одного абзаца, в котором описывается механизм возникновения сверхновой определённого типа. Набор выделенных ЛЕ может быть рассмотрен как результат терминологического аннотирования и как возможный результат интерпретации исходного текста.

Рассмотрение шести текстов позволяет обнаружить, что степень терминологичности ЛЕ тем выше, чем меньше ранг (табл. 5).

Таблица 5

Степень терминологичности ЛЕ в зависимости от ранга (в процентах)

Заголовок и интернет-адрес текста	Ранг 1	Ранг 2
2. Физики сомневаются в существовании темной материи 3. http://www.rosbal.tru/2010/02/07/710569	78	54
4. Доказательство в пользу существования тёмной материи? http://www.mk.ru/science/article/2010/05/21/493979-dokazatelstvo-v-polzu-suschestvovaniya-temnoy-materii.html	90	33
Доля тёмной материи оказалась обычным газом www.membrana.ru/particle/745	50	47
Вселенские волокна удержали первые звёзды тёплой материей www.membrana.ru/particle/703	58	50
Тёмная материя нагрета сильнее поверхности Солнца www.membrana.ru/particle/505	68	36
Суперкомпьютер информирует: нас окружают тёмные невидимки www.membrana.ru/particle/587	61	27

Внутренняя организация текста включает не только количественные свойства его элементов, но и их грамматические (морфолого-синтаксические) связи. Поэтому естественны попытки выявить роль грамматических связей в выражении текстовой информации.

Известно, что в русском научно-техническом документе подавляющее большинство грамматических связей в номинативных словосочетаниях составляют связи 1) прилагательного с существительным и 2) существительного и существительного в родительном падеже (сочетание с генитивом). По данным Н.Ю. Русовой, терминологические сочетания, использующие эти две связи, в техническом и научном текстах составляют 80—90%, а сочетания с генитивом составляют 40—50% [Русова 1979: 97—98]. Сочетания с генитивом легко образуют генитивные цепочки, в которые могут входить любые существительные, одиночные и с зависимыми от них прилагательными. В подобных цепочках существительные и сочетания «прилагательное + существительное», имеющие нетерминологическое или общенаучное значение, предшествуют аналогичным единицам, выражающим узкоотраслевые понятия [Виноградов 2005: 107—108]. Например, в словосочетании *анализ физических характеристик тёмной материи* слово *анализ* имеет общенаучное значение, а словосочетание *тёмная материя* выражает физическое (астрономическое, космологическое) понятие. Для того чтобы дать оценку степени правдоподобия гипотез о семантике подобных единиц в тексте, можно предложить следующую методику.

1. Выписать из текста все генитивные цепочки.

2. О каждом элементе таких цепочек высказать следующие гипотезы: а) данный элемент нетерминологичен или выражает общенаучное понятие, б) данный элемент выражает узкоотраслевое понятие.

3. Оценить и сравнить правдоподобие этих двух гипотез.

Для оценки правдоподобия гипотез надо приписать каждому элементу число N следующим образом: 1) элемент, раньше которого ни в одной цепочке не встретился другой элемент, имеет $N = 1$; 2) элемент A имеет $N = n + 1$, если наибольшее из N , принадлежащих элементам, встречающимся перед A , равно n [Виноградов 1979: 104—109; Виноградов 2005: 166]. Величина

N позволяет учесть информацию о порядке любых двух элементов, стоящих рядом в генитивной цепочке.

Рассмотрим эту методику на примере проанализированного выше текста. Получим N для всех элементов, выделенных в табл. 4.

Звёздное вещество (1), так как ни в одной генитивной цепочке этому элементу не предшествует ни один элемент;

звезда (2), так как есть цепочки *новый тип звезд*, *пара звезд*, где элементы *новый тип* и *пара* имеют $N = 1$;

избыток (2) *позитронов* (3), так как в тексте есть словосочетание *источник* (1) *позитронного избытка* (2);

кальций (1);

новое открытие (1);

тёмная материя (3), так как в тексте есть словосочетания *визитка* (1) *частиц* (2) *тёмной материи* (3), *аннигиляция* (1) *частиц* (2) *тёмной материи* (3);

новый тип (1) *звезд* (2);

титан (1);

сверхновая (2), так как в тексте есть словосочетания *новый тип* (1) *сверхновой* (2), *открытие* (1) *сверхновой* (2);

частицы (2) *тёмной материи* (3);

астроном (2), см. *бессмертные слова* (1) *знаменитого американского астронома* (2);

белый (2) (в словосочетании *пара* (1) *орбитальных белых карликовых звезд* (2) слово *белый* относится к элементу, имеющему $N = 2$, поэтому получает это же число);

гелий (1);

избыток (2), так как *источник* (1) *позитронного избытка* (2);

коллеги (1);

неделя (1);

Перец (1);

сообщение (2) (*большинство* (1) *сообщений* (2));

центр (1).

Теперь сгруппируем ЛЕ по значениям N и оценим степень терминологичности ЛЕ для каждого N (табл. 6). Если ЛЕ представляет собой генитивную цепочку, то значения N для её элементов складываются. Например, *избыток* (2) *позитронов* (3) даёт $N = 2 + 3 = 5$.

**Оценка степени терминологичности ЛЕ
с помощью генитивных цепочек**

Величина N	Лексические единицы	Степень терминологичности (в процентах)
5	избыток позитронов, частица тёмной материи	100
3	тёмная материя, новый тип звёзд	100
2	звезда, сверхновая, астроном, белый, избыток, сообщение	67
1	звёздное вещество, кальций, новое открытие, титан, гелий, коллега, неделя, Перец, центр	44

Табл. 6 даёт более чёткую дифференциацию степени терминологичности, чем табл. 3, где отражены только частоты ЛЕ, и более детальную дифференциацию терминологичности, чем табл. 4 и 5, в которых учитываются частоты и количество знаменательных слов в составе ЛЕ. Очевидно, ЛЕ, имеющие $N = 5$, очень точно отражают часть содержания документа: частицы тёмной материи могут вызывать избыток позитронов.

В проведённом исследовании для анализа содержания текста используется лишь незначительная часть средств его структурной организации. В перспективе заслуживают внимания его абзацная структура, распределение ЛЕ по частям текста, расстояние между ЛЕ в тексте и т.д. Организация текста — его наблюдаемая сторона, поэтому подобные исследования носят индуктивный характер и не предполагают априорного создания дедуктивной системы (математического исчисления) при моделировании языковых и речевых фактов.

Структурная организация текста может использоваться не только для исследования и описания его семантики, но и в качестве своеобразного инструмента грамматического анализа. Практическая значимость такого использования текста связана с тем, что в современных компьютерных технологиях обработки информации на естественном языке всё большую роль играет

морфологический и синтаксический анализ. В процессе автоматизированного выявления морфологической информации к слову и построения синтаксических деревьев обнаруживаются ошибки, предотвращение которых связано с большими трудностями из-за сложности естественного языка и нечёткости его структуры. Особенно это касается синтаксического анализа. Следствием попыток решения этих проблем является увеличение объёмов машинных словарей и сложности алгоритмических процедур. Текст позволяет подойти к проблеме синтаксического анализа с другой стороны — путём использования линейного расположения текстовых единиц. Будем рассматривать повторяемость не слов, не словосочетаний, а линейных последовательностей — групп слов, расположенных рядом и отделённых одно от другого только пробелами и служебными частями речи.

Рассмотрим повторяемость последовательностей на примере вышеприведённого текста. Повторяемые последовательности заключаются в угловые скобки, слова приводятся в начальной форме. Получаются последовательности <звёздный, вещество>, <тип, сверхновая>, <тёмный, материя>, <избыток, позитрон>, <частица, тёмный, материя>, <новый, открытие>. Каждая из этих последовательностей выражает словосочетание, реально существующее в данном тексте: *звёздное вещество, тип сверхновой, тёмная материя, избыток позитронов, частица тёмной материи, новое открытие*. Каждое из этих словосочетаний с синтаксической точки зрения представляет собой синтаксическое дерево, включающее 2 или 3 элемента (и, соответственно, 1 или 2 синтаксические связи). Таким образом, повторяющиеся последовательности позволяют выявить некоторые синтаксические деревья, присутствующие в тексте.

Следует обсудить вопрос о вариативности морфологических элементов, входящих в синтаксические последовательности. Не может ли одна и та же последовательность отражать разные синтаксические деревья (например, не только *избыток позитронов*, но и **избыток позитрона*, **избыток позитронами*, **избыток позитронам*)? Думается, что по крайней мере в одном и том же тексте эта вариативность практически отсутствует. Словосочетания, отмеченные звёздочками, либо лишены смысла (не может быть избыток одного позитрона), либо грамматически неправильны.

**Словосочетания, выражаемые повторяющимися в текстах
последовательностями**

Заголовок текста	Наборы повторяющихся последовательностей	Словосочетания
Физики сомневаются в существовании тёмной материи	<тёмный, материя>, <гамма, излучение, тёмный, материя>, <физический, явление>	тёмная материя, гамма-излучение тёмной материи, физическое явление
Доля тёмной материи оказалась обычным газом	<тёмный, материя>, <скопление, галактика>, <ХММ, Newton>	тёмная материя, скопление галактик, ХММ-Newton
Вселенские волокна удержали первые звёзды тёплой материей	<тёмный, материя>, <Большой, взрыв>, <ранний, звезда>, <чёрный дыра>, <тёплый, тёмный, материя>, <холодный, тёмный, материя >	тёмная материя, Большой взрыв, ранняя звезда, чёрная дыра, тёплая тёмная материя, холодная тёмная материя
Тёмная материя нагрета сильнее поверхности Солнца	<тёмный, материя>, <температура, тёмный, материя>, <частица, тёмный, материя>, <свойство, тёмный, материя>, <центр, галактика>, <наблюдение, за, галактика>, <ось, зло>, <микроволновый, фон>, <Большой, взрыв>, <частица, Wimp>	тёмная материя, температура тёмной материи, частица тёмной материи, свойства тёмной материи, центр галактики, наблюдение за галактиками, «ось зла», микроволновый фон, Большой взрыв, частица Wimp
Суперкомпьютер информирует: нас окружают тёмные невидимки	<тёмный, материя>, <скопление, тёмный, материя>, <Млечный, путь>, <гало, Млечный, путь>, <карликовый, галактика>, <гамма, телескоп>	тёмная материя, скопление тёмной материи, Млечный путь, гало Млечного пути, карликовые галактики, гамма-телескоп

Заслуживает внимания повторяющаяся последовательность <тип, сверхновая>. Она получена в результате учёта двух текстовых последовательностей — *другим типом сверхновых* и *новый тип сверхновых звёзд*. В первом из этих словосочетаний слово *сверхновая* — субстантивированное прилагательное, во втором — прилагательное. Это означает, что в тексте отражён промежуточный, переходный статус данного слова. Принятое на основе этих двух словосочетаний «алгоритмическое решение» — считать последовательность *тип сверхновых* правильным словосочетанием «существительное + существительное» представляется приемлемым и со смысловой, и с грамматической точек зрения.

Повторяющиеся последовательности, обнаруженные в других текстах, представлены в табл. 7.

Все словосочетания в третьем столбце табл. 7 терминологичны в определённом выше смысле (в составе любого из этих словосочетаний обязательно присутствует астрономический термин).

Использование данной методики выделения ЛЕ может быть востребовано при решении некоторых теоретических проблем науки о терминах, в частности проблем выделения терминов из текста и определения границ термина. Позиция, которая принята в данной работе, заключается в том, что «признак “быть термином” применительно к любой текстовой единице оказывается гипотетичным. Такое свойство текстовых единиц можно трактовать как **степень терминологичности** — градуальный признак терминологических единиц...» [Виноградов 2012а: 263—264]. Оценим степень терминологичности словосочетаний, выделенных в табл. 7.

Существует ряд критериев, согласно которым выделенные из текста слова и словосочетания можно считать терминами [Головин, Кобрин 1987: 60—70]. Эти критерии в основном носят неформальный, содержательный характер и, несомненно, относятся к культурным факторам, определяющим функционирование научного языка. Согласно этим критериям, подавляющее большинство словосочетаний из табл. 7 (более 80%) следует считать терминами (они имеют дефиниции, подчиняются логическим теоремам определения терминологичности [Головин, Кобрин 1987: 65—67]). Может вызвать сомнение принадлежность к терминам словосоче-

таний *скопление галактик, ранняя звезда, наблюдение за галактиками, скопление тёмной материи*. Слово *скопление* является употребительным, и можно сомневаться, что оно выражает специальное понятие или выделяет его признак. Понятие «скопление галактик» имеет определение: это гравитационно связанные системы галактик. Возможна классификация скоплений галактик: скопления бывают регулярными и иррегулярными [Скопление галактик]. Понятие «скопление тёмной материи» определения не имеет. Соответствующее содержание может передаваться словосочетанием *сгустки тёмной материи*. Это свидетельствует о том, что статус терминоэлемента *скопление* в составе словосочетаний неустойчив: он может входить, а может и не входить в состав составного термина. По-видимому, здесь мы имеем дело с процессом терминологизации, не доведённым до конца.

Те же рассуждения справедливы относительно общенаучного терминоэлемента *наблюдение*. Можно представить себе научный труд, посвящённый астрономическим наблюдениям, в котором есть главы о наблюдении за планетами, наблюдении за звёздами, наблюдении за галактиками и т.д. Но можно сомневаться, что наблюдение за галактиками — это сложившееся научное понятие, с устойчивыми признаками, имеющее точное определение.

Понятие «ранняя звезда» также не имеет определения. Из текста можно понять, что ранние звёзды — это звёзды, возникшие в ранний период существования Вселенной. Однако это название не связано с чёткой периодизацией. Скорее всего, терминоэлемент *ранний* также не полностью терминологизирован.

Полученные результаты отражают не только градуальный характер терминологичности, но и процесс терминологизации. Когда понятие лишь зарождается, то «может и не быть облечённым в словесную форму, а до того времени идёт процесс подыскивания экспонента для возникшего, но ещё терминологически не оформленного понятия» [Лемов 2000: 86]. Несмотря на несформировавшийся терминологический статус, эти ЛЕ, несомненно, отражают существенную часть содержания текстов. Например: *В области, где мог бы находиться диск Млечного пути, располагаются большие скопления тёмной материи. И распределение тёмной материи здесь может оказаться более сложным, чем*

мы думали... Это отрывок из текста «Суперкомпьютер информирует: нас окружают тёмные невидимки», который посвящён изучению структуры предполагаемой тёмной материи, окружающей нашу галактику. Элементами этой структуры, в частности, являются скопления тёмной материи.

Что касается грамматической структуры словосочетаний, выделенных в табл. 7, то она полностью соответствует наиболее частотным структурам терминологических словосочетаний; ср. данные из статьи [Кобрин 1979: 7]. Это позволяет говорить, что предлагаемая методика позволяет решать проблему определения границ терминов в соответствии с их грамматической структурой.

Таким образом, основное содержание научно-технического документа может быть представлено набором ЛЕ, выбранных из текста с помощью особой методики, опирающейся на представления об особой структурной организации текста. Этот набор ЛЕ следует рассматривать как разновидность интерпретации текста, моделирующей интеллектуальную деятельность по пониманию текста и её результат. Практическая ценность подобной методики заключается в её использовании в компьютерных технологиях обработки документов (автоматизированное составление терминологических аннотаций, выделение ключевых слов и тегов).

Все приведённые примеры и сделанные выводы относятся к научно-техническому тексту. Возникает вопрос: применимы ли они к текстам других стилей? Ранее было отмечено, что для научно-технического текста характерна когнитивная функция. Но эта функция реализована не только в научном стиле. Тексты других стилей и жанров могут иметь иерархически структурированное понятийное содержание. Нами были рассмотрены лексические повторы в нескольких стихотворных текстах [Виноградов 2006: 260—265]. Основным результатом этого исследования является наличие повторов, выражающих понятийное содержание некоторых стихотворений. Так, стихотворение Н. Гумилёва «Сахара», являясь отрывком из своеобразного поэтического путевого дневника, точно передаёт понятия о некоторых описываемых реалиях. Это выражается в повторах таких ЛЕ, как *верблюд*, *Средиземное море*, *песок*, *пустыня*, *солнце*. Очевидно,

лексические повторы при определенных условиях могут отражать понятийное содержание не только научных, но и поэтических произведений. С другой стороны, существуют поэтические произведения, в которых повторяющиеся ЛЕ выполняют особую роль, связанную с осуществлением поэтической функции. Согласно тезису Р.О. Якобсона, поэтическая функция проецирует принцип эквивалентности с оси селекции на ось комбинации [Якобсон 1975: 204]. В таком случае повторы лексических единиц связаны не с понятийным содержанием текста, а с сопоставлениями, противопоставлениями, параллелизмами, которые создают особую организацию поэтического текста, где на первый план выходит эстетическая (поэтическая) функция — функция создания образа.

На основе исследования внутренней организации текста, активных процессов его образования можно сформулировать перспективы дальнейших исследований. Результаты анализа подтверждают тезис Ю.М. Лотмана о том, что текст обнаруживает черты интеллектуального устройства [Лотман 1981: 7]. Моделями диалога с текстом являются интернет-технологии, в частности гипертекстовые ссылки [Виноградов 2012б: 295]. Моделью текста является страница из Интернета, для обращения к которой нужно знать код доступа и использование которой сводится к выбору её элементов. В вышеприведённых примерах код доступа носит неформальный характер (стилистическая и тематическая принадлежность текста), а выбираемыми элементами являются, например, ЛЕ текста. При этом фактически осуществляется диалог с текстом. Проблема диалога с текстом ставилась М.М. Бахтиным: «Текст живёт, только соприкасаясь с другим текстом (контекстом). Только в точке этого контакта... вспыхивает свет, освещающий и назад, и вперёд, приобщающий данный текст к диалогу. Подчеркнём, что этот контакт есть диалогический контакт между текстами (высказываниями)...» [Бахтин 2002: 424]. Ю.М. Лотман писал о том, что «взаимоотношения текста и аудитории характеризуются взаимной активностью: текст стремится уподобить аудиторию себе, навязать ей свою систему кодов, аудитория отвечает ему тем же. Текст как бы включает в себя образ своей “идеальной” аудитории, аудитория — “своего” текста» [Лотман 2000: 203]. Очевидно, в первую

очередь это касается художественных текстов и их реципиентов. Но нельзя отрицать, что и при восприятии научного текста предъявляемые к нему читателем требования, вообще говоря, могут быть разными. С другой стороны, научный текст играет активную роль по отношению к своей аудитории — формирует эту аудиторию и её представления, взгляды, идеи и другие информационные составляющие. Это взаимодействие может быть объектом исследования для лингвиста, и методики такого исследования могут быть связаны с повторами текстовых элементов и другими активными процессами.

Ещё одна перспектива исследования — изучение причин выбора текстовых единиц. Как ранее было сказано, текст возникает в проблемной ситуации, и текстовые выборы являются результатами решения некоторой проблемы и её частных подпроблем. Правомерно задать вопрос: каковы причины этих выборов? Для ответа можно обратиться к понятию ценности, под которой будем понимать идеальное образование, представляющее собой важность (значительность, значимость) предметов и явлений реальной действительности для общества и индивида и выраженное в различных проявлениях деятельности людей [Виноградов 2007: 93]. Ценность существует в форме оценок, а оценка предполагает выбор наиболее ценной альтернативы. В частности, к ценностям в научном дискурсе относятся точность и логичность речи [Виноградов 2013: 65]. При создании научных трудов языковые единицы выбираются на основе требований точности, логичности, информативной значимости и других культурных факторов, с которыми связан научный дискурс. Выбор ЛЕ, описывающих основное содержание текста, в аксиологическом плане можно трактовать как выбор ЛЕ, наиболее ценных для описания этого содержания. Оценка — процедура, которая может быть алгоритмизирована [Виноградов 2013: 65]. Методика, приведённая выше, содержит алгоритмы оценок на основе наблюдаемых коммуникативных целей и культурных факторов научного дискурса. Дальнейшее углубленное изучение формально-смысловых свойств текста позволит совершенствовать методику системы оценок, «следы» которых сохраняются в результатах коммуникативной деятельности.

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика. М., 1995.
2. Барт Р. Лингвистика текста // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1978. Вып. 8. Лингвистика текста. С. 442—449.
3. Бахтин М.М. Рабочие записи 60-х — начала 70-х годов // Бахтин М.М. Собр. соч. Т. 6. М., 2002. С. 424.
4. Бондаренко Г.В., Яровенко О.И. Использование структурных закономерностей текста при автоматической обработке информации // Научно-техническая информация. Сер. 2. 1984. № 3. С. 23—29.
5. Виноградов С.Н. Аксиологические аспекты термина // Терминология и знание: мат-лы III Международного симпозиума / отв. ред. С.Д. Шелов. М., 2013. С. 63—70.
6. Виноградов С.Н. Знаково-интерпретационный аспект термина. Саарбрюккен: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012a.
7. Виноградов С.Н. К лингвистическому пониманию ценности // Русская словесность в контексте мировой культуры: мат-лы Международ. науч. конф. РОПРЯЛ. Н. Новгород, 2007. С. 93—97.
8. Виноградов С.Н. Лексические повторы и понятийное содержание поэтического текста // Семантика. Функционирование. Текст: межвуз сб. науч. тр. Киров, 2006. С. 260—265.
9. Виноградов С.Н. Некоторые особенности лексических повторов в текстах сходной тематики // Активные процессы в современном русском языке: Сб. науч. тр., посвящённых 80-летию со дня рождения проф. В.Н. Немченко. Н. Новгород, 2008. С. 39—44.
10. Виноградов С.Н. Некоторые семиотические проблемы диалога с текстом // Вестник Нижег. ун-та им. Н.И. Лобачевского. 2012б. № 5(1). С. 292—296.
11. Виноградов С.Н. Семантическая классификация слов с использованием свойств словосочетаний // Термин и слово: межвуз. сб. Горький: Горьк. гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского, 1979. С. 104—109.
12. Виноградов С.Н. Семиотические и структурно-семантические параллели между словом и текстом // Вестник ННГУ. 2009. № 4. С. 267—270.
13. Виноградов С.Н. Термин как средство и объект описания (на материале русской лингвистической терминологии): монография. Н. Новгород, 2005.

14. Гиндин С.И. Онтологическое единство текста и виды внутритекстовой организации // Машинный перевод и прикладная лингвистика. М., 1971. Вып. 14. С. 114—135.
15. Головин Б.Н. Основы культуры речи. М., 1980.
16. Головин Б.Н., Кобрин Р.Ю. Лингвистические основы учения о терминах: учеб. пособие для филол. спец. вузов. М., 1987.
17. Каменская Е.Л. Текст и коммуникация: учеб. пособие для ин-тов и факультетов иностр. яз. М., 1990.
18. Кобрин Р.Ю. О принципах терминологической работы при создании тезаурусов для информационно-поисковых систем // Научно-техническая информация. Сер. 2. 1979. № 6. С. 1—9.
19. Лемов А.В. Система, структура и функционирование научного термина (на материале русской лингвистической терминологии). Саранск, 2000.
20. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров // Ю.М. Лотман. Семиосфера. СПб., 2000. С. 149—390.
21. Лотман Ю.М. Мозг — текст — культура — искусственный интеллект // Семиотика и информатика. М., 1981. Вып. 17. С. 3—17.
22. Михайлов М.А. Речевая номинация и выделяемость морфем. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1989.
23. Новиков А.И. Текст и его смысловые доминанты / под ред. Н.В. Васильевой, Н.М. Нестеровой, Н.П. Пешковой. М., 2007.
24. Подсчёт количества слов и символов в тексте. URL: www.docent777.ru/index/podschjot_slov_v_tekste/0-33
25. Русова Н.Ю. Использование естественно-языковых средств при разработке информационно-поискового языка // Термин и слово: межвуз. сб. Горький, 1979. С. 94—103.
26. Скопление галактик // Википедия. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Скопление_галактик
27. Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование. М., 1977.
28. Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М., 1975. С. 193—230.

Научное издание

Новые тенденции в
русском языке начала
XXI века

Коллективная монография

Под редакцией
Л.В. Рацибурской

Подписано к выпуску 25.12.2015.

Электронное издание для распространения через Интернет.

ООО «ФЛИНТА», 117342, г. Москва, ул. Бутлерова, д. 17-Б, комн. 324.

Тел./факс: (495) 334-82-65; тел. (495) 336-03-11.

E-mail: flinta@mail.ru; WebSite: www.flinta.ru